ŒUVRES D'ALEXANDRE HERZEN

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

ТОМЪ VIII

БЫЛОЕ И ДУМЫ
1847—1850
Томъ второй
Между четвертой и пятой частью
Часть пятая

GENÈVE — BALE — LYON
H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1879

Tous droits réservés.

Герцен.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

835
30

БЫЛОЕ И ДУМЫ

МЕЖДУ ЧЕТВЕРТОЙ И ПЯТОЙ ЧАСТЬЮ

Два первые тома *Былаго* и *Думъ* составляютъ такой „отрѣзанный ломоть," что мнѣ пришло въ голову между ними и слѣдующими частями поставить небольшую кладовую для стараго добра, съ которымъ по *ту* сторону *берега* нечего дѣлать; она можетъ служить въ родѣ pièces justificatives или обвинительныхъ актовъ.

Общихъ статей, въ родѣ *Писемъ объ изученіи природы*, *Дилетантизма въ наукѣ* и пр., разумѣется, въ этой книгѣ нѣтъ,* нѣтъ также и повѣстей. Я выбралъ только тѣ статьи, которыя имѣютъ какое нибудь отношеніе къ двумъ вышедшимъ томамъ *Былаго* и *Думъ*. Тутъ на первомъ планѣ *Записки одного молодаго человѣка*—какъ чертежи сравнительной анатоміи или лафатеровскіе профили — они показываютъ наглядно измѣненія, вносимыя въ физіогномію мысли и слова—двадцатью такими годами, которые я прожилъ между записками *молодаго* человѣка, набросанными въ 1838 въ Владимірѣ на

* Я сдѣлалъ исключеніе для двухъ статей. *По поводу одной драмы**) и *Капризы и раздумье*, обѣ имѣютъ тѣсное отношеніе къ личнымъ опытамъ и событіямъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на меня, на насъ.

*) См. Т. II стр. 308.

Клязмѣ и думами *пожилаго* человѣка, помѣченными въ Лондонѣ на Темзѣ.

Досадно, что у меня нѣтъ цензурныхъ пропусковъ* и всего досаднѣе, что нѣтъ цѣлой тетради между первымъ напечатаннымъ въ *От. Зап.* отрывкомъ и вторымъ. Я помню, что въ ней былъ нашъ университетскій курсъ и что тетрадь оканчивалась *соборной* поѣздкой нашей въ Архангельское князя Юсупова, описаніемъ обѣда и пира возлѣ оранжереи, который продолжался еще дни два возлѣ Прѣсненскихъ Прудовъ.

За тѣмъ я помѣстилъ нѣсколько полемическихъ статей, во всей ихъ *правдѣ и кривдѣ*, въ костюмѣ сороковыхъ годовъ и во всей тогдашней односторонности.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы боролись съ православной покорой славянофильской—и быстро текла вода съ 1848—все сдвинула она, все подмыла... многое совсѣмъ снесла. Наша религія независимости не такъ исключительна и ревнива, какъ была, и недавно еще намъ казалось издали, что великороссійская любовь къ отечеству перестала быть ненавистью къ другимъ...

25 Января 1862 г.
Orsett House, Westbourne Terrace.

* Нѣкоторыя мелочи, выпущенныя цензурою, я добавилъ на память, онѣ напечатаны курсивомъ. Въ другихъ мѣстахъ я точками означилъ пропуски.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Твое предложеніе, другъ мой, удивило меня. Нѣсколько дней я думалъ о немъ. Въ эту грустную, томную, безцвѣтную эпоху жизни; въ этотъ болѣзненный переломъ, который еще богъ-вѣсть чѣмъ кончится, „писать мои воспоминанія.“ Мысль эта сначала испугала меня; но когда мало по малу образы давно-прошедшіе наполнили душу, окружили радостной вереницей,—мнѣ жаль стало разстаться съ ними, — и я рѣшился писать, для того, чтобъ остановить, удержать воспоминанія, пожить съ ними подольше; мнѣ такъ хорошо было подъ ихъ вліяніемъ, такъ привольно... Сверхъ того, думалось мнѣ, пока я буду писать, подольется вешняя вода и смоетъ съ мели мою барку.

А странно! Съ начала юности искалъ я дѣятельности, жизни полной; шумъ житейскій манилъ меня; но едва я началъ жить, какая-то bufera infernale завертѣла меня, бросила далеко отъ людей, очертила кругъ дѣятельности карманнымъ циркулемъ, велѣла сложить руки. Мнѣ пришлось въ молодости испытать отраду стариковъ: перебирать былое и, вмѣсто того, чтобъ жить въ самомъ дѣлѣ — записывать прожитое. Дѣлать нечего! я вздохнувши принялся за перо; но едва написалъ страницу, какъ мнѣ стало легче; тягость настоящаго дѣлалась менѣе чувствительна; моя веселость возвращалась; я оживалъ самъ съ прошедшимъ: разстояніе между нами исчезало. Моя работа стала мнѣ нравиться, я увлекался ею и, какъ комаръ Крылова, „изъ Ахиллеса сталъ Омиромъ“; и почему-же нѣтъ, когда я прожилъ свою Иліаду?..... Цѣлая часть жизни

окончена; я вступилъ въ новую область; тутъ другіе нравы, другіе люди: почему-же не остановиться, перейдя межу, пока пройденное еще ясно видно? почему не проститься съ нимъ по-братски, когда оно того стоитъ? Каждый день насъ отдаляетъ другъ отъ друга, а возвращенія нѣтъ. Моя тетрадка будетъ надгробнымъ памятникомъ доли жизни, канувшей въ вѣчность. Въ ней будетъ записано, сколько я схоронилъ себя. Но скучна будетъ Илліада человѣка обыкновеннаго, ничего несовершившаго, и жизнь наша течетъ теперь по такому прозаическому, гладко-скошенному полю, такъ исполнена благоразумія и осторожности, etc. etc. — Я не вѣрю этому; нѣтъ, жизнь столько же разнообразна, ярка, исполнена поэзіи, страстей, коллизій, какъ житье-бытье рыцарей въ среднихъ вѣкахъ, какъ житье-бытье Римлянъ и Грековъ. Да и о какихъ совершеніяхъ идетъ рѣчь? Кто жилъ умомъ и сердцемъ, кто провелъ знойную юность, кто человѣчески страдалъ съ каждымъ страданьемъ и сочувствовалъ каждому восторгу, кто можетъ указать на *нее* и сказать: „вотъ моя подруга," на *него* и сказать: „вотъ мой другъ;" тотъ *совершилъ кое-что.* „Каждый человѣкъ," говоритъ Гейне, „есть вселенная, которая съ нимъ родилась и съ нимъ умираетъ; подъ каждымъ надгробнымъ камнемъ погребена цѣлая всемірная исторія" — и исторія каждаго существованія имѣетъ свой интересъ; это понимали Шекспиръ, Вальтеръ-Скоттъ, Теньеръ, вся фламандская школа: интересъ этотъ состоитъ въ зрѣлищѣ развитія духа подъ вліяніемъ времени, обстоятельствъ, случайностей, растягивающихъ, укорачивающихъ его нормальное, общее направленіе.

Какая-то тайная сила заставила меня жить; тутъ моего мало: для меня избрано время, въ немъ мое владѣніе; у меня нѣтъ на землѣ прошедшаго, ни будущаго не будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Откуда это тѣло, крѣпости котораго удивлялся Гамлетъ, я не знаю.

Но жизнь — мое естественное право; я распоряжаюсь хозяиномъ въ ней, вдвигаю свое „я“ во все окружающее, борюсь съ нимъ, раскрываю свою душу всему, всасываю ею весь міръ, переплавляю его какъ въ горнилѣ, сознаю связь съ человѣчествомъ, съ безконечностью — и будто *исторія* этого выработыванія отъ ребяческой непосредственности, отъ этого покойнаго сна на лонѣ матери, до сознанія, до требованія участія во всемъ человѣческомъ, до самобытной жизни — лишена интереса. Не можетъ быть!

Но довольно,

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten,
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt;
Versuch ich wohl euch diesmal festzuhalten?

Съ восхищеньемъ переживу я еще мои 25 лѣтъ, сдѣлаюсь опять ребенкомъ съ голой шеей, сяду за азбуку, потомъ встрѣчусь *съ нимъ* тамъ, на Воробьевыхъ горахъ, и упьюсь еще разъ всѣмъ блаженствомъ первой дружбы; и тебя вспомню я „старый домъ.“*)

Въ этой комнаткѣ счастье былое
Дружба родилась и выросла тамъ,
А теперь запустѣнье глухое
Паутины висятъ по угламъ.

Потомъ и вы, товарищи аудиторіи, окружите меня, и съ тобою, мой ангелъ, встрѣчусь я на кладбищѣ.....

О, съ какимъ восторгомъ встрѣчу я каждое воспоминаніе... Выходите-жъ изъ гроба. Я каждое прижму къ сердцу и съ любовью положу опять въ гробъ...

Владиміръ на Клязьмѣ
Весной 1838.

* Огаревъ *Старый домъ* написалъ въ 1840 году. Стихи эти прибавилъ *я*, отдавая Бѣлинскому статью въ концѣ сорокового года.

ЗАПИСКИ ОДНОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВѢКА

(Напечатаны въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ послѣдней книжкѣ 1840 и первой 1841)

I.

РЕБЯЧЕСТВО.

Das Hœchste was wir von Gott und der Natur erhalten haben ist das Leben. . .
Goethe.

До пяти лѣтъ я ничего ясно не помню, ничего въ связи... голубой полъ въ комнаткѣ, гдѣ я жилъ; большой садъ и въ немъ множество воронъ. Идучи въ садъ, надобно было проходить сарай; тутъ обыкновенно сидѣлъ кучеръ Мосей съ огромной бородой, который ласкалъ меня и на котораго я смотрѣлъ съ какимъ-то подобострастіемъ; съ нимъ, кажется, ни за какія блага въ мірѣ я не рѣшился бы остаться на единѣ. Тогда при мнѣ уже была M-me Proveau, которая водила меня за руку по лѣстницѣ, занималась моимъ воспитаніемъ и сверхъ того, по дружбѣ, въ свободные часы, присматривала за хозяйствомъ. Еще года два-три наполнены смутными, неясными воспоминаніями; потомъ мало по малу образы яснѣютъ, какъ деревья и горы, изъ-за тумана вырѣзываются мелкія подробности дѣтства и крупныя событія, о которыхъ всѣ говорили и которыя дошли даже до меня. Помню смерть Наполеона. Радо-

вались, что Богъ прибралъ это чудовище, о которомъ было предсказано въ апокалипсисѣ, проницательные не вѣрили его смерти; болѣе-проницательные увѣряли, что онъ въ Греціи. Всѣхъ больше радовалась одна богомольная старушка, скитавшаяся изъ дома въ домъ по бѣдности, и не работавшая по *благородству* — она не могла простить Наполеону пожаръ въ Звенигородѣ, при которомъ сгорѣли двѣ коровы ея, связанныя съ нею нѣжнѣйшей дружбой. Разсказами о пожарѣ Москвы меня убаюкивали; сверхъ того у меня были карты, гдѣ на каждую букву находилась карикатура на Наполеона съ острыми двустишіями, напримѣръ:

Широкъ французъ въ плечахъ, ничто его нейметъ,
Авось-либо моя нагайка зашибетъ.

и съ еще-болѣе острыми изображеніями, напр. Наполеонъ ѣдетъ на свиньѣ, и проч. Мудрено-ли, что и я радовался смерти его? — Помню умерщвленіе Коцебу. За что Зандъ убилъ его, я никакъ не могъ понять, но очень помню, что племянникъ M-me Proveau, гезель въ аптекѣ на Моросейкѣ, отъ котораго всегда пахло ребарбаромъ съ розовымъ масломъ, человѣкъ отчаянный и ученый, приносилъ картинку, на которой былъ представленъ юноша съ длинными волосами и разсказывалъ, что онъ убилъ почтеннаго старика, что юношѣ отрубили голову, *и я очень жалѣлъ, разумѣется, юношу.*

Я былъ совершенно одинъ; игрушки стали скоро мнѣ надоѣдать, а ихъ у меня было много: чего-чего не дарилъ мнѣ дядюшка! И кухню, въ которой готовился недѣли три обѣдъ, готовился бы и до сего дня и часа, ежели-бъ я не отклеилъ задней стѣны, чтобъ подсмотрѣть секретъ,—и избу, покрытую мохомъ, въ которой обиталъ купидонъ, весь въ фольгѣ, и lanterne magique, занимавшій меня всего болѣе... вотъ является на стѣнѣ

яркое пятно и больше ничего; надумаешься тутъ—что то явится въ этихъ лучахъ славы и вогнутаго стекла... вдругъ выступаетъ слонъ, увеличивается, уменьшается, точно живой; иной разъ пройдетъ вверхъ ногами, чего живому слону и не сдѣлать; потомъ Давидъ и Голіаѳъ дерутся и двигаются оба вмѣстѣ; потомъ арапъ, черный какъ моська Карла Ивановича, камердинера дядюшки (и она уже умерла, бѣдная Крапка!). Весело было смотрѣть на такое общество и вверхъ головою и вверхъ ногами. Но не доставало важнаго пополненія: некому было мнѣ показать его, и потому я часто покидалъ игрушки и просилъ Лизавету Ивановну что-нибудь разсказать, смиренно садился на скамеечку и часы цѣлые слушалъ ее съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Молчаливость не принадлежала къ числу добродѣтелей M-me Proveau: она не заставляла повторять просьбу и, продолжая вязать свой чулокъ, начинала разсказъ. Вязала она безпрестанно. Я полагаю, еслибы сшить вмѣстѣ все связанное ею въ 58 лѣтъ, то вышла бы фуфайка, ежели не шару земному, то лунѣ (ей же и нужнѣе для ночныхъ прогулокъ). Дай богъ ей царство небесное! недолго пережила она Наполеона и умерла такъ-же далеко отъ своей родины, какъ онъ — только въ другую сторону. Но что-же она мнѣ разсказывала? Во-первыхъ—это была ея любимая тема—какъ покойный мужъ ея былъ какимъ-то метр-д'отелемъ въ масонской ложѣ; какъ она разъ зашла туда: все обтянуто чернымъ сукномъ, а на столѣ лежитъ черепъ на двухъ шпагахъ... я дрожалъ какъ осиновый листъ, слушая ее. На стѣнахъ висятъ портреты, и ежели кто измѣнитъ, стрѣляютъ въ портретъ, а оригиналъ падаетъ мертвый, хотя-бы онъ былъ за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ. Потомъ разсказывала она интересные от-

рывки изъ исторіи французской революціи: какъ опять таки покойный сожитель ея чуть не попалъ на фонарь; какъ кровь текла по улицамъ, какіе ужасы дѣлалъ *Робеспьеръ*,--и отрывки изъ собственной своей исторіи: какъ она жила при дѣтяхъ у одного помѣщика въ тверской губерніи, который увѣрилъ ее, что у него по саду ходятъ медвѣди. „Ну, вотъ, я и пошла разъ уфъ садъ; клешу, клешу, идетъ медвѣдь престрашучій: я только ахъ! и въ обморокъ — а почтенный сожитель чуть не выстрѣлилъ въ медвѣдя; кажется, за тѣмъ дѣло стало, что съ нимъ не было ружья; а медвѣдь былъ камердинеръ барина, который велѣлъ ему надѣть шубу шерстью вверхъ.“ Господи, какъ нравились мнѣ разсказы эти... я ихъ послѣ искалъ въ „Тысячѣ-Одной Ночи“—и не нашелъ.

Въ русской грамотѣ мы оба тогда были недалеки: съ-тѣхъ-поръ я выучился по толкамъ, а Лизавета Ивановна умерла и можетъ доучиваться изъ первыхъ рукъ у Кирилла и Меѳодія.

Однако горестное время ученія подступило. Разъ вечеромъ, батюшка говорилъ съ дядюшкой, не отдать ли меня въ пансіонъ. Фу!.. услышавъ это ужасное слово, я чуть не умеръ отъ страха, выбѣжалъ въ дѣвичью и горько заплакалъ: ночью просыпался — осматривался, не въ пансіонѣ-ли я, и старался увѣрить себя, что страшное слово только приснилось. Впрочемъ батюшка рѣшился воспитывать меня дома. И воспитанье мое началось какъ разумѣется, съ французской грамоты. М-г Bouchot — первое лицо, являющееся возлѣ Лизаветы Ивановны въ дѣлѣ моего воспитанія; вслѣдъ за нимъ выступаетъ Карлъ Карловичъ.*) М-г Bouchot былъ фран-

*) *Иванъ Ивановичъ Экъ*. Онъ давалъ долго уроки моему брату, но на меня имѣлъ очень мало вліянія. Портретъ его вѣренъ.

цузъ изъ Меца, а Карлъ Карловичъ нѣмецъ изъ Сарепты и училъ музыкѣ. Параллель этихъ людей не безъ занимательности. Мужчина высокаго роста, совершенно плѣшивый, кромѣ двухъ трехъ пасмъ волосъ безконечной длины на вискахъ, вѣчно въ синемъ фракѣ толстаго сукна, на стаметовой подкладкѣ — таковъ былъ M-r Bouchot; важность отпечатлѣвалась не только въ каждомъ поступкѣ его, но въ каждомъ движеніи (онъ кланялся ногами, улыбался одной нижней губой); голова у него ни разу не гнулась съ тѣхъ поръ, какъ перестали его пеленать, а это было очень давно, лѣтъ полтораста тому назадъ. Ко всему этому надобно прибавить французскую физіономію конца прошлаго вѣка, съ огромнымъ носомъ, нависшими бровями—одну изъ тѣхъ физіономій, которыя можно видѣть на хорошихъ гравюрахъ, представляющихъ народныя сцены временъ федераціи. Я боялся Бушо, особенно сначала. Карлъ Карловичъ былъ тоже высокъ, но такъ тонокъ и гибокъ, что походилъ на развернутый англійской футъ, который на каждомъ дюймѣ гнется въ обѣ стороны; фракъ у него былъ сѣренькій, съ перламутовыми пуговицами; панталоны черные, какой-то непонятной допотопной матеріи: они смиренно прятались въ сапоги à la Souvaroff, съ кисточками, и ихъ онъ выписывалъ изъ Сарепты; онъ свободно бралъ своими сухими, едва обтянутыми сморщившейся кожицей пальцами около двухъ октавъ на фортепьяно. Имѣя такой рѣшительный талантъ, мудрено-ли, что Карлъ Карловичъ посвятилъ себя мусикійскому игранію? Карлъ Карловичъ провелъ свою жизнь въ чистѣйшей нравственности; это было одно изъ тѣхъ тихихъ, кроткихъ нѣмецкихъ существъ, исполненныхъ простоты сердечной, кротости и смиренія, которыя, неузнанныя никѣмъ, но счастливыя въ

своемъ маленькомъ кружочкѣ, живутъ, любятъ другъ друга, играютъ на фортепьяно и умираютъ тихо, кротко, какъ жили. Онъ былъ женатъ въ незапамятныя времена; я пилъ малагу на золотой свадьбѣ его, и право, старичекъ и старушка любили другъ друга, какъ въ медовый мѣсяцъ.

Изъ сказаннаго можно себѣ составить понятіе о Карлѣ Карловичѣ: это лицо изъ легендъ реформаціи, изъ времени пуританизма во всей чистотѣ его. И Бушо былъ человѣкъ добрый, такъ точно, какъ лошадь — звѣрь добрый, по инстинкту, и къ нему однако, какъ къ лошади, не всякій рѣшился бы подойти, ближе размѣра ноги и копытъ. Онъ уѣхалъ изъ Парижа въ самый разгаръ революціи, и, припоминая теперь его слова и лицо, я воображаю, что citoyen Bouchot не былъ лишнимъ или праздным ни при взятіи Бастиліи, ни 10 Августа; онъ обо всемъ говорилъ съ пренебреженіемъ, кромѣ Меца и тамошней соборной церкви; о революціи онъ почти никогда не говорилъ, но какъ-то грозно улыбаясь молчалъ о ней. Холостой, серьезный, важный, онъ со мной не тратилъ словъ, спрягалъ глаголы, диктовалъ изъ les Incas de Marmontel, разстанавливалъ accent grave и aigu, отмѣчалъ на полѣ сколько ошибокъ, бранился и уходилъ, опираясь на огромную сучковатую палку; *его никто никогда не билъ.**)

Не смотря на занимательность педагоговъ, я скучалъ;

*) Это окончаніе искажено цензурой. Я заключалъ очеркъ характеристическимъ анекдотомъ. И. И. Экъ молодымъ человѣкомъ былъ сидѣльцемъ въ сарептской лавкѣ въ Москвѣ. Какой-то изъ дикихъ вельможъ того времени разгнѣвался на него и ударилъ его въ щеку. Экъ — кротко и спокойно—подставилъ другую. Дикой посмотрѣлъ на него—и вдругъ бросился ему на шею, прося прощенія. Съ тѣхъ поръ онъ былъ съ нимъ пріятелемъ до конца жизни. Почему цензура выпустила это?

мнѣ некуда было дѣть мою дѣятельность, охоту играть, потребность раздѣлить впечатлѣнія и игры съ другими дѣтьми. Одинъ товарищъ, одна подруга была у меня— Берта, полу-шарлотъ и полу-испанская собака батюшки. Много дѣлилъ я съ нею времени, запрягалъ ее, бывало, ѣздилъ на ней верхомъ, дразнилъ ее, а въ зимніе дни сидѣлъ съ нею у печки: я пою пѣсни, а она спитъ—и время идетъ незамѣтно. Тогда она была ужъ очень стара, а все еще кокетничала и носила длинныя уши съ мохнатой коричневой шерстью. Не я одинъ любилъ Берту: лакей нашъ Яковъ Игнатьевичъ не могъ пережить ея, просто умеръ съ горя и съ вина, черезъ недѣлю послѣ ея смерти. Кромѣ Берты, былъ у меня еще ресурсъ: дѣти повара, никогда неутиравшіе носъ и вѣчно валявшіеся гдѣ-нибудь въ дряни на дворѣ. Но съ ними играть было мнѣ строго запрещено, и я, побѣждая разныя опасности, могъ едва на нѣсколько минутъ ускользнуть на дворъ, чтобъ порубить съ ними ледъ около кухни зимою, или замараться въ грязи лѣтомъ. Сверхъ того, я и играть почти не умѣлъ съ другими: малѣйшая оппозиція меня бѣсила, отъ-того что игрушки не перечили ни въ чемъ; а дѣти вообще большіе демократы и не терпятъ товарища, который беретъ верхъ надъ ними.

Между тѣмъ, важныя обстоятельства совершились. Лизавета Ивановна занемогла. Домовый лекарь сказалъ, что это легкая простуда, затопилъ ей внутренность ромашкой, залѣпилъ болѣзнь мушкой и очень удивился, заставъ однимъ добрымъ утромъ свою выздоравливающую на столѣ. Да, она умерла; Карлъ Карловичъ былъ ея душеприкащикомъ и тогда поссорился съ племянникомъ Лизаветы Ивановны, каретникомъ Шмальцгофомъ, у котораго носъ былъ красно-фіолетовый. Какъ теперь

помню ея похороны: я провожалъ тѣло старухи на католическое кладбище, и плакалъ.

Въ жизни моей много перемѣнилось: кончились разсказы Лизаветы Ивановны, кончилось патріархальное царствованіе ея надо мною; кончилась непомѣрная благость, съ которой она вступалась за обиды, нанесенныя мнѣ. Словомъ, весь прежній бытъ ниспровергнулся; во время Лизаветы Ивановны ходила за мною няня, столько-же добрая какъ она, Вѣра Артамоновна. какъ двѣ капли воды похожая на индѣйку въ косынкѣ —такая-же шея въ складочкахъ и морщинахъ, тотъ-же видъ ingénu. Теперь приставили ко мнѣ камердинера Ванюшку, которому я обязанъ первыми основаніями искусства курить табакъ (завертывая его въ мокрую бумажку, свернутую трубочкой*) и богатой фразеологіей, въ которой хозяиномъ раскинулся русскій духъ. Время, въ которое ребенка передаютъ съ женскихъ рукъ въ мужскія—эпоха, переломъ; съ мальчикомъ это бываетъ лѣтъ въ семь, восемь; съ дѣвочкой лѣтъ въ семнадцать, восьмнадцать.

Ребячество оканчивалось преждевременно; я бросилъ игрушки и принялся читать. Такъ иногда въ теплые дни Февраля наливаются почки на деревьяхъ, подвергаясь ежедневно опасности погибнуть отъ мороза и лишить дерево лучшихъ соковъ. За книги принялся я скуки ради — само собою разумѣется не за учебныя. Развившаяся охота къ чтенію выучила меня очень скоро по-французски и по-нѣмецки, и съ тѣмъ вмѣстѣ послужила вѣчнымъ препятствіемъ доучиться. Первая книга, которую я прочелъ con amore, была „Лолотта и Фанфанъ,“ вторая „Алексисъ или домикъ въ лѣсу.“ Съ легкой ручки мамзель Лолотты, я пустился читать

*) Тогда не знали сигаретокъ.

безъ выбора, безъ устали, понимая, не понимая, старое и новое, трагедіи Сумарокова, „Россіаду,“ „Россійскій Θеатръ“ etc. etc. И повторяю, это неумѣренное чтеніе было важнымъ препятствіемъ ученію. Покидая какой-нибудь томъ „Дѣтей Аббатства“ и весь занятый лордомъ Мортимеромъ, могъ-ли я съ охотой заниматься грамматикой и спрягать глаголъ aimer съ его адъютантами être и avoir, послѣ того какъ я зналъ, какъ спрягается онъ жизнію и въ жизни. Къ тому-же романы я понималъ, а грамматику нѣтъ; то, что теперь кажется такъ ясно текущимъ изъ здраваго смысла, тогда представлялось какими-то путами, нарочно выдуманными затрудненіями. Бушо не любилъ меня и съ сквернымъ мнѣніемъ обо мнѣ уѣхалъ въ Мецъ. Досадно! когда поѣду во Францію, заверну къ старику. Чѣмъ-же мнѣ убѣдить его? Онъ измѣряетъ человѣка знаніемъ французской грамматики и то не какой-нибудь, а именно восьмымъ изданіемъ ломондовой — а я только не дѣлаю ошибокъ на санскритскомъ языкѣ, и то потому, что не знаю его вовсе. Чѣмъ-же? Есть у меня доказательство—ну ужъ, это мой секретъ, а старикъ сдастся, какъ-бы только онъ не поторопился на тотъ свѣтъ; — впрочемъ, я и туда поѣду: мнѣ очень хочется путешествовать.

Перечитавъ всѣ книги, найденныя мною въ сундукѣ, стоявшемъ въ кладовой, я сталъ промышлять другія, и провизоръ на Моросейкѣ, приносившій когда-то Зандовъ портретъ и всегда запахъ ребарбара съ розой, прислалъ мнѣ засаленные и ощипанные томы Лафонтена; томы эти совершенно свели меня съ ума. Я началъ съ романа Der Sonderling и пошелъ, и пошелъ!.. Романы поглотили все мое вниманіе: читая, я забывалъ себя въ камлотовой курточкѣ, и переселялся послѣдо-

вательно въ молодого Бургарда, Алкивіада, Ринальдо-Ринальдини и т. д. Но какъ мое умственное обжорство не знало мѣры, то вскорѣ не достало въ фармаціи на Маросейкѣ романовъ, и я началъ отъискивать вездѣ всякую дрянь, между прочимъ отрылъ и „Письмовникъ Курганова“ —этотъ блестящій предшественникъ, нравственно-сатирической школы въ нашей литературѣ. Богатымъ запасомъ истинъ и анекдотовъ украсилъ Курганов мою память; даже до сихъ поръ не забыты нѣкоторые, напр.: „Нѣкій польскій шляхтичъ вѣтрогоннаго нрава, желая оконфузить одного ученаго, спросилъ его, что значитъ оболъ, параболъ, фариболъ? Сей отвѣчалъ ему“ и т. д... Можете въ самомъ источникѣ почерпнуть острый отвѣтъ.

Полезныя занятія Кургановымъ и Лафонтеномъ были вскорѣ прерваны новымъ лицомъ. Къ человѣку французской грамоты присоединился человѣкъ русской грамматики, Василій Евдокимовичъ Пациферскій,*) студентъ медицины. Господи боже мой, какъ онъ, бывало, стучитъ дверью, когда прійдетъ, какъ снимаетъ калоши, какъ топаетъ. Волосы носилъ онъ ужасно длинные и никогда не чесалъ ихъ по выходѣ изъ рязанской эпархіальной семинаріи; на иностранныхъ словахъ ставилъ онъ дикія ударенія школы, а французскія щедро снабжалъ греческой л и русскимъ ъ на концѣ. Но благодарность студенту медицины: у него была теплая человѣческая душа, и съ нимъ съ первымъ сталъ я заниматься, хотя и не съ самаго начала.

Пока дѣло шло о грамматикѣ, которая шла въ корню, и о географіи и ариѳметикѣ, которыя бѣжали на при-

*) Иванъ Евдокимовичъ Протопоповъ, онъ былъ впослѣдствіи штабъ-лекаремъ въ какомъ-то карабинерномъ полку; носились слухи, что онъ былъ убитъ во время старорусскаго бунта.

стяжкѣ, Пациферскій находилъ во мнѣ упорную лѣнь и разсѣянность, приводившую въ удивленіе самаго Бушо, не удивлявшагося ничему (какъ было сказано), кромѣ соборной церкви въ Мецѣ. Онъ не зналъ, что дѣлать, не принадлежа къ числу записныхъ учителей, готовыхъ за билетъ часъ цѣлый толковать свою науку каменной стѣнѣ. Василій Евдокимовичъ краснѣя бралъ деньги и нѣсколько разъ хотѣлъ бросить уроки. Наконецъ онъ перемѣнилъ одну пристяжную и, наскоро прочитавши въ Геймѣ, изданномъ Титомъ Каменецкимъ, о ненужной и только для баланса выдуманной части свѣта Австраліи, принялся за исторію, и вмѣсто того, чтобъ задавать въ Шреккѣ *до отмѣтки ногтемъ*, онъ мнѣ разсказывалъ, что помнилъ и какъ помнилъ; я долженъ былъ на другой день ему повторять *своими* словами и я исторіей началъ заниматься съ величайшимъ прилежаніемъ. Пациферскій удивился и, утомленный моею лѣнью въ грамматикѣ, онъ поступилъ какъ настоящій студентъ, положилъ ее къ сторонѣ, и, вмѣсто того, чтобъ мучить меня мѣстничествомъ между *е* и *ѣ*, онъ принялся за *словесность*. Повторяю, у него душа была человѣческая, сочувствовавшая изящному — и лѣнивый ученикъ, занимавшійся во время класса вырѣзываніемъ іероглифовъ на столѣ, быстро усвоивалъ себѣ школьно-романтическія воззрѣнія будущаго медико-хирурга. Уроки Пациферскаго много способствовали къ раннему развитію моихъ способностей. Въ двѣнадцать лѣтъ я помню себя совершеннымъ ребенкомъ, не смотря на чтеніе романовъ; черезъ годъ я уже любилъ заниматься, и мысль пробудилась въ душѣ, жившей дотолѣ однимъ дѣтскимъ воображеніемъ.

Но въ чемъ-же состояло преподаваніе словесности Василія Евдокимовича, — мудрено сказать; это было

АКАДЕМ

какое-то отрицательное преподаваніе. Принимаясь за реторику, Василій Евдокимовичъ объявилъ мнѣ, что она пустѣйшая вѣтвь изъ всѣхъ вѣтвей и сучковъ древа познанія добра и зла, вовсе ненужная, „кому богъ не далъ способности красно говорить, того ни Квинтиліанъ, ни Цицеронъ не научатъ, а кому далъ, тотъ родился съ реторикой.“ Послѣ такого введенія, онъ началъ по порядку толковать о фигурахъ, метафорахъ, хріяхъ. Потомъ онъ мнѣ предписалъ diurna manu nocturnaque переворачивать листы *Образцовыхъ Сочиненій*, гигантской христоматіи, томовъ въ двѣнадцать, и прибавилъ, для поощренія, что десять строкъ „Кавказскаго Плѣнника,“ лучше всѣхъ образцовыхъ сочиненій Муравьева, Капниста и компаніи. Не смотря на всю забавность отрицательнаго преподаванія, — въ совокупности всего, что говорилъ Василій Евдокимовичъ, проглядывалъ живой, широкій современный взглядъ на литературу, который я умѣлъ усвоить и, какъ обыкновенно дѣлаютъ послѣдователи, возвелъ въ квадратъ и въ кубъ всѣ односторонности учителя. Прежде я читалъ съ одинакимъ удовольствіемъ все, что попадалось: трагедіи Сумарокова, сквернѣйшіе переводы восьмидесятыхъ годовъ разныхъ комедій и романовъ; теперь я сталъ выбирать, цѣнить. Пациферскій былъ въ восторгѣ отъ новой литературы нашей, и я, бравши книгу, справлялся тотчасъ, въ которомъ году печатана и бросалъ ее, ежели она была печатана больше пяти лѣтъ тому назадъ, хотя-бы имя Державина или Карамзина предохраняло ее отъ такой дерзости. За то поклоненіе юной литературѣ сдѣлалось безусловно, — да она и могла увлечь именно въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь. Великій Пушкинъ явился царемъ-властителемъ литературнаго движенія; каждая строка его ле-

тала изъ рукъ въ руки; печатные экземпляры „не удовлетворяли," списки ходили по рукамъ. „*Горе отъ Ума*" надѣлало болѣе шума въ Москвѣ, нежели всѣ книги, писанныя по русски отъ „Путешествія Коробейникова къ Святымъ Мѣстамъ" до „Плодовъ чувствованій" князя Шаликова. „Телеграфъ" начиналъ энергически свое поприще и неполными, угловатыми знаками своими быстро передавалъ европеизмъ; альманахи съ прекрасными стихами, поэмы сыпались со всѣхъ сторонъ; Жуковскій переводилъ Шиллера, Козловъ Байрона, и во всемъ, у всѣхъ была бездна надеждъ, упованій, вѣрованій горячихъ и сердечныхъ. Что за восторгъ что за восхищеніе, когда я сталъ читать только-что вышедшую первую главу „Онѣгина!" Я ее мѣсяца два носилъ въ карманѣ, вытвердилъ на память. Потомъ, года черезъ полтора я услышалъ, что Пушкинъ въ Москвѣ. О боже мой, какъ пламенно я желалъ увидѣть поэта! казалось, что я выросту, поумнѣю, поглядѣвши на него. И я увидѣлъ наконецъ, и всѣ показывали съ восхищеніемъ говоря: „вотъ *онъ*, вотъ *онъ*." *) . . .

Чацкій.

Вы помните?

Софья.

Ребячество?

Чацкій.

Да-съ, а теперь.....

Нѣтъ, лучше промолчимъ, потому что Софья Павловна Фамусова совсѣмъ не паралельно развивалась съ нашей литературой...

Бушо уѣхалъ въ Мецъ; его замѣнилъ Мг-Маршаль. Маршаль былъ человѣкъ большой учености (въ французскомъ смыслѣ), нравственный, тихій, кроткій; онъ

*) Ценсурный пропускъ.

оставилъ во мнѣ память яснаго лѣтняго вечера безъ малѣйшаго облака. Маршаль принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые отъ роду не имѣли знойныхъ страстей, которыхъ характеръ свѣтелъ, ровенъ, которымъ дано на столько любви, чтобъ они были счастливы, но не на столько, чтобъ она сожгла ихъ. Всѣ люди такого рода классики par droit de naissance; его прекрасныя познанія въ древнихъ литературахъ дѣлали его сверхъ-того классикомъ par droit de conquête. Откровенный почитатель изящной, ваятельной формы греческой поэзіи и вываянной изъ нея поэзіи вѣка Людовика XIV, онъ не зналъ и не чувствовалъ потребности знать глубоко-духовное искуство Германіи. Онъ вѣрилъ, что послѣ трагедій Распна нельзя читать варварскія драмы Шекспира, хотя въ нихъ и проблескиваетъ талантъ; вѣрилъ, что вдохновеніе поэта можетъ только выливаться въ глиняныя формы Батё и Лагарпа; вѣрилъ, что бездушная поэма Буало есть Corpus juris poëticis; вѣрилъ, что лучше Цицерона никто не писалъ прозой; вѣрилъ, что драмѣ такъ-же необходимы три единства, какъ жиду одно обрѣзанье. При всемъ этомъ, ни въ одномъ словѣ Маршаля не было пошлости. Онъ сталъ со мною читать Распна въ то самое время, какъ я попался въ руки шиллеровымъ „Разбойникамъ“; ватага Карла Моора увела меня надолго въ богемскіе лѣса романтизма. Василій Евдокимовичъ неумолимо помогалъ разбойникамъ, и китайскіе башмаки лагарповскаго воззрѣнія рвались по швамъ и по кожѣ.

Изъ сказаннаго уже видно, что все ученье было безсистемно; отъ-того я выучился очень немногому и, вмѣсто стройнаго цѣлаго, въ головѣ моей образовалась безпорядочная масса разныхъ свѣдѣній, общихъ мѣстъ, переплетенныхъ фантазіями и мечтами. Наука за то

для меня не была мертвой буквой, а живою частью моего бытія; но это увидимъ послѣ. Ко времени, о которомъ рѣчь, относится самая занимательная статья моего дѣтства. Міръ книжный не удовлетворялъ меня; распускавшаяся душа требовала живой симпатіи, ласки, товарища, любви, а не книгу, — и я вызвалъ наконецъ себѣ симпатію, и еще изъ чистой груди дѣвушки.

Jetzt mit des Zuckers
Linderndem Saft
Zaehmet die herbe, brennende Kraft.
Schiller.

Еще въ тѣ времена, когда были живы М-me Прово и М-me Берта, Бушо не уѣзжалъ въ Мецъ, а Карлъ Карловичъ не улеталъ въ рай съ звуками органа, гостила у насъ иногда родственница, пріѣзжавшая изъ владимірской губерніи; сначала она была маленькая дѣвушка, потомъ дѣвушка по больше. Пріѣзжала она изъ Меленокъ всегда въ сопровожденіи своей тетки, разительно похожей на принцессу ангулемскую и на брабантскіе кружева; эта тетка имѣла пріятное обыкновеніе ежегодно класть деньги въ ломбардъ. У меленковской родственницы была душа добрая, мечтательная; дѣвицы вообще несравненно экспансивнѣе нашего брата, въ нихъ есть теплота всегда грѣющая, есть симпатія всегда готовая любить; у нихъ рѣдко чувства подавлены эгоизмомъ и нѣтъ мужскаго, разсчетливаго ума. Она въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ приголубила меня, приласкала; ей стало жаль, что я такъ одинокъ, такъ безъ привѣта; она со мною, три-

надцати-лѣтнимъ мальчикомъ, стала обходиться какъ съ большимъ; я полюбилъ ее отъ всей души за это; я подалъ ей съ горячностью мою маленькую руку, поклялся въ дружбѣ, въ любви, и теперь, черезъ 13 другихъ лѣтъ, готовъ снова протянуть руку, — а сколько обстоятельствъ, людей, верстъ протѣснилось между нами!.. Свѣтлымъ призракомъ прилетала она съ береговъ Клязьмы и надолго исчезала потомъ; тогда я писалъ всякую недѣлю эпистолы въ Меленки и въ этихъ эпистолахъ сохранились всѣ тогдашнія мечты и вѣрованія. Она въ долгу не оставалась, отвѣчала на каждое письмо и расточала съ чрезвычайной щедростью существительныя и прилагательныя для описанія меленковскихъ окрестностей, своей комнаты съ зелеными сторочками и съ лиловыми левкойчиками на окнахъ. Но я мало довольствовался письмами и ждалъ съ нетерпѣніемъ ея самой; рѣшено было, что она пріѣдетъ къ намъ на цѣлые полгода; я разсчитывалъ по пальцамъ дни... И вотъ, однимъ зимнимъ вечеромъ сижу я съ Васильемъ Евдокимовичемъ; онъ толкуетъ *о четырехъ родахъ* поэзіи и запиваетъ квасомъ каждый родъ. Вдругъ шумъ, поцалуи, громкій разговоръ радости, ея голосъ... Я отворилъ дверь: по залѣ таскаютъ узелки и картончики; щеки вспыхнули у меня отъ радости, я не слушалъ больше, что Иванъ Евдокимовичъ говорилъ о дидактической поэзіи (можетъ, потому и поднесь не понимаю ее, хотя съ тѣхъ поръ и имѣлъ случай прочесть петрозиліусову поэму „О фарфорѣ“); черезъ нѣсколько минутъ, она пришла ко мнѣ въ комнатку и послѣ оскорбительнаго „Ахъ, какъ ты выросъ!“ она спросила, чѣмъ мы занимаемся. Я гордо отвѣчалъ: „разборомъ поэтическихъ сочиненій.“ Даже красное мериносовое платье помню, въ которомъ она явилась то-

гда передо мною. Но, увы! времена перемѣнились: она волосы зачесала въ косу; это меня оскорбило — меня съ воротничками à l'enfant —новая прическа такъ рѣзко переводила ее въ совершеннолѣтнюю. Она знала мою скорбь о локонахъ, и въ мое рожденье, 25-го Марта, причесалась опять по дѣтски. Чудный день былъ день моего рожденія! она подарила мнѣ кольцо чугунное на серебрянной подкладкѣ; на немъ было вырѣзано ея имя, какой-то девизъ, какой-то знакъ, змѣиная голова и проч.; вечеромъ мы читали на память отрывокъ изъ „Фингала“—она была Моина, я Фингалъ (вѣроятно я сюпризомъ для себя твердилъ ко дню рожденья стихи), съ тѣхъ поръ еще ни раза я не развертывалъ Озерова. Ленивѣе опять пошло ученье: живая симпатія мнѣ нравилась больше книги. Ни съ кѣмъ и никогда до нея я не говорилъ о чувствахъ, а между тѣмъ ихъ было ужъ много, благодаря быстрому развитію души и чтенію романовъ: ей-то передалъ я первыя мечты, мечты пестрыя, какъ райскія птицы, и чистыя, какъ дѣтскій лепетъ; ей писалъ я разъ двадцать въ альбомъ по-русски, по-французски, по-нѣмецки, даже, помнится, по-латынѣ. Она пресерьезно выслушивала меня и увѣряла еще больше, что *я рожденъ быть* Роландомъ Роландини или Алкивіадомъ; я еще больше полюбилъ ее за эти удостовѣренія. Отогрѣвался я тогда за весь холодъ моей короткой жизни милою дружбою меленковской пери. Передавъ другъ другу плоды чувствованій, мы принялись вмѣстѣ читать — сначала разныя повѣсти „Вакефильдскаго Священника,“ „Нуму Помпилія“ Флоріана и т. п., обливая ихъ рѣками горючихъ слезъ; потомъ принялись за „Анахарсисово Путешествіе,“ и она имѣла самоотверженіе слушать эту — положимъ чрезвычайно ученую, полезную и умную, но тѣмъ не

менѣе скучную и безжизненную компиляцію въ семь томовъ.

Не знаю, было-ли ея вліяніе на меня хорошо во всѣхъ смыслахъ. При многихъ истинныхъ и прекрасныхъ достоинствахъ, меленковская кузина не была освобождена отъ натянутой „сантиментальности," которая прививается дѣвушкамъ въ дортуарахъ женскихъ пансіоновъ, гдѣ онѣ выкалываютъ булавками вензеля на рукѣ, гдѣ даютъ обѣты годъ не снимать такой-то ленточки; не была она также свободна отъ моральныхъ сентенцій, этой лебеды, наполнявшей романы и комедіи прошлаго вѣка. Она любила, чтобъ ее звали Темирой, и всѣ родственники звали ее такъ; ужъ это одно доказываетъ сантиментальность; просто человѣкъ не согласится въ XIX вѣкѣ называться Пленирой, Темирой, Селеной, Усладомъ. Я вскорѣ взбунтовался противъ классическаго имени, совѣтовалъ ей, на зло Буало,*) назваться Тонон; а когда вышла вторая книжка „Онѣгина," совѣтовалъ рѣшительно остаться Татьяной, какъ священникъ крестилъ. Перемѣна имени мало помогла: Таня, по-прежнему, при каждой встрѣчѣ съ блѣдной подругой земнаго шара, дѣлала къ ней лирическое воззваніе, по-прежнему сравнивала свою жизнь съ цвѣтками, брошенными въ „буйныя волны" Клязьмы; любила она въ досужные часы поплакать о своей горькой участи, о гоненіяхъ судьбы (которая гнала ее впрочемъ очень скромно, такъ, что со стороны ея удары были вовсе незамѣтны), о томъ, что „никто въ мірѣ ея не понимаетъ." Это лафонтеновскій элементъ: не лучше его былъ и жанлисовски-моральный: она — меня, который читалъ чортъ-знаетъ что, умоляла не дотроги-

*) Et changer, sans respect de l'oreille et du son
Lycidas en Pierrot, et Philis en Toinon. — Art Poétique.

ваться до Волтера, рекомендовала нравственныя книги и проч. Теперь все это мнѣ кажется смѣшно, но тогда Таня была для меня валкирія: я покорно слушался ея прорицаній. Она очень хорошо знала свой авторитетъ, и потому угнетала меня; когда же я возмущался, и она видѣла опасность потерять власть, слезы текли у ней изъ глазъ, дружескіе, теплые упреки изъ устъ; мнѣ становилось жаль ея; я казался себѣ виноватымъ, и тронъ ея стоялъ опять незыблемо. Надобно замѣтить, дѣвушки лѣтъ въ 18-ть вообще любятъ пошколить мальчика, который имъ попадется въ руки и надъ которымъ онѣ пробуютъ оружіе, приготовленное для завоеваній болѣе важныхъ; за то какъ же и ихъ школютъ мальчики потомъ, лѣтъ восьмнадцать къ ряду, и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже! И такъ я слушался Тани, сантиментальничалъ, и подъ-часъ нравственныя сентенціи, блѣдныя и тощія, служили финаломъ моихъ рѣчей Воображаю, что въ эти минуты я былъ очень смѣшонъ; живой характеръ мой мудрено было обязать конфектнымъ билетомъ, ложной чувствительности, и вовсе мнѣ не было къ лицу ваять нравственныя сентенціи, изъ патоки безъ инбиря, жанлисовской морали. Но что дѣлать! я прошелъ черезъ это, а, можетъ, оно и не дурно: сантиментальность развела, подсластила „жгучую силу“ и, слѣдственно, поступила по фармакопеѣ Шиллера *); самый возрастъ отчасти способствовалъ къ развитію нѣжности. Для меня наставало то время, когда ребячество оканчивается, а юность начинается: это обыкновенно бываетъ въ 16 лѣтъ. Ребячья наивная красота пропадаетъ, юношеская еще не является; въ чертахъ дисгармонія, онѣ дѣлаются грубѣе, нѣтъ граціи, голосъ переливается изъ тонкаго въ толстый, глаза томны, а

*) См. эпиграфъ.

подъ-часъ заискрятся, щеки блѣдны, а подъ-часъ вспыхнутъ, — физическое совершеннолѣтіе наступаетъ. То-же происходитъ въ душѣ: неопредѣленныя чувства, зародыши страстей, волненіе, томность, чувство чего-то тайнаго, невѣдомаго, и въ-слѣдъ за тѣмъ юность, восторженный лиризмъ, полный любви, раскрытыя объятія всему міру божьему... Ранній цвѣтокъ, я скорѣе достигъ этой эпохи, и распукольки въ моей душѣ развернулись въ 14 лѣтъ; я чувствовалъ, что ребячество кончилось, а юность началась, и обижался, что никто не замѣчаетъ перелома въ моемъ бытіи. По несчастію, замѣтилъ это Василій Евдокимовичъ и началъ въ силу того преподавать мнѣ эстетику, въ которой, не тѣмъ будь поминутъ, онъ былъ крайне недалекъ, и тогда-же заставилъ меня писать статьи. Жаль, очень жаль, что, когда мы переѣзжали изъ стараго дома въ новый, пропали эти статьи! Съ какимъ наслажденіемъ перечиталъ бы я ихъ теперь! Чего я не писалъ! Были статьи, писанныя въ запуски съ Темирой, были литературные обзоры и въ нихъ я „уничтожалъ“ классицизмъ. Василій Евдокимовичъ приходилъ въ восторгъ, поправляя (и немудрено, его-же мысли повторялись мною). Я перевелъ свои обзоры на французскій языкъ и гордо подалъ Маршалю: „вотъ, молъ, какъ я уважаю вашего Буало.“ Были и историческія статьи: сравненіе Марѳы Посадницы, (то есть не настоящей, а той спартанской Марѳы, о которой повѣсть написалъ Карамзинъ) съ Зиновіей Пальмирской; Бориса Годунова съ Кромвелемъ. Жаль, что я не писалъ моихъ сравненій по французски, а то я увѣренъ, что они были на столько негодны, что попали бы образцами въ Ноэлевъ „Курсъ Словесности,“ въ отдѣленіе Parallèles et Caractères.

Такъ оканчивался періодъ прозябанія моей жизни.

Вотъ предъидущее, съ которымъ я вошелъ въ пропилеи юности. Маршаль завѣщалъ мнѣ любовь къ изящной формѣ, любовь къ Греціи и Риму, логическую ясность, исторію французской литературы и art poétique Буало, котораго первую пѣснь помню до сихъ поръ; Василій Евдокимовичъ завѣщалъ поклоненіе Пушкину и юной литературѣ, метафизическую неясность романтизма и тетрадь *писанныхъ* стиховъ, которые я еще лучше вытвердилъ на память, нежели Буало; Темира — искреннее, теплое чувство любви и дружбы, слезы о „Векфильдскомъ Священникѣ“ и потомъ о ней самой, когда она осенью уѣхала въ Меленки. Ergo, съ одной стороны классицизмъ въ видѣ Маршаля, съ другой романтизмъ въ видѣ Пациферскаго, и жизнь въ видѣ Темиры — а въ средоточіе всего я самъ, мальчикъ пылкій, готовый ко всякимъ впечатлѣніямъ, не по лѣтамъ умудрившійся, развитый отчасти насильственно, или вѣрнѣе, искуственно, чтеніемъ романовъ и вѣчнымъ одиночествомъ.

Такъ продолжалась моя жизнь до пятнадцатаго года.

II.

ЮНОСТЬ.

Respect vor den Traumen deiner jugend!
Schiller

Gaudeamus igitur
Juvenes dum sumus!..

Прелестное время въ развитіи человѣка, когда дитя сознаетъ себя юношею и требуетъ въ первый разъ до-

ли во всемъ человѣческомъ: дѣятельность кипитъ, сердце бьется, кровь горяча, силъ много, а міръ такъ хорошъ, новъ, свѣтелъ, исполненъ торжества, ликованія, жизни... Удаль Ахиллеса и мечтательность Позы наполняютъ душу. Время благородныхъ увлеченій, самопожертвованій, платонизма, пламенной любви къ человѣчеству, безпредѣльной дружбы; блестящій прологъ за которымъ часто, часто слѣдуетъ пошлая, мѣщанская драма.

Разумъ восходитъ — но, проходя черезъ облака фантазій, онъ окрашиваетъ, какъ восходящее солнце, пурпуромъ весь міръ. Освѣщенье истинное, которое исчезаетъ, должно исчезнуть, но прелестное какъ лѣтнее утро на берегу моря. О, юность, юность!..

И я въ Аркадіи родился!

Беззаботно отдался я стремительнымъ волнамъ; онѣ увлекли меня далеко за предѣлы тихаго русла частной жизни! Мнѣ нравились упругія волны, безконечность; будущее рисовалось какимъ-то иподромомъ, въ концѣ котораго ожидаетъ стоустая слава и дѣва любви, вѣнокъ лавровый и вѣнокъ миртовый; я предчувствовалъ, какъ моя жизнь вплетется блестящей пасмой въ жизнь человѣчества, воображалъ себя великимъ, доблестнымъ... сердце раздавалось, голова кружилась... Право, хороша была юность! Она прошла; жизнь не кипитъ больше какъ пѣнящееся вино; элементы души приходятъ въ равновѣсіе, тихнутъ; наступаетъ совершеннолѣтній возрастъ, и да будетъ благословенно и тогдашнее бѣшеное кипѣніе, и нынѣшняя предвозвѣстница гармоніи! Каждый моментъ жизни хорошъ, лишь-бы онъ былъ вѣренъ себѣ; дурно, если онъ является не въ своемъ видѣ. Не люблю я скромныхъ, чопорныхъ, образцовыхъ молодыхъ людей, они мнѣ напоминаютъ Алексѣя Степановича

Молчалина; они не постигли жизни, они не питали теплой кровью своего сердца отрадныхъ вѣрованій, не рвались участвовать въ міровыхъ подвигахъ. Они не жили надеждами на великое призваніе, они не лили слезъ горести при видѣ несчастія, и слезъ восторга, созерцая изящное, они не отдавались бурному восторгу оргіи, у нихъ не было потребности друга—и не полюбитъ ихъ дѣва любовью истинной; ихъ удѣлъ утонуть съ головою въ толпѣ. Пусть юноши будутъ юношами. Совершеннолѣтіе покажетъ, что провидѣніе не отдало такъ много во власть каждаго человѣка; что человѣчество развивается по своей міровой логикѣ, въ которой нельзя перескочить черезъ терминъ въ угоду индивидуальной воли; совершеннолѣтіе покажетъ необходимость частной жизни; почка, принадлежавшая человѣчеству, разовьется въ отдѣльную вѣтвь, но, какъ говоритъ Жуковскій о волнѣ,

Влившися въ море, она назадъ изъ него не польется.

Душа, однажды предавшаяся универсальной жизни, высокимъ интересамъ, и въ практическомъ мірѣ будетъ выше толпы, симпатичнѣе къ изящному; она не забудетъ моря и его пространства... Но я забываю себя; вотъ что значитъ заговорить о юности.

Темира уѣхала въ Меленки. Я долго смотрѣлъ на ворота, пропустившія коляско-бричку, въ которой повезли ее; день былъ мертво-осенній. Печально воротился я въ свою комнатку и развернулъ книгу. Старый другъ... опять книга, одна книга осталась товарищемъ; я принялся тщательно перечитывать греческую и римскую исторію. Разумѣется, я за исторію принялся не такъ, какъ за книгу народовъ, зерцало того и сего, а опять какъ за романъ и читалъ ее по той-же методѣ,

то-есть самъ выступая на сцену въ акрополисѣ и на форумѣ. Еще больше разумѣется, что Греція и Римъ, возстановленные по Сегюру, были нелѣпы, но живы и соотвѣтствовали тогдашнимъ потребностямъ. Театральныхъ натяжекъ, всѣхъ этихъ Курціевъ, бросающихся въ пропасти вовсе не существующія, Сцеволъ, жгущихъ себѣ руки по локоть, и пр., я не замѣчалъ, а гражданскія добродѣтели, ихъ понималъ. Напрасно нынче возстаютъ противъ прежней методы пространно преподавать дѣтямъ древнюю исторію, это эстетическая школа нравственности. Великіе люди Греціи и Рима имѣютъ въ себѣ ту поражающую, пластическую, художественную красоту, которая навѣкъ отпечатлѣвается въ юной душѣ. Отъ того-то эти величественныя тѣни Ѳемистокла, Перикла, Александра провожаютъ насъ черезъ всю жизнь, такъ какъ ихъ самихъ провожали величественные образы Зевса, Аполлона. Въ Греціи все было такъ проникнуто изящнымъ, что самые великіе люди ея похожи на художественныя произведенія. Не напоминаютъ-ли они собою, напримѣръ, свѣтлый міръ греческаго зодчества? та-же ясность, гармонія, простота, юношество, благодатное небо, чистая дѣтская совѣсть; даже черты лица плутарховыхъ героевъ такъ-же дивно изящны, открыты, исполнены мысли, какъ фронтоны и портики Парфенона. Самое тріединое зодчество Греціи имѣетъ паралель съ героями ея трехъ эпохъ; такъ изящное тѣсно спаяно было у нихъ съ ихъ жизнію. Гомерическіе герои не дорическія ли это колонны, твердыя, безъискусныя? Герои персидскихъ войнъ и пелопонезской не сродни ли іоническому стилю, такъ какъ Адкивіадъ изнѣженный—тонкой, кудрявой коринѳской колоннѣ. Пусть же встрѣчаютъ эти высоко изящныя статуи юношу при первомъ шагѣ его въ

область сознанія, съ высоты величія своего вперятъ ему первые уроки гражданскихъ добродѣтелей...

Сильно дѣйствовало на меня чтеніе греческой и римской исторіи. Я скорбѣлъ о томъ, что этотъ міръ добродѣтелей и энергіи давно схороненъ, плалалъ на его могилѣ — какъ вдругъ болѣе внимательное чтеніе одного автора, бывшаго въ моихъ рукахъ, доказало мнѣ, что и тотъ міръ, который окружаетъ меня, въ которомъ я живу, — не изъятъ доблестнаго и великаго. Открытіе это сдѣлало переворотъ въ моемъ бытіи.

Шиллеръ! благословляю тебя, тебѣ обязанъ я святыми минутами начальной юности! Сколько слезъ лилось изъ глазъ моихъ на твои поэмы! какой алтарь я воздвигнулъ тебѣ въ душѣ моей! Ты по превосходству поэтъ юношества. Тотъ-же мечтательный взоръ, обращенный на одно будущее, „туда, туда!“ тѣ-же чувства благородныя, энергическія, увлекательныя; та-же любовь къ людямъ, и та-же симпатія къ современности... Однажды взявъ Шиллера въ руки, я не покидалъ его, и теперь, въ грустныя минуты, его чистая пѣснь врачуетъ меня. Долго ставилъ я Гёте ниже его. Для-того чтобъ умѣть понимать Гёте и Шекспира, надобно, чтобъ всѣ способности развернулись, надобно познакомиться съ жизнію, надобны грозные опыты, надобно пережить долю страданій Фуаста, Гамлета, Отелло: — стремленье къ добродѣтели, горячая симпатія къ высокому достаточны, чтобъ сочувствовать Шиллеру. Я боялся Гёте; онъ оскорблялъ меня своимъ пренебреженіемъ, своимъ несимпатизированіемъ со мною—симпатіи со вселенной я понять тогда не могъ. Пусть, думалъ я, Гёте — море, на днѣ котораго невѣсть какія драгоцѣнности, я люблю лучше германскую рѣку, этотъ Рейнъ, льющійся между феодальными замками и вино-

градниками, Рейнъ, свидѣтель тридцатилѣтней войны, отражающій Альпы и облака, покрывающія ихъ вершины. Я забывалъ тогда, что рѣка вливается тоже въ море, въ землеобнимающій океанъ, равно нераздѣльный съ небомъ и съ землею. Гораздо послѣ, мощный Гёте увлекъ меня; я тогда еще не вполнѣ понялъ его, но почувствовалъ его *морскую* волну, его глубину, его пространство и (болѣзнь юности никогда не знать вѣса и мѣры!), на Шиллера взглянулъ иначе, тѣмъ взглядомъ, которымъ юноша, пріѣхавшій въ отпускъ, смотритъ на добрыя черты старца-воспитателя, привыкнувъ къ строгому лицу своего начальника—немножко внизъ, немножко съ благосклонностью. Но я скоро опомнился покраснѣлъ отъ своей неблагодарности и съ горячими слезами раскаянія бросился въ объятія Шиллера. Имъ обоимъ не тѣсно было въ мірѣ—не тѣсно будетъ и въ моей груди; они были друзьями — такими да идутъ въ потомство.

Но въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, я никакъ не могъ понимать Гёте: у него въ груди не билось такъ человѣчески-нѣжное сердце, какъ у Шиллера. Шиллеръ съ своимъ Максомъ, Донъ Карлосомъ, жилъ въ одной сферѣ со мною, какъ же мнѣ было не понимать его. Суха душа того человѣка, который въ юности не любилъ Шиллера, завяла у того, кто любилъ да пересталъ!

У меня страсть перечитывать поэмы великихъ maestri: Гёте, Шекспира, Пушкина, Вальтер-Скотта. Казалось-бы, зачѣмъ читать одно и то-же, когда въ это время можно „украсить“ свой умъ произведеніями гг. А. В. С.? Да въ томъ-то и дѣло, что это не одно и то-же; въ промежутки какой-то духъ мѣняетъ очень много въ вѣчно-живыхъ произведеніяхъ маэстровъ. Какъ

Гамлетъ, Фаустъ прежде были шире меня, такъ и теперь шире, не смотря на то, что я убѣжденъ въ своемъ расширеніи. Нѣтъ, я не оставлю привычки перечитывать, поэтому я наглазно измѣряю свое возрастаніе, улучшеніе, паденіе, направленіе. Прошли годы первой юности и надъ Мооромъ, Позой выставилась мрачная, задумчивая тѣнь Валленштейна, и выше ихъ парила Дѣва Орлеанская; прошли еще годы—и Изабелла, дивная мать, стала рядомъ съ гордой дѣвственницей Гдѣ-же прежде была Изабелла? Мѣста, приводившія меня пятнадцатилѣтняго въ восторгъ, поблекли, напр. студентскія выходки, сентенціи въ „Разбойникахъ,“ а тѣ, которыя едва обращали вниманіе, захватываютъ душу. Да, надобно перечитывать великихъ поэтовъ, и особенно Шиллера, поэта благородныхъ порывовъ, чтобъ поймать свою душу, если она начнетъ сохнуть! Человѣчество своимъ образомъ перечитываетъ цѣлыя тысячелѣтія Гомера и это для него оселокъ, на которомъ оно пробуетъ силу возвраста. Лишь только Грецiя развилась.—она Софокломъ, Праксителемъ, Зевксисомъ, Еврипидомъ, Есхиломъ повторила образы, завѣщанные колыбельной пѣснью ея, Иліадой; потомъ Римъ попытался возсоздать ихъ по своему, стоически, Сенекою; потомъ Франція напудрила ихъ и надѣла башмаки съ пряжками — Расиномъ; потомъ падшая Италія перечитала ихъ чернымъ Альфіери; потомъ Германія возсоздала своимъ Гёте Ифигенію, и на ней увидѣла всю мощь его . . . . . .

. . . . . .

Тутъ недостаетъ нѣсколькихъ страницъ... А досадно, должно быть, онѣ занимательны. Кстати, я не догадался объяснить въ предисловіи, можетъ быть пото-

му что его вовсе нѣтъ), какъ мнѣ попалась эта тетрадь, потому, пользуясь свободнымъ мѣстомъ, оставленнымъ выдранными страницами, я объяснюсь въ *между-словіи*, и притомъ считаю это необходимымъ для предупрежденія догадокъ, заключеній и пр. Тетрадь, въ которой описываются похожденія любезнаго молодаго человѣка, попалась мнѣ въ руки совершенно-нечаянно и — чему не всякій повѣритъ — въ Вяткѣ, окруженной лѣсами и черемисами, болотами и исправниками, вотяками и становыми приставами,—въ Вяткѣ, засыпанной снѣгомъ и всякого рода дѣлами, кромѣ литературныхъ. Но должно-ли дивиться, что какая нибудь тетрадь попалась въ Вятку?... „Нашъ вѣкъ, вѣкъ чудесъ“ говаривалъ Фонтенель, жившій въ прошломъ вѣкѣ... Тетрадь молодого человѣка была забыта вѣроятно самимъ молодымъ человѣкомъ на станціи; смотритель, возивши для ревизованія книги въ губернскій городъ, подарилъ ее почтовому чиновнику. Почтовый чиновникъ далъ ее мнѣ — я ему не отдавалъ ея. Но прежде меня онъ давалъ ее поиграть черной quasi-датской собакѣ; собака, болѣе скромная, нежели я, не присвоивая себѣ всей тетради, выдрала только мѣста, особенно пришедшія на ея quasi-датскій вкусъ; и, говоря откровенно, я не думаю, чтобъ это были худшія мѣста. Я буду отмѣчать, гдѣ выдраны листья, гдѣ остались одни городки, и прошу помнить, что единственный виновникъ—черная собака; имя же ей *Пултусъ*. — Послѣ выдранныхъ страницъ продолжается рукопись такъ:*) . . . . . .

. . . . . .

*) Бѣлинскій показывалъ рукопись мою ценсору до посылки въ ценсуру. Омъ отмѣтилъ нѣсколько мѣстъ—какъ совершенно невозможныя. Вотъ что подало мысль ихъ выпустить предварительно и отмѣтить въ текстѣ.

Поза, Поза! гдѣ ты, юноша-другъ, съ которымъ мы обручимся душою, съ которымъ выйдемъ, рука-объ-руку въ жизнь, крѣпкіе нашей любовью? Въ этомъ вопросѣ будущему было упованіе и молитва, грусть и восторгъ. Я вызывалъ симпатію, потому что не было мѣста въ одной груди вмѣстить все, волновавшее ее. Мнѣ надобна была другая душа, которой я могъ бы высказать свою тайну; мнѣ надобны были глаза полные любви и слезъ, которые были бы устремлены на меня; мнѣ надобенъ былъ другъ, къ которому я могъ бы броситься въ объятія, и въ объятіяхъ котораго мнѣ было бы просторно, вольно. Поза, гдѣ-же-ты?...

Онъ былъ близокъ.

Въ мірѣ все подтасовано: это старая истина; ее разсказалъ какой-то аббатъ на вечерѣ у Дидро. Одни *честные* игроки не догадываются и ссылаются на случай. Счастливый случай, думаютъ они, вызвалъ любовь Дездемоны къ Мавру; несчастный случай затворилъ душу Эсмеральды для Клода Фролло. Совсѣмъ нѣтъ, все подтасовано, и лишь только потребность истинная, сильная, потребность друга захватила мою душу, онъ явился, прекрасный и юный, какимъ мечтался мнѣ, какимъ представлялъ его Шиллеръ. Мы сблизились по какому-то тайному влеченію, такъ какъ въ растворѣ сближаются два атома однороднаго вещества непонятнымъ для нихъ сродствомъ.

Въ маломъ числѣ моихъ знакомыхъ былъ полу-юноша, полу-ребенокъ, однихъ лѣтъ со мною, кроткій, тихій, задумчивый; печально сидѣлъ онъ обыкновенно на стулѣ и какъ-то невнимательно смотрѣлъ на окружающіе предметы своими большими сѣрыми глазами, особо разсѣченными и того сѣраго цвѣта, который лучше голубаго. Непонятною силою тяготѣли мы другъ къ дру-

гу; я предчувствовалъ въ немъ брата, близкаго родственника душѣ—и онъ во мнѣ то-же. Но мы боялись показать начинавшуюся дружбу; мы оба хотѣли говорить *ты*, и не смѣли даже въ запискахъ употреблять слово „другъ," придавая ему смыслъ обширный и святой... Милое время дѣтской непорочности и чистоты душевной!... Мало по малу слова дружбы и симпатіи начали врываться стороною какъ-бы нехотя; посылая мнѣ „Идилліи" Геснера, онъ написалъ маленькое письмецо и въ раздумьи подписалъ: „вашъ другъ ли не знаю еще." Передъ отъѣздомъ моимъ въ деревню онъ приносилъ томъ Шиллера, гдѣ его „Philosophische Briefe," и предложилъ читать вмѣстѣ... Ахъ, какъ билось сердце, слезы навертывались на глазахъ. Мы тщательно скрывали слезы. „Ты уѣхалъ, Рафаилъ—и желтыя листья валятся съ деревьевъ, и мгла осенняго тумана, какъ гробовой покровъ лежитъ на вымершей природѣ. Одиноко брожу я по печальнымъ окрестностямъ, зову моего Рафаила, и больно, что онъ не откликается мнѣ." Я схватилъ Карамзина и читалъ въ отвѣтъ: „Нѣтъ Агатона, нѣтъ моего друга." Мы явно понимали, что каждый изъ насъ адресуетъ эти слова отъ себя, но боялись прямо сказать. Такъ дѣлаютъ *неопытные* влюбленные, отмѣчая другъ другу мѣста въ романахъ; да мы и были à la lettre влюбленные, и влюблялись съ каждымъ днемъ больше и больше. Дружба, прозябнувшая подъ благословеніемъ Шиллера, подъ его благословеніемъ расцвѣтала: мы усвоивали себѣ характеры всѣхъ его героевъ. Не могу выразить всей восторженности того времени. Жизнь раскрывалась предъ нами торжественно, величественно; мы откровенно клялись пожертвовать наше существованіе во благо человѣчеству; чертили себѣ будущность несбыточную, безъ ма-

лѣйшей примѣси самолюбія, личныхъ видовъ. Свѣтлые дни юношескихъ мечтаній и симпатіи, они проводили меня далеко въ жизнь...

(Здѣсь опять не достаетъ двухъ-трехъ страницъ.)

..... Въ деревнѣ я сдѣлалъ знакомство, достойное сдѣланнаго въ Москвѣ—я въ первый разъ послѣ ребячества явился лицомъ къ лицу съ природой, и ея выразительныя черты сдѣлались понятны для меня. Это отдохновеніе отъ школьныхъ занятій было на мѣстѣ; я закрылъ учебную книгу, не смотря на то, что надобно было готовиться къ университету. Колосальная идиллія лежала развернутая передо мной, и я не могъ наглядѣться на нее: такъ нова она была мнѣ, выросшему въ третьемъ этажѣ на Пречистенкѣ. Читалъ я мало, и то одного Шиллера; на высокой горѣ, съ которой открывались пять-шесть деревенекъ, пробѣгалъ я „Теля,“ и въ мрачномъ лѣсу перечитывалъ Карла Мора — и, казалось, молодецкій посвистъ его ватаги и топотъ конницы, окружавшей его, раздавался между соснами и елями. Но чаще всего я бросалъ книгу и долго-долго смотрѣлъ на окружающія поля, на рѣку, перерѣзывающую ихъ, на храмъ божій, бѣлый какъ лилія и какъ лилія окруженный зеленью. Иногда мнѣ казалось, что вся эта даль —продолженіе меня, что гора со всѣмъ окружающимъ, мое тѣло, и мнѣ слышался пульсъ ея, и мы вмѣстѣ вдыхали и выдыхали воздухъ. Иногда мнѣ казалось, что я совершенно потерянъ въ этой безконечности — листокъ на огромномъ деревѣ, но безконечность эта не давила меня, мнѣ было хорошо лежать на моей горѣ; я понималъ, что я дома, что все это родное.....

Смѣшно, что я останавливаюсь на этихъ подробно-

стяхъ медоваго мѣсяца моей жизни; я очень знаю, что всѣ видали природу днемъ и ночью, и чувствовали при этомъ и то и сё; что тысяча лѣтъ тому назадъ люди восхищались ею, потому что въ ней также просвѣчивалъ на каждой строчкѣ ея творецъ: но..... но..... но пожалуй, воротимся въ Москву. Вотъ глубокая осень, грязь по колѣно; иное утро подмерзнетъ, иное льется мелкій дождь; работы оканчиваются, одинъ цѣпъ стучитъ въ тактъ; сборы, хлопоты; священникъ съ просвирою и напутственнымъ благословеніемъ..... староста провожаетъ верхомъ за десять верстъ на мірской лошади, чтобъ убѣдиться, что господа точно уѣхали... Карета вязнетъ въ грязи проселочной дороги, едва двигается, иногда склоняется на бокъ, и всякій разъ батюшкинъ камердинеръ, преданный, какъ въ „Аппанго“ Гуртъ Седрику Саксону, выходитъ изъ кибитки и поддерживаетъ карету; а самъ такой щедушный, что десяти фунтовъ не подыметъ. Наконецъ, вотъ Драгомиловскій мостъ, освѣщенныя лавочки, „калачи горячи,“ — и мы въ Москвѣ.

Такъ доѣхалъ я чрезъ Драгомиловскій мостъ до окончанія первой части моей юности. Отсюда начинается новая жизнь, жизнь аудиторіи, жизнь студента; отселѣ не пустынныя четыре стѣны родительскаго дома, а семья трехсотголовая, шумная и неугомонная...

III.

ГОДЫ СТРАНСТВОВАНІЯ.

ОТЪ НАШЕДШАГО ТЕТРАДЬ.

Помѣстивъ отрывокъ изъ первой тетради „Записокъ одного молодого человѣка“ въ XIII томѣ „Отеч. Запи-

сокъ“ (кн. 12, 1840), мы объяснили въ приличномъ „междусловіи,“ какъ намъ досталась тетрадь и какъ не достались нѣкоторые листы изъ нея. Теперь пришло намъ на мысль помѣстить отрывокъ изъ другой тетради. Между первой и второй тетрадями потеряны годы, версты, дести. Мы разстались съ молодымъ человѣкомъ у Драгомиловскаго моста на Москвѣ-рѣкѣ, а встрѣчаемся на берегу Оки-рѣки, да притомъ вовсе безъ моста. Тогда молодой человѣкъ шелъ въ университетъ, а теперь ѣдетъ въ городъ Малиновъ, худшій городъ въ мірѣ, ибо ничего нельзя хуже представить для города, какъ совершенное несуществованіе его. *Молодой человѣкъ* дѣлается *просто* „*человѣкъ*“ (не сочтите этого двусмысленнаго слова за намекъ, что онъ пошелъ въ лакеи). Завиральныя идеи начинаютъ облетать какъ желтыя листья. Въ третьей тетради — *полное развитіе*: тамъ никакихъ уже нѣтъ идей, мыслей, чувствъ; отъ этого она дѣльнѣе, и видно, что молодой человѣкъ „въ умъ вошелъ;“ вся третья тетрадь состоитъ изъ расходной книги, формулярнаго списка и двухъ довѣренностей, засвидѣтельствованныхъ въ гражданской палатѣ. Пока вотъ отрывокъ изъ начала второй тетради, будетъ и изъ третьей, если того захотятъ, во-первыхъ, читители, во-вторыхъ, издатель “Отеч. Записокъ,“ въ-третьихъ, кто бишь въ-третьихъ, дай богъ память... Вспомню, скажу послѣ.

So bleibe denn die Sonne mir im Rucken,
Am farbigen Abglanz haben wir das Leben.
Faust II Theil.

Per me si va nella citta dolente!
Dante. Del' Inferno.

Я устроенъ чрезвычайно-гуманно. Читая розенкранцеву „Психологію,“ имѣлъ я случай убѣдиться, что

устроенъ рѣшительно по хорошему современному руководству. Отъ-того меня нисколько не удивляетъ, что всякое первое впечатлѣніе бываетъ смутнѣе, слабѣе, нежели отчетъ въ немъ. Непосредственность только недостаетъ жизни человѣческой, и именно отчетомъ поднимается человѣкъ въ ту сферу, гдѣ вся мощь и доблесть его. Въ самомъ дѣлѣ, не знаю, какъ съ другими бываетъ, а я никогда не чувствовалъ всей полноты наслажденія — въ самую минуту наслажденія (само собой разумѣется, что рѣчь идетъ не о чувственномъ наслажденіи: котлеты въ воспоминаніи право меньше привлекательны, нежели во рту). Наслаждаясь, я дѣлаюсь страдателенъ, воспринимающъ. Послѣ—блаженство какъ-то дѣятельно струится изъ меня и я постигаю, по этой силѣ исходящей, всю полноту его. То-же въ горестяхъ: никогда не чувствовалъ я всей горечи разлуки такъ сильно, какъ отъѣхавъ нѣсколько станцій. Впрочемъ, такая организація не есть исключительно гуманная; покойникъ А. Л. Ловецкой Professor ord. Mineralogiae etc. etc. читалъ, когда еще былъ въ бренной оболочкѣ, о камнѣ, называемомъ болонскимъ, который, полежавши на солнцѣ, затаиваетъ въ себѣ свѣтъ, а послѣ ночью свѣтится (не знаю, имѣютъ-ли то-же свойство болонскія собаки, но сомнѣваюсь). Такъ случилось и теперь; съ какимъ-то тяжело-смутнымъ, дурно-неяснымъ чувствомъ проскакалъ я 250 верстъ. Было начало Апрѣля. Ока разлилась широко и величественно, ледъ только-что прошелъ. На большой пароѣ поставили мою коляску, бричку какого-то коннаго офицера, ѣхавшаго получать богатое наслѣдство, и коробочку на колесахъ ревельскаго купца въ ваточномъ халатѣ, сверхъ котораго рисовалась шинель water proof. Мы ѣхали вмѣстѣ третью станцію, и я радъ былъ встрѣчи

съ людьми, хотя въ сущности радоваться было нечему. Офицеръ разсказывалъ съ необычайною плодовитостью свои похожденія въ Москвѣ, на Мѣщанской, съ казарменнымъ цинизмомъ, кричалъ въ интервалахъ ужаснымъ голосомъ: „Юрка, трубку!“ и бурнымъ потокомъ словъ обдавалъ каждаго смотрителя. Купецъ ревельскій чрезвычайно похожій на Пріапа былъ въ восторгѣ отъ геройскихъ подвиговъ господина-офицера, и только съ чувствомъ глубокой грусти иногда говорилъ, качая головой: „хорошо имѣть эполеты, а вотъ нашъ братъ...“ Офицеръ самодовольно поглаживалъ усы послѣ такого замѣчанія и еще громче кричалъ: „Юрка, трубку!“..... А я все-таки радовался встрѣчѣ.

Небо было безоблачно, солнце свѣтило; какой-то особой запахъ весны носился надъ водою. Плавно, тихо двинулся пароѣъ; разливъ простирался верстъ на десять. Прѣснѣнскіе Пруды въ Москвѣ были наибольшее количество воды, видѣнное мною прежде. Меня поразила рѣка. Ревельскій Пріапъ вытащилъ фляжку съ ромомъ и, наливая въ крышку, подалъ мнѣ, говоря: „Я купилъ этотъ ромъ у Кистера, въ Москвѣ; онъ очень хорошъ: пейте! вамъ *долго* не придется пить такого рома; *тамъ* продаютъ кизлярку съ мадерой за ромъ... На водѣ же не мѣшаетъ.“ Я выпилъ, повернулся лицомъ къ водѣ и оперся на загородку. „Долго не придется,“ повторилъ я и неопредѣленныя чувства, тяготившія грудь, вдругъ стали проясняться; грусть острая, жгучая развивалась и захватывала душу. Я пристально смотрѣлъ на гладкую, лоснящуюся поверхность Оки. Московскій берегъ отодвигался далѣе и далѣе; глубь, вода, пространство, препятствія меня отдѣляли болѣе и болѣе... А тотъ берегъ — чуждый, непріязненный, изъ темносиней полосы превращался въ поля, деревни ста-

новились ближе и ближе... На московскомъ берегу у меня все: впалыя щеки старца, по которымъ недавно катилась слеза... и другія слезы... О Боже!... А на томъ берегу ничего для меня, ни желанія ступить на него, ни воли не ступать. Слезы полились изъ глазъ; это бываетъ рѣдко со мною, и я опять твердилъ: „долго, долго“... Ярче я никогда не чувствовалъ разлуки. Тихое, спокойное движеніе по водѣ само собою наводитъ грусть; рѣка была какимъ-то олицетвореніемъ препятствій и ихъ возрастанія, рубежей и ихъ непреодолимости, семи тяжелыхъ замковъ, которыми запирается все милое. Потомъ прошедшее осѣнило меня какъ-бы въ утѣшеніе, и грустная, но вспрянувшая душа придавала ему чудное изящество: образъ друга, окруженный свѣтомъ заходящаго солнца на горахъ, образъ дѣвы-утѣшительницы, окруженный полумракомъ, среди надгробныхъ памятниковъ кладбища, слетѣли съ неба. Когда они были близко, когда я могъ связать ихъ, они были еще люди; разлука придала имъ идеальную невещественность; они мнѣ казались тогда свѣтлыми видѣніями... И я былъ даже счастливъ въ эти минуты тяжкой грусти...

Пароѝмъ стукнулся и остановился. Офицеръ хотѣлъ перескочить на берегъ прежде, нежели положили доску, и по колѣни увязъ въ грязи.

— Можетъ ли что нибудь быть ужаснѣе, кричалъ онъ, бѣсясь отъ досады.—Юрка, Юрка!

— Можетъ, отвѣчалъ я. Но ему было не до моихъ возраженій.

— А что? спросите вы.

— Быть отложительнымъ глаголомъ латинской грамматики и спрягаться *страдательно*, не будучи страдательнымъ.

На Волгѣ я чуть не потонулъ — однакожъ не потонулъ, что очень хорошо.

Наконецъ, послѣ разнообразнѣйшихъ приключеній, я благополучно сталъ на якорѣ передъ городомъ Малиновымъ, и его-то именно я хочу описать. Жаль только, что у меня голова устроена какъ-то безсмысленно. Плано-Карпини, напримѣръ, разсказываетъ свое путешествіе какъ по писанному, и, сказавъ въ началѣ: dicende de cibis dicendum est de moribus, знаетъ уже, что какъ опишешь десертъ, такъ и слѣдуетъ о нравахъ. Я сколько ни думалъ, не придумалъ въ какой порядокъ привести *любопытные* отрывки изъ моего журнала и помѣщаю его въ томъ видѣ, какъ онъ былъ писанъ.

Патріархальные нравы города Малинова.

Посвящаю памяти Кука, и его (вѣроятно) превосходительству Дюмон-д'Юрвилю, Capitaine de Vaisseau.

Великіе океаниды! вы не пренебрегали бѣдными островами, которыхъ все населеніе составляютъ гадкіе слизняки, двѣ-три птицы съ необыкновеннымъ клювомъ и столбъ, вами-же поставленный. Отвергнете-ли вы городъ Малиновъ?

Тщетно искалъ я въ вашихъ вселенскихъ путешествіяхъ, въ которыхъ описанъ весь кругъ свѣта, чего-нибудь о Малиновѣ. Ясно, что Малиновъ лежитъ не въ кругѣ свѣта, а въ сторону отъ него (отъ-того тамъ вѣчныя сумерки). Я не видалъ всего круга свѣта и, будто въ пику вамъ и себѣ, видѣлъ одинъ Малиновъ*)

*) Правдивость заставляетъ сказать, что до меня одинъ путешественникъ былъ въ Малиновѣ и вывезъ оттуда экземпляръ безхво-

— посвящаю его вамъ и себя съ нимъ повергаю на палубу вашихъ землеблетающихъ фрегатовъ.

Summâ cum pietate.

etc. etc. etc.

. . . . . Пароѣмъ двигался тихо; крутой берегъ, гдѣ грѣлось на солнцѣ желтое, длинное зданіе присутственныхъ мѣстъ, едва приближался, и мнѣ было грустно — разлука или предчувствіе были причиною—не знаю: вѣроятно, то и другое. Для меня въѣздъ въ новый городъ всегда полонъ думъ, и думъ торжественныхъ; кучка людей, живущихъ тутъ, не имѣла понятія обо мнѣ, я объ нихъ; они родились, выросли, страдали и радовались безъ меня, я безъ нихъ — и вдругъ наши жизни коснутся и, почему знать, можетъ, въ этой кучкѣ найду я себя друга, который проведетъ меня черезъ всю жизнь, врага, который пошлетъ пулю въ лобъ. Если-же и ничего этого не будетъ, все-же ихъ жизни для меня раскроются, и я, какъ дѣятельный элементъ, войду въ кругъ чуждый и, почему знать, какъ подѣйствую на него, какъ онъ подѣйствуетъ на меня...

Пароѣмъ остановился, коляску заложили, и я въѣхалъ въ богомъ-хранимый градъ Малиновъ, шагомъ тащась на гору по глинистой землѣ. Благочестивый городъ не завелъ еще гостинницы: я остановился на постояломъ дворѣ, довольно грязномъ и чрезвычайно душномъ. Первымъ дѣломъ было раскрыть окно: низенькіе домики стоятъ по обѣимъ сторонамъ улицы, травка растетъ возлѣ деревянныхъ тротуаровъ и изрѣдка проѣзжаютъ,

стой обезъяны, названной имъ по-латынѣ Bedovik. Она чуть не пропала между Петербургомъ и Москвой (См. „Отеч. Зап.“ 1839. Т. Ш. Отд. Ш, стр. 136—245: „Бѣдовикъ“).

особымъ образомъ дребежжа, какія нибудь желтыя или свѣтлозеленыя дрожки, дѣланныя до француза. „Должно быть эти люди въ простотѣ душевной живутъ-себѣ тихо и хорошо“ думалъ я, и (такъ какъ это было на другой годъ послѣ университета) прибавилъ: „Beatus ille qui procul negotiis — ѣздитъ по улицамъ, на которыхъ растетъ трава.“

Такъ-какъ идиллическое расположеніе не могло меня насытить, я спросилъ хозяина, что у него есть съѣстнаго. „Есть, пожалуй, рыба славная.“—Дай рыбу! — Онъ принесъ черезъ полчаса кусокъ рыбы съ запахомъ лимбургскаго сыра; я люблю, чтобъ каждая вещь пахла сама собою, и потому не могъ въ ротъ взять рыбы. — Еще что есть?—„Да ничего, *пожалуй*, нѣтъ.“ Хозяйка пожалѣла обо мнѣ и изъ другой комнаты, минутъ черезъ пять, принесла яичницу, въ которой были куски сыромятной кожи, состоявшіе въ докжности ветчины, какъ надобно думать. Дѣлать было нечего: я наѣлся яичницы. Такъ-какъ дѣло шло къ вечеру, а я былъ разбитъ весенней дорогой, то и легъ спать.

Черезъ недѣлю.

Я переѣхалъ изъ нечистаго постоялаго двора на нечистую квартиру одного изъ самыхъ большихъ домовъ въ городѣ. Домъ этотъ состоитъ изъ разныхъ пристроекъ, дополненій, прибавленій, и отдается въ наймы разнымъ семьямъ, которыя всѣ пользуются садомъ, заросшимъ крапивою и лопушникомъ. Вчера вечеромъ мнѣ вздумалось посѣтить нашъ паркъ; я нашелъ тамъ, во-первыхъ, хозяина дома, во-вторыхъ, всѣхъ его жильцовъ. Хозяинъ дома — холостой человѣкъ лѣтъ 45, отростившій большіе бакенбарды для того, чтобъ жениться, болтунъ и дуракъ, — дружески адресовался ко мнѣ

и тотчасъ началъ меня рекомендовать, и мнѣ рекомендовать. Тутъ былъ какой-то старикъ подслѣпый, съ анной въ петлицѣ нанковаго сюртука, отставленный членъ межевой конторы; какая-то блѣдная семинарская фигура съ тѣмъ видомъ рѣшительнаго идіотизма, который мы преимущественно находимъ у такъ называемыхъ „ученыхъ,"—и въ самомъ дѣлѣ, это былъ учитель Малиновской Гимназіи. Межевой членъ, поднося мнѣ табакерку, спросилъ: „Изволите служить?" —Теперь нѣтъ; дѣла мои требовали, чтобъ я покинулъ службу на нѣкоторое время. — „А ежели смѣю спросить, имѣете чинъ?"—Титулярный совѣтникъ.—„Боже мой!" сказалъ онъ съ видомъ глубокаго оскорбленія: „я думаю, вы не родились, а я уже былъ помощникомъ землемѣра при генеральномъ межеваніи, и мы въ одномъ чинѣ! Хоть бы при отставкѣ дали ассессора! Единъ богъ знаетъ мои труды! Да за что же васъ произвели въ такой рангъ?" Мнѣ было немножко досадно; однако, уважая его лѣта, я ему объяснилъ университетскія права. Онъ долго качалъ головою, повторяя: „И служи послѣ этого до сѣдыхъ волосъ!" Въ то время, когда участникъ генеральнаго межеванія страдалъ отъ университетскихъ правъ, учитель гимназіи принялъ важный видъ и самодовольно замѣтилъ, что и онъ, на основаніи права лицъ, окончившихъ курсъ, въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, состоитъ въ 9 разрядѣ, протянулъ мнѣ руку, какъ гражданинъ reipublicae litterarum своему согражданину. Человѣкъ этотъ чрезвычайно безобразенъ, нечистъ и, судя по видимымъ образчикамъ его бѣлья, надобно думать, что онъ мѣняетъ его только въ день Кассіана-Римлянина. „Какого факультета-съ?" — Математическаго.—„И я съ; да знаете, трудная наука, сушитъ грудь-съ; напряженіе вниманія очень нездорово;

я оставилъ теперь математику и преподаю реторику"... Хозяинъ потащилъ меня, перерывая педагога, рекомендовать дамамъ; вообще онъ старался показать, что со мною старый знакомый и какія границы я ни ставилъ его дружбѣ, она, какъ всѣ сильныя чувства, ломала ихъ. „Вотъ нашъ столичный гость" кричалъ онъ *прекрасному полу*, сидѣвшему подъ качелями, рѣшительно похожими на висѣлицу. Старуха, съ померанцовыми лентами на чепцѣ, начала меня тотчасъ распрашивать о Москвѣ и о *Филаретѣ*. Потомъ звала приходить къ нимъ *поскучать* и, указывая на трехъ барышень, изъ которыхъ двѣ смотрѣли мнѣ прямо въ глаза, а третья довольно хорошенькая сидѣла поодаль съ книгой, объявила что это ея дочери. Учитель гимназіи приступилъ ко мнѣ съ неотступной просьбой идти къ нему чай пить. Дивясь такой необыкновенной учтивости, я пошелъ. Учитель привелъ меня въ комнату, въ которой сидѣла премолоденькая женщина и, сказавъ: „Сѐ ма фамъ," прибавилъ: „прошу безъ церемоніи трубочку Фаллеру; у насъ, ученыхъ, нѣтъ церемоній." Жена его премиленькая и проста до безконечности; она говорила, что ей скучно жить на свѣтѣ, что хочетъ умереть, и при этомъ дѣлала такіе предсмертные глазки, что мнѣ пришли въ голову фантазіи совершенно противоположныя смерти; впослѣдствіи я убѣдился, что я не такъ далекъ былъ отъ ея мыслей въ этой противоположности.

Конечно, все это смѣшно; но гдѣ-же найдешь въ большомъ городѣ такое радушіе, гостепріимство? Люди всегда судятъ по наружности; что за дѣло до формы!*)

*) Напередъ предувѣдомляемъ читателей: мы увѣрены, что неизвѣстный намъ авторъ „Записокъ" все предъидущее и послѣдующее въ этой статьѣ о городѣ Малиновѣ—просто *выдумалъ*, и что ничего

Черезъ двѣ недѣли.

Жаль, право, что эти добрые люди такъ сплетничаютъ: это отнимаетъ всю охоту ходить къ нимъ. Я начинаю думать, что все гостепріимство ихъ основано на скукѣ; они другъ другу страшно надоѣли, и новый пріѣзжій, особенно изъ столицы, для нихъ акробатъ, фокусникъ, обязанный занимать ихъ, разсказывать имъ новости; за это они строютъ ему куры, кормятъ на убой, поятъ до-нельзя, заставляютъ для него дочерей пѣть, аккомпанируя на пяти-октавномъ фортепьяно съ сковородными звуками. Когда выспросятъ его обо всемъ, и тогда даже интересъ его далеко неисчерпанъ: они начинаютъ всѣми средствами узнавать о его дѣлахъ, о его родныхъ; иные дѣлаютъ это изъ видовъ; на прим. старуха совѣтница, живущая противъ меня (я каждое утро вижу, какъ она, повязанная платкомъ, изъ-подъ котораго торчатъ нѣсколько сѣдыхъ волосъ въ палецъ толщиною, осматриваетъ свое хозяйство), познакомилась у воротъ съ моимъ камердинеромъ Петромъ Ѳедоровичемъ и спрашивала его, женатъ я или нѣтъ, и если нѣтъ, имѣю-ли охоту и склонность къ браку. Въ это время выбѣгала за нею (разумѣется ненарочно) дочка, рыжая и курносая, у которой не только на лицѣ, но и на платьѣ были веснушки. Другіе находятъ просто поэтическое удовольствіе въ томъ, чтобъ знать всѣ домашнія дѣла новоприбывшаго...

Черезъ мѣсяцъ.

Былъ на большомъ обѣдѣ у одного изъ здѣшнихъ

изъ разсказываемаго имъ—въ дѣйствительности не было и быть не могло, точно такъ-же, какъ нѣтъ и никогда не бывало въ мірѣ города *Малинова,* котораго не найдете ни на какихъ картахъ древняго и новаго свѣта.—Ред. От. Зап. *Каковъ махіавелизмъ!*

аристократовъ. Ужасно смѣшно все безъ исключенія, начиная отъ хозяина въ свѣтло-яхонтовомъ фракѣ и съ волосами, вычесанными вгладь, до креселъ изъ цѣльнаго краснаго дерева, тяжеле 10-фунтоваго орудія, украшенныхъ позолоченной рѣзьбою, въ видѣ раковиъ и амуровъ. Торжественной процессіей отправился beau monde въ столовую: губернаторъ съ хозяйкой дома впередъ; за нимъ всѣ въ почтительномъ разстояніи и въ томъ порядкѣ, въ какомъ чиновники пишутся въ Адрессъ-Календарѣ. Толпа лакеевъ въ какихъ-то чижоваго цвѣта сюртукахъ, пестрыхъ галстухахъ и съ бисерными шнурками по жилетамъ, суетились за стульями, подъ предводительствомъ дворецкаго, котораго брюхо доказывало, что онъ вполнѣ пользуется правомъ ѣсть съ барскаго стола. Изъ-за полу-затворенной двери выглядывала босая баба, одѣтая въ грязь, съ тарелкой въ рукѣ и съ полотенцемъ. Вице-губернаторъ хотѣлъ-было сѣсть за второй столъ, за которымъ помѣстились барышни и молодые люди; но старуха мать хозяина начала кричать: „помилуйте Сергѣй Львовичъ, что вы дѣлаете; куда это вы сѣли?“ — Да развѣ вы меня считаете старикомъ?—„Охъ, батюшка,“ отвѣчала старуха, „лѣтами-то ты молодъ, да чинъ-то твой старъ.“ Малиновъ смѣло можетъ похвастать порядкомъ распредѣленія мѣстъ за обѣдомъ.

Главное дѣйствующее лицо за обѣдомъ былъ докторъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ забывшій медицину, и учившійся, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ Геттингенѣ. Онъ поѣхалъ въ Россію съ твердымъ убѣжденіемъ, что въ Москвѣ по улицамъ ходятъ медвѣди и, занесенный въ Малиновъ нѣмецкой страстью пытать счастья по всему бѣлому свѣту, обжился здѣсь, привыкъ и остался дожидаться, пока разстройство животной экономіи и

засореніе vasorum absorbentium превратитъ его самого въ соръ. Этотъ старичокъ весьма веселый и крошечнаго роста, лукаво посматривалъ сѣренькими глазками, острилъ въ глаза надъ всѣми, шутилъ, отпускалъ вольтеровскія замѣчанія, смѣшилъ двусмысленностями и приводилъ въ ужасъ матеріализмомъ. При этомъ онъ умѣлъ принимать такой видъ кліентизма и уничиженія, такой видъ бономіи и самоуничтоженія, что его вылазки даже на особу его превосходительства принимались милостиво. Я воображаю, что подобную роль играли жиды въ замкахъ рыцарей, когда они имъ были нужны. Его всѣ любили и онъ всѣхъ любилъ. Это поколѣніе родилось, выросло, занемогло, выздоровѣло при немъ, отъ него; онъ не только зналъ ихъ наружность, но зналъ внутренности,—и еще больше нежели наружность и внутренности, я замѣтилъ это по нѣкоторымъ сардоническимъ взглядамъ, отъ которыхъ пылали нѣкоторыя щечки.

За обѣдомъ первый тостъ пили за *здравіе* его превосходительства, съ благоговѣйнымъ чиномъ, вставши. Докторъ сложилъ руки на груди и сказалъ: „Ваше превосходительство, ну могу-ли я откровенно пить такой ужасный тостъ для меня?“... Всѣ захохотали; чиновники качали головой, будто говоря „экій смѣльчакъ!“ и я хохоталъ, потому что въ самомъ дѣлѣ выходка была смѣшна.

Когда кончился обѣдъ съ своими 26-ю блюдами и 15 тостами, всѣ бросились къ карточнымъ столамъ. Барышни столпились въ уголъ залы. Докторъ, слѣдуя гигіеническимъ правиламъ, еще возложеннымъ въ Геттингенѣ и отъ которыхъ онъ никогда не отступалъ, сталъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ, всякій разъ стрѣляя остротами, когда подходилъ къ барышнямъ. Я ушелъ.

Черезъ полтора мѣсяца.

Жена почтмейстера, принимающая во мнѣ родственное участіе, сказала, что на меня дуется весь городъ, зачѣмъ я не дѣлалъ визитовъ. Безъ вины виноватъ! Мнѣ отроду не приходила въ голову возможность ѣхать въ незнакомый домъ. Завтра нанимаю я у хозяина дома дрожки (досадно только, что онѣ обиты кирпичнаго цвѣта сукномъ) и ѣду.

На другой день.

Вездѣ приняли какъ роднаго и подчивали водкой. Право, они предобрые люди! Глупы ужасно — ну, да что-жь дѣлать. Дамы намекали что-то на то, что я прежде познакомился съ почтмейстершей. Какое вниманіе ко мнѣ! Немного досадно, что онѣ такъ дурно думаютъ о моемъ вкусѣ. Жена тощаго учителя въ тысячу разъ милѣе и ближе къ натурѣ. Вчера мы съ ней гуляли по саду въ лунный вечеръ. Луна и здѣсь такъже сантиментальна, какъ вездѣ. Въ саду есть бесѣдка, изъ оконъ которой прекрасно смотрѣть на луну...

Черезъ полгода.

Бѣдная, жалкая жизнь! не могу съ нею свыкнуться... Пусть человѣкъ, гордый своимъ достоинствомъ, пріѣдетъ въ Малиновъ посмотрѣть на тамошнее общество— и смирится. Больные въ домѣ умалишенныхъ меньше безсмысленны. Толпа людей, двигающаяся и влекущаяся къ однимъ призракамъ, по горло въ грязи, забывшая всякое достоинство, всякую доблесть, тѣсныя узкія понятія, грубыя, животныя желанія... Ужасно и смѣшно! Въ природѣ есть какая-то сардоническая логика, по которой она безжалостно развиваетъ нелѣпости чрезвычайно послѣдовательно. И именно въ этихъ-то разви-

тіяхъ тѣсно спаянъ, какъ въ шекспировскихъ драмахъ, глубоко-трагическій элементъ съ уморительно-смѣшнымъ. И жаль ихъ отъ души, и не удержишься отъ смѣха... Бѣдные люди! Они подъ тяжелымъ фатумомъ; виноваты-ли они, что съ молокомъ всосали въ себя понятія нечеловѣческія, что воспитаніемъ они исказили всѣ порывы, заглушили всѣ высшія потребности? Такъ же невиноваты, какъ альбиносы, которые вдыхаютъ въ себя сѣверный болотный воздухъ, лишающій ихъ силъ и заражающій ихъ организмъ.

И этотъ міръ нелѣпости чрезвычайно послѣдовательно учредился, такъ какъ Японія, и въ немъ всякое измѣненіе на сію-минуту невозможно, потому что онъ твердо растетъ на прошедшемъ и вѣренъ своей почвѣ. Вся жизнь сведена на матеріальныя потребности: деньги и удобства — вотъ граница желаній, и для достиженія денегъ тратится вся жизнь. Идеальная сторона жизни Малиновцевъ — честолюбіе, честолюбіе дѣтское, микроскопическое, вполнѣ удовлетворяющееся приглашеніемъ на обѣдъ къ губернатору и его пожатіемъ руки.

Утромъ Малиновъ на службѣ: въ два часа Малиновъ ѣстъ очень-много и очень-жирно, что и обусловливаетъ необходимость двухъ большихъ рюмокъ водки, чтобъ сдѣлать снисходительнымъ желудокъ. Послѣ обѣда, Малиновъ почиваетъ, а вечеромъ играетъ въ карты и сплетничаетъ. Такимъ образомъ жизнь наполнена, законопачена, и нѣтъ ни одной щелки, куда-бы прорѣзался лучъ восходящаго солнца, въ которую бы подулъ свѣжій, утренній вѣтеръ. И, что меня выводитъ пуще всего изъ себя, это удушливое однообразіе, это отвратительное semper idem. Ежели танцуютъ — все-тѣ-же кавалеры и тѣ-же фраки; иногда мѣняются перчатки. Какъ теперь вижу красное платье, цвѣту давленной

брусники, на женѣ директора гимназіи; это платье пятьдесятъ разъ мелькало передо мною въ разныхъ временахъ года, въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, въ разныхъ танцахъ; даже мнѣ памятенъ особый, померанцовый запахъ отъ него, въ родѣ кюрасо.—И говорятъ все одно и то-же. Всякій вечеръ играютъ четыре мученика другъ съ другомъ въ бостонъ, и всякій разъ однѣ и тѣже остроты. Одинъ скажетъ: „пришестнемъ“ вмѣсто шесть; „не вистъ, а вистище“ и трое другихъ хохочутъ, всякій разъ! Да вѣдь это ужасно! Человѣчество можетъ ходить взадъ и впередъ, Лиссабонъ проваливаться, государства возникать, поэмы Гёте и картины Брюлова являться и исчезать — Малиновцы этого не замѣтятъ. Наполеону надобно было предпринять походъ 1812 года и пройти нѣсколько тысячъ верстъ самъ-полмилліона для того, чтобъ обратить на себя ихъ вниманіе. И то какое вниманіе! О французѣ они услышали какъ о саранчѣ; вѣдь никто не спрашиваетъ, откуда саранча и зачѣмъ, довольно знать, что хлѣбъ дороже будетъ...

Встрѣчались люди, у которыхъ сначала былъ какой-то зародышъ души человѣческой, какая-то возможность — но они крѣпко заснули въ жалкой, узенькой жизни. Случалось говорить съ ними о смертномъ грѣхѣ противъ духа — обращать человѣческую жизнь въ животную: они просыпались, краснѣли; душа, вспоминая свою орлиную натуру, расправляла крылья; но крылья были тяжелы, и они какъ куры только хлопали ими, на воздухъ не поднялись и продолжали копаться на заднемъ дворѣ. Я глядѣлъ на нихъ и чуть не плакалъ.

Чтобъ познакомить еще болѣе съ жизнію Малиновцевъ, я опишу типическій день отъ 8 часовъ утра до 3 часовъ ночи.

Праздникъ + въ кружкѣ. На дворѣ трескучій морозъ, на улицахъ снѣгъ на аршинъ; плохо разсвѣло, а снѣгъ ужъ скрипитъ подъ санями непремѣннаго члена приказа, который отправляется къ губернатору рапортовать о состояніи богоугодныхъ заведеній, и поздравить его съ праздникомъ. Онъ увѣренъ, что губернаторъ еще спитъ, что онъ его прождетъ часа полтора; но въ томъ-то и сила, чтобъ придти раньше всѣхъ, — почтительнѣе. Сальные лакеи для него не встанутъ; шубу онъ самъ снялъ, на первой ступенькѣ лѣстницы; калоши оставилъ въ сапяхъ, а сани у воротъ. Черезъ полчаса начинаютъ подъѣзжать къ воротамъ чиновники низшаго разряда — все это, чтобъ поздравить „генерала“ съ праздникомъ, наконецъ являются аристократы; они гордо въѣхали на дворъ и смѣло вошли въ переднюю въ шубахъ. Зала наполняется. Смиренно въ углу стоитъ какой-нибудь исправникъ; онъ всѣмъ кланяется, всѣхъ уважаетъ; онъ дрожитъ до тѣхъ поръ, пока не доберется опять до своихъ лѣсовъ. Полицмейстеръ, въ мундирѣ безъ эполетъ, держитъ рапортъ о благосостояніи города, правитель канцеляріи съ портфелью ждетъ у дверей кабинета; исправникъ бросаетъ тоскливые взоры на эту портфель..... Погодя немного, съ шумомъ влетаетъ изъ внутреннихъ дверей, notez bien cela — чиновникъ особыхъ порученій, безъ шляпы; „мы, дескать, свои люди.“ Онъ одинъ громко говоритъ — остальные шепчутъ; исправникъ похудѣлъ, когда онъ вошелъ и поклонился низко, чиновникъ особыхъ порученій потолстѣлъ, увидѣвъ исправника, и поклонился ему наизнанку, то-есть, закинувъ голову на спину. Между тѣмъ, компанія раздѣлилась на двѣ части, — аристократы сами-по-себѣ, плебеи сами-по-себѣ. Да кто-же тутъ аристократы? Сейчасъ объясню вамъ это. Есть

чиновники, сидящіе за перегородкой, передъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ; эти чиновники пишутъ по одному слову на каждой бумагѣ — это *совѣтники*, аристократы; это люди, которые приглашаются къ обѣденному столу его превосходительства; есть другіе чиновники, сидящіе по сю сторону перегородки, передъ столами, которые покрыты чернильными пятнами: эти пишутъ по одному милліону словъ на каждомъ листѣ, но они не аристократы, они — *канцелярскіе*. Эти два міра нигдѣ не смѣшиваются; одинъ переходный мостъ между ними—секретарь; секретарь, какъ Лафайетъ, — человѣкъ двухъ міровъ. Безъ него совѣтникамъ было-бъ нечего подписывать, а канцелярскимъ списывать. Онъ и въ обществѣ играетъ туже ролю. Если нѣтъ вблизи четвертаго, его сажаютъ съ собою за бостонъ аристократы и онъ надѣваетъ бѣлый галстухъ. А завтра, на имянинахъ у *канцелярскаго*, для него составятъ бостонъ изъ двухъ столоначальниковъ и частнаго пристава и онъ придетъ въ сюртукѣ и растегнетъ двѣ пуговки на жилетѣ. Есть еще разные двусмысленные чиновники, Zwittergestalten, лавирующіе между двумя мірами, и, смотря по обстоятельствамъ прикрѣпляющіеся то къ одному, то къ другому: губернскій стряпчій, правитель дѣлъ губернатора, но истинно завидное общественное положеніе принадлежитъ чиновнику особыхъ порученій. Партизанъ юридическихъ набѣговъ, онъ съ презрѣніемъ смотритъ на все, кромѣ губернатора; его аристократы боятся, плебеи ему удивляются, всѣ завидуютъ; онъ въ синемъ фракѣ обѣдаетъ у губернатора, онъ отправляетъ на почту письма ея превосходительства. Около міровъ губернскаго чиновничества, обращаются міры уѣздныхъ; о нихъ въ другой главѣ. Внѣ всего этого, шага на два, отдѣльные владѣтельные князья:

прокуроръ, директоръ гимназіи, удѣльный начальникъ; ихъ отношенія не такъ правильно истекаютъ изъ главной идеи, какъ въ мірѣ, подчиненномъ губернатору.

Но двери въ кабинетъ растворились, и „генералъ“ вышелъ, съ нимъ его гость и другъ, малиновскій откупщикъ. толстый мужчина съ свиными глазами. Губернаторъ Малинова говоритъ съ тремя-четырьмя изъ аристократовъ, на остальныхъ не обращаетъ вниманія, а ежели кому случится встрѣтиться съ его взглядомъ, тотъ тотчасъ кланяется, хотя-бъ въ пятый разъ, многіе выставляются, чтобъ заявить свое присутствіе. Директоръ гимназіи, пріѣхавши позже всѣмъ, поднимаетъ голосъ: „Ваше превосходительство, не соблаговолите-ли ѣхать въ каѳедральный соборъ? Отецъ-ректоръ семинаріи, высокопреподобный Макридій будетъ говорить слово.“—Какъ-же! непремѣнно. Онъ хорошо говоритъ?—„Ораторское искусство Цицерона, ваше превосходительство!“ и директоръ гордо смотритъ на окружающихъ. Губернаторъ, обращаясь ко всѣмъ, произноситъ: „И вы вѣроятно въ соборъ? надобно молиться!“ и всѣ ѣдутъ въ соборъ. Обѣдъ я описывалъ. Вечеромъ балъ у полицмейстера. Губернаторъ отдаетъ приказъ, чтобъ раньше собирались: онъ не любитъ, когда кто-нибудь позже его пріѣзжаетъ.

Выспавшись, городъ начинаетъ торопиться, надѣваетъ пестрый жилетъ, коричневый фракъ, надѣваетъ всего чаще вицъ-мундиръ, и ѣдетъ на балъ. Дамскій туалетъ я описать не возмусь: отъ одного описанія можетъ зарябѣть въ глазахъ. Плошки горятъ у воротъ полицмейстера, въ окнахъ свѣтъ. Въ восьмомъ часу начинаетъ собираться beau monde, пьяный *квартальный* снимаетъ шубы и прячетъ ихъ, чтобъ никто не уѣхалъ;

въ передней тѣсно: четыре семинариста въ затрапезныхъ халатахъ, два солдата и канцелярскій служитель въ фризовой шинели, подпоясанный бѣлымъ полотенцемъ, составляютъ оркестръ. Начинаютъ подъѣзжать экипажи, и огромный возокъ почтмейстера, мыча и скрыпя, остановился у крыльца. Возокъ этотъ дѣланъ около царствованія Анны Іоанновны и, отодвигаясь каждое двадцатилѣтіе на нѣсколько сотъ верстъ отъ Петербурга, оканчивалъ преклонныя лѣта свои въ сараѣ почтмейстера. Встарь онъ былъ внутри покрытъ мѣхомъ; теперь оплешивѣлъ и окна качаются у него, какъ зубы у старухи. Изъ возка вынимаютъ человѣкъ восемь обоего пола: какъ они помѣстились съ накрахмаленными юбками, съ станиславомъ (во весь ростъ) на шеѣ у почтмейстера, съ цвѣтами на челѣ почтмейстерши—трудно постигнуть; но кому-же и умѣть укладываться, какъ не почтовымъ? Это гости почетные, и ихъ полицмейстеръ встрѣчаетъ въ передней. Въ залѣ становится людно и сильно пахнетъ духами, которые *трогитъ* á Paris Мусатовъ. Но ни картъ не даютъ, ни чаю, ни музыка не играетъ. Подполковница гарнизоннаго баталліона — дама отважная, дама хорошо воспитанная въ разныхъ казармахъ и кордегардіяхъ, начинаетъ ронтать и повторяетъ свою вѣчную фразу: „когда я стояла съ мужемъ въ Молдавіи, то самъ господарь...“ Квартальный сбиваетъ гостей съ ногъ, ищетъ хозяина и кричитъ: „ваше высокоблагородіе; его превосходительства карета *изволила* на мостъ въѣхать!“ Полицмейстеръ, прихрамывая отъ тарутинской пули, бѣжитъ съ лѣстницы, чтобъ встрѣтить генерала. Генералъ пріѣхалъ съ откупщикомъ. Входитъ. Музыка гремитъ польскій, генералъ открываетъ балъ и отправляется за карточный столъ. Машина спущена. Чай пода-

ется, карты сдаются, vis-à-vis выбираются, пары становятся...

Балъ провинціальный описывали тысячи разъ; разумѣется, онъ имѣетъ нѣкоторыя сходства съ столичнымъ баломъ—такъ какъ есть же общее въ портретахъ Кутузова цѣною въ десять рублей, и цѣною въ десять копѣекъ. Иногда танцующіе ссорятся за мѣста, и тутъ недалеко до членовредительства, есть дамы, въ томъ числѣ подполковница, которая непремѣнно хочетъ быть въ первой парѣ въ мазуркѣ и готова щипать несчастную даму, стоящую передъ ней. Есть кавалеры, которые какъ-то прищелкиваютъ каблуками, такъ что изъ другой комнаты можно думать, что дверью кто-нибудь давитъ грецкіе орѣхи. За то есть голыя плечи, ни чуть не хуже столичныхъ, пластически прелестныя, отъ которыхъ трудно отвести глаза особенно стоя за стуломъ; есть свѣжія лица, очень хорошенькія, но глазъ съ выраженіемъ нѣтъ. Во всемъ Малиновѣ было три глаза выразительные: два изъ нихъ принадлежали одной пріѣзжей барышнѣ, третій кривой болонкѣ губернаторской. Въ антрактахъ, между одной кадрилью и другою, наполняютъ „желудка бездонную пропасть," какъ говоритъ Гомеръ: дамамъ сластями, мужчинамъ водкой, виномъ и солеными закусками. Отсюда немудрено понять, что балъ разгорается болѣе и болѣе. Матери семействъ, сидящія неподвижно около стѣнъ, громче сплетничаютъ; лица барышень пылаютъ, юность и веселье беретъ верхъ надъ этикетомъ, — словомъ, балъ во всей красѣ.

Въ двѣнадцать часовъ губернаторъ окончилъ бостонъ выходитъ въ залу и танцуетъ кадриль съ хозяйкой дома. Въ Малиновѣ всѣ танцуютъ—отъ грудныхъ дѣтей до столѣтнихъ старцевъ, такъ какъ всѣ играютъ въ бо-

стонъ. Можно думать, что всѣ жители заражены пляской Витта. Потомъ трескъ, шумъ, sensation... „Ваше превосходительство, еще минуту!“ Генералъ неумолимъ, генералъ твердъ, генералъ не ужинаетъ, генералъ въ шубѣ, генералъ уѣхалъ. Нѣсколько человѣкъ, не смѣвшіе танцовать съ нимъ подъ одной крышей, являются на паркетѣ, уѣздный казначей кричитъ въ котильйонѣ „окончимъ *попурями*, я смерть люблю попури.“ Отъ *попурей* за ужинъ, съ ужина матери семействъ укладываются, цалуются, уѣзжаютъ съ дочерями; изъ дамъ остается одна подполковница—ее не испугаешь ничѣмъ бывалой человѣкъ. Шампанское льется рѣкой. Пьяный подполковникъ умоляетъ жену пройдти съ нимъ: „русскую,“ — одни свои, чужіе разъѣхались. Канцелярскій въ фризовой повелъ смычкомъ „барыню“ и салонъ незамѣтно перелпвается въ Перовъ трактиръ. Часа въ четыре, гости разъѣзжаются. Хозяинъ доволенъ, потираетъ себѣ руки, говоря „жаркій денекъ! удался“...

Но довольно вязнуть въ этомъ болотѣ; тяжело ступать, тяжело дышать. Перейдемъ въ сферу, гдѣ человѣкъ отъ животныхъ отдѣляется не одними зоогностическими признаками, которые упрочиваютъ за нимъ почетное мѣсто возлѣ обезьянъ и лемуровъ.

Вотъ одна человѣческая встрѣча въ Малиновѣ, и очень странная притомъ.

Недалеко отъ Малинова города, живетъ какой-то помѣщикъ, разсказы о которомъ безконечны у Малиновцевъ,—богатый человѣкъ, выписывающій вещи изъ Парижа и изъ Лондона, устроившій свое имѣнье по ученому, по *агрономіи*, польско-прусскій дворянинъ и проч. проч.

„Почему онъ не женится?“ говорили одни. „Потому что онъ фармазонъ, а въ ихъ вѣрѣ даютъ обѣтъ мо-

нашества, масоны и іезуиты—вѣдь это одно," отвѣчали люди мудрые, вершавшіе окончательно трудные вопросы, которые изрѣдка возникали въ малиновскихъ головахъ. „Онъ скупъ какъ кащей," говорили чиновники: „ни одного *стола* не сдѣлалъ во всю жизнь, нашъ братъ живетъ лучше его, не смотря на бѣдные оклады." „Онъ развратилъ своихъ крестьянъ, говорили помѣщики, до того, что они въ будни ходятъ въ сапогахъ, да еще имѣютъ у себя батраковъ." „Сумасшедшій, просто сумасшедшій," увѣрялъ пятидесятилѣтній корнетъ, обладатель 20 душъ и камердинера въ плисовыхъ панталонахъ.

Наконецъ я познакомился съ нимъ.

Трензинскій сдѣлалъ на меня самое странное впечатлѣніе. Чортъ-знаетъ, какъ онъ съ такимъ апатическимъ равнодушіемъ умѣлъ соединить силу дѣйствовать на душу странными мнѣніями и парадоксами. Ему удалось нанести глухой ударъ нѣкоторымъ изъ теплыхъ вѣрованій моихъ. Да что это, какъ я слабъ, или какъ слабы мои теоріи, когда первый встрѣчный можетъ потрясти ихъ! И прескверная манера у него: онъ почти не споритъ, онъ на теоретическія разрѣшенія вопросовъ смотритъ какъ на что-то постороннее, школьное, безъ вліянія на жизнь и безъ корня въ ней. Отъ-того, вмѣсто спора и опроверженія, онъ преравнодушно соглашается, и иной разъ, кажется, откровенно.

Я ему былъ рекомендованъ единственнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ съ нимъ постоянныя сношенія, докторомъ медицины, проживавшимъ въ одномъ изъ большихъ заводовъ малиновскихъ. Самъ докторъ лицо примѣчательное. Имѣя практику въ городѣ, онъ въ недѣлю раза два являлся въ Малиновъ. Я часто встрѣчался съ нимъ, но никогда не слыхалъ отъ него ни одного сло-

ва, которое относилось бы къ чему нибудь постороннему для его занятій, ни даже о погодѣ, о дорогѣ, и проч. А между тѣмъ ироническая улыбка и яркіе глаза показывали, что онъ многое могъ бы сказать, и что ему дорого стоитъ приклѣпить языкъ къ гортани. Мнѣ не здоровилось, и я просилъ доктора заѣхать; онъ явился, и не знаю какъ, но у меня онъ не игралъ своей молчаливой роли. Говорятъ, что храмовые рыцари вездѣ узнавали другъ друга, узнавали даже степень свою въ таинствахъ и силу въ орденѣ при встрѣчѣ. Это только съ перваго взгляда кажется удивительнымъ: мы всѣ храмовые рыцари, и *свой своего* узнаетъ по тремъ, четыремъ словамъ. И такъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что два выходца университета поняли тотчасъ другъ друга въ Малиновѣ. Докторъ посѣщалъ меня вдвое чаще, нежели требовала моя полуболѣзнь, и сидѣлъ вдвое долѣе, нежели у всѣхъ больныхъ Малиновцевъ. Онъ говорилъ съ восхищеніемъ о Трензинскомъ. И однимъ добрымъ утромъ мы поѣхали къ нему.

Трензинскій принялъ европейски-учтиво, т. е. малиновски - грубо, безъ полуварварскаго гостепріимства, безъ трехъ четвертей варварскихъ церемоній, и безъ вполнѣ варварскаго принужденія пить и ѣсть когда не хочется. Поговоривъ о томъ, о семъ, онъ сказалъ намъ что въ это время ежедневно осматриваетъ заводъ, и просилъ или идти съ нимъ, или, пока онъ возвратится погулять въ саду. Мы пошли на заводъ.— Трензинскій человѣкъ высокаго роста, чрезвычайно худой, лицо нѣжное, очень бѣлое; эта бѣлизна придаетъ что-то мертвое, отжившее всѣмъ чертамъ, и если-бъ не большіе, сѣро - голубоватые глаза и улыбка на губахъ, то онъ былъ бы похожъ на хорошо сдѣланную восковую фигуру. И улыбка его примѣчательна: сначала она кажет-

ся добродушіемъ, потомъ насмѣшкой, и наконецъ убѣждаешься, что этотъ ротъ вовсе не можетъ улыбаться, а что движеніе губъ его болѣзненно-судорожное сжиманіе. Ему за пятьдесятъ, но онъ прямъ и бодръ; „чело какъ черепъ голый.“ Исторія его жизни, должно быть, представляетъ длинную повѣсть мыслей, страстей, ощущеній, коллизій; но повѣсть кончена, а жизнь продолжается. Такъ казалось мнѣ, когда я пристально всматривался въ его лицо; оно мнѣ напомнило мраморные, холодные, гладкіе надгробные памятники, поставленные надъ прахомъ, въ которомъ клокоталъ когда-то огонь. Въ его кабинетѣ мало книгъ: «Mémorial de S-te Helène», и какой то трактатъ о черепословіи лежали на столѣ между Тэеромъ, Берцеліусомъ и книгами, прямо относящимися къ заводскому дѣлу. На окнахъ стояли реторты, стлянки и банки, а на стѣнахъ висѣло нѣсколько видовъ Венеціи, копія съ Рембрандова Яна Собѣскаго, двѣ-три головы съ свѣтлыми усами и картина тщательно завѣшанная тафтою.

Осмотрѣвъ заводъ, пришли мы въ садъ и сѣли на террасѣ; день былъ очень хорошъ, запахъ воздушныхъ жасминовъ и тополей доносился къ намъ, вмѣстѣ съ неопредѣленнымъ лѣтнимъ говоромъ природы — говоромъ, въ которомъ перепутаны и шелестъ листьевъ, и чириканье птицъ, и звуки кузнечика и жужжанье пчелъ, и еще сотня разныхъ звуковъ, свидѣтельствующихъ, что все вокругъ васъ живо, весело и радуется солнцу. Ничего нѣтъ удивительнаго, что разговоръ мало по малу оживился и сдѣлался откровеннымъ. Человѣку вовсе несвойственно безпрерывно корчить дипломата и надобно ему пройти великую школу разврата духовнаго, чтобъ подозрительно затаивать всякую мысль отъ каждаго вновь встрѣтившагося человѣка.

— Славно живете вы, сказалъ я: — особенно въ хорошую погоду; но, признаюсь, удивляюсь, какъ вамъ не скучно въ такомъ одиночествѣ и въ такой глуши!

— Конечно, подъ часъ бываетъ скучно, но не думайте, чтобъ болѣе нежели гдѣ нибудь. Скука внутри имѣетъ зародышъ. Повѣрьте, кто понялъ душею, что на свѣтѣ *можетъ быть* очень скучно, тому прійдется иной разъ поскучать, гдѣ-бы онъ ни жилъ—отъ Нью-Іорка до Малинова. Вообще, здѣсь я меньше скучаю, нежели скучалъ прежде, кочуя изъ города въ городъ, здѣсь у меня положительныя занятія.

— Я не понимаю, откровенно говоря, возможность жить и не имѣть подлѣ себя ни одного близкаго существа.

— Вамъ, кажется, лѣтъ двадцать, а мнѣ пятдесятъшесть. И не смотря на то, что есть много истиннаго въ вашемъ замѣчаніи, я увѣряю васъ, что человѣкъ можетъ всячески жить: таково устройство его, и я въ этомъ нахожу высочайшую премудрость; брошенный совершенно во власть случайности, не имѣя возможности измѣнить внѣшнее на волосъ, онъ былъ бы несчастнѣйшимъ существомъ, еслибъ не доставало ему эластичности, хорошо прилаживающейся къ обстоятельствамъ. Вы не имѣете повода думать, чтобъ я отталкивалъ отъ себя симпатію, одинъ человѣкъ образованный и съ душою, на 300 верстъ кругомъ,—это докторъ, и онъ бываетъ у меня; давно ли вы пріѣхали въ Малиновъ, и такъ-ли, иначе-ли, вы здѣсь, — и я чрезвычайно радъ. Но понимаю, что тотъ же случай могъ сдѣлать и съ тою-же безсознательностію, чтобъ вы не были въ Малиновѣ, чтобъ вмѣсто доктора, привезеннаго ко мнѣ моимъ управляющимъ безъ моего вѣдома, пріѣхалъ нѣмецъ буффъ, котораго вѣроятно вы видѣли. И я былъ

бы одинъ. Власти надъ случаемъ у меня нѣтъ: что-жъ бы мнѣ дѣлать? писать элегіи — лѣта ушли. Съ тѣхъ поръ, какъ я понялъ, что случай управляетъ индивидуальнымъ существованіемъ и цѣлыми семействами, я отдался ему во власть: онъ меня бросилъ въ Малиновъ, тогда какъ я и имени этого города не слыхалъ прежде, могъ бы бросить въ Канаду, и я сдѣлался бы тамъ куперовскимъ колонистомъ...

— Случай, которому вы, кажется, придаете всю мощь греческаго фатума, имѣетъ вліяніе надъ внѣшнею стороной жизни, такъ сказать надъ обстановкой. Въ томъ-то вся задача, чтобъ, подобно какому нибудь Гёте, стоять головою выше всѣхъ обстоятельствъ и ихъ покорять,—чтобъ внутренній міръ сдѣлать независимымъ отъ наружнаго.

— Гёте вы поставили не совсѣмъ хорошо въ примѣръ. Тотъ-же случай, о которомъ я говорю, далъ ему во-первыхъ огромную дозу эгоизма и, во-вторыхъ, организацію холодную къ многому, волнующему другихъ. Тутъ нѣтъ побѣды, что человѣкъ, не чувствующій потребности пить вино, не пьянствуетъ. Что касается до вашего внутренняго міра, все это хорошо въ стихахъ и въ трактатахъ, а не на самомъ дѣлѣ и не для всѣхъ. Я тоже сошлюсь на Гёте: онъ чрезвычайно глубокомысленно сказалъ въ одной эпиграммѣ, которая, вѣроятно, вамъ извѣстна, что жизнь не имѣетъ *ни ядра, ни скорлупы*. Съ другой стороны, я не спорю, внутренняя полнота, особенно при экзальтаціи воображенія, можетъ сдѣлать человѣка совершенно независимымъ отъ всего внѣшняго; но еще разъ—это не для всѣхъ: для этого надобно имѣть, можетъ быть, слабонервныхъ родителей вообще склонность къ сумасшествію... Вѣдь и сумасшествіе есть независимость отъ внѣшняго міра.

— Помилуйте! вскричалъ я, выведенный изъ себя результатомъ — идеалъ высшаго гармоническаго существованія кажется вамъ болѣзнію близкой къ сумасшествію, и совершенную потерю божественной искры въ человѣкѣ вы сравнили съ безконечною высотою духа, пренебрегающаго всѣми суетами и гордо находящаго цѣлый міръ въ себѣ!

— А вы сейчасъ сказали, что не понимаете жизни безъ близкаго существа. Тутъ противорѣчіе. Это близкое существо будетъ внѣ васъ, и случай — сквозной вѣтеръ, на примѣръ, — можетъ отнять его у васъ: ну что-то тутъ скажетъ ваша теорія внутренней полноты?

— Она самоотверженно склонитъ главу, и воспоминаніемъ, самою грустью замѣнитъ былое.

— Хорошо, что у ней гибкая шея. А еслибъ у нея была непреклонная выя Байрона, еслибъ самоотверженіе для нея было столько же невозможно, какъ для рыбы дышать воздухомъ?.. Конечно, и спорить нечего: воздухъ славная среда для дыханія, жиденькая, прозрачная—а рыба умираетъ въ ней. Я вижу, вы большой идеалистъ. Это дѣлаетъ вамъ честь, идеализмъ доступенъ только высшимъ натурамъ; идеализмъ одна изъ самыхъ поэтическихъ ступеней въ развитіи человѣка и совершенно по плечу юношескому возрасту, который все пытаетъ словами, а не дѣломъ. Жизнь послѣ покажетъ, что всѣ громкія слова только прикрываютъ кисейнымъ покровомъ пропасти, и что ни глубина, ни ширина ихъ не уменьшается отъ-того ни на волосъ. Увидите сами.

— Увѣряю васъ, что я не позволю какому нибудь отдѣльному, случайному факту, несчастію потрясти моихъ убѣжденій.

— Богъ знаетъ, судя по живости вашей, я не ду-

маю, чтобъ вы могли пасть въ незавидное положеніе нѣмецкихъ ученыхъ, которые, выдумавъ теорію, всю жизнь ее отстаиваютъ, хотя бы каждый день опровергалъ ее. Конечно, это такъ невинно и безвредно, что жаль ихъ бранить, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно смѣшно. Они мнѣ напоминаютъ старика англичанина, съ которымъ я познакомился въ началѣ нынѣшняго вѣка. Благородный лордъ доказывалъ ясно, какъ 2×2=4, что Наполеона не должно признавать императоромъ и называлъ его „генераломъ Бонапарте.“ Это навлекло на него разныя гоненія, и онъ долженъ былъ безпрерывно оставлять городъ за городомъ; наконецъ поселился въ Вѣнѣ — тутъ ему было раздолье опровергать права Наполеона. На бѣду, генералъ Бонапарте сталъ близокъ австрійскому императору, лордъ покинулъ Австрію, увѣряя, что ежели весь міръ признаетъ Бонапарте императоромъ, то онъ одинъ станетъ противъ всего міра и скорѣй положитъ свою сѣдую голову на плаху, нежели назоветъ его государемъ. Почтенный человѣкъ! Я всегда съ любовью протягивалъ ему руку; душа отдыхала, находя въ ту эпоху флюгерства человѣка съ такимъ мощнымъ убѣжденіемъ,—а бывало, слушая его, внутренно смѣешься, переносясь въ Парижъ, гдѣ короли ждутъ большаго выхода и склоняются передъ Наполеономъ.

— Всякая крайность имѣетъ свою смѣшную сторону. Но я никогда не думалъ, чтобъ толпа, погруженная въ ежедневность и направляемая ею, не знающая, что она завтра будетъ дѣлать, и которой вся жизнь опредѣляется внѣшнимъ стеченіемъ обстоятельствъ, была ближе къ назначенію человѣка, нежели гордый духъ, отвергающій всякое внѣшнее вліяніе и непокоряющійся ничему имъ непризнанному.

— То и другое, кажется, дурно. Толпа виновата тѣмъ, что она не понимаетъ, почему она такъ живетъ; а гордый духъ, говоря вашими словами, виноватъ вдвое тѣмъ, что, умѣя понимать, не признаетъ очевидной власти обстоятельствъ и тратитъ силу свою на отстаиваніе мѣста, то есть на чисто отрицательное дѣло. Не лучше-ли, куда-бы и какъ-бы судьба ни забросила, стараться дѣлать maximum пользы, пользоваться всѣмъ настоящимъ, окружающимъ, — словомъ, дѣйствовать въ той сферѣ, въ которую попалъ, какъ бы ни попалъ.

— Извините, я не могу удержаться отъ вопроса, какъ вы, напримѣръ, попали на мысль сдѣлаться малиновскимъ помѣщикомъ? Этотъ вопросъ идетъ прямо къ вашимъ словамъ.

— Моя жизнь нейдетъ въ примѣръ. Для того, чтобъ быть брошену такъ безцѣльно, такъ нелѣпо въ мірѣ, какъ я, надобенъ цѣлый рядъ исключительныхъ обстоятельствъ. Я никогда не зналъ ни семейной жизни, ни родины, ни обязанностей, которыя вростаютъ въ сердце съ колыбели. Но замѣтьте, я нисколько не былъ виноватъ, я не навлекъ на себя этого отчужденія отъ всего человѣческаго: обстоятельства устроили такъ. Когда нибудь я разскажу больше; теперь только скажу о пріѣздѣ сюда. Въ 1815 году жилъ я въ Карлсбадѣ, это время мнѣ очень памятно, я никогда не страдалъ такъ какъ тогда. Побѣдители Франціи возвращались гордые и ликующіе. Политическія партіи кипѣли; одни хвалились своими ранами, другіе своими проэктами; все было занято—побѣжденные слезами, униженными воспоминаніями, но все-же заняты. Я одинъ былъ посторонній во всемъ, какимъ-то дальнимъ родственникомъ человѣчества... Это давило меня, я былъ еще помоложе. Всѣ больные разъѣхались; я оставался къ Карлсбадѣ, пото-

му что не могъ придумать куда ѣхать и зачѣмъ. Жилъ цѣлую зиму, пришла весна, явились новые больные, и я вмѣстѣ съ ними принялся пить Шпрудель. Я велъ большую игру и, вѣрьте или нѣтъ, съ радостью видѣлъ, какъ мое богатство утекало широкою рѣкой, предвидя, что наконецъ нужда рѣшитъ вопросъ о томъ что мнѣ дѣлать. Разъ, въ казино, мечу я банкъ; русскій князь, бросавшій деньги горстями и дѣлавшій удивительныя глупости, о которыхъ, я полагаю, до сихъ поръ говорятъ въ Карлсбадѣ, подошелъ къ столу.—„Сколько въ банкѣ?“ спросилъ онъ. — Тысяча червонцевъ. — „Не стоитъ и руки марать“ замѣтилъ князь съ презрительной улыбкой. Это взбѣсило меня.—Князь! закричалъ я ему вслѣдъ: — я отвѣчаю за банкъ, сколько бы вы ни выиграли; вотъ небольшая гарантія — и бросилъ на столъ вексель въ огромную сумму. — „Теперь посмотримъ,“ сказалъ князь, вынулъ карту и поставилъ на нее тысячу червонцевъ. Нѣсколько игроковъ и больныхъ, стоявшихъ возлѣ, взглянули на него какъ на великаго человѣка. Этого то онъ и хотѣлъ, и за это заплатилъ тысячу черновцевъ, потому что карта была убита. Игра завязалась, и довольно сказать, что въ пять часовъ утра князь дрожащимъ мѣломъ сосчиталъ 630,000 франковъ, два раза провѣрилъ, и съ пятнами на лицѣ признался, что у него такой суммы теперь нѣтъ. На другой день онъ мнѣ прислалъ билетъ въ 130,000 франковъ, и предложеніе заложить свое имѣніе въ малиновской губерніи. Новая мысль блеснула у меня въ головѣ, я просилъ за долгъ уступить имѣніе, онъ обрадовался,—и я сдѣлался властителемъ и обладателемъ 550 душъ въ малиновской губерніи. Въ 1818 году, я пріѣхалъ съ княземъ въ Россію и, по окончаніи нужныхъ формъ, явился сюда. Десять лѣтъ я работалъ денно и нощно. Пред-

ставьте, не зная ни слова по русски, будучи незнакомъ съ нравами, видя, что мои нововведенія принимаются съ ропотомъ и неудовольствіемъ—я, разомъ ученикъ и распорядитель, впадалъ въ грубѣйшія погрѣшности, судилъ о русскомъ мужичкѣ à la Robert Owen, и въ то-же самое время усердно занимался химіей и заводскими дѣлами. Это счастливѣйшіе годы моей жизни! Въ 1829 г., поѣхалъ я посмотрѣть Петербургъ; пробылъ тамъ зиму, соскучился и воротился сюда. Это была для меня минута, полная наслажденія. Тутъ только увидѣлъ я разомъ плоды десятилѣтнихъ трудовъ. Поля моихъ крестьянъ отличались отъ сосѣднихъ какъ небо отъ земли; ихъ одежда... ну, словомъ, ихъ благосостояніе тронуло меня до слезъ. Съ тѣхъ поръ продолжаю я еще ревностнѣе устроивать мое имѣніе, хочу осушить болота, увеличитъ заводъ, и меня тѣшитъ явное улучшеніе того клочка земли, который судьба мнѣ дала. Я работаю, а между тѣмъ жизнь идетъ, да идетъ. Et, c'est autant de pris sur le diable!

— Прошу въ столовую, прибавилъ онъ, вставая и принимая опять свой холодный видъ, котораго онъ было лишился, разсказывая свою агрономическую поэму.

Я остался въ раздумьи отъ этой встрѣчи. Въ умномъ хозяинѣ моемъ не было ничего мефистофельскаго, ни бальзаковскихъ yeux fascinateurs, ни лихорадочнаго взора героевъ Сю, ни... ни всѣхъ необходимыхъ діагностическихъ и прогностическихъ признаковъ разочарованныхъ, мизантроповъ, бѣснующихся девятнадцатаго вѣка. Совсѣмъ напротивъ, въ немъ было много добраго, а между тѣмъ, его слова производили какое-то тяжкое, грустное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ нихъ была доля истины и что онъ жизнію дошелъ до своихъ результатовъ.

Послѣ обѣда люди дѣлаются вообще гораздо-добрѣе. Это одно изъ тѣхъ убійственныхъ замѣчаній, которыя глубоко оскорбляютъ душу мечтательную, а между тѣмъ, оно до того справедливо, что Гомеръ въ „Иліадѣ“ и „Одиссеѣ“ и Шекспиръ, не помню гдѣ, говорятъ объ этомъ. И такъ, мы сдѣлались добрѣе и сѣли на турецкій диванъ, въ маленькой угольной комнатѣ, потому что солнце свѣтило теперь прямо на террасу. На стѣнѣ висѣло нѣсколько эстамповъ, я всталъ, чтобъ посмотрѣть ихъ и остановился передъ гравюрой съ Раухова бюста Гете. Господи, какъ въ преклонныя лѣта сохранилась такая мощная и величественная красота! Эта голова могла бы послужить типомъ для греческаго ваятеля. Это чело, возвышенное и мощное по самой формѣ, эти спокойныя очи, эти брови. . . Самое слабое старческое тѣло придавало глубокій смыслъ его лицу, смыслъ, понятый тѣмъ изъ его современниковъ, который по многому могъ стать возлѣ него. „Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспрянуть во всей славѣ и красотѣ своей безтѣлесности.“*) Я долго стоялъ передъ изображеніемъ поэта и спросилъ у Трензинскаго: — видали-ли вы Гёте и похожъ-ли этотъ бюстъ?

— Два раза, отвѣчалъ онъ. — Да, онъ въ иныя минуты былъ похожъ на свой бюстъ. Раухъ точно геніально умѣлъ схватить высшее выраженіе его лица.

— Разскажите, пожалуйста, гдѣ и какъ вы его видѣли. Я страстно люблю разсказы очевидцевъ о великихъ людяхъ.

— Я не думаю, чтобъ вамъ понравился мой разсказъ; вы мечтатель, вамъ вѣроятно Гёте все предста-

*) Гегель въ „Эстетикѣ.“

вляется молніеноснымъ Зевсомъ, глаголющимъ міровыя истины и великія слова. Я, напротивъ, никогда не умѣлъ уничтожаться въ поклоненіи и адуляціи знаменитыхъ индивидуальностей, и смотрѣлъ на нихъ безъ заготовленныхъ теорій — и большею частію видѣлъ, что онѣ — sont ce que nous sommes, имѣютъ лицевую сторону и изнанку. Вы, поэты, именно изнанки-то и не хотите знать, а безъ нея индивидуальность не полна не жива. Вотъ вамъ моя встрѣча послѣ предисловія, за которое прошу не сердиться. Я былъ мальчикомъ лѣтъ 16, когда видѣлъ его въ первый разъ. Въ началѣ революціи, отецъ мой былъ въ Парижѣ и я съ нимъ. Régime de terreur какъ-то проглядывалъ сквозь сладкоглаголивую жиронду. Люди совершенно безумные, съ растрепанными волосами и въ сальныхъ кафтанахъ, показывались въ парижскихъ салонахъ и проповѣдывали громко уничтоженіе всѣхъ прежнихъ общественныхъ связей. Иностранцамъ было опасно ѣхать и еще опаснѣе оставаться. Отецъ мой рѣшился на первое, и мы тайкомъ выбрались изъ Парижа. Много было хлопотъ, пока мы доѣхали до Альзаса. Еслибъ я былъ настоящій пруссакъ, я издалъ бы непремѣнно толстую книгу на обверточной бумагѣ подъ заглавіемъ «Ausserordentliche Reise-Abenteuer eines Flüchtlings aus der Hauptstadt der Franzosen zur Zeit der grossen Umwälzung — Anno 1792 nach der Erlösung etc.» Въ самомъ дѣлѣ, мы нѣсколько разъ подвергались опасности быть принятыми за переметчиковъ. Наконецъ, кривой мальчишка, провожавшій насъ черезъ лѣсъ, указалъ вдали огни и сказавъ: V'la vos chiens de Brunswick, взялъ обѣщанный червонецъ и скрылся въ лѣсу, крича во все горло „ça ira!“ Насъ остановили на цѣпи, и пока фельдфебель ходилъ съ паспортомъ, не знаю куда, я съ удивленіемъ смотрѣлъ

на солдатъ. Караулъ былъ занятъ австрійцами; я такъ привыкъ къ живымъ одушевленнымъ физіономіямъ французовъ, что меня поразила холодная нѣмота этихъ лицъ, съ свѣтлыми усами и въ бѣлыхъ мундирахъ. Неподвижно, угрюмо стояли они, точно загрязнившіяся статуи командора изъ „Донъ Жуана.“ Насъ повели къ генералу, и послѣ разныхъ допросовъ и распросовъ позволили ѣхать далѣе, но возможности никакой не было достать лошадей: всѣ были взяты подъ армію, для которой тогда наступило самое критическое время. Армія гибла отъ голода и грязи. На другой день пригласилъ насъ одинъ владѣтельный князь на вечеръ. Въ маленькой залѣ, принадлежавшей сельскому священнику, мы застали нѣсколько полковниковъ, какъ всѣ нѣмецкіе полковники, съ сѣдыми усами, съ видомъ честности и неслишкомъ большой дальновидности. Они грустно курили свои сигары. Два, три адъютанта весело говорили по французски, коверкая германизмомъ каждое слово; казалось, они еще не сомнѣвались, что имъ прійдется попировать въ Palais Royal и тамъ оставить свой здоровый цвѣтъ лица, завѣтный локонъ, подаренный при разлукѣ и нѣмецкую способность краснѣть отъ двусмысленнаго слова. Вообще было скучно. Довольно поздно явился еще гость во фракѣ, мужчина хорошаго роста, довольно плотный, съ гордымъ, важнымъ видомъ. Всѣ привѣтствовали его съ величайшимъ почтеніемъ; но его взоръ не былъ привѣтливъ, не вызывалъ дружбы а благосклонно принималъ привычную дань вассальства. Каждый могъ чувствовать, что онъ не товарищъ ему. Князь предложилъ кресло возлѣ себя; онъ сѣлъ, сохраняя ту особенную Steifheit, которая въ крови у нѣмецкихъ аристократовъ. „Нынче утромъ,“ сказалъ онъ послѣ обыкновенныхъ привѣтствій: „я имѣлъ необыкно-

венную встрѣчу. Я ѣхалъ въ каретѣ герцога, какъ всегда; вдругъ подъѣзжаетъ верхомъ какой-то военный закутанный шинелью отъ дождя. Увидѣвъ веймарскій гербъ и герцогскую ливрею, онъ подъѣхалъ къ каретѣ и — представьте взаимное наше удивленіе — когда я узналъ въ военномъ его величество короля, а его величество нашелъ вмѣсто герцога—меня. Этотъ случай останется у меня долго въ памяти."

Разговоръ обратился отъ разсказа чрезвычайной встрѣчи къ королю и естественно перешли къ тѣмъ вопросамъ, которые тогда занимали всѣхъ бывшихъ въ залѣ, т. е. къ войнѣ и политикѣ. Князь подвелъ моего отца къ дипломату и сказалъ, что отъ моего отца онъ можетъ узнать самыя новыя новости. „Что дѣлаетъ генералъ Лафайетъ и всѣ эти антропофаги?" спросилъ дипломатъ.—Лафайетъ, отвѣчалъ мой отецъ: неустрашимо защищаетъ короля и въ открытой борьбѣ съ якобинцами.—Дипломатъ покачалъ головою и выразительно замѣтилъ: „Это одна маска." Лафайетъ, я почти увѣренъ, за одно съ якобинцами."—Помилуйте! возвразилъ мой отецъ: — да съ самаго начала у нихъ непримиримая вражда. Дипломатъ иронически улыбнулся и, помолчавъ сказалъ: „Я собирался ѣхать въ Парижъ года два тому назадъ, но я хотѣлъ видѣть Парижъ Лудовика Великаго и великаго Аруэта, а не орду гунновъ, неистовствующихъ на обломкахъ его славы. Можно-ли было ожидать, чтобъ буйная шайка демагоговъ имѣла такой успѣхъ? О, еслибъ Неккеръ въ свое время принялъ иныя мѣры, еслибъ Лудовикъ XVI послушался не ангельскаго сердца своего, а преданныхъ ему людей, которыхъ предки столѣтія процвѣтали подъ лиліями, намъ не нужно-бы было теперь подниматься въ крестовый походъ! Но нашъ Готфредъ скоро образумитъ

ихъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь, да и сами французы ему помогутъ; Франція не заключена въ Парижѣ."

Князь былъ ужасно доволенъ его словами.

Но кто не знаетъ откровенности германскихъ воиновъ, да и воиновъ вообще? Ихъ разрубленныя лица, ихъ прострѣленныя груди даютъ имъ право говорить то ,о чемъ мы имѣемъ право молчать. По несчастію, за княземъ стоялъ, опершись на саблю, одинъ изъ сѣдыхъ полковниковъ, въ наружности было видно, что онъ жизнь провелъ съ 10 лѣтъ на бивакахъ и въ лагеряхъ, что онъ хорошо помнитъ стараго Фрица: черты его выражали гордое мужество и безусловную честность. Онъ внимательно слушалъ слова дипломата и наконецъ сказалъ:

— Да не уже-ли вы не шутя вѣрите до сихъ поръ, что французы насъ пріймутъ съ распростертыми объятіями, когда всякій день показываетъ намъ, какой свирѣпо-народный характеръ принимаетъ эта война, когда поселяне жгутъ свой хлѣбъ и свои дома, для того, чтобъ затруднить насъ? Признаюсь, я не думаю, чтобъ намъ скоро пришлось обращать Парижъ на путь истинный, особенно, ежели будемъ стоять на одномъ мѣстѣ.

— Полковникъ не въ духѣ, возразилъ дипломатъ и взглянулъ на него такъ, что мнѣ показалось, что онъ придавилъ его ногой.—Но я полагаю, вы знаете лучше меня, что осенью, въ грязь, невозможно идти впередъ. Въ полководцѣ не благородная запальчивость, а благоразуміе дорого; вспомните Фабія Кунктатора.

Полковникъ не струсилъ ни отъ взора, ни отъ словъ дипломата. „Разумѣется, теперь нельзя идти впередъ, да и назадъ трудно. Впрочемъ, вѣдь осень въ нынѣшнемъ году не первый разъ во Франціи, грязь можно было предвидѣть. Я молю Бога, чтобъ дали генераль-

ное сраженіе; лучше умереть передъ своимъ полкомъ съ оружіемъ въ рукѣ, отъ пули, чѣмъ сидѣть въ этой грязи"... И онъ жалъ рукою эфесъ сабли. Началось шептанье и издали слушалось: «ja, ja, der Obrist hat recht... Wäre der grosse Fritz... oh! der grosse Fritz!» Дипломатъ, улыбаясь, обернулся къ князю и сказалъ: „Въ какой бы формѣ ни выражалась эта жажда побѣдъ воиновъ тевтонскихъ, нельзя ее видѣть безъ умиленія. Конечно, наше настоящее положеніе не изъ самыхъ блестящихъ, но вспомнимъ, чѣмъ утѣшался Жуанвиль когда былъ въ плѣну съ Святымъ-Лудовикомъ: Nous en parlerons devant les dames."

— Покорно брагодарю за совѣтъ! возразилъ неумолимый полковникъ. „Я своей женѣ, матери, сестрѣ (еслибъ онѣ у меня были) не сказалъ бы ни слова объ этой кампаніи, изъ которой мы принесемъ грязь на ногахъ и раны на спинѣ. Да и объ этомъ, пожалуй, нашимъ дамамъ прежде насъ разскажутъ эти чернильные якобинцы, о которыхъ насъ увѣряли, что они исчезнутъ какъ дымъ при первомъ выстрѣлѣ.

Дипломатъ понялъ, что ему не совладать съ такимъ соперникомъ, и онъ, какъ Ксенофонтъ, почетно отступилъ съ слѣдующими 10,000 словами: „Міръ политики мнѣ совершенно чуждъ, мнѣ скучно, когда я слушаю о маршахъ и эволюціяхъ, о преніяхъ и мѣрахъ государственныхъ. Я не могъ никогда безъ скуки читать газетъ; все это что-то такое преходящее, временное, да и вовсе чуждое по самой сущности намъ. Есть другія области, въ которыхъ я себя понимаю царемъ: зачѣмъ-же я пойду безъ призыва, дюжиннымъ резонеромъ, вмѣшиваться въ дѣла, возложенныя провидѣніемъ на избранныхъ имъ нести тяжкое бремя управленія? И что мнѣ за дѣло до того, что дѣлается въ этой сферѣ!"

Слово „дюжинный резонеръ“ попало въ цѣль: полковникъ сжалъ сигару такъ, что дымъ у него пошелъ изъ двадцати мѣстъ, и впрочемъ довольно спокойно, но съ огненными глазами сказалъ: „Вотъ я, простой человѣкъ, нигдѣ себя не чувствую ни царемъ, ни геніемъ, а вездѣ остаюсь *человѣкомъ*, и помню, какъ еще будучи мальчикомъ, затвердилъ пословицу: Homo sum et nihil humani a me alienum puto. Двѣ пули, пролетѣвшія сквозь мое тѣло, подтвердили мое право вмѣшиваться въ тѣ дѣла, за которыя я плачу своею кровью.“

Дипломатъ сдѣлалъ видъ, что онъ не слышитъ словъ полковника, къ тому же тотъ сказалъ это, обращаясь къ своимъ сосѣдямъ. „И здѣсь,“ продолжалъ дипломатъ „среди военнаго стана, я такъ же далекъ отъ политики, какъ въ веймарскомъ кабинетѣ.“

— А чѣмъ вы теперь занимаетесь? спросилъ князь, едва скрывая радость, что разговоръ перемѣнился.

— Теоріею цвѣтовъ; я имѣлъ счастіе третьяго дня читать отрывки свѣтлѣйшему дядюшкѣ вашей свѣтлости.

Стало, это не дипломатъ. „Кто это?“ спросилъ я эмигранта, который сидѣлъ возлѣ меня и, не смотря на бивачную жизнь, нашелъ средство претщательно нарядиться, хотя и въ короткое платье. «Ah, bah! c'est un celèbre poète allemand M-r Kœthe, qui a écrit, qui a écrit... ah, bah;.. la Messiade!»

Такъ это-то авторъ романа, сводившаго меня съ ума: „Werthers Leiden“ подумалъ я, улыбаясь филологическимъ знаніямъ эмигранта. Вотъ моя первая встрѣча.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Мрачный терроръ скрылся за блескомъ побѣдъ. Дюмурье, Гошъ и наконецъ Бонапартъ поразили міръ удивленіемъ. То было время первой итальянской кампаніи, этой юношеской поэмы Наполеона. Я былъ въ Веймарѣ и пошелъ въ театръ·

Давали какую-то политическую фарсу Гётева сочиненія. Публика не смѣялась, да и по правдѣ насмѣшка была натянута и плосковата. Гёте сидѣлъ въ ложѣ съ герцогомъ. Я издали смотрѣлъ на него и отъ всей души жалѣлъ его; онъ понялъ очень хорошо равнодушіе, кашель, разговоры въ партерѣ, и испытывалъ участь журналиста, попавшаго не въ тонъ. Между прочимъ, въ партерѣ былъ тотъ-же полковникъ; я подошелъ къ нему; онъ узналъ меня. Лицо его исхудало, какъ-будто лѣтъ десять мы не видались, рука была на перевязкѣ. „Что же Гёте тогда толковалъ, что политика ниже его, а теперь пустился въ памфлеты? Я *дюжинный резонеръ* и не понимаю тѣхъ людей, которые хохочутъ тамъ, гдѣ народы обливаются кровью, и открывши глаза, не видятъ, что совершается передъ ними. А, можетъ быть, это право генія“...

Я молча пожалъ его руку и мы разстались. При выходѣ изъ театра, какіе то три, вѣроятно пьяные бурша съ растрепанными волосами въ честь Арминія и тацитова сказанія о германцахъ, съ портретомъ Фихте на трубкахъ, принялись свистать, когда Гёте садился въ карету. Буршей повели въ полицію, я пошелъ домой и съ тѣхъ поръ не видалъ Гёте.

— Что вы хотите всѣмъ этимъ сказать? спросилъ я.

— Я хотѣлъ исполнить ваше желаніе и разсказать мою встрѣчу; тутъ нѣтъ внѣшней цѣли, это фактъ. Я видѣлъ Гёте такъ, а не иначе; другіе видѣли его иначе, а не такъ—это дѣло случая.

— Но вы какъ-то умѣли сократить колоссальную фигуру Гёте, даже умѣли покорить его какому-то полковнику.

— Что нибудь одно: или вы думаете, что я лгу — въ такомъ случаѣ у меня нѣтъ документовъ, чтобъ

убѣдить васъ въ противномъ, или вы вѣрите мнѣ, — и тогда вините себя, ежели Гёте живой не похожъ на того, котораго вы создали... Всѣ мечтатели увлекаются безусловно авторитетами, строятъ себѣ въ головѣ фантастическихъ великихъ людей, односторонникъ и, слѣдовательно, невѣрныхъ оригиналамъ. Лафатеръ, читая Гёте, составилъ идею его лица по свей теоріи; черезъ нѣсколько времени они увидѣлись, и Лафатеръ чуть не заплакалъ: Гёте живой нисколько не былъ похожъ на Гёте a priori. Я вамъ предсказывалъ, что вы будете недовольны моимъ разсказомъ. Въ томъ-то и дѣло, что все живое такъ хитро спаяно изъ многаго множества элементовъ, что оно почти всегда стороною или двумя ускользаетъ отъ самыхъ многообъемлющихъ теорій. Отсюда рядъ ошибокъ. Когда мы говоримъ о римлянахъ, у насъ все мелькаетъ передъ глазами театральная поза, цивическія добродѣтели, форумъ. Будто жизнь римлянъ не имѣла еще множества другихъ сторонъ! Такъ поступаютъ и съ историческими людьми. Для идеалистовъ задача: какъ Рембрандтъ могъ быть скупцомъ и великимъ художникомъ, какъ Тиверій могъ быть жестокимъ и между тѣмъ глубокомысленнымъ, проницательнымъ монархомъ. Живая индивидуальность — вотъ порогъ, за который цѣпляется ваша философія, и Шекспиръ безсомнѣнно лучше всѣхъ философовъ, отъ Анаксагора до Гегеля, понималъ *своимъ путемъ* это необъятное море противурѣчій, бореній, добродѣтелей, пороковъ, увлеченій, прекраснаго и гнуснаго,—море заключенное въ маленькомъ пространствѣ отъ діафрагмы до черепа, и спаянное неразрывно въ живой индивидуальности... Но довольно философствовали, пойдемте гулять; погода прекрасная, жаль въ комнатѣ сидѣть.

— Въ томъ-то вся великая задача, сказалъ я, вста-

вая, — чтобъ умѣть примирить эти противорѣчія и боренія и соткать изъ нихъ одну гармоническую ткань жизни и эту-то задачу разрѣшитъ намъ Германія, потому что она ее громко выговорила, и одной ею и занимается.

— Дай богъ успѣха! Но я боюсь, чтобъ не повторилась исторія отъискиванія всеобщаго лекарства отъ болѣзней, которое занимало Парацельса и умнѣйшія головы того вѣка. Спору нѣтъ, всякое примиреніе хорошо, и мы всѣ чѣмъ нибудь примиряемся съ жизнію: безъ этого пришлось-бы застрѣлиться. Философы примиряются съ несчастіями, слѣпо и грубо поражающими ежедневно индивидуальность, мыслью о ничтожности индивидуума. Мистикъ примиряется съ этими-же несчастіями, полагая, что ими искупается паденіе Люцифера, и что за это будетъ награда... по крайней мѣрѣ это мнѣніе не такъ ледяно-холодно. А потомъ и человѣкъ чѣмъ нибудь да примиряется съ жизнію: одинъ — тѣмъ, что онъ не вѣритъ ни въ какое примиреніе, и это выходъ; другой — какъ вы, на примѣръ, вѣря, что вы убѣждены разумомъ въ томъ, во что вы вѣрите; я — тѣмъ, что будто-бы дѣлаю существенную пользу, копая землю. Повѣрьте, всѣ мы дѣти и, какъ дѣти вообще, играемъ въ игрушки и принимаемъ куклы за дѣйствительность. Мнѣ теперь пришелъ на память лордъ Гамильтонъ, ѣздившій по Европѣ и Азіи отъискивать идеалъ женской красоты между статуями и картинами. Знаете, чѣмъ онъ кончилъ?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ, что женился на доброй, бѣлокуренькой ирландкѣ и кричалъ: „нашелъ! нашелъ!“ Ха, ха, ха!.. Ей богу, дѣти! — Но время идетъ. Пойдемте.

Мы пошли.

Примѣчаніе нашедшаго тетрадь. — Считаю себя обязаннымъ, предупреждая недоразумѣніе, сказать нѣсколько словъ о разсказѣ Трензинскаго относительно Гёте. Больно было бы мнѣ думать, что разсказъ этотъ сочтутъ мелкимъ камнемъ, брошеннымъ въ великаго поэта передъ которымъ я благоговѣю. Въ Трензинскомъ преобладаетъ скептицизмъ d'une existence manquée, это равно не скептицизмъ древнихъ, ни скептицизмъ Юма, а скептицизмъ жизни, убитой обстоятельствами, безпредѣльно грустный взглядъ на вещи, человѣка, котораго грудь покрыта ранами незаслуженными, человѣка, оскорбленнаго въ благороднѣйшихъ чувствахъ и между тѣмъ человѣка полнаго силы (eine kernhafte Natur). Я разскажу со временемъ всю жизнь его, и тогда можно будетъ увидѣть, какъ онъ дошелъ до своего воззрѣнія. Трензинскій—человѣкъ по преимуществу практическій, всего менѣе художникъ. *Онъ могъ* смотрѣть на Гёте съ такой бѣдной точки, да и долженъ-ли былъ вселить Гете уваженіе къ себѣ, подавить авторитетомъ человѣка, который рядомъ бѣдствій дошелъ до неуваженія лучшихъ упованій своей жизни? Съ другой стороны, люди практической сферы рѣдко умѣютъ свой острый умъ прилагать къ сужденію о художникахъ и о ихъ произведеніяхъ. Фридрихъ II, прочитавъ „Геца фон-Берлихингена," сказалъ: «Encore une mauvaise tragédie dans le genre anglais!»—Гёте простилъ ему это сужденіе отъ всей души.

Сверхъ того, не увлекаясь авторитетами, мы должны будемъ сознаться, что жизнь германскихъ поэтовъ и мыслителей чрезвычайно односторонняя, я не знаю ни одной германской біографіи, которая не была бы про-

питана *филистерствомъ*. Въ нихъ, при всей космополитической всеобщности, не достаетъ цѣлаго элемента человѣчности, именно практической жизни, и хоть они очень много пишутъ, особенно теперь, о конкретной жизни, но уже самое то, что они пишутъ о ней, а не живуетъ ею, доказываетъ ихъ абстрактность. Просимъ вспомнить для того, чтобъ разомъ увидѣть все необъятное разстояніе между ими и людьми жизни, біографію Байрона... Трензинскій, конечно, не могъ симпатизировать съ германцами и, какъ человѣкъ, въ которомъ нѣкогда была развита именно та сторона жизни, которая вовсе не развита у нѣмцевъ, не могъ съ нею и примириться за другія стороны.

ЛИЦИНІЙ И ВИЛЬЯМЪ ПЕНЪ

SCENARIO

ДВУХЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ОПЫТОВЪ

I.

ЛИЦИНІЙ.*)

Первая сцена. — Римъ во времена Нерона. Празднество новаго года у Пизона, пышная оргія à l'antique, у Пизона собрались сановитые патриціи, художники, поэты, поклонники старины, представители славнаго прошедшаго, недовольные, *легитимисты* римской республики. Они увѣрены, что императорство не устоитъ и въ тиши работаютъ, чтобъ низвергнуть тирана. У нихъ есть заговоръ, въ немъ участвуютъ избранные изъ избранныхъ, самъ Пизонъ, поэтъ Луканъ, строгій, стоическій римлянинъ древнихъ дней Тразей и восторженная куртизана Эпихарисъ, которая не уступитъ ему въ энергіи и героизмѣ.

*) Вслѣдъ за „Записками молодаго человѣка," помѣщаю я Scenario моихъ несчастныхъ драматическихъ опытовъ, безжалостно убитыхъ Бѣлинскимъ (XVI глава I части „Былаго и Думы"), который просилъ меня переписать стихи *въ строку,* чтобы нельзя было замѣтить, что они писаны рубленой прозой, на манеръ стиховъ. Сцены эти относятся къ 1838; въ нихъ ясно виденъ остатокъ религіознаго воззрѣнія и путь, которымъ оно переработывалось не въ мистицизмъ, а въ революцію, въ соціализмъ.

Пиръ идетъ своимъ порядкомъ: тосты, желанія, политическіе намеки, цвѣты, вино, яства. Въ общемъ разгулѣ не участвуетъ одинъ молодой человѣкъ, больной, нѣсколько юродивый, племянникъ Пизона, Лициній. Онъ недавно возвратился изъ Аѳинъ, родные замѣтили, что онъ съ тѣхъ поръ сталъ заговариваться. Вызванный изъ своихъ мечтаній, Лициній на веселый тостъ отвѣчаетъ печальной рѣчью. Онъ не вѣритъ въ воскресеніе древняго Рима и еще хуже, онъ и не желаетъ его. На Римѣ лежитъ грѣхъ, грѣхъ Ромула; какъ-бы, вызывая прошедшее изъ могилы, не вызвать Рема — голоднаго, одичалаго въ подземной жизни своей! Его ждутъ не граждане Рима, не патриціи, его ждутъ безправные, покрытые рубищемъ, чернь спартаковская.

Гости привыкли къ бреду Лицинія, но тѣмъ не меньше на разсвѣтѣ, послѣ оргіи слова его дѣйствуютъ на нервы. Пиръ разстроивается.

Вторая Сцена. — Въ саду пизоновской виллы. Лициній очень болѣнъ, его мучитъ тоска, онъ велѣлъ себя положить подъ деревомъ. Возлѣ него другъ его первой молодости, юноша блестящій умомъ и красотой, пылающій здоровьемъ, Мевій. Мысль Лицинія занята смертью; какъ настоящій римлянинъ, онъ философствуетъ, чувствуя ея приближеніе. Печаленъ его взглядъ. Онъ видитъ ясно, какъ всѣ его близкіе несутся въ неминуемую гибель, онъ знаетъ о ихъ заговорѣ, онъ не вѣритъ въ его успѣхъ, и вообще не вѣритъ, чтобъ Римъ можно было воскресить; его часъ насталъ, и спасти его нельзя и не нужно.

Мевій съ нимъ согласенъ; онъ ясно понимаетъ, что тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя поддерживали древнюю республику, нѣтъ больше. Онъ тоже не видитъ выхода въ смыслѣ реставраціи, но онъ находитъ без-

умнымъ страдать о вещахъ, которыхъ нельзя перемѣнить; не остается-ли человѣку еще другая жизнь, чисто личная, принадлежащая ему? развѣ у него можно взять способность наслаждаться? Пусть-же человѣкъ пользуется всѣми дарами жизни, пользуется тѣмъ мгновеніемъ, которое ему уступлено судьбой, и которое дается только разъ. Мевій увѣряетъ Лициніа, что вообще въ природѣ нѣтъ ни того счастія, ни того несчастія, о которомъ мечтаютъ люди и котораго боятся; жизнь почти всегда одинакая, и перемѣны поражаютъ только со стороны. „Сегодня цвѣтетъ одно церево, а завтра другое.“ Теперь, гдѣ-нибудь въ полуразрушенныхъ Θивахъ, нѣтъ прежней исторической жизни, а змѣямъ и ящерицамъ жить веселѣе и птицамъ привольнѣе вить себя гнѣзда.

Лициній не слушаетъ его; онъ вспоминаетъ о встрѣчѣ съ какимъ-то пророкомъ или волхвомъ, котораго вѣра была такъ полна покоя, надежды — еслибъ онъ могъ вѣрить, онъ былъ-бы счастливъ, но вѣры нѣтъ въ его сердцѣ. Онъ забывается, или впадаетъ въ забытье. Старикъ, плѣшивый; аѳинскій старикъ. волхвъ передъ нимъ, онъ зоветъ его... дыханіе слабѣетъ и юноша умираетъ.

Третья Сцена, на форумѣ. — Державный народъ у себя дома, въ своей пріемной залѣ. Импровизаторъ поетъ наивычурнѣйшими стихами оду о доблестяхъ божественнаго, августѣйшаго Нерона, отца отечества. Лазутчики подсматриваютъ, восхищаются-ли люди хорошо одѣтые. За плебеями никто не смотритъ, они и бранятъ Цезаря, но они его любятъ; бранятъ они его за то, что онъ сталъ скупъ на гладіаторовъ, агенты успокоиваютъ народъ, говорятъ, что скоро будутъ травить въ циркѣ дикими звѣрами какихъ-то назареевъ,

что они ужъ привезены и содержатся въ клѣткахъ, т. е. тигры и львы, а назареевъ скоро прогонятъ. Это успокоиваетъ умы.

Патриціи потомъ толкуютъ о тяжелыхъ временахъ. Новая несправедливость Нерона сильно оскорбила ихъ, какой-то сенаторъ былъ убитъ рабомъ, наслѣдники хотѣли въ наказанье убить всѣхъ рабовъ до единаго; Неронъ сказалъ, что это глупо и запретилъ. Послѣ этого гдѣ-же неприкосновенная святость собственности?

Приходитъ какой-то рабъ и разсказываетъ, что недалеко отъ города, на аппіевой дорогѣ, онъ видѣлъ какого-то колдуна съ востока, что ему на встрѣчу шли изъ Рима люди въ бѣлой одеждѣ съ зелеными вѣтвями, что за колдуномъ идетъ толпа нищихъ, женщинъ, онѣ разсказываютъ, что онъ лечитъ прикосновеніемъ руки, что ночью около его головы видно сіяніе... „Въ циркъ его, въ циркъ!“ кричатъ со всѣхъ сторонъ. “Но сначала пойдемте его смотрѣть!“

Четвертая сцена. — Via Appia. Съ одной стороны дороги родовой колумбарій Пизона, все приготовлено для сожженія тѣла Лициніи. Похоронная процессія, отецъ Лициніи идетъ печально за тѣломъ, его утѣшаетъ Сенека, приводя въ примѣръ всѣхъ знаменитыхъ отцовъ потерявшихъ дѣтей, разсказывая мнѣнія Египтянъ о смерти.

Патриціи заговорщики рады случаю пошептать, съ важностью сообщаютъ они другъ-другу неважныя вѣсти, таинственно сговариваются на пустой сходъ. Родные устали и хотятъ ѣсть.

Въ это время съ противуположной стороны показывается на дорогѣ поднимающійся въ гору *Апостолъ Павелъ*, и останавливается передъ разстилающимся

амфитеатромъ вѣчнаго города. Онъ благословляетъ языческую весь и обращаясь къ своимъ произноситъ рѣчь.

Отецъ Лициній придпрается къ нему, и проситъ воскресить сына, „если твой богъ великъ, отдай мнѣ сына и возьми у меня что хочешь.“ Апостолъ говоритъ ему, чтобъ онъ молился и вѣрилъ, потомъ снова обращаясь къ народу пророчитъ кончину стараго міра и водвореніе новаго, смерть въ первомъ Адамѣ и жизнь во второмъ. Окончивъ проповѣдь, онъ молится колѣнопреклоненный.

Лициній открываетъ глаза, приходитъ въ себя и начинаетъ узнавать Павла.

Павелъ продолжаетъ рѣчь. Народъ пораженный ужасомъ, видя оживленнаго покойника, молчитъ. Отецъ Лициія умоляетъ Павла, взять часть его достоянія. „Раздай бѣднымъ,“ отвѣчаетъ Павелъ, мнѣ не нужно!“ Народъ яростно рукоплещетъ. Отецъ зоветъ сына съ собой, но тотъ кротко взявъ его руку, говоритъ ему: „Лициній твой умеръ, вотъ мой отецъ и моя родина, я иду по стопамъ его.“

Народъ разступается, привѣтствуетъ Павла. Сенека не вѣритъ въ воскрешеніе, онъ думаетъ, что Лициній былъ въ летаргическомъ снѣ. Какой-то жрецъ находитъ, что это гораздо опаснѣе, нежели думаютъ, и идетъ во имя боговъ дѣлать доносъ въ языческую консисторію.

II.

ВИЛЬЯМЪ ПЕНЪ.

Таже мысль, тотъ-же основной мотивъ и въ Вильямѣ Пенѣ. Опять разрывъ двухъ міровъ, опять отходящее старое тѣснитъ возникающее юное, опять двѣ нравственности съ ненавистью глядятъ другъ на друга.

Вильямъ Пенъ историческихъ сценъ не похожъ на историческаго Пена, я плохо зналъ исторію Англіи того времени, и имѣлъ самыя общія понятія о Пенѣ, населившемъ Пенсильванію. Въ моемъ очеркѣ должно искать другую правду, не историческую; въ Шиллеровомъ Донъ Карлосѣ также трудно найти Донъ Карлоса испанскихъ лѣтописей, какъ въ моемъ блѣдномъ Вильямѣ Пенѣ хитраго квекера, описаннаго (съ пристрастіемъ можетъ въ другую сторону) — Маколеемъ. Бѣда не въ томъ, а въ томъ, что очеркъ изъ англійской, протестантской жизни, кажется мнѣ больше натянутымъ, чѣмъ *Лицинiй*, особенно въ концѣ.

Въ небольшомъ англійскомъ городѣ, въ сырой, темной лачугѣ, сапожникъ оканчиваетъ субботнюю работу, въ углу лежитъ больной ребенокъ, его сынъ въ лихорадкѣ; одежда, которой онъ покрытъ, коротка, въ комнатѣ холодно, топить нечѣмъ. Возлѣ сапожника, тощій, изнуренный работникъ. — „Чтожъ деньги отъ попа получилъ?“ — спрашиваетъ хозяинъ работника, работникъ говоритъ, что два раза ходилъ, но что кухарка не только не допустила его, но разбранила и строго на строго запретила приходить до понедѣльника. Reverend сочиняетъ проповѣдь на завтра, и всѣ мірскія дѣла оставилъ.

Сапожникъ крѣпился, онъ давно угрюмъ, въ его головѣ давно бродятъ странныя мысли, онъ самъ ихъ боится; но сосудъ переполнился, этой капли недоставало, больной ребенокъ долженъ дрогнуть, они оба остаются два дня безъ пищи, потому что reverend сочиняетъ проповѣдь.

„Не объ милосердіи-ли?“ спрашиваетъ онъ и бросаетъ свое шило, рѣчь страстная, полная упрековъ и обличеній, несется бурнымъ потокомъ и болѣзненный работникъ пораженный, тронутый, повергается въ прахъ передъ нимъ, увѣренный, что его устами говоритъ духъ святой. Сапожникъ растетъ гнѣвомъ и мыслью, завтра онъ пдетъ въ церковь, онъ прерветъ рѣчь фарисея, онъ скажетъ проповѣдь, онъ самъ священникъ.

Во *второй сценѣ*, мы уже встрѣчаемъ Чарлса Фокса, лейстерскаго чеботаря, раскольническимъ іересіархомъ, уже онъ не живетъ на мѣстѣ; „слово“ ему ввѣренное, духъ божій его гонитъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного мѣстечка въ другое, съ проповѣдью, съ призывомъ на новую евангельскую жизнь.

На дорогѣ, ведущей отъ большаго, сумрачнаго замка, лежитъ нищая старуха, разбитая параличемъ. Проходитъ Фоксъ, выѣзжаетъ изъ воротъ замка мальчикъ верхомъ. Нищая поетъ свою пѣсню, мальчикъ съ состраданіемъ взглянулъ на нее, пошарилъ въ карманѣ и бросилъ ей серебряную монету, но бросилъ такъ далеко, что безногой нищей нельзя и достать безъ большихъ усилій. Юноша хочетъ скакать далѣе, но передъ нимъ мрачная фигура сапожника пророка. Дюжей рукой пролетарія, онъ схватилъ лошадь подъ уздцы. „Ты сдѣлалъ доброе дѣло, но сдѣлалъ его скверно, говоритъ онъ мальчику. Посмотри, куда ты бросилъ деньги, какъ-же

эта безпомощная женщина ихъ достанетъ, поднимп пхъ и отдай ей.“ Первое движеніе мальчика было желаніе вытянуть его хлыстомъ и дать шпору лошади. Но спокойно строгій видъ Фокса, его ожидающій взглядъ и страшныя слова поразили юношу. Онъ наивно говоритъ, что не видѣлъ, куда бросилъ монету и въ доказательство, что онъ напрасно его бранитъ, соскакиваетъ съ лошади и съ улыбкой подаетъ старухѣ деньги. Фоксъ, тронутый до слезъ, благословляетъ его. Мальчикъ этотъ Вильямъ Пенъ.

Третья сцена въ замкѣ Вильямова отца. Съ тѣхъ поръ какъ юноша встрѣтился съ Фоксомъ, прошло нѣсколько лѣтъ. Отецъ его начальствовалъ гдѣ-то въ колоніяхъ англійскимъ войскомъ, завоевалъ земли, разбилъ непріятелей, заключилъ выгодный миръ, и теперь возвращается торжественно отдохнуть на родину. Его ожидаютъ депутаты, присланные изъ Лондона съ великолѣпными подарками, посланный короля съ лентой, звѣздой и огромнымъ пергаментовымъ свиткомъ. Гремятъ литавры и музыка, является отважный полководецъ, ему говорятъ привѣтствія, онъ говоритъ привѣтствія; пробиваясь сквозь алдермановъ, придворныхъ и офицеровъ, бѣжитъ къ нему его сынъ и бросается ему на шею. Старикъ радостно прижимаетъ его къ груди и вдругъ отступаетъ, спрашивая съ удивленіемъ сына, что за странный костюмъ на немъ, и какъ онъ смѣлъ явиться къ нему такъ на встрѣчу. Сынъ объясняетъ ему, что онъ принадлежитъ къ братству, которое приняло эту одежду. Отецъ хочетъ обернуть дѣло въ шутку, посылаетъ сына снять платье и одѣться прилично. Сынъ кротокъ, тихъ, но непоколебимъ. Отецъ начинаетъ сердиться, и когда сынъ говоритъ ему: „Ты самъ подумай, отецъ мой, не лучше-ли тебѣ снять твой мечъ,

вѣдь здѣсь нѣтъ враговъ, кого-жъ ты хочешь убить имъ“ — онъ выходитъ изъ себя, и велитъ сыну удалиться.

Четвертая сцена. Семейный совѣтъ въ домѣ старика. Отецъ созвалъ всѣхъ ближнихъ своихъ, законниковъ и духовныхъ, чтобъ въ послѣдній разъ урезонить сына, и если онъ и тутъ будетъ упорствовать, выбросить его изъ семьи, которую онъ пятнаетъ. Вильямъ является не подсудимымъ, а судьей и обличителемъ (процессъ Сенъ-Симонистовъ въ 1832 году былъ еще живъ въ памяти въ 38). Родные отказываются отъ него, легисты осуждаютъ, духовные предаютъ проклятію, отецъ хочетъ его лишить наслѣдства. Наслѣдники придумываютъ, какія улучшенія они сдѣлаютъ въ имѣньи, какъ перестроютъ замокъ. У раздраженнаго старика поднялась подагра, его кладутъ въ постель и онъ умираетъ, не сдѣлавъ завѣщанія.

Въ *пятой сценѣ* Вильямъ Пенъ, теперь богачъ, располагающій какъ хочетъ своимъ имѣньемъ, сидитъ съ старикомъ Фоксомъ, ихъ занимаетъ важный разговоръ. Вильямъ много ѣздилъ, онъ не вѣритъ ни въ Англію, ни въ Европу, для основанія братской общины надобна свѣжая, дѣвственная почва; эта почва по ту сторону океана, онъ продалъ свое имущество въ Англіи и купилъ корабли, онъ кликнулъ кличъ въ Англію, Германію, Голандію, и только проситъ благословенья Фокса. Жаль устарѣлому Фоксу отпустить его, и трудно самому разстаться со своей старой Англіей, но наконецъ благословляетъ его на путь.

Шестая сцена въ Пенсильваніи. Дряхлый Пенъ близовъ къ могилѣ, онъ очень печаленъ, мечтаемое евангельское братство не учредилось, а новый край, призванный имъ къ жизни, ростетъ съ могучей красотой,

вездѣ слышится стукъ топора, рѣки покрываются барками, плугъ подымаетъ землю, починки ростутъ въ деревни, деревни въ города. Все это видно изъ разговоровъ разныхъ сетлеровъ и пр.

Наконецъ, весь этотъ длинный рядъ картинъ, переданныхъ мною довольно вѣрно по пямяти, sauf erreur et omission (очень естественныхъ если вспомнить, что я двадцать два года до нихъ не дотрогивался), оканчивался такимъ чисто французскимъ финаломъ: на могилѣ Вильяма Пена, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, стоятъ три путника, пришедшихъ поклониться его праху. Одинъ изъ нихъ *Вашингтонъ*, другой *Франклинъ*, третій *Лафайетъ*—граждане Сѣверо-Американской республики.

КАПРИЗЫ И РАЗДУМЬЕ

I.

ПО РАЗНЫМЪ ПОВОДАМЪ.

Года два тому назадъ, умеръ въ своей подмосковной одинъ очень странный человѣкъ. Я его нѣсколько зналъ при жизни, и довольно коротко познакомился съ нимъ послѣ его смерти. Человѣкъ онъ былъ тяжелый; его не любили, онъ надоѣдалъ своимъ рефлектерствомъ — рефлектерство развилось у него подъ конецъ жизни въ болѣзнь, чуть не въ помѣшательство. Не было того простого вопроса, надъ которымъ бы онъ не ломалъ головы. Онъ утратилъ ту врожденную сумму правилъ и истинъ, которая впередъ идетъ у каждаго человѣка, которую мы находимъ въ своемъ сознаніи прежде нежели начинаемъ разсуждать, такъ, какъ находимъ у себя носъ, глаза — нисколько не трудившись пріобрѣсти ихъ и не зная собственно откуда они. Чудакъ называлъ ихъ *фуэросами* и искалъ иныхъ правилъ — до которыхъ не добился.

Странный человѣкъ былъ сверхъ того совершенно праздный человѣкъ. Не найдя никакой дѣятельности въ средѣ, въ которой родился, онъ сдѣлался туристомъ; потаскавшись лѣтъ десять по Европѣ, онъ во-

ротился усталый, не совсѣмъ юный, и принялся читать. Читалъ днемъ, читалъ ночью, читалъ романы, читалъ ученыя сочиненія, читалъ журналы и вскорѣ дочитался до отвращенія отъ книгъ; тогда онъ сложилъ руки и рѣшился ничего не дѣлать; вѣроятно для этого, онъ поселился въ Москвѣ. Мысль нельзя сложить какъ руки, она и во снѣ не совсѣмъ спитъ — дѣятельность мысли росла въ немъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе было всякой другой дѣятельности, и онъ дошелъ до своего вѣчнаго раздумья, до своего раздраженнаго, почти лихорадочнаго рефлектерства.

Послѣ его смерти попались мнѣ въ руки его бумаги; я нашелъ тамъ множество замѣтокъ, мыслей, *капризовъ*, брошенныхъ на скоро, но не лишенныхъ интереса, по крайней мѣрѣ патологическаго интереса. Посылаю два, три обращика въ вашъ альманахъ — помѣстите ихъ, если найдете занимательнымъ для читателей.

COGITATA ET VISA.

I.

Легкое по видимому только легко, а трудное по видимому только трудно. Обыкновенно думаютъ чѣмъ мысль общѣе, тѣмъ она труднѣе; что надобно имѣть чрезвычайное глубокомысліе и сметливость, чтобъ понять, напримѣръ, философскую книгу; такъ думаютъ не только нечитающіе такихъ книгъ, но и тѣ, которые ихъ пишутъ; они, единственно для облегченія мыслей само-собою понятныхъ, затѣмняютъ ихъ до того, что онѣ дѣлаются совершенно непонятными. А посмотришь

прямо въ глаза этимъ головоломнымъ истинамъ—снявши съ нихъ ежовую шкуру школьнаго изложенія — ребенокъ поймет; труднѣе не попять ихъ, нежели понять. Если мы мало видимъ дѣтей, понимающихъ истины — это отъ-того, что со дня рожденія развращаютъ естественный смыслъ ребенка воспитаніемъ. Воспитаніе очень надолго лишаетъ ребенка возможности понять ясное, тѣмъ самымъ, что оно ему передаетъ темное за ясное, подавляетъ авторитетомъ; систематически пріучаетъ дѣтей къ сумашествію. Часть людей, свихнувши въ молодости свой умъ, такъ и остается на всю жизнь, въ родѣ тѣхъ индѣйцевъ, которымъ при рожденіи сдавливали черепныя кости; многіе, потомъ, собственными трудами продолжаютъ развивать въ себѣ способность искаженнаго мышленія и достигаютъ нерѣдко нѣкоторой ловкости въ этомъ искусствѣ. Человѣку, понявшему ясно и основательно хоть одну ложь за правду, чрезвычайно трудно понять всякую истину; это объясняется по методѣ Жакото: типы нелѣпыхъ выводовъ остаются въ головѣ, какъ законы, отъ которыхъ отвязаться мудрено. Не истины науки трудны, а расчистка человѣческаго сознанія отъ всего наслѣдственнаго хлама, отъ всего осѣвшаго ила, отъ принимания неестественнаго за естественное, непонятнаго за понятное.

Дѣйствительно-трудное для пониманія не за тридевять земель, а возлѣ насъ, такъ близко, что мы и не замѣчаемъ его — частная жизнь наша, наши практическія отношенія къ другимъ лицамъ, наши столкновенія съ ними. Людямъ все это кажется очень простымъ и чрезвычайно естественнымъ, а въ сущности нѣтъ головоломнѣе работы, какъ понять все это. Кто разъ, на миниту отступя въ сторону, добросовѣстно всмотрится въ ежедневную мелочь, въ которой мы про-

водимъ время, да подумаетъ объ ней, тотъ — или расхохочется до того, что сдѣлается боленъ, пли расплачется до того, что потеряетъ глаза. Мы слишкомъ привыкли къ тому, что мы дѣлаемъ и что дѣлаютъ другіе вокругъ насъ, насъ это не поражаетъ; привычка — великое дѣло, это самая толстая цѣпь на людскихъ ногахъ; она сильнѣе убѣжденій, таланта, характера, страстей, ума. Къ чему нельзя привыкнуть? Итальянецъ, живущій на Везувіи, привыкъ спать возлѣ кратера такъ-же спокойно, какъ въ свою очередь нашъ мужичекъ спокойно отдыхаетъ въ обществѣ нѣсколькихъ тысячъ таракановъ. Митридатъ привыкъ вмѣсто кабула и сои приправлять кушанья всякими ядами и былъ очень здоровъ; а Фридрихъ II привыкъ класть въ супъ асса-фетиду и находилъ, что его супъ прекрасно пахнетъ. Считаютъ, что все достойное вниманія, замѣчательное, любопытное — гдѣ-нибудь вдали, въ Египтѣ или въ Америкѣ; добрые люди не могутъ убѣдиться, что нѣтъ такого далекаго мѣста, которое не было бы близко откуда-нибудь; что вещь, возлѣ нихъ стоящая со дня рожденія, отъ этого не сдѣлалась ни менѣе достойною изученія, ни понятнѣе. Какъ на смѣхъ подобнымъ мнѣніямъ, все самое трудное, запутанное, самое сложное сосредоточивалось подъ крышей каждаго дома, — и критическій, аналитическій вѣкъ нашъ, критикуя и разбирая важные историческіе и всяческіе вопросы — спокойно, у ногъ своихъ, дозволяетъ расти самой грубой, самой нелѣпой непосредственности, которая мѣшаетъ ходить и предательски прикрываетъ болота и ямы; ядра, летящія на разрушеніе падающаго зданія готическихъ предразсудковъ, пролетаютъ надъ головою преготическихъ затѣй отъ-того, что они подъ самымъ жерломъ.

Наука, государство, искусство, промышленность идутъ развиваясь во всей Европѣ стройно, широко; впереди великіе мыслители, великіе государственные люди, великіе художники, предпріимчивые таланты. А домашняя жизнь наша слагается кое-какъ, основанная на воспоминаніяхъ, привычкахъ и внѣшнихъ необходимостяхъ; объ ней въ самомъ дѣлѣ никто не думаетъ, для нея нѣтъ ни мыслителей, ни талантовъ, ни поэтовъ,— не даромъ ее называютъ *прозой*, въ противоположность плаксивой жизни балладъ и глупой жизни идиллій. Только лѣта юности обстановлены по художественнѣе; а потомъ за послѣднимъ лирическимъ порывомъ любви — утомительное semper idem закулисной жизни, ежедневной суеты, мелкихъ хлопотъ, булавочныхъ уколовъ и пр. Общія сферы похожи на вызолоченныя гостинныя и залы, на отдѣлку которыхъ употреблены капиталы; а частная жизнь — это тѣсная спальня, душная дѣтская, грязная кухня, гдѣ гости никогда не бываютъ. Конечно, въ послѣдніе три вѣка много перемѣнилось въ образѣ жизни, впрочемъ, украдкой, безсознательно, даже вопреки убѣжденіямъ; мѣняя образъ жизни, люди не признавались въ этомъ — знамена остались тѣ-же; люди, какъ испанцы, хотятъ только сохранить *фуэросы*, не смотря на то, что большая часть ихъ не соотвѣтствуетъ настоящему. Прислушиваясь къ сужденіямъ мудрыхъ міра сего, дивишься, какъ можетъ умъ дойти до того, чтобъ въ одно и то-же время совмѣстить въ свой нравственный кодексъ стоическія сентенціи Сенеки и Катона, романтически восторженныя выходки рыцаря среднихъ вѣковъ, самоотверженныя нравоученія благочестивыхъ отшельниковъ степей ѳиваидскихъ и своекорыстныя правила политической экономіи. Безобразіе подобнаго смѣшенія принесло свой плодъ, имен-

но — мертвую мораль, мораль существующую только на словахъ, а въ самомъ дѣлѣ недостойную управлять поступками; современная мораль не имѣетъ никакого вліянія на наши дѣйствія; это милый обманъ, нравственная благопристойность, одежда — не болѣе. У каждаго человѣка за это оффиціальной моралью есть свой спрятанный esprit de conduite; оффиціально онъ будетъ плакать о томъ, что бѣдный бѣденъ, оффиціально онъ благороднымъ львомъ вступится за честь женщины, — privatim онъ беретъ страшные проценты, privatim онъ считаетъ себя въ правѣ обезчестить женщину, если условился съ нею въ цѣнѣ. Постоянная ложь, постоянное двоедушіе сдѣлали то, что меньше дикихъ порывовъ и вдвое больше плутовства, что рѣдко человѣкъ скажетъ другому оскорбительное слово въ глаза и почти всегда очернитъ его за глаза; въ Парижѣ я меньше встрѣчалъ шуринеровъ и эскарповъ, нежели мушаровъ, потому что на первое ремесло надобно имѣть откровенную безнравственность и своего рода отвагу, а на второе только двоедушіе и подлость. Наполеонъ съ содроганіемъ говорилъ о гнусной привычкѣ безпрестанно лгать. Мы лжемъ на словахъ, лжемъ движеніями, лжемъ изъ учтивости, лжемъ изъ добродѣтели, лжемъ изъ порочности; лганье это, конечно, много способствуетъ къ растлѣнію, къ нравственному безсилію, въ которомъ родятся и умираютъ цѣлыя поколѣнія, въ какомъ-то чаду и туманѣ проходящія по землѣ. Между тѣмъ, и это лганье сдѣлалось совершенно естественнымъ, даже моральнымъ: мы узнаемъ человѣка благовоспитаннаго — потому что никогда не добьешся отъ него, чтобъ онъ откровенно сказалъ свое мнѣніе.

Наполеонъ говаривалъ еще, что наука до тѣхъ поръ

не объяснитъ главнѣйшихъ явленій всемірной жизни, пока не бросится *въ міръ подробностей*. Чего желалъ Наполеонъ — исполнилъ микроскопъ. Естествоиспытатели увидѣли, что не въ палецъ толстыя артеріи и вены, не огромные куски мяса могутъ разрѣшить важнѣйшіе вопросы физіологіи, а волосяные сосуды, а клѣтчатки, волокна, ихъ составъ. Употребленіе микроскопа надобно ввести въ нравственный міръ, надобно разсмотрѣть нить за нитью паутину ежедневныхъ отношеній, которая опутываетъ самые сильные характеры, самыя огненныя энергіи. Люди никакъ не могутъ заставить себя серьезно подумать о томъ, что они дѣлаютъ дома, съ утра до ночи; они тщательно хлопочутъ и думаютъ обо всемъ: о картахъ, о крестахъ, объ абсолютномъ, о варіаціонныхъ исчисленіяхъ, о томъ, когда ледъ пройдетъ на Невѣ, — но объ ежедневныхъ, будничныхъ отношеніяхъ, обо всѣхъ мелочахъ, къ которымъ принадлежатъ семейныя тайны, хозяйственныя дѣла, отношенія къ роднымъ, близкимъ, прислымъ, слугамъ, и пр. пр. — объ этихъ вещахъ ни за что въ свѣтѣ не заставишь подумать: они готовы, выдуманы. Паскаль говоритъ, что люди для того играютъ въ карты, чтобъ не оставаться никогда долго наединѣ съ собою, чтобъ не дать развиться угрызеніямъ совѣсти. Очень вѣроятно, что, руководствуясь тѣмъ-же инстинктомъ, человѣкъ не любитъ разсуждать о семейныхъ тайнахъ, — а не пора-ли бы имъ на свѣтъ? Я, какъ маленькія дѣти, боюсь темноты; мнѣ все кажется, что въ темнотѣ сидитъ злой духъ съ рыжей бородой и съ копытомъ. Зачѣмъ, кажется, прятать подъ спудомъ то, что не боится свѣта: да и въ сущности это все равно, прячь не прячь — все обличится; съ каждымъ днемъ меньше тайнъ.

Was sich in dem Kœmerlein
Still und fein gesponnen
Kommt—wie kann es anders sein?
Endlich an die Sonnen.

Изрѣдка какое-нибудь преступленіе, совершенное въ этомъ мракѣ частной жизни, пугнетъ на день на другой людей, стоявшихъ возлѣ, заставитъ ихъ задуматься..... для того, чтобъ потомъ начать судить и осуждать. Добрѣйшій человѣкѣ въ мірѣ, который не найдетъ въ душѣ жестокости, чтобъ убить комара, съ великимъ удовольствіемъ растерзаетъ доброе имя ближняго на основаніи морали, по которой онъ самъ не поступаетъ и которую прилагаетъ къ частному случаю, разсказанному во всей его непонятности. „Его жена уѣхала вчера отъ него.“—Скверная женщина! „Отецъ его лишилъ наслѣдства.“ —Скверный отецъ!—Всякое судебное мѣсто снисходительнѣе осуждаетъ, нежели записные филантропы, и люди, сознающіе себя честными и добрыми. Двѣсти лѣтъ тому назадъ, Спиноза доказывалъ, что всякій прошедшій фактъ надобно ни хвалить, ни порицать, а разбирать какъ математическую задачу, т. е. стараться понять,—этого никакъ не растолкуешь. Къ тому-же, чтобъ преступленіе обратило на себя вниманіе, надобно, чтобъ оно было чудовищно, громко, скандально, облито кровью. Мы въ этомъ отношеніи похожи на французскихъ классиковъ, которые, если шли въ театръ, то для того, чтобъ посмотрѣть, какъ цари, герои или по крайней мѣрѣ полководцы и наперсники ихъ кровь проливаютъ, а не для того, чтобъ видѣть мѣщански проливаемыя слезы. Людямъ необходимы декораціи, обстановка, надпись; мѣщанинъ во дворянствѣ очень удивился, узнавши, что онъ сорокъ лѣтъ говоритъ прозой—мы хохочемъ надъ нимъ; а многіе лѣтъ

сорокъ дѣлами злодѣянія и умерли лѣтъ восьмидесяти, не зная этого, потому что ихъ злодѣянія не подходили ни подъ какой параграфъ кодекса — и мы не плачемъ надъ ними.

Лафаржъ отравила своего мужа, (т. е. положимъ, что отравила; слѣдствіе было сдѣлано такъ неловко, что нельзя понять, Лафаржъ ли отравила мышьякомъ своего мужа, или судьи отравили юриспруденціей г-жу Лафаржъ) — крикъ, толки. Злодѣйство въ-самомъ дѣлѣ страшное, гнусное—въ этомъ никто не сомнѣвается; да что-же собственно новаго въ этомъ убійствѣ? Я увѣренъ, что въ томъ-же самомъ Парижѣ, гдѣ такъ кричали объ этомъ, нѣтъ большой улицы, гдѣ-бы въ годъ или въ два не случилось чего нибудь подобнаго — разница въ оружіяхъ. Лафаржъ, какъ рѣшительная преступница, дала минеральнаго яду; а что далъ, напримѣръ мой сосѣдъ, богатый откупщикъ, своей женѣ, которая вышла за него потому, что ея нѣжные родители стояли передъ нею на колѣнахъ, умоляя спасти ихъ имѣнье, ихъ честь—продажей своего тѣла, своимъ безчестіемъ? что далъ ей мужъ, какого яда, отъ котораго она изъ ангела красоты сдѣлалась въ два года развалиной? Отъ-чего эти ввалившіяся щеки, отъ-чего ея глаза, сдѣлавшіеся огромными, блестятъ какимъ-то болѣзненно-жемчужнымъ отливомъ? Орфила и самъ Распаль не найдутъ ничего ядовитаго въ ея желудкѣ, когда она умретъ; и немудрено, ядъ у ней въ мозгу. Психическія отравы ускользаютъ отъ химическихъ реагенцій и отъ тупости людскихъ сужденій. „Чего не достаетъ этой женщинѣ? она утопаетъ въ роскоши“— говорятъ глупѣйшіе, не понимая, что мужъ, наряжающій жену не потому, что она хочетъ этого, а потому, что онъ хочетъ, — себя наряжаетъ; онъ ее наряжаетъ

потому, что она его; на томъ-же основаніи, какъ наряжаетъ лакея и кучера.—Все такъ,—говорятъ умнѣйшіе —но, согласившись на просьбу родителей, она должна была благоразумнѣе переносить свою судьбу. А позвольте спросить: возможно-ли *хроническое* самоотверженіе? Разомъ пожертвовать собой не важность: Курцій бросился въ пропасть, да и поминай какъ звали — это понятно: а безпрестанно, цѣлые годы, каждый день приносить себя на жертву — да гдѣ-же взять столько геройства или столько ослинаго терпѣнья? Довольно, что хватило силъ на первую безумную жертву — такая жертва, само-собою разумѣется, не приносится, ни отцу, ни матери, потому-что они перестаютъ быть отцомъ и матерью, если требуютъ такихъ жертвъ. Супругъ, вѣроятно, не остановился на куплѣ, потребовалъ, сверхъ страшныхъ жертвъ, отъ которыхъ возмущается все человѣческое достоинство, любви, и не найдя ея, началъ, par dépit тихое, кроткое, семейное преслѣдованіи, эту извѣстную охоту par forge. преслѣдованіе внимательное, какъ самая нѣжная любовь, постоянное, какъ самая вѣрная старуха-жена, преслѣдованіе, отравляющее каждый кусокъ въ горлѣ и каждую улыбку на устахъ. Я коротко знакомъ съ этимъ преслѣдованіемъ; оно какъ Янусъ о двухъ лицахъ — одно для гостей, глупо-улыбающееся, другое для домашняго употребленія, тоже улыбающееся, но улыбкой гіенны, слазалъ бы я, еслибъ гіенны улыбались; хищные звѣри добросовѣстны, они не дѣлаютъ медовыхъ устъ, когда хотятъ кусать. Умри жена, супругъ воздвигнетъ монументъ; объ немъ будутъ жалѣть больше, нежели объ ней; онъ самъ обольетъ слезами ея гробъ, и для довершенія удара слезами откровенными, онъ, поддавая ей психическаго мышьяку, вовсе и не думалъ, что она умретъ.

Людямъ непремѣнно надобны видимые знаки, несчастію нѣмому они сочувствовать не могутъ. „Вотъ видите этого толстаго мужчину съ усами — онъ сидѣлъ годъ въ тюрьмѣ,“ — и всѣ: „ахъ, боже мой! бѣдный, что онъ вынесъ!“ Ну, а какая-же тюрьма въ образованномъ государствѣ можетъ сравниться съ свободной жизнью этой женщины? Съ чего тюремщику, если онъ не какой-нибудь извергъ, которыхъ также мало, какъ и великихъ людей, съ чего ему ненавидѣть колодника? Они оба несутъ двѣ довольно тяжелыя ноши, и тюремщикъ, исполняя свою обязанность, не смѣетъ идти далѣе приказа. Конечно, заключеніе тяжело — я это знаю лучше многихъ, но ставить тюрьму рядомъ съ семейными несчастіями смѣшно. Люди, по своему несовершеннолѣтію, только тѣ несчастія считаютъ великими, гдѣ цѣпи гремятъ, гдѣ есть кровь, синія пятна, какъ-будто хирургическія болѣзни сильнѣе нравственныхъ.

Когда я хожу по улицамъ, особенно поздно вечеромъ, когда все тихо, мрачно, и только кое-гдѣ свѣтится ночникъ, тухнущая лампа, догорающая свѣча, — на меня находитъ ужасъ: за каждой стѣной мнѣ мерещится драма. за каждой стѣной виднѣются горячія слезы, слезы, о которыхъ никто не свѣдаетъ, слезы обманутыхъ надеждъ, слезы, съ которыми утекаютъ не одни юношескія вѣрованія, но всѣ вѣрованія человѣческія, а иногда и самая жизнь.—Есть, конечно, дома, въ которыхъ благоденственно ѣдятъ и пьютъ цѣлый день, тучнѣютъ, и спятъ безпробудно цѣлую ночь, да и въ такомъ домѣ найдется хоть какая-нибудь племянница притѣсненная, задавленная, хоть горничная или дворникъ, а ужъ непремѣнно кому-нибудь да солоно жить.

Отъ-чего все это? Я полагаю, что вещество большаго

мозга не совсѣмъ еще выработалось въ шесть тысячъ лѣтъ; оно еще не готово; отъ-того люди и не могутъ сообразить, какъ устроить домашній бытъ свой.

Право такъ. У большей части людей мозгъ ребячій, — имъ надобны дядьки, няньки, педели, наказанія, приказанія, карцеры, игрушки, конфекты и прочее. — дѣло дѣтское!

II.

Богатые люди по большей части или моты, или скупцы; на сотни выпщется одинъ, который умѣетъ управлять своимъ состояніемъ, не впадая въ крайность расточительности или скупости. Совершенно случайное сосредоточеніе огромныхъ средствъ какъ-то кружитъ голову людямъ; они бросаютъ ихъ, или не употребляютъ, доказывая въ обоихъ случаяхъ ненужность ихъ. Впрочемъ не надобно ставить расточительность и скупость на одну доску. Расточительность носитъ сама въ себѣ предѣлъ: она оканчивается съ послѣднимъ рублемъ и съ послѣднимъ кредитомъ; скупость безконечна и всегда при началѣ своего поприща; послѣ десяти милліоновъ, она съ тѣмъ-же оханьемъ начинаетъ откладывать одиннадцатый. Расточительность поправляетъ сдѣланное стяжаніемъ, она видитъ горсть золота въ своихъ рукахъ, неизвѣстно какъ въ нихъ попавшуюся, не выработанную, свалившуюся съ неба — и бросаетъ ее за наслажденія, пиры, за упоеніе нѣгой, за удобства роскоши. Конечно, это дурно, т. е. то дурно, что человѣкъ ставитъ высшимъ наслажденіемъ суетное удовлетвореніе желаній, если и не порочныхъ, то пустыхъ; но вредъ расточительности больше отрицательный; мотъ могъ-бы лучше употребить себя и свои средства

— безъ сомнѣнія; но онъ и не удерживаетъ эти средства въ своихъ рукахъ, а отдаетъ ихъ другимъ; собственно гнуснаго, преступнаго ничего нѣтъ въ расточительности; мотовство часто сопрягается съ художественной любовью изящнаго, съ благородными порывами. Избалованный мотъ иногда откажетъ въ участіи, но дастъ денегъ; скупой никогда не откажетъ въ участіи, но никогда денегъ не дастъ. Въ мотѣ есть что то избалованное, прихотливое, распущенность характера гетеры; въ скупцѣ что-то преступное, анти-соціальное, онъ похожъ на шакала, онъ хуже его. Дидро говоритъ, что онъ знаетъ только одинъ порокъ, и этотъ порокъ — скупость.

Ревнивая привязанность къ имуществу безнравственна; богатство хранимое болѣе развращаетъ человѣка, нежели богатство расточаемое; оно, какъ тяжелая гиря стягиваетъ къ землѣ всякой порывъ, всякую благородную мысль; не имущество принадлежитъ скупому, а скупой имуществу. Слово — „недвижимое имѣніе“ значитъ для скупца капканъ, въ который пойманъ подвижный духъ его. Деньги и богатство — страшный оселокъ для людей; кто на немъ попробовалъ себя и выдержалъ испытаніе, тотъ смѣло можетъ сказать, что онъ человѣкъ. Самоотверженіе на поприщѣ гражданственности, мужество на полѣ битвы, смѣлая рѣчь, патріотизмъ, готовность служить другу рукой, головой, — все это довольно часто встрѣчается на бѣломъ свѣтѣ; но..... но до кармана касаться не совѣтую тому, кто хочетъ сохранить юношескія вѣрованія. Гдѣ люди, которые не согнутся подъ бременемъ ожидаемаго милліона? А если есть такіе, которые не своротятъ съ прямой дороги для чужаго милліона, то конечно нѣтъ такихъ, которые не своротятъ, чтобъ сохранить свой собственный.

Обвиняютъ мота въ неуваженіи къ деньгамъ; но онѣ и недостойны уваженія, такъ какъ вообще всѣ вещи, кромѣ художественныхъ произведеній. Человѣкъ ими пользуется, употребляетъ ихъ,— и вещь вполнѣ достигаетъ высшей цѣли, отдаваясь въ наслажденіе человѣку; другаго уваженія она не заслуживаетъ, другимъ образомъ человѣкъ можетъ уважать только человѣка; уважать вещь—вообще безсмыслица, но уважать деньги — двойная безсмыслица: въ вещи я уважаю иногда ея красоту, воспоминанія, сопряженныя съ нею, но деньги алгебраическая формула всякой вещи, не вещь, а представительница вещей.

Расточительность и скупость—двѣ болѣзни, текущія изъ одного источника и приводящія различными путями къ одному концу. Голодная бѣдность мота встрѣчается съ голоднымъ богатствомъ скупца — и тутъ они равны. Лучшаго доказательства нелѣпости богатства быть не можетъ.

Безнравственно быть мотомъ, зная, что сосѣдъ умираетъ съ голоду — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; придетъ время, будутъ удивляться нашему аппетиту и крѣпости нервъ, особенно дамскихъ; но..... но есть нѣчто гораздо безнравственнѣйшее: беречь свои деньги, зная, что сосѣдъ умираетъ съ голоду.

III.

Совершеннолѣтіе закономъ опредѣляется въ 21 годъ. Въ дѣйствительности, убѣгающей отъ ариѳметическихъ однообразныхъ опредѣленій, можно встрѣтить старика лѣтъ двадцати и юношу лѣтъ въ пятьдесятъ. Есть люди, совершенно неспособные быть совершеннолѣтними, такъ какъ есть люди, неспособные быть юными.

Знаменитая Бетина оставалась ребенкомъ на всю жизнь — тѣмъ самымъ восторженнымъ ребенкомъ, котораго кудри ласкалъ олимпической рукой Гёте, никогда не бывшій юношей въ жизни; онъ отбылъ, какъ извѣстно, свою юность Вертеромъ. Біографы Ньютона удивляются, что ничего не извѣстно объ его ребячествѣ, а сами говорятъ, что онъ въ восемь лѣтъ былъ математикомъ то есть, не имѣлъ ребячества. Напротивъ, Лафайетъ въ восемьдесятъ лѣтъ нуждался еще въ гувернерѣ — это было самое благородное и самое старое дитя обоихъ полушарій. Для одного юность—эпоха, для другаго — цѣлая жизнь. Въ юности есть нѣчто, долженствующее проводить до гроба, но не все: юношескія грезы и романтическія затѣи очень жалки въ старикѣ и очень смѣшны въ старухѣ. Остановиться на юности потому скверно, что на всемъ останавливаться скверно—надобно быстро нестись въ жизни; оси загорятся—пускай себѣ, лишь-бы не заржавѣли. Человѣкъ, способный на дѣйствительность, на совершеннолѣтіе, имѣетъ органъ претворенія всѣхъ событій, внутреннихъ и внѣшнихъ, въ такую ткань, которая безпрестанно обновляясь, сама усугубляетъ силу и объемъ взгляда; изъ юношескаго романтизма онъ троитъ практическій взглядъ; онъ подъ тѣми-же словами разумѣетъ несравненно ширшія понятія; старый юноша неподвижно остается при старыхъ понятіяхъ. Въ юности человѣкъ имѣетъ непремѣнно какую-нибудь мономанію, какой-нибудь несправедливый перевѣсъ, какую-нибудь исключительность и бездну готовыхъ истинъ. Плоская натура при первой встрѣчѣ съ дѣйствительностію, при первомъ жесткомъ толчкѣ, плюетъ на прежнюю святыню души своей, ругается надъ своими заблужденіями, и по мѣрѣ надобности беретъ взятки, женится изъ денегъ, строитъ домъ, два....

Благородная, но не реальная натура идетъ на перекоръ событіямъ, не стремится понять препятствія, а сломить ихъ, лишь бы спасти свои юношескія мечты, и обыкновенно, видя, что нѣтъ успѣха, останавливается и, остановившись, повторяетъ всю жизнь одну и ту-же ноту, какъ роговой музыкантъ. Натура дѣйствительная не такъ поступаетъ: она воспитываетъ свои убѣжденія по событіямъ, такъ какъ Петръ I воспитывалъ своихъ воиновъ шведскими войнами; она не держится за старое въ его буквальномъ смыслѣ, она не съ юношескими сентенціями отправляется на борьбу, на жизнь, а съ юношеской энергіей; сентенціи, правила ей не нужны, у ней есть *тактъ*, т. е. органъ импровизаціи, творчества; она вступаетъ во взаимодѣйствіе съ окружающей средой; ничего не можетъ быть болѣе удалено отъ твердыхъ и закоснѣлыхъ истинъ, какъ дѣйствительное воззрѣніе; оно тягуче, тягуче, оно колеблется какъ вода въ морѣ—но кто сдвинетъ подвижное море?

Всѣ нѣмецкіе филистры по большей части бурши, не умѣвшіе примирить юное съ совершеннолѣтнимъ. Самая смѣшная сторона филистерства именно въ этомъ сожитіи въ одномъ и томъ-же человѣкѣ теоретической юности съ мѣщанскимъ совершеннолѣтіемъ. Старѣться значитъ окостенѣть; неправда, что всякой долженъ старѣться; старѣется собственно остановившаяся натура, она тогда въ мертвенномъ покоѣ, осѣдаетъ кристаллами; въ нравственномъ мірѣ то-же, что въ физическомъ: мозгъ сохнетъ, хрящъ идетъ въ кость, зубы костенѣютъ до того, что выпадаютъ изо рта, какъ камешки. Но въ нравственномъ мірѣ это не непремѣнно, натура, безпрестанно обновляющаяся, безпрестанно развивающаяся—въ старости молода. Натура реальная почти не имѣетъ способности старѣться — она по преимуществу

душа живая. Сикстъ V распрямился, чтобъ достать головою тіару, старость не помѣшала ему.

Старый юноша имѣетъ свои пріемы, которыми онъ съ двухъ словъ обличаетъ себя. Вы его узнаете по ненависти къ Гёте и по пристрастію къ Шиллеру, по его презрѣнію къ практической дѣятельности, къ матеріальному интересу; онъ не любитъ желѣзныхъ дорогъ, положительности, индустріи, Сѣверной Америки, Англіи; онъ любитъ средніе вѣка, платоническую любовь; ему надобенъ эффектъ, фраза — и замѣтьте, что у него эффектъ и фраза вовсе не ложь, вовсе не поддѣльны, онъ за фразу пойдетъ и сядетъ на колъ, если только онъ живетъ въ такой образованной странѣ, гдѣ за фразу сажаютъ на колъ. Романтизмъ вообще ищетъ несчастій, онъ очищается ими, хотя мы не знаемъ, гдѣ онъ загрязнился; это особая метода леченія, Unglückskur, такъ какъ есть Wasserkur, Hungerkur. Старый юноша—это Эгмонтъ; юный старецъ—это Вильгельмъ-Оранскій. Донъ-Карлосъ, маркизъ Поза, Максъ Пикколомини — должны были умереть въ юности — и образы ихъ остались у насъ неразрывны съ чертами отроческой красоты, и такъ они хороши. Исторія намъ много завѣщала вѣчно-юныхъ лицъ, начиная съ представителя Греціи Ахилла и до.... ну хотъ до Шарлотты Кордэ. Доживи Максъ Пикколомини до генералъ-аншефовъ, Донъ-Карлосъ до смерти Филиппа II, они пережили-бы себя, они играли-бы престранную роль, или должны были-бы переработаться, но въ томъ-то и бѣда, что въ нихъ мало замѣтно переработывающей силы. Такъ, какъ они есть — они высоко художественны; но для того, чтобъ ихъ оставить такими, надобно было ихъ спасти смертной казнію. Таковъ нашъ соотечественникъ Владиміръ Ленскій — и Пушкинъ разстрѣлялъ его. Не

такова Татьяна — и она осталась, слава богу, здорова. Шекспиръ зналъ, что дѣлать, перерывая, такъ сказать, на первомъ поцалуѣ нить жизни Ромео и Юліи.

II.

НОВЫЯ ВАРІАЦІИ НА СТАРЫЯ ТЕМЫ. *)

Нѣкогда школа остановилась въ грустномъ недоумѣніи, пораженная страшными и по видимому безвыходными противорѣчіями, которыми Кантъ завершилъ свое ученіе и изъ-за которыхъ вдали виднѣлись улыбающіяся черты его учителя, Юма, казалось, послѣдняя опора человѣка — разумъ подкосился, достовѣрность вѣденія исчезла; робкіе умы, всегда предпочитающіе бѣгство труду и лѣнивый покой утомительному изслѣдованію, стали отступать въ свои всегдашнія зимнія квартиры — въ мистицизмъ; эмпирики иронически улыбались; а въ сущности антиноміи Канта были основаны на одномъ формальномъ противорѣчіи и на насильственномъ раздвоеніи истины; вскорѣ наука обличила это.

Но если мы сравнимъ противорѣчія, поставленныя Кантомъ, съ противорѣчіями, встрѣчающимися въ со-

*) Статья эта была напечатана въ „Современникѣ“ 1847 года. Случайно въ моихъ бумагахъ остались рукописи этой статьи и другой, также напечатанной въ „Современникѣ“ „*Объ историческомъ развитіи чести*“ — сличая ихъ, можно вполнѣ оцѣнить отеческое попеченіе цензуры того времени — при этомъ не слѣдуетъ забывать, что отъ 1843 до 1848 была самая *либеральная* эпоха николаевскаго царствованія.

знаніи современнаго человѣка, то увидимъ, что отъ послѣднихъ не такъ легко отдѣлаться: онѣ прокрались во всѣ наши убѣжденія, исказили весь нравственный бытъ. Онѣ упорны, какъ всѣ явленія полусознательныя и, слѣдовательно, полусостоящія въ волѣ человѣка (человѣкъ дѣйствительно свободенъ только въ томъ, что вполнѣ понимаетъ); онѣ трудно-уловимы, безпрестанно мѣняютъ платья, форму, языкъ, по временамъ до того притихаютъ, что становятся незамѣтными; но преупорно остаются при своей задней или лучше дряхлой мысли. Тѣмъ опаснѣе эти противорѣчія, что онѣ почти всегда скрыты за туманомъ внутреннихъ чувствъ, что онѣ избѣгаютъ рѣзко высказаннаго имени, что, наконецъ, знамя, выставляемое ими съ величайшей добросовѣстностью, прикрываетъ совсѣмъ иное содержаніе. Рядомъ такихъ противурѣчій, утомительныхъ, ироническихъ, оскорбительныхъ, проходитъ озабоченное человѣчество передъ нашими глазами, льетъ свои слезы, льетъ свою кровь, мучится, споритъ, становится съ той или другой стороны, думаетъ примирить, думаетъ побѣдить — не можетъ, и вмѣсто того, чтобъ наслаждаться жизнію, склоняетъ усталую голову подъ то или другое ярмо предразсудковъ. Но кто же ставитъ, кто поддерживаетъ это ярмо? Его никто не ставитъ и никто не поддерживаетъ. Заблужденія развиваются сами собою. въ основѣ ихъ лежитъ всегда что-нибудь истинное, обросшее слоями ошибочнаго пониманья; какая нибудь простая житейская правда — она мало по малу утрачивается, между прочимъ потому, что выражена въ формѣ, несвойственной ей; а вѣками скопившаяся ложь, сѣдая отъ старости, опираясь на воспоминанія, переходитъ изъ рода въ родъ. Баратынскій превосходно назвалъ предразсудокъ обломкомъ древней правды. Эти

обломки составляютъ одно начало для противорѣчій, о которыхъ мы говоримъ, по другую сторону ихъ—отрицаніе, протестъ разума. Развалины эти поддерживаются привычкой, лѣнью, робостью и, наконецъ младенчествомъ мысли, не умѣющей быть послѣдовательною и уже развращенной принятіемъ въ себя разныхъ понятій безъ корня, и безъ оправданія, разсказанныхъ добрыми людьми и принятыхъ на честное слово. Это совершенно противно духу мышленія, но оно очень легко: вмѣсто труда и пота—органъ слуха, вмѣсто логической наготы — готовое богатство, вмѣсто нравственной отвѣтственности передъ самимъ собою — младенческая зависимость отъ внѣшняго суда.

Но не должно забывать, что и сознаніе, что и трудъ мысли имѣетъ свою сильно-увлекательную прелесть; а потому, кромѣ несчастной, отстраненной нуждою и работою толпы, да кромѣ пресытившейся и утонувшей въ нѣгѣ другой толпы, почти никто не остается спокойно при готовыхъ понятіяхъ; это просто неестественно человѣку, у котораго мысль сколько-нибудь возбуждена; но хотѣть мыслить, но любить и желать истины — еще не все; тутъ и открываются трагико-логическія столкновенія, скорбныя и мучительныя противорѣчія. Всмотритесь въ нравственный бытъ современнаго человѣка, вы будете поражены противорѣчіями, глубоко и до поры до времени мирно лежащими въ основѣ всѣхъ его дѣлъ, мыслей, чувствъ: это одна изъ самыхъ рѣзкихъ, отличительныхъ чертъ нашего образованія. Отсюда желаніе сохранить разомъ науку со всѣми ея правами, съ ея притязаніемъ на самозаконность разума, на дѣйствительность вѣденія и всѣ романтическія выходки противъ разума, основанныя на неопредѣленномъ чувствѣ, на темномъ голосѣ; отсюда желаніе воспользоваться

всѣми благами современнаго и будущаго, не утрачивая ни одного блага прошедшаго, не смотря на то, что сознаніе несправедливости послѣдняго — единственное условіе водворенія первыхъ. Слѣдствія этой шаткости, этого колебанія — тѣ, которыхъ надобно было ожидать — поразительная смѣлость въ посылкахъ и поразительная робость въ силлогизмѣ, удаль въ отвлеченіяхъ и несостоятельность въ приложеніяхъ. Наконецъ, отсюда же истекаетъ потребность возстать всѣми силами противъ этого немужественнаго, ложнаго, стертаго направленія.

Наука, выросшая вдали отъ жизни, за стѣнами аудиторій, держалась большею частію въ отвлеченіяхъ, говорила свысока, языкомъ труднымъ и въ то-же время неопредѣленнымъ, которымъ она столько же высказывалась, сколько скрывалась; въ ея распущенныя, незамкнутыя категоріи вносили все, что хотѣли, придавая грубому матеріалу, захваченному съ улицы, современный лоскъ и отливая его въ логическія формы. Такое неустройство продолжаться не можетъ; время такихъ себяобольщеній прошло; теперь труднѣе безнаказанно и шутя плавать по поверхности науки, играть ея истинами; ея основы глубоки, а глубь тянетъ въ себя; надобно опуститься съ головою или выходить по добру, по здорову на берегъ и оставить науку и себя въ покоѣ; оно, можетъ быть, и лучше, кому это возможно. Блаженъ, говоритъ Пушкинъ:

Кто, хладный умъ угомонивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ.

Отойти еще легко; но дѣйствительно трудно становится долго продержаться колоссомъ родосскимъ—одна нога на берегу, другая на другомъ: берега все болѣе

и болѣе раздвигаются. Да и зачѣмъ эта двойственность? „Будь то или другое," какъ говорилъ Іоаннъ. Въ этомъ отношеніи скажемъ смѣло: хвала дерзкому языку, которымъ съ нѣкотораго времени заговорила наука нашего вѣка. Это кончитъ поскорѣе всѣ недоразумѣнія. Ей не нужно скрываться, у ней совѣсть чиста; пора говорить просто, ясно; пора все говорить, на сколько это возможно. Половина поклонниковъ современной мысли непремѣнно отойдетъ—что за бѣда? Кто отойдетъ, тотъ былъ чужой, тотъ былъ обманутъ. Оставлять что-либо недоговореннымъ, значитъ оставлять возможность ложнаго пониманья; надобно, напротивъ, предупреждать всякое двусмысленное выраженіе, — этого требуетъ честность въ наукѣ. Таковъ языкъ Спинозы. Можно съ нимъ ни въ чемъ не соглашаться, но нельзя не остановиться съ уваженіемъ передъ этой мужественной и открытой рѣчью, и вотъ разгадка, почему его вдесятеро болѣе ненавидѣли, чѣмъ другихъ мыслителей, говорившихъ тоже, что и онъ.

Говорить языкомъ откровеннымъ можетъ всякій благородный человѣкъ, имѣющій право говорить; но говорить языкомъ совершенно простымъ бываетъ, не скажу невозможно, но трудно при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Современно слагающееся воззрѣніе на жизнь сложно; взятое съ боя, выработанное въ мучительной борьбѣ, въ отрицаніяхъ и лишеніяхъ, неконченное, наконецъ, оно трудно уловляется въ какой-нибудь маленькій кодексъ, въ нѣсколько общихъ мѣстъ, громкихъ словами и скудныхъ содержаніемъ; можетъ быть, оно трудно уловляется отъ того, что его требованія и выше и многостороннѣе требованій прежнихъ моралистовъ и юристовъ. Не смотря на это, новое воззрѣніе имѣетъ не только свою опредѣленность, но и свой инстинктъ,

который никогда не обманетъ того, кто совѣстливо выработалъ себѣ смыслъ его, и кто понятое оставилъ не въ отвлеченіи, а принялъ въ мозгъ и кровь. При всемъ этомъ, можно-бы было просто передавать многое, еслибъ просто понимали: но главное препятствіе въ томъ, что каждый является съ готовыми убѣжденіями, воспитавши въ себѣ возможность спокойно укладывать въ головѣ самыя крутыя противорѣчія; что дѣлать съ такими умами? Задача тутъ измѣняется, вопросъ становится не педагогическій, а патологическій. Кто *не все* исторгнулъ изъ груди неоправданное разумомъ, тотъ не свободенъ и можетъ дойти до того, что отвергнетъ *весь* разумъ. Беранже говоритъ, что его муза прекапризная: за малѣйшій кончикъ галуна начинаетъ бѣситься и кричать.*) Его муза права; дѣло не въ сажени и не въ вершкѣ галуновъ, а въ галунахъ вообще.

Обернитесь, куда хотите, въ психическомъ быту нашемъ, вы вездѣ найдете эту борьбу сознанія съ привычкой, мысли съ разсказомъ, логики съ преданіемъ, ума съ дѣломъ, философіи съ исторіей. За примѣрами далеко ходить нечего.

I.

Люди испоконъ вѣка, или, по крайней мѣрѣ, съ троянской войны, толкуютъ о нравственной, независимости о стремленіи къ ней, о ея достоинствѣ и прелестяхъ, однако не вкушаютъ этихъ прелестей, потому что они несравненно болѣе привязаны (хоть и не хвастаются этимъ) къ авторитетамъ, къ внѣшнимъ велѣніямъ, къ указаніямъ, нежели къ нравственной свободѣ. Любовь

*) Цензура пропустила: A bas la livrée!

къ нравственной свободѣ — чисто платоническая, идеальная; по ней вздыхаютъ, о ней говорятъ въ ученыхъ предисловіяхъ и въ академическихъ рѣчахъ, ей поклоняются пламенныя души, но на благородной дистанціи. Людямъ страшна отвѣтственность самобытности; любовь ихъ къ нравственной независимости удовлетворяется вѣчнымъ ожиданіемъ, вѣчнымъ стремленіемъ, они скромно рвутся, воздержно стремятся къ предмету желаній и чувствительно вѣрятъ, что ихъ желанія осуществятся, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ; такая вѣра утѣшаетъ и миритъ ихъ съ настоящимъ, — чего-же лучше? Вспомнимъ при этомъ грубыхъ и дикихъ средневѣковыхъ рыцарей, съ своимъ гордымъ и воинственнымъ видомъ слушающихъ благочестиваго каппеллана и его поученія о смиреніи, о нищетѣ. Они слушаютъ и глубоко горюютъ о томъ, что все это не исполняется... а еслибъ?... не такъ бы пришлось горевать имъ. Милая наивная логика!

Съ своей стороны, любовь къ умственному авторитету вовсе не платоническая, а обыкновенная, супружеская d'un mariage de raison, такая любовь, въ которой мечтами и поэзіей пожертвовано для домашнихъ удобствъ, для экономіи, для порядка, для лѣни. Лѣнь и привычка — два несокрушимые столба, на которыхъ покоится авторитетъ. Авторитетъ представляетъ собственно опеку надъ недорослемъ; лѣнь у людей такъ велика, что они охотно сознаютъ себя несовершеннолѣтними или безумными; лишь-бы ихъ взяли подъ опеку и дали-бы имъ досугъ ѣсть или умирать съ голоду, а главное — не думать и заниматься вздоромъ. Правда, люди боятся умственной неволи, особенно, когда пилюля не позолочена, когда она груба, нагла; но они

вдвое больше боятся отсутствія авторитета, т. е. простоты, ширп, которая тогда дѣлается; они знаютъ, что человѣкъ слабъ, того и смотри—избалуется.

Внѣшній авторитетъ несравненно удобнѣе: человѣкъ сдѣлалъ скверный поступокъ—его пожурили, наказали, и онъ квитъ, будто и не дѣлалъ своего поступка; онъ бросился на колѣни, онъ попросилъ прощенія, его, можетъ, и простятъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда человѣкъ оставленъ на самого себя: его мучитъ униженіе, что онъ отрекся отъ разума, что онъ сталъ ниже своего сознанія, ему предстоитъ трудъ примириться съ собою, не слезливымъ раскаяніемъ, а мужественною побѣдою надъ слабостью. Но побѣды эти не легки. Первое дѣло, за которое принимаются люди, отбросивъ одинъ умственный авторитетъ, — принятіе другаго, положимъ лучшаго, но столько-же притѣснительнаго, а если забыть его содержаніе, то и не лучшаго, по очень простой причинѣ, потому-что и люди сдѣлались лучше; слѣдовательно, отношеніе осталось тоже. Китаецъ, которому дадутъ пять-сотъ бамбуковъ за нарушеніе какой-нибудь изъ десяти тысячъ церемоній, столько-же ими огорчится, сколько французъ, котораго драму запретятъ играть самымъ учтивѣйшимъ образомъ.*) Даже такіе привиллегированные эманципаторы, какъ Вольтеръ, умѣя кощунствовать надъ религіей, оставались просто идолопоклонниками *своихъ вымысловъ и призраковъ*.**)

*) „Переходъ отъ авторитета къ авторитету похожъ на то, что дѣлали встарь наши крестьяне: они пользовались Юрьевымъ днемъ, только для того, чтобъ по собственному выбору избрать барина нѣсколько получше.“

**) „Какой-то естественной и пренелѣпой религіи. Вольтеръ, точно такъ, какъ впослѣдствіи Робеспьеръ, испугался прямаго результата своихъ проповѣдей. Они лучше хотѣли выдумать искус-

Моралисты часто умилительно говорятъ о гибельномъ порокѣ властолюбія; властолюбіе, какъ и всѣ прочія страсти, доведенное до крайности, можетъ быть смѣшнымъ, печальнымъ, вреднымъ, смотря по кругу дѣйствій; но властолюбіе само по себѣ вытекаетъ изъ хорошаго источника, изъ сознанія своего личнаго достоинства; основываясь на немъ, человѣкъ такъ бодро, такъ смѣло вступалъ вездѣ въ борьбу съ природой и развилъ въ себѣ ту гордую несгнетаемость, которая насъ поражаетъ въ англичанинѣ. Къ тому-же въ нѣсколько устроенномъ обществѣ, властолюбіе, какъ дикая страсть, является такъ рѣдко, что едва-ли стоитъ о немъ говорить. Совсѣмъ иное дѣло умалчиваемая моралистами любовь къ подвластности, къ авторитетамъ, основанная на самопрезрѣніи, на уничтоженіи своего достоинства, — она такъ обща, такъ эпидемически поражаетъ цѣлыя поколѣнія и цѣлые народы, что о ней стоило бы поговорить; но они молчатъ! Считать себя глупымъ, неспособнымъ понять истины, слабымъ, презрѣннымъ, наконецъ, и получающимъ все свое значеніе отъ чего-нибудь внѣшняго—неужели это добродѣтель? —„Я теперь остался круглымъ сиротой, нѣтъ ни отца, ни матери, говорилъ мнѣ одинъ *чиновникъ**) лѣтъ пятидесяти; онъ въ эти лѣта и совершивъ уже обществен-

ственный авторитетъ, нежели оставить людей неподвластными. Нужно-ли говорить о всей сухости, всей безнравственности всего неуваженія къ истинѣ и всего презрѣнія къ людямъ, проглядывающей сквозь такое воззрѣніе. Тотъ, кто безъ вѣры хочетъ поработить другого чему-нибудь, тотъ самъ порабощенъ, рабъ и плантаторъ вмѣстѣ. Кто далъ имъ право скрывать истину подъ спудомъ, если они были въ самомъ дѣлѣ призваны ее свидѣтельствовать, и что за самоуниженіе сказать, что человѣкъ не долженъ, не можетъ знать истины! Религія никогда не шла этимъ путемъ явнаго обмана.“

*) Въ текстѣ: Безсрочно отпускной солдатъ.

ную тягу, понимаетъ себя безъ отца и матери, *сиротою*, а не самобытнымъ, на своихъ ногахъ стоящимъ человѣкомъ. Не смѣйтесь надъ нимъ: также не самобытна большая часть самыхъ развитыхъ людей; вы у каждаго найдете какое-нибудь карманное идолопоклонство, какое-нибудь дикое понятіе, унаслѣдованное отъ няньки и спокойно прожившее лѣтъ тридцать съ воззрѣніемъ, вовсе несвойственнымъ нянькамъ, и наконецъ хоть какой-нибудь авторитетъ, безъ котораго онъ пропалъ, безъ котораго онъ круглая сирота. Вотяки трепещутъ передъ палкой, къ которой привязана козлиная борода — это ихъ шайтанъ. Нѣмцы трепещутъ передъ страшными призраками своей науки. Конечно, отъ грубаго вотяцкаго шайтана до шайтана нѣмецкой философіи большой шагъ; но родственныя черты не мудрено раскрыть между ними.—„Я вижу на твоемъ челѣ нѣчто такое, что меня заставляетъ тебя почитать царемъ,“— сказалъ Кентъ безумному Лиру. А мы можемъ сказать многимъ, кичащимся своею умственною независимостію: „я вижу на твоемъ челѣ нѣчто такое, что меня заставляетъ назвать тебя рабомъ!“

II.

Нѣтъ той всеобщей, истинной мысли, изъ которой-бы, вмѣсто расширенія круга дѣйствій, человѣкъ не сплелъ веревку для того, чтобъ ею-же потомъ перевязать себѣ ноги, а если можно, то и другимъ, такъ что свободное произведеніе его творчества дѣлается карательною властью надъ нимъ самимъ; нѣтъ того истиннаго, простаго отношенія между людьми, котораго бы они не превратили во взаимное порабощеніе: любовь,

дружба, братство, соплеменность, наконецъ самая *любовь къ волѣ* послужили неизсякаемыми источниками нравственныхъ притѣсненій и неволи. Мы здѣсь вовсе не говоримъ о внѣшнихъ стѣсненіяхъ, а о боязливой, теоретической совѣсти людей, о стѣсненіяхъ внутреннихъ, добровольныхъ, отогрѣваемыхъ въ собственной груди, о трепетѣ передъ послѣдствіемъ, о боязни передъ правдой. Человѣкъ стоитъ безпрестанно на колѣняхъ передъ тѣмъ или другимъ, — передъ золотымъ тельцомъ или передъ внѣшнимъ долгомъ; всего чаще, онъ, какъ извѣстный своей разсѣянностью графъ Остерманъ, склоняется передъ своимъ собственнымъ изображеніемъ въ зеркалѣ, передъ фатой-морганой, отражающей ему его самого. Потребность, чтить, уважать такъ сильна у людей, что они безпрестанно что-нибудь уважаютъ внѣ себя — отца и мать, повѣрья своей семьи, нравы своей страны, науку и идеи, передъ которыми они совершенно стираются. Все это, допустимъ, и хорошо и необходимо, но дурно то, что имъ въ голову не приходитъ, что и внутри ихъ есть достойное уваженія, что они, не краснѣя, вынесутъ сравненіе со всѣмъ уважаемымъ; они не понимаютъ, что человѣкъ, презирающій себя, если уважаетъ что-либо, то ужъ онъ въ прахѣ передъ уважаемымъ, его рабъ; что онъ уже преступилъ святую заповѣдь: „не сотвори себѣ кумира.“

И между-тѣмъ, дѣйствительно все превращается въ кумиръ; даже логическую истину, даже самую свойственную человѣку форму жизни превращаетъ человѣкъ себѣ въ тяжкой долгъ, онъ заставляетъ себя насильственно повиноваться своему собственному побужденію — такъ въ немъ искажены всѣ понятія.*) Если долгъ

*) Но этого мало; не одной покорности требуютъ моралисты, не одного вещественнаго исполненія *того, что* называютъ долгомъ.

мною сознанъ, то онъ столько-же силлогизмъ, выводъ, мысль, которая меня не тѣснитъ, какъ всякая истина, и котораго исполненіе мнѣ не жертва, не самоотверженіе, а мой естественный образъ дѣйствія; мнѣ никто не запрещалъ говорить, что $2\times2=5$, но я противъ себя не могу этого сказать. Дѣло все состоитъ въ томъ, что моралисты главнымъ основаніемъ своего ученія кладутъ глубокую истину, что человѣкъ отъ природы злодѣй и извергъ, изъ чего и выводятъ, *что онъ долженъ быть добродѣтеленъ*. Отчего-же ни одинъ звѣрь не имѣетъ отъ природы развратныхъ побужденій, т. е. такихъ, которыя были бы не свойственны и вредны его формѣ бытія? Странная была бы исключительная привиллегія человѣка (homo sapiens!) быть въ противорѣчіи съ своими опредѣленіями, съ своимъ родовымъ значеніемъ и притягиваться къ нему на арканѣ. Еслибъ это было въ самомъ дѣлѣ такъ, то надлежало бы заключить, что или человѣкъ нелѣпъ, или что долгъ нелѣпъ, т. е. не выражаетъ его назначенія. Быть *человѣкомъ* въ человѣческомъ обществѣ вовсе не тяжкая обязанность, а простое развитіе внутренней потребности; никто не говоритъ, что на пчелѣ лежитъ священный долгъ дѣлать медъ; она его дѣлаетъ потому, что она пчела. Человѣкъ, дошедшій до сознанія своего достоинства, поступаетъ человѣчески потому, что ему такъ поступать естественнѣе, легче, свойственнѣе, пріятнѣе, разумнѣе; я его не похвалю даже за это, онъ дѣлаетъ свое дѣло, онъ не можетъ иначе поступать, такъ какъ роза не можетъ иначе пахнуть.

„Поэтому всѣ сознательные люди будутъ героями до-

(потому что содержаніе его до капризности многоразлично), но еще чтобъ внутри души своей человѣкъ считалъ внѣшній долгъ, хотя и противъ своихъ убѣжденій — за безусловно-нравственную истину.

бродѣтели, самоотверженія и проч.?“ Нисколько. Дѣлать героическіе подвиги принадлежитъ натурѣ героической, такъ какъ творить художественныя произведенія принадлежитъ поэту. Но не дѣлать ничего противучеловѣческаго принадлежитъ всякой человѣческой натурѣ, для этого не требуется даже много ума, никому не даю я права требовать отъ меня героизма, лирическихъ поэмъ и пр., но всякому принадлежитъ право требовать, чтобъ я его не оскорбилъ и чтобъ я не оскорблялъ его — оскорбленіемъ другого. Человѣкъ, не дошедшій до сознанія—дитя, больной, не полный человѣкъ, недоросль; онъ внѣ закона нравственнаго, потому что онъ его не понимаетъ своимъ закономъ, за это хотя онъ и вѣренъ своей степени развитія, покорялся страстямъ больше разума — его должно силою заставить покориться, на томъ основаніи, на которомъ приказываютъ дѣтямъ исполнять волю старшихъ, или, если хотите, изъ тѣхъ началъ, по которымъ сажаютъ сумасшедшаго на цѣпь. Сомнительно, чтобъ внѣшнія мѣры исправили кого-нибудь, но онѣ держатъ въ страхѣ—и цѣль достигнута. Уголовные законы составляются въ пользу общества, а не въ пользу преступника.*) Здѣсь дѣло въ томъ, чтобъ заставить лицо исполнить общую волю, и въ большей части случаевъ развитый человѣкъ ей уступитъ, если не по охотѣ, то по расчету, онъ долженъ покориться, потому что онъ слабѣйшій; имѣй онъ достаточно силы

*) О пользѣ преступнику толкуютъ изъ того-же лицемѣрія, о которомъ мы столько говорили. Разумѣется, что этимъ путемъ общество можетъ подавить и праваго, и всегда побьетъ слабаго; впрочемъ Гуссъ былъ казненъ, а Лютеръ самъ казнился.

Человѣкъ, вступающій въ борьбу съ обществомъ, или правѣе его и тогда онъ революціонеръ, или общество правѣе его и тогда онъ преступникъ, и общество беретъ всѣ мѣры, чтобъ оградиться отъ него.

онъ вышелъ бы на борьбу съ ложнымъ въ его глазахъ началомъ, такъ какъ Сократъ. Лицо можетъ столькоже забѣжать противъ общества, сколько отстать; въ обоихъ случахъ можно обуздать, понудить лицо, по мѣрѣ его дѣяній и ихъ несоотвѣтственности съ общепринятымъ, но это вовсе не выгода и прелесть общественной жизни, а необходимость ея, ея невыгода, — жертва, которую лицо приноситъ ей, а жертва никогда не бываетъ наслажденіемъ, я, по крайней мѣрѣ, не знаю радостныхъ жертвъ, потому что радостная жертва вовсе не жертва. Но моралисты вздумали придать какой-то абсолютно высокій характеръ обыкновеннымъ полицейскимъ мѣрамъ, которыя не болѣе какъ справедливы въ юридическомъ смыслѣ, и необходимы для столкновеній въ обществѣ. Представляя себя слишкомъ отвлеченно и односторонно идею долга, они захотѣли, чтобъ и въ политическомъ мірѣ человѣкъ предупредительно, добровольно жертвовалъ собою и всѣмъ своимъ...

III.*)

Ничто въ свѣтѣ не поддерживаетъ такъ сильно людей въ искаженномъ пониманіи, какъ нашъ условный и до крайности невѣрный языкъ; мы нехотя безпрестанно лжемъ, мы говоримъ готовыми типами, и типы эти беремъ изъ двухъ совершенно прошедшихъ міросозерцаній — римскаго и феодальнаго; мы словами своими

*) Въ текстѣ: „Кто для кого, личность для общества, или общество, государство для лица?

— Безъ сомнѣнія лицо для государства, иначе что-же это будетъ *эгоизмъ, своеволіе!*

— Я совершенно, совершенно согласенъ съ вами.“

мѣшаемъ понимать просто и ясно свою-же мысль. Это и грустно, и досадно, и смѣшно!

Что-такое эгоизмъ? сознаніе моей личности, ея замкнутости, ея правъ? Или что нибудь другое? Гдѣ оканчивается эгоизмъ и гдѣ вачинается любовь? Да и дѣйствительно ли эгоизмъ и любовь противоположны, могутъ-ли они быть другъ безъ друга? Могу-ли я любить кого нибудь не для себя, могу-ли я любить, если это не доставляетъ *мнѣ*, именно *мнѣ* удовольствія? Не есть-ли эгоизмъ одно и тоже съ индивидуализаціей, съ этимъ сосредоточиваніемъ и обособленіемъ, къ которому стремится все сущее, какъ къ послѣдней цѣли? Всего меньше эгоизма въ камнѣ, у звѣря эгоизмъ сверкаетъ въ глазахъ; онъ дикъ и исключителенъ у дикаго человѣка, не сливается ли онъ съ высшей гуманностью у образованнаго?

Вы думаете, что моралисты разрѣшили эти вопросы; нѣтъ, они отдѣлываются доблестнымъ негодованіемъ противъ всего эгоистическаго; они знаютъ, что эгоизмъ значительный порокъ, имъ это довольно; ихъ безпорочная натура мещетъ громы на него и не унижается до пониманія. Странные люди! вмѣсто того, чтобъ именно на эгоизмѣ, на этомъ въ глаза бросающемся грунтѣ всего человѣческаго, создать житейскую мудрость и разумныя отношенія людей, они стараются всѣми силами уничтожить, замарать эгоизмъ, т. е. срыть die feste Burg человѣческаго достоинства и сдѣлать изъ человѣка слезливаго, сантиментальнаго, прѣснаго добряка, напрашивающагося на добровольное рабство. Слово *эгоизмъ*, какъ слово *любовь*, слишкомъ общи: можетъ быть гнусная любовь, можетъ быть высокій эгоизмъ, и обратно. Эгоизмъ развитаго, мыслящаго человѣка благороденъ, онъ-то и есть его любовь

къ наукѣ, къ искусству, къ ближнему, къ широкой жизни, къ неприкосновенности и проч.: любовь ограниченнаго дикаря, даже любовь Отелло высшій эгоизмъ. Вырвать у человѣка изъ груди его эгоизмъ значитъ вырвать живое начало его, закваску, соль его личности; по счастію, это невозможно и напоминаетъ только того почтеннаго моралиста, который отучилъ свою лошадь отъ эгоистической привычки ѣсть и очень сердился, что она умерла, какъ только стала отвыкать отъ пищи...

Что мы сказали объ эгоизмѣ, тоже должно сказать о своеволіи. „*Мининъ началъ своевольно великое дѣло возстанія противъ чужеземнаго порабощенія.**) Неужели его своеволіе похоже на своеволіе пьяницы, придирающагося къ прохожимъ?**) Я полагаю, что *разумное признаніе своеволія есть высшее нравственное признаніе человѣческаго достоинства,****) *что* до него и домогаются всѣ. Отчего эти недоразумѣнія, этотъ смутный хаосъ понятій? Отъ дурной привычки брать и понятія и слова безъ анализа, благо мы унаслѣдовали ихъ отъ схоластики. Жизнію люди стали выше этой унижающей точки зрѣнія, но изъ учтивости и по скверной привычкѣ остаются при старомъ языкѣ, и таково странное право словъ: мы чувствуемъ, что неладно, что не такъ выражаемся—но не языкъ отбрасываемъ, а принимаемъ превратный образъ. Мы перетащили изъ средневѣковаго міра натянутую, романтико-мистическую обста-

*) Въ текстѣ: „Вильберфорсъ началъ своевольно хлопотать объ освобожденіи негровъ и послѣ долгихъ, многолѣтнихъ трудовъ — достигъ желаемаго.“

**) „Да и потомъ, что же за нравственная обязанность быть подъ авторитетомъ *чужеволья*?

***) „Я полагаю, что своеволіе есть высшая нравственная среда что до нея и домогаются всѣ.“

новку всѣхъ напростѣйшихъ истинъ и затемнили ихъ. Обстановка эта всему придаетъ, какъ освѣщеніе бенгальскимъ огнемъ, странный и изуродованный видъ. Мораль наша еще въ феодальной одеждѣ, но уже въ полинялой и истасканной; ея оружья заржавѣли и притупились, утратили свою рѣзкость и сдѣлались площе. Слагающаяся новая жизнь, непризнанная въ сферѣ морали, почва совершенно неудобная для такихъ сѣмянъ. Она и не пустила корней. Возьмите обыкновенную свѣтскую мораль—все это до такой степени неистинно перемѣшано изъ разныхъ началъ, такъ нелѣпо, шатко, бѣдно, что жаль видѣть добросовѣстную преданность проповѣдующихъ ее. Когда для морали былъ одинъ источникъ — религія, тогда она была послѣдовательна; она стройно шла изъ одного начала. Новый человѣкъ, этотъ Криспинъ, слуга двухъ господъ, хочетъ сохранить выводы прежней морали, но источникомъ ей поставилъ отвлеченный долгъ. Можете себѣ представить плоды такой логики! Отшатнувшись отъ твердаго берега, люди испугались; имъ, привыкнувшимъ къ мрачнымъ сводамъ, къ освѣщенію свѣчами, къ сырому испаренію каменныхъ стѣнъ, сдѣлалось невыносимо тяжело на чистомъ полѣ, отъ воздуха, отъ солнца, отъ отсутствія стѣнъ, отъ безграничной дали и возможности идти во всѣ стороны. Со страху они построили на скорую руку досчатый балаганъ нашей морали и подумали, что это новый храмъ, въ то время, какъ въ сущности этотъ балаганъ ничто другое, какъ временной лазаретъ.

Желаніе выйти изъ романтизма ощутительно, но робко покидаемъ мы его; насъ гнететъ вліяніе пугающихъ мечтаній и привычныхъ грезъ, и мы равно не имѣемъ геройства ни воротиться къ средневѣковымъ

воззрѣніямъ, ни пожертвовать ими; мы краснѣемъ еще при мысли, что у насъ есть тѣло, и не вѣримъ, что мы духи; у насъ въ памяти глубоко вкоренились клеветы, подъ вліяніемъ которыхъ мы думаемъ нашу думу, и готовые образы, отъ которыхъ мысль наша отстать не можетъ. Съ грустью говорилъ ужъ объ этомъ Гегель, вотъ слова его: „Мы всѣмъ нашимъ образованіемъ погружены въ фантастическія представленія, которыя трудно переступить. Древніе мыслители были совсѣмъ не въ томъ положеніи; обычные къ чувственному созерцанію, они не имѣли ничего впередъ идущаго, кромѣ небесъ сверху и земли внизу. Мысль вольно мирилась и сосредоточивалась въ этомъ мірѣ, и сосредоточивалась свободная отъ всякаго даннаго содержанія: это было вольное выплываніе въ ширь, гдѣ ничего нѣтъ ни подъ нами, ни надъ нами, гдѣ мы остаемся наединѣ съ собою“.....

Encyclop. Tom. I.

С. Соколово. Іюль, 1846 года.

IV.*)

Есть слова, понятія опозоренныя, не смѣющія явиться въ порядочное общество, такъ какъ не смѣетъ въ него явиться палачъ, отвергаемый людьми за то, что исполняетъ ихъ волю. Что подумали бы о человѣкѣ, который поднялъ бы, напримѣръ, рѣчь въ защиту *пристрастія* и сказалъ бы, что пристрастіе на столько выше *справедливости*, на сколько любовь выше равнодушія?

Здѣсь опять не можетъ быть и рѣчи о томъ, что всякое пристрастіе выше всякой справедливости —

*) Этого § вовсе не было напечатано.

главное дѣло въ томъ, во *имя чего* человѣкъ пристрастенъ.

— Нѣтъ, все равно — для чего бы человѣкъ ни былъ пристрастенъ — онъ поступаетъ безчестно, слабодушно!

Хорошо, что такія вещи только говорятъ, а дѣлаютъ совсѣмъ иное.

Справедливость въ человѣкѣ, неувлеченномъ страстью, ничего не значитъ, довольно безразличное свойство лица подтверждающаго, что днемъ—день, а ночью — ночь. Въ основѣ всѣхъ отвлеченныхъ, безличныхъ, сужденій нашихъ (математическихъ, химическихъ, физическихъ) лежитъ справедливость; но въ основѣ всего личнаго, любви, дружбы лежитъ пристрастіе. Бракъ основанъ на пристрастномъ предпочтеніи одной женщины всѣмъ остальнымъ, одного мущины—всѣмъ прочимъ. Предпочтеніе, которое мать оказываетъ своему ребенку, вопіющее пристрастіе, мать, которая была-бы только справедлива къ дѣтямъ, могла бы служить образцомъ сухаго и бездушнаго существа. Семейная любовь — такое же пристрастіе, не выдерживающее критики, какъ любовь къ отечеству. Строго справедливъ космополитъ. Справедливъ человѣкъ, ничего не любящій особенно; мизантропъ очень недурно выразился, сказавши:

L'ami du genre humain ne peut pas être le mien. Разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ не о другѣ человѣчества, а о другѣ со всѣми на свѣтѣ, то есть ни съ кѣмъ въ особенности. Фанатическій мечтатель Сенъ-Жюстъ пошелъ далѣе мизантропа (онъ вообще не останавливался передъ послѣдствіями, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось кому нибудь, или ему самому потерять голову), и требовалъ, чтобъ гражданина,

не имѣющаго друга въ тридцать лѣтъ, лишать правъ гражданства, какъ человѣка не имѣющаго способности быть пристрастнымъ.

„Справедливость прежде всего“—говорятъ французы; съ этимъ можно согласиться, лишь бы любовь была въ концѣ всего. Pereat mundus et fiat justitia, говорятъ по латынѣ нѣмцы, и съ этими нельзя согласиться, потому что антитезисъ дурно выбранъ. Нѣмцы странный народъ; мало того, что они имѣютъ Аѳины въ Берлинѣ, Аѳины въ Мюнхенѣ, они хотятъ еще на порожніе пьэдестали греческихъ боговъ поставить свои тощія метафизическія привидѣнія; греческіе боги — чего нѣтъ другого — были разбитные люди, любили весело пировать, пили безмѣрно амброзію, собой были красивы, да и не то, чтобы слишкомъ цѣломудренны—самъ старикъ Зевсъ завертывался иногда съ волоокой Герой облакомъ (простодушный Гомеръ думаетъ, что это онъ отъ людей прятался, а мнѣ кажется просто отъ Ганимеда). На ихъ то ваканціи берлинскіе Аѳиняне хотятъ помѣстить свои трансцендентальныя абстракціи безъ тѣла и жизни, а тоже со строгостями.

— „Идея все — человѣкъ ничего“ — „Всеобщему надобно жертвовать частнымъ.“ Если слушать и принимать все за чистыя деньги, то можно подумать, что нѣмцы худшіе террористы въ мірѣ, готовые жертвовать лицами, поколѣніями. На дѣлѣ нѣмецъ жертвуетъ всѣмъ міромъ и всѣми идеями въ пользу тихой, семейной жизни, съ подругою дней и ночей, которая останется ему вѣрна лѣтъ сорокъ при жизни—да лѣтъ двадцать послѣ его смерти; въ пользу вечеровъ въ полисадничкѣ, куда приходитъ ученый другъ, также занимающійся филологіей, читать вмѣстѣ Ѳукидида, или что-нибудь такое современное. У нихъ подобнаго рода выход-

ки до того безвредны, что имъ позволено ихъ высказывать и печатать въ толстыхъ книгахъ; всѣ знаютъ, что нѣмецъ скорѣе переведетъ Ротека на санскритскій языкъ, нежели теоретическую мысль на практику; бѣда въ томъ, что вся Европа стала читать по нѣмецки. Вотъ какъ французы примутся писать комментаріи къ такимъ идеямъ, того и смотри, что попадешь на фонарь—французы народъ веселый, а шутить не любятъ. Нѣмцы вовсе не веселый народъ, а шутятъ шутки нехорошія, они и не подумали, что если mundus погибнетъ, а justitia останется—гдѣ будетъ мюнхенская пинакотека и гисенская лабораторія?

Люди любятъ декорацію, они и въ истинѣ видятъ одну ефектную сторону — сзади хоть трава не рости, а *истинныя* истины только кубическія, и всѣ три измѣренія имъ необходимы.

Разумѣется, есть отношенія, по которымъ всеобщее важнѣе частнаго; личность, противудѣйствующая всеобщему, попадаетъ на глупое положеніе человѣка бѣгущаго съ лѣстницы, въ то самое время, какъ густая колонна солдатъ подымается на нее; таковы личности тирановъ, консерваторовъ, дураковъ и преступниковъ. Но голову мнѣ было бы жаль отрубить и злодѣю; расчетъ простой, если человѣку отрубить голову, она никогда не выростетъ, а всеобщее, какъ гидра лернская, тутъ срубили голову, а тамъ двѣ выросли.

Апостолъ Павелъ не говоритъ, что любовь справедлива, а говоритъ, что она *милосерда*, *долготерпѣлива*. Когда въ тяжелую, въ горькую минуту раскаянія я бѣгу къ другу, я вовсе не справедливости хочу отъ него. Справедливость мнѣ обязанъ дать квартальный, ежели онъ порядочный человѣкъ; отъ друга я жду не осужденія, не ругательства, не казни, а теплаго участія

и возстановленія меня любовью, отъ него я жду, что онъ половину моей ноши возьметъ на себя, что онъ скроетъ отъ меня свою чистоту.

Если я въ человѣкѣ люблю только его идею, я не люблю человѣка, а люблю идею. Такую теоретическую симпатію можно имѣть къ книгѣ, къ художественному произведенію; но съ человѣкомъ я мало соединенъ общимъ признаніемъ нѣсколькихъ истинъ, тѣмъ болѣе, что всякой не сумасшедшій долженъ признать истину. Еслибъ достаточно было одного отвлеченнаго согласія мыслей, то всѣ умные люди были бы друзья. Не только ума недостаточно для сближенія, но даже генія: я могу благоговѣть передъ Гёте; но, чтобы мы съ нимъ стали дѣлать, еслибъ жизнь свела насъ? Не всякому данъ свыше талантъ быть Эккерманомъ, или Ласъ-Казомъ.

Справедливость высшее достоинство судьи, но судья перестаетъ быть человѣкомъ, пока онъ сидитъ на судейскомъ стулѣ, онъ непогрѣшающій органъ законодательства, онъ языкъ, но не онъ разумъ, не онъ воля— разумъ законъ. Чѣмъ болѣе онъ вѣритъ, что онъ судья, что преступникъ подсудимый, что въ законѣ рѣшено трудное уравненіе прошедшихъ событій съ грядущими истязаніями, тѣмъ незыблемѣе должна быть его справедливость.

Когда люди не были такъ разборчивы какъ теперь и были полны наивной вѣры, они безъ малѣйшаго раздумья водили на казнь во имя всякой идеи и во имя всякаго убѣжденія. За что погибли тысячи и тысячи еретиковъ? за то, что одни увѣряли, что 2×2 *три*, а другіе твердо знали, что 2×2 *пять* и жарили за это цѣлыми стадами честныхъ испанцевъ, нѣмцевъ, голландцевъ, и неумытные судьи, возвращаясь домой, го-

ворили, „что дѣлать справедливость выше всего, pereat mundus et fiat justitia,“ — и кротко засыпали съ чистой совѣстью на мягкихъ подушкахъ, забывая запахъ подожженаго мяса.*)

С. Соколово. Іюль 1846.

*) Конца нѣтъ въ тетради.

СТАТЬИ ПОЛЕМИЧЕСКІЯ

I.

МОСКВИТЯНИНЪ О КОПЕРНИКѢ.*)

Въ № 9 „Москвитянина“ напечатанъ *Голосъ за правду*, голосъ благороднаго негодованія за помѣщеніе Коперника въ число Walhalla's Genossen. Гнѣвъ груди, изъ которой вырвался *голосъ за правду*, съ самаго начала обличаетъ волненіе, не позволящее голосу оставаться въ предѣлахъ логики, хронологіи и даже приличія. Но самое это одушевленіе возбудило всю нашу симпатію: одни сильныя чувства ничѣмъ не вяжутся. Такіе голоса слушаются не умомъ, а сердцемъ: умомъ ихъ нетокмо не оцѣнишь, но и не поймешь.

Предупреждая злые толки, мы поднимаемъ нашъ слабый голосъ, чтобъ объяснить нѣкоторые рѣзкіе звуки мощнаго *голоса за правду* въ № 9 „Москвитянина.“ *Голосъ*, мало по малу одушевляясь, возвѣщаетъ, въ лирическомъ паѳосѣ, какъ въ Краковѣ Коперникъ духовно сочетался съ великими міровыми именами Галилея, Кеплера, Ньютона, *по слѣдамъ которыхъ шелъ и которыхъ оставилъ далеко за собою*... Холодные люди засмѣются, холодные люди скажутъ, что это изъ рукъ вонъ, и присовокупятъ, что Коперникъ умеръ въ 1543 году, Галилей въ 1642, Кеплеръ въ 1630, а Ньютонъ въ 1727!

*) *Отеч. Зап.* 1849 г. № 11, отд. VIII, стр. 56.

А у насъ слезы навернулись на глазахъ отъ этихъ строкъ; какъ чисто сохранился „*Голосъ за правду*“ (ультра-славянскій) отъ грѣховной науки Запада, отъ нечестивой исторіи его!*) Неужели Коперникъ не могъ идти по слѣдамъ и духовно сочетаться съ геніями, которые жили послѣ него, даже обогнать ихъ, только оттого, что умеръ прежде ихъ? Это матеріализмъ! Случайное время рожденія и жизни будто можетъ имѣть вліяніе на сочетаніе духовное? вѣдь это не тѣлесное сочетаніе! Конечно холоднымъ разумомъ этого не поймешь; но будто человѣкъ понимаетъ однимъ разумомъ? это западный софизмъ. Какъ-же бы понимали люди, лишенные разума? Наконецъ не надобно забывать, что „*Голосъ за правду*“—голосъ трепещущій отъ гнѣва. До хронологіи-ли раздраженному человѣку? Онъ говоритъ какъ пиѳія на треножникѣ, самъ не зная что. И такъ, голоса винить нечего. Можно бы, конечно, замѣтить, что редакторы „Москвитянина“ могли бы похладнокровнѣе слушать „*Голосъ*“ и поправить ошибки; но, впрочемъ, въ условіяхъ, требуемыхъ закономъ, не сказано, чтобъ редакторы знали, когда тѣлесно жили великіе люди: какое-же право имѣемъ мы отъ нихъ требовать этого? Эти вздоры обыкновенно знаютъ люди холоднаго разума, жалкіе: имъ надобно чѣмъ нибудь наполнить пустоту души; это знаютъ нечестивыя дѣти нашего вѣка — вѣка, который скоро заставитъ траву и каменья поднять голосъ и заставилъ уже недавно вдохновеннаго юношу *молніеноснымъ* словомъ брякнуть на лирѣ:

*) *Голосъ* такъ твердо увѣренъ, что въ Европѣ XVII вѣкъ былъ прежде XVI, что, не ограничиваясь вышесказаннымъ мѣстомъ, говоритъ: „къ счастію, *миновало то время*, когда Галилей томился въ темницѣ за тѣ же самыя истины, которыя всенародно объявлялъ Коперникъ.“

О вѣкъ! Аравіи безплодная равнина,
Египта сладкихъ мясъ лишь алчная чета!*)

Знаніе — это *сладкое мясо* египетское, исторія и хронологія — это Тифономъ обглоданныя кости египетскаго мяса, и исторія европейской цивилизаціи — это просто „лишь алчная чета.“

Что за дѣло, кто прежде кого жилъ! Дѣло въ корнесловіи фамиліи. Тутъ „*Голосъ*“ дома. Мы и прежде никогда не сомнѣвались, что Коперникъ былъ полякъ; но доказательства на это были бѣдны: родился въ Польшѣ отъ поляковъ, имѣвшихъ чисто славянскую фамилію. „*Голосъ*“ идетъ гораздо далѣе; онъ доказываетъ филологически не только польское происхожденіе Коперника но и выводитъ самое объясненіе его планетнаго движенія изъ корнесловія его фамиліи. Не смѣйтесь, а слушайте. Коперникъ, Копырникъ, это трава, у этой травы корни—во-первыхъ, въ землѣ, во-вторыхъ, въ богемскихъ словахъ korpnel, trpnut strpnut и въ польскихъ pokorniec, cierpnac, scierpnac. (Ну, гг. нѣмцы, родственны-ли вамъ эти звуки? Нѣтъ!). Мало по малу наша трава превращается въ добродѣтель, и изъ *жербжицы* дѣлается *Покорникъ*. Итакъ Коперникъ prorrie sic dictum Покорникъ. Слово, которое могло бы быть и русскимъ, замѣчаетъ „*Голосъ*,“ еслибъ было принято. Это совершенно справедливо! Но „*Голосъ*“ не ограничивается этимъ, а тотчасъ же усвоиваетъ его русскому языку, для того, чтобъ доказать милымъ каламбуромъ, что Коперникъ потому и былъ геніальный астрономъ, что онъ былъ Покорникъ. „Въ Коперникѣ,“ говоритъ „*Голосъ*,“ мы не столько удивляемся безпре-

*) № 9 „Москвитянина.“ Прекрасное стихотвореніе г. Лихонина! Видно, что это еще первые опыты; языкъ какъ-то не поддается, но надежды большія.

дѣльной мысли, сколько религіозной *покоръ*, которая дала ему средства и силы постигнуть тайну міровращенія.“ Странно, конечно, покажется многимъ, какъ Галилей, жившій послѣ Коперника, сидѣлъ (по „*Голосу*,“ прежде рожденія Коперника, въ тюрьмѣ именно за ту же *покору* и какъ ученіе Коперника было объявлено нерелигіознымъ, но вы опять забываете, что все это можно узнать изъ костей сладкаго египетскаго мяса. Странно и то, отчего-же никто изъ доминиканцевъ, базиліанцевъ напр. хоть Заремба, который принималъ Коперника въ духовное званіе, не дошелъ покорой до движенія земной планеты, всѣ они были люди препокорные и *прекопырные*. Странно, только съ перваго взгляда; со втораго вы усмотрите, что Коперникъ былъ покорникъ въ квадратѣ, разъ по жизни, да разъ по фамиліи: какъ же ему было не добраться до объясненія солнечной системы? Это ясно, какъ дважды два четыре. Пріобрѣтеніе русскому языку слова *покоры* очень важно и на немъ останавливаться нечего; мы знаемъ многихъ, рѣшившихся идти далѣе и подписываться „*копырнѣйшими* слугами.“

Филолого-мистическое изысканіе есть только пьедесталъ, съ котораго „*Голосъ*“ начинаетъ свой выговоръ Германіи вообще, Баваріи и Швабіи въ частности. Можно себѣ представить, какъ „*Голосъ*,“ послѣ всѣхъ gtepnut, krpnet, въ справедливомъ гнѣвѣ трактуетъ неумѣстную дерзость германцевъ поставить памятникъ славянину! Онъ называетъ современное состояніе Германіи (а можетъ, и всего Запада) „временемъ игрищъ безумныхъ.“ Подѣломъ! Что у германцевъ мало что-ли великихъ людей? Три вѣка тому назадъ, завелся какъ то у сосѣдей, и то чудомъ, *покорой* геній, опередившій самого Ньютона, умершаго сто съ чѣмъ-то лѣтъ тому

назадъ, и того давай! Это ни на что не похоже! Вѣдь мы не ставимъ памятниковъ Гёте или Шиллеру. Коперникъ писалъ не для нѣмцевъ, писалъ для соотечественниковъ: это ясно изъ того, что онъ писалъ по латынѣ и посвѣщалъ папѣ римскому великія творенія свои. Развѣ недовольно Европѣ, что она унаслѣдовала, поняла, развила великую мысль, болѣе отгаданную геніемъ, нежели изложенную наукообразно? развѣ недовольно ей, что она же поставила генія въ возможность сдѣлать свое открытіе предшествовавшимъ развитіемъ астрономіи, подавъ ему „Альмагесту“ Птоломея и всѣ послѣдующіе труды до XVI вѣка? Мало ей, памятники воздвигать... Нѣтъ, *копырнѣйшіе слуги*, много будетъ! Мы можемъ читать и не читать Коперника, можемъ думать, что онъ дальше повелъ *науку* Ньютона, *основанную* на Копернике, мы можемъ ему ставить памятники и не ставить — намъ онъ свой человѣкъ; съ своимъ человѣкомъ, что за церемонія? А нѣмцы не приставай! Мы всегда съ негодованіемъ смотрѣли, какъ какіе нибудь французы ставятъ памятники корсиканцамъ, женевцамъ, швабамъ... A propos, Баварія виновата; пусть несетъ кару; а бѣдные швабы—ни тѣломъ, ни душой, даже намъ стало не много жаль ихъ. Какой то изъ редакторовъ „Conversation's Lexicon“ написалъ, что Коперникъ происхожденія швабскаго : конечно, ошибка непростительная, хотя и менѣе грубая, нежели сдѣлать „*Голосъ*,“ считая Коперника послѣдователемъ Ньютона. Не знать, гдѣ и отъ кого родился Коперникъ — не мѣшаетъ знать его *великое дѣяніе*, а думать, что Коперникъ открылъ движеніе земли, имѣя передъ собою *теорію тяготѣнія* Ньютона, показываетъ совершенное незнаніе предмета. По несчастію, „*Голосъ за Правду*“ зналъ о жалкой ошибкѣ Conv. Lex. въ самое

то время, когда гнѣвъ его достигъ высшей степени. „Какъ“ — говорилъ онъ: поляка Коперника производить отъ т... швабовъ.“ „*Голосъ*“, задыхаясь отъ гнѣва, заикнулся на т. . . Жаль, что редакторы не доглядѣли этого т. . . . . Мы увѣрены, что крѣпкое словцо, начинающееся съ т... вовсе не обидно; но поле толкованія широко: мало ли прилагательныхъ съ т? таврическій, темный, тупой, толстый, трогательный и проч. Швабъ Шиллеръ не былъ ни толстъ, ни тупъ. Фихте и Гегеля можетъ и считаютъ редакторы „Москвитянина“ тупыми и толстыми, но за то навѣрное согласятся, что они не таврическіе...

Послѣ этой выходки, „Голосъ“ слабѣетъ, переломъ совершился, онъ становится нѣженъ, добродушенъ, близокъ къ милому лепету дѣтей. Онъ разсказываетъ намъ, что великій астрономъ Коперникъ зналъ механику. Каковъ былъ Коперникъ! Да не зналъ-ли онъ и геометріи? „Тихо-Браге написалъ стихи въ честь его инструменту; названному paralacticum, искусство, его въ живописи доказываетъ портретъ его, снятый имъ самимъ.“ Каковъ сюрпризъ послѣ точки съ запятой! Наконецъ, „*Голосъ*“, утихая, говоритъ, какъ бы выводомъ и послѣднимъ словомъ своимъ, слѣдующія краснорѣчивыя строки: „Заключимъ воспоминаніе о знаменитомъ Коперникѣ свидѣтельствомъ Мостлина, по мнѣнію котораго день кончины его былъ 19 Января а не 15 или 24 Мая, не 19 Февраля и 1 Іюня.“

Послѣ этого трогагельнаго мѣста, „*Голосъ*“ умолкаетъ. Послѣднія строки убѣдительны: конечно, если Коперникъ умеръ 19 Января, то во всѣ прочіе дни и мѣсяцы того года онъ не умиралъ.*)

*) Хотя въ № 10 „Москвитянина“ и сдѣлана оговорка, что „въ статьѣ о Коперникѣ, Регенсбургъ переставленъ съ Дуная на Рейнъ,

II.

МОСКВИТЯНИНЪ И ВСЕЛЕННАЯ.

Западное государство можно выразить такою дробью $^{10}/_{10}$, а наше десятичною.
(Погодинъ. № 1 „Москвитянина“ за 1845).

Въ то время, какъ солнечная система, ничего не предчувствуя, спокойно продолжала свои однообразныя занятія, а народы Запада, увлеченные со временъ Ѳалеса въ пути не хорошія, еще менѣе что либо подозрѣвая, продолжали свои разнообразныя дѣла — совершилось въ тиши событіе рѣшительное: редакція „Москвитянина“ сообщила публикѣ, что на слѣдующій годъ она будетъ выписывать иностранные журналы, пріобрѣтать *важнѣйшія* книги, что у ней будутъ новые сотрудники, которые не токмо будутъ участвовать, но и примутъ мѣры..... Изъ этого можно было бы подумать, что до реформы журналы не выписывались, книги пріобрѣтались неважныя и мѣры брались не сотрудниками, а подписчиками... Спустя нѣсколько времени редакція успокоила умы на счетъ своего направленія, удостовѣряя, что оно останется тоже, которое пріобрѣло ея журналу такое значительное количество почита-

а Коперникъ посланъ по слѣдамъ Галлилея, Кеплера и Ньютона, между тѣмъ какъ онъ имъ предшествовалъ, благодаря излишнему усердію г. корректора,“ но такая остроумная поправка показалась такъ забавною моему корректору, что я никакъ не могъ отказать ему въ просьбѣ напечатать эту статью. Ред.

телей..... Впрочемъ ариѳметическая сумма читателей никогда не занимала „Москвитянина“; цѣль его была совсѣмъ не та: онъ имѣлъ высшую, вселенскую цѣль— онъ собою заложилъ магазинъ обновительныхъ мыслей и оживительныхъ идей для будущихъ поколѣній Европы, Азіи, Америки и Австраліи, онъ приготовилъ въ тиши якорь спасенія погибающему Западу. Гибнущая Европа, нося въ груди своей черныя пророчества А. С. Хомякова, утопая въ безстыдствѣ знанія, въ личномъ себялюбіи, заставляющемъ европейцевъ жертвовать собою наукѣ, идеями, человѣчеству — ищетъ помощи, совѣта..... и нѣтъ его внутри ея нѣмецкаго сердца, въ немъ одни слова — аутономія, соціальные интересы и слова, какъ видите, все иностранныя. Но придетъ время, кто нибудь укажетъ на дальнемъ финскомъ берегу лучезарный „Маякъ“..... тогда народы всего земнаго шара побѣгутъ къ „Маяку“, и онъ имъ скажетъ: „идите на Тверскую, въ домъ Попова, противъ дома военнаго генералъ-губернатора: тамъ готово для васъ исцѣленіе, тамъ лежатъ дѣвственные непочатые запасы въ конторѣ „Москвитянина“ и народы прійдутъ на Тверскую и увидятъ, что противъ дома военнаго генералъ-губернатора никакой конторы нѣтъ, а что она съ боку, подпишутся на „Москвитянина,“ узнаютъ много, оживутъ, и потолстѣютъ.

Когда я получилъ новую книжку „Москвитянина“ и увидѣлъ другую обертку съ изящнымъ видомъ Кремля понялъ я, что редакція не шутя говорила о перемѣнѣ... и какъ слабъ человѣкъ! мнѣ смерть стало жаль стараго „Москвитянина.“ Что будетъ въ новомъ, думалось мнѣ, кто знаетъ? сотрудники не токмо будутъ участвовать, но и возьмутъ мѣры... А, бывало, ждешь съ нетерпѣніемъ какъ нибудь въ Февралѣ декабрьской

книжки, и знаешь напередъ: будетъ чѣмъ душу отвести; вѣрно будетъ отрывокъ изъ „путеваго дневника“ г. Погодина... энергическія фразы, изрубленныя въ куски: читаешь и, кажется, будто самъ ѣдешь осенью по фашинниику. Дѣтски-милое, наивное воззрѣніе г. Погодина на Евроиу казалось намъ иногда страннымъ, но не надобно забывать, онъ, какъ кажется, имѣлъ въ виду дикія племена Африки и Австраліи: для нихъ нельзя писать другимъ языкомъ. Ну вотъ, напримѣръ, шлегелевски-глубокомысленныя, основанныя на глубокомъ изученіи Данта, критики г. Шевырева не имѣли въ тѣхъ странахъ далеко такого успѣха, въ нихъ и Западу доставалось... а все не то! Бывало, королева Помара (какъ ее называетъ „Сѣверная Пчела“*) какъ получитъ вселенскую книжку, только и спрашиваетъ: „есть ли дневникъ“?—Есть! Она, моя голубушка, такъ и катается по полу (въ Отаити это значитъ восторгъ) и посылаетъ къ Причарду за коньякомъ выпить за здоровье редакціи. Оно, кажется, бездѣлица, а вѣдь это главная причина раздора между Причардомъ и капитаномъ Брюа. Брюа — морякъ и думалъ, что еще болѣе вселенскій журналъ „Маякъ,“ а Причардъ наклоненъ къ пузеизму, — словомъ симпатизируетъ во многомъ съ „Москвитяниномъ“..... Вирочемъ, все это было въ газетахъ и Гизо на счетъ этого успокоилъ Пиля: Помарэ согласилась кататься по полу и отъ „Маяка.“ Въ сторону политику — богъ съ ней! Обратимся къ „Москвитянину.“ Всѣ ли прежніе сотрудники останутся? продолжалъ я думать, глядя на обертку съ изящнымъ видомъ Кремля. Останется ли г. Лихонинъ, переводившій шиллерова „Дона-Карлоса“ кажется прямо съ испанскаго и переводившій прекрасные стихи графини Сарры

*) Вмѣсто Помарэ.

Толстой на вовсе несуществующій языкъ, по крайней мѣрѣ въ земной юдоли? Останется ли главный сотрудникъ, духъ праведнаго негодованія противъ европейской цивилизаціи и индустріи?*) А вѣдь одному „Маяку“ не справиться со всѣмъ этимъ. „Москвитянинъ-père,“ что ни говорите, журналъ былъ хорошій: еслибъ былъ кто-нибудь, кто его читалъ не въ Отаити, а на Руси, тотъ согласился бы съ нами. Чья вина? Ктожъ не велитъ читать? Издатель „Маяка“ математически доказалъ въ своемъ несравненномъ отчетѣ за пятилѣтнее управленіе современнымъ просвѣщеніемъ, во-первыхъ, что со всякимъ годомъ у него подписчиковъ меньше и меньше, такъ что за 1844 годъ языкъ не повернулся признаться въ цифрѣ; во вторыхъ, что это очень стыдно читателямъ, а не журналу. Еще разъ, жаль прежняго „Москвитянина.“ Господа! помните, какъ онъ вдохновенно объявилъ, что мы спимъ, а онъ не спитъ за насъ (иные думали, что мы именно потому и спимъ, что онъ не спитъ!). Разумѣется, въ этомъ сторожевомъ положеніи иногда говорилъ онъ что попало, чтобъ разогнать дремоту — человѣкъ слабъ есть! Теперь его чередъ; пожелаемъ ему доброй ночи; пусть онъ спитъ легкимъ сномъ: его не потревожатъ частыя воспоминанія. Воздавъ должную честь покойному „Москвитянину-père, обратимся къ новорожденному „Москвитянину-fils“ (живой о живомъ и думаетъ**).

Свѣтская часть начинается стихами; тутъ вы встрѣчаете имена Жуковскаго, М. Дмитріева, Языкова (ка-

*) Съ чувствомъ увидѣли мы потомъ въ оглавленіи именно двухъ прежнихъ сподвижниковъ „Москвитянина“: поэта М. Дмитріева и философа Стурдзу.

**) Мы считаемъ обязанностью отдѣлить отъ прочихъ частей „Москвитянина“ теологическую его часть — она не входитъ въ обзоръ нашъ.

кое-то предчувствіе говоритъ намъ, что въ слѣдующей книжкѣ будутъ стихи г. Ѳ. Глинки и г. А. Хомякова). Разсказъ г. Языкова о капитанѣ Сурминѣ—трогателенъ и наставителенъ; кажется, успокоившаяся отъ суетъ муза г. Языкова рѣшительно посвящаетъ нѣкогда забубенное перо свое поэзіи исправительной и обличительной. Это истинная цѣль искусства, пора поэзіи сдѣлаться трибуналомъ de la poésie correctionnelle. Мы имѣли случай читать еще поэтическія произведенія того-же исправительнаго направленія, ждемъ ихъ въ печати, это громъ и молнія; озлобленный поэтъ не остается въ обстракціяхъ; онъ указуетъ негодующимъ перстомъ *лица* — при полномъ изданіи можно приложить адресы!... Исправлять нравы!*) Что можетъ быть выше этой цѣли? развѣ не ее имѣлъ въ виду самоотверженный Коцебу и авторъ „Выжигиныхъ“ и другихъ нравственно-сатирическихъ романовъ?

Замѣчательнѣйшія статьи принадлежатъ гг. Погодину и Кирѣевскому. Статья г. Погодина „Параллель Русской исторіи съ исторіей Западныхъ государствъ“ написана ясно, рѣзко и довольно вѣрно, даже въ ней было бы много новаго, еслибъ она была напечатана лѣтъ двадцать-пять назадъ. Все же она не лишена большаго интереса. Еслибы г. Погодинъ чаще писалъ такія статьи, его литературные труды цѣнились бы больше. Главная мысль г. Погодина состоитъ въ томъ, что основанія государственнаго быта въ Европѣ съ самаго начала были иныя нежели у насъ; исторія развила эти различія: онъ показываетъ, въ чемъ они состоятъ, и ведетъ къ тому результату, что Западу (т. е. одностороннему европеизму) на Востокѣ (т. е. въ славянскомъ мірѣ) не бывать. Но въ томъ то и дѣло, что

*) Объ этомъ стихотвореніи говорится въ V части *Былое и Думы*.

и на Западѣ этой односторонности больше не бывать: самъ г. Погодинъ очень вѣрно изложилъ, какъ новая жизнь побѣждала въ Европѣ феодальную форму, и даже заглянулъ въ будущее. Еслибъ авторъ не затемнилъ своей статьи поясняющими сравненіями, большею частію математическими, своими $^{10}/_{00}$ и 0,00001, примѣромъ о шарахъ, свидѣтельствующимъ какое-то оригинальное понятіе о механикѣ, о линіи и о бильярдной игрѣ вообще — то она была бы очень недурна. Не смотря на славянизмъ, истина пробивается у г. Погодина сквозь личныя мнѣнія, и сторона, которую ему хочется поднять, не то, чтобъ въ авантажѣ была..... Это—надобно согласиться — дѣлаетъ большую честь автору: „шелъ въ комнату — попалъ въ другую," но попалъ увлекаемый истиною. Честь тому, кто можетъ быть ею увлеченъ за предѣлы личныхъ предразсудковъ.

Другая статья принадлежитъ г. Кирѣевскому: „Обозрѣніе Современнаго Состоянія Словесности." Даровитость автора никому не нова. Мы узнали бы его статью безъ подписи по благородной рѣчи, по поэтическому складу ея; конечно, во всемъ „Москвитянинѣ" не было подобной статьи. Соглатиться съ ней, однакожъ, невозможно: ея результатъ почти противуположенъ выводу г. Погодина. Г. Погодинъ доказываетъ, что два государства, развивающіеся на разныхъ началахъ, не привьютъ другъ къ другу основаній своей жизни: г. Кирѣевскій стремится доказать напротивъ, что славянскій міръ можетъ обновить Европу своими началами. Послѣ живаго, энергическаго разсказа современнаго состоянія умовъ въ Европѣ, послѣ картины, набросанной смѣлой кистью таланта, мѣстами страшно-вѣрной, мѣстами слишкомъ отражающей личныя мнѣнія — выводъ бѣдный, странный и ни откуда не слѣдующій!

Европа поняла, что она далѣе идти не можетъ, сохраняя германо-романскій бытъ; слѣдовательно, она не имѣетъ другаго выхода, какъ принятіе въ себя основъ жизни славено русской? Это въ самомъ дѣлѣ такъ по исторической ариѳметикѣ г. Погодина, что $^{10}/_{10}$ не помѣстятся въ 0,000001, а 0,00000 въ $^{10}/_{10}$ въ случаѣ нужды всегда помѣстятся. Надобно быть слѣпымъ, чтобъ не понимать великаго значенія славянскаго міра, и не столько его. какъ Россіи; но отчего-же Европа должна посылать къ намъ, за какими то неизвѣстными основаніями нашего быта — такъ, какъ мы нѣкогда посылали къ ней за варяжскими князьями? Петръ I, обращаясь къ Европѣ, зналъ, видѣлъ, зачѣмъ обращается; но съ чего же Европа, оживившая насъ своею богатой, полной жизнію, пойдетъ къ намъ искать для себя построяющую идею, и какая это идея, принадлежащая намъ національно и съ тѣмъ вмѣстѣ всеобще человѣческая? Г. Кирѣевскій говоритъ, что теперь вопросъ объ отношеніи Европы къ славянскому міру обратилъ на себя вниманіе запада; да гдѣ же все это? Правда, что нѣсколько брошюръ появилось въ Австріи и индѣ, но онѣ также мало занимаютъ Европу, какъ піэтистическіе контроверсы протестантскихъ теологовъ, о которыхъ съ подробностію говоритъ авторъ. Самое сильное вліяніе славянскаго міра на Европу состоитъ въ распространеніи польки: танцуютъ-то они по словенски, да ходятъ-то по европейски. Такого патріотизма я не понимаю, и особенно въ томъ человѣкѣ, который за нѣсколько страницъ высказалъ эту превосходную мысль: „Общее стремленіе умовъ къ событіямъ дѣйствительности, къ интересамъ дня, имѣетъ источникомъ своимъ не однѣ личныя выгоды или корыстныя цѣли, какъ думаютъ нѣкоторые. По большей части это просто инте-

ресъ сочувствія. Умъ разбужденъ и направленъ въ эту сторону. Мысль человѣка срослась съ мыслію о человѣчествѣ—*это стремленіе любви, а не выгоды*," и проч. Какое глубокое пониманье! вотъ когда бы истые славяне умѣли подобнымъ образомъ понимать явленія, тогда хульныя слова на Европу не такъ легко произносились бы ими! Славянизмъ — мода, которая скоро надоѣстъ; перенесенный изъ Европы и переложенный на наши нравы, онъ не имѣетъ въ себѣ ничего національнаго; это явленіе отвлеченное, книжное, литературное — оно такъ-же изсякнетъ, какъ отвлеченныя школы націоналистовъ въ Германіи, разбудившія словенизмъ.

Скажу вкратцѣ о содержаніи остальной части журнала. Цѣлый отдѣлъ посвященъ апологическимъ разборамъ публичныхъ чтеній г. Шевырева въ видѣ писемъ къ иногороднымъ, къ г. Шевыреву, къ самому себѣ, подписанныхъ фамильями, буквами, цифрами; иныя изъ нихъ напечатаны въ первый разъ, другія (именно, лирическое письмо, подписанное цифрами) мы уже имѣли удовольствіе читать въ *Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№. 2, Января 13). Вообще во всѣхъ статьяхъ доказывается, что чтенія г. Шевырева имѣютъ космическое значеніе, что это зубъ мудрости, прорѣзавшійся въ челюстяхъ нашего историческаго самопознанія. За этимъ отдѣломъ все идетъ по порядку, какъ можно было ждать à priori; статья о „Словѣ о полку Игоревѣ," догадка о происхожденіи Кіева, путешествіе по Черногоріи и тому подобные живые, современные интересы; статья о сельскомъ хозяйствѣ, можетъ быть, и хороша, но что-то очень длинна для чтенія. Изъ западныхъ пришлецовъ, составляющихъ *нѣмецкую слободу* „Москвитянина," Статья о Стефенсѣ (онъ родился

ужъ очень въ холодной полосѣ, и потому роднѣе намъ), и интересная хроника Русскаго въ Парижѣ. Историческая новость о томъ, какъ пытали и сожгли какую-то колдунью въ Германіи въ 1670 году (ужъ этотъ инквизиціонный, аутодафежный Западъ!), точно будто взята изъ Кошихина или Желябужскаго.

Не ограничиваясь настоящимъ, „Москвитянинъ“ пророчитъ намъ двѣ новости: изъ нихъ одна очень утѣшительна... Первая состоитъ въ томъ, что профессоръ Гейманъ *скоро* издастъ химію, а вторая — что пасторъ Зедергольмъ очень *долго* не издастъ второй части своей „Исторіи Философіи.“

Кажется, довольно. Журналъ будетъ выходить около 20 чиселъ мѣсяца. Я ищу теперь въ археографическихъ актахъ ключа къ этому, и такъ занятъ, что кладу перо.

Ярополкъ Водянскій.

III.

УМЪ ХОРОШО, А ДВА ЛУЧШЕ *)

Въ особенности лучше для изданія журнала. Наиболѣе читаемые и уважаемые журналы издавались у насъ всегда парою литераторовъ: „Сѣверная Пчела,“ „Маякъ,“ „Москвитянинъ.“ Г. Сенковскій зналъ это и, за неимѣніемъ alter ego, онъ самъ раздвоился, какъ Гофмановъ Медардусъ и издавалъ „Библіотеку для чтенія“ съ барономъ Брамбеусомъ,—время славы и величія этого журнала было временемъ товарищества съ Брамбеусомъ.

*) Не была напечатана.

„Маякъ“ явнымъ образомъ сталъ тускнуть съ тѣхъ поръ, какъ издается однимъ г. Бурачкомъ; даже признаки бѣшенства, прорывавшіеся въ его литературныхъ обзорахъ, мнѣ кажется, происходятъ отъ одиночества. Но наверху литературной славы теперь—какъ и прежде—два журнальные брака: Н. И. Гречъ и Ѳ. В. Булгаринъ, въ Петербургѣ, С. П. Шевыревъ и М. П. Погодинъ, въ Москвѣ. Московская чета, впрочемъ, еще не такъ извѣстна, какъ наши добрые и любимые Филемонъ и Бавкида петербургской журналистики и потому подробное разсмотрѣніе той и другой пары не лишено занимательности. Плутархъ любитъ сравнивать одинъ на одинъ великихъ людей; мы, во всемъ опередившіе древній міръ, можемъ сравнивать ихъ попарно. Конечно, наши пары, при всемъ авторскомъ пристрастіи къ предмету, не совсѣмъ плутарховскіе герои. Одинъ изъ четырехъ уважаемыхъ нами литераторовъ можетъ имѣть на это притязаніе и даже неотъемлемое право—это Ѳаддей Венедиктовичъ. Въ его жизни есть что-то античное: онъ, какъ Сократъ, знакомъ не токмо съ нравственною философіею, но и съ мечемъ, — не токмо съ однимъ, но и съ двумя... но это выходитъ изъ круга нашей параллели.

Начнемъ съ главнаго: четыре героя, составляющіе двѣ пары, люди вселенской извѣстности. Ѳ. Булгарина переводитъ г. Меццофанти, г. Гёте упоминаетъ о г. Шевыревѣ, г. Шеллингъ спрашиваетъ о философскихъ статьяхъ г. Погодина, г. Гречъ усердно кланяется г. Гизо. Но въ ихъ отношеніяхъ къ Европѣ найдутся оттѣнки, которые необходимо уловить. Гречъ, и Погодинъ обтекаютъ часто разныя страны, Булгаринъ и Шевыревъ обтекли ихъ и успокоились. Гречъ по прекрасному выраженію „Москвитянина,“ разсматриваетъ Европу

въ полицейскомъ отношеніи, обращая всего болѣе вниманія на чистоту и порядокъ. Погодинъ ее-же разсматриваетъ съ экономической точки зрѣнія, въ отношеніи дешевизны и дороговизны предметовъ, нужныхъ путешественнику. Булгаринъ любитъ вспоминать (точно маршалъ Сультъ), какъ онъ былъ въ Испаніи, а Шевыревъ никогда не забываетъ, какъ онъ былъ въ Италіи. Европу всѣ четверо не любятъ, но каждый по своему; въ этихъ точкахъ пересѣченія легко измѣрить всю необъятную противуположность ихъ; самыя средства, которыми они хотятъ отвратить добрыхъ людей отъ Запада, разны: такъ г. Гречъ останавливаетъ васъ, обращая вниманіе на слабое полицейское устройство, на нечистоту улицъ; г. Погодинъ стремится застращать дороговизной и издержками, г. Шевыревъ съ ужасомъ указываетъ на развратъ мышленія, на порокъ логики, овладѣвшей Европою; г. Булгаринъ своимъ собственнымъ примѣромъ, патріотизмомъ „Сѣверной Пчелы,“ заставляетъ любить и предпочитать Петербургъ всему міру.

При этомъ каждый изъ нихъ милуетъ на Западѣ какую нибудь страну. Степанъ Петровичъ любитъ Италію поющую октавы, Ѳаддей Венедиктовичъ и Николай Ивановичъ *нравственную* семейную Германію, Михаилъ Петровичъ — *западныхъ* Славянъ, потому что онъ ихъ считаетъ *восточными*.

Также, какъ Европу, они не любятъ и современную науку и не токмо не любятъ, но и не знаютъ ее,—да и зачѣмъ-же знать то, чего не любишь. Гречъ и Погодивъ не бранятъ науку, потому что они считаютъ себя выше ея; они на нее смотрятъ, какъ мы смотримъ на азбуку—нѣсколько съ улыбкой, и въ этой улыбкѣ видно гордое сознаніе: „мы-де знаемъ, что тамъ написано,

насъ не проведешь,“ — они развили въ себѣ высшіе взгляды, передъ которыми интересы науки—ребячество. Гречъ иногда даже защищаетъ науку: отдавать справедливость врагамъ—свидѣтельство сердца полнаго благородствомъ, откровенностію и прямодушіемъ, — качества, всегда отличавшія Греческую Исторію и Исторію Н. И. Греча. Степанъ Петровичъ не таковъ: онъ хорошаго слова о западной наукѣ не скажетъ; у него есть своя „словенская“ наука, неписанная, несуществующая, а словенская. Въ ея-то пользу онъ готовъ выдать за общество фальшивыхъ монетчиковъ и зажигателей всѣхъ послѣдователей презрѣнной писаной науки. Гнѣвъ г. Шевырева какой-то католическій, онъ обучался ему въ Италіи. Ѳаддей Венедиктовичъ — это петербургскій Сковорода, невскій Коцебу, его наука — практическая мораль; о теоріи, методѣ, системѣ—не надобно и спрашивать, онъ рѣдко говоритъ о наукѣ, она слишкомъ безлична, чтобы сердить его, а когда ругнетъ ее, то наскоро, имѣя въ виду нравственную цѣль.

Гречъ и Шевыревъ—филологи и грамматики; Шевыревъ первый профессоръ *елоквенціи* послѣ Трядьяковскаго; онъ читалъ въ Москвѣ публичныя лекціи о русской словесности, преимущественно того времени, когда ничего не писали и его лекціи были какою-то дѣтскою пѣснею, пѣтой чистымъ soprano, напоминающимъ папскіе дисканты въ Римѣ. Гречъ публично читалъ въ Петербургѣ поэзію грамматики, и тронулъ всѣхъ, доказывая, какъ счастливъ долженъ быть тотъ языкъ, который такъ хорошо, какъ мы, спрягаетъ глаголы.

Погодинъ и Булгаринъ — историки, но съ разныхъ концевъ: одинъ идетъ отъ происхожденія Руси до X вѣка, другой — отъ нашего благодатнаго времени до 1810 г. и даже до аустерлицкой битвы. Погодинъ, впро-

чемъ, не токмо не участвовалъ въ рюриковскую эпоху, но издавалъ, больше *общинно*, историческіе труды; а Ѳ. В. участвовалъ самъ въ важнѣйшихъ событіяхъ нашего вѣка, онъ сперва *сдѣлалъ* современную исторію и потомъ началъ писать объ ней.

Главная цѣль знаменитыхъ литераторовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, ознакомить міръ съ Россіей, если имъ и не удается, то намѣреніе похвально. Съ этою цѣлью Гречъ издалъ формулярные списки всѣхъ русскихъ авторовъ; Булгаринъ составилъ книгу о Россіи, которую врядъ-ли читалъ самъ Гречъ; Погодинъ пріобрѣлъ извѣстность своими неизданными трудами; Шевыревъ возстановляетъ Русь, которой не было и, слава богу, не будетъ.

Союзъ г. Погодина съ г. Шевыревымъ matrimonium secretum; союзъ г. Булгарина съ г. Гречемъ открытый конкубинатъ. Нѣтъ ни одного человѣка въ Москвѣ, который бы умѣлъ въ рознь понять Мишина и Пожарскаго, такъ какъ нѣтъ ни одного человѣка въ Петербургѣ, который бы умѣлъ понять врознь Булгарина и Греча—хотя бы одинъ жилъ для удовольствія и нравственныхъ *наблюденій* въ Парижѣ, а другой для нравственныхъ *наблюденій* и для удовольствія въ Дерптѣ. Г. Шевыревъ какъ-то было охладѣлъ къ брачному ложу, т. е. къ „Москвитянину,“ — сейчасъ начали выходить уроды, двойни — но новая программа утѣшила всѣхъ. Степанъ Петровичъ оттого не занимался, что увлекся своимъ краснорѣчіемъ и сталъ записывать свои слова (собою восхищаться запрещаетъ Тиссо), теперь онъ опять готовъ исполнять свои брачно-литературныя обязанности.

Гречъ и Булгаринъ издаютъ съ примѣрнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ „Сѣверную Пчелу,“ для

того только, чтобы въ ней высказывать тѣ сильныя убѣжденія, которыя легли краеугольнымъ камнемъ ихъ нравственно-сатирическаго существованія. Степанъ и Михаилъ Петровичи съ еще болѣе примѣрнымъ упорствомъ и безкорыстіемъ издаютъ „Москвитянинъ," не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что читатели подписываются на другіе журналы; въ этомъ „Москвитянинъ," также какъ и во всемъ прочемъ, похожъ на „Маяка," какъ на роднаго брата. Что дѣлать, любовь къ истинѣ и ненависть къ „Отечественнымъ запискамъ" — страсть сихъ четырехъ сердецъ и одного „Маяка." Страсть къ истинѣ доводитъ ихъ до неблагоразумія.

Я всякій рязъ со слезами читаю, какъ иногда Ѳ. В., другъ Платона, другъ Аристотеля, другъ Греча, а еще болѣе другъ правды — всенародно журитъ Нилолая Ивановича. Онъ забываетъ тутъ узы, связующія его съ Гречемъ, дѣлается страшенъ, дѣлается отрывистъ: и ты, братецъ, — говоритъ, — стыдно, братецъ, говоритъ, что ты мальчикъ что-ли? не слыхалъ что-ли? говоритъ... и пойдетъ, и пойдетъ. Николай Ивановичъ дѣйствительно иногда заслуживаетъ порицанія: то за радикальный образъ мыслей, то за либерализмъ, зачѣмъ, говоритъ, Бонапарте сдѣлался Наполеономъ, зачѣмъ во Франціи пишутъ объ алжирской войнѣ, зачѣмъ не заведутъ тамъ ценсуры, зачѣмъ во Франціи нѣтъ тѣлесныхъ наказаній; такъ, кажется, и сдѣлалъ бы революцію во всей Европѣ. А главное — Наполеонъ. Ѳ. В. за Наполеона всегда горой; онъ считаетъ Наполеона своимъ товарищемъ по службѣ и никогда не выдаетъ: черта прекрасная! Искренность Ѳ. В-ча развѣ можетъ быть побѣждена только правдивостью Мих. П-ча. — Погодинъ до того откровененъ, что напечаталъ такую исповѣдь о себѣ самомъ (подъ вымышленнымъ именемъ

„Путевыхъ Записокъ“), что исповѣди Руссо и Кардана ничего не значатъ въ сравненіи съ его исповѣдью; все разсказалъ: и какъ платье покупалъ на бульварѣ и какъ... и все это безъ всякой нужды, по одному благородному побужденію сердца. Гречъ скрытенъ напротивъ, онъ въ сердцѣ *доноситъ* до поры до времени и зло и добро и не станетъ попусту болтать.

Вообще у гг. Булгарина и Погодина осталось бездна дѣтскаго, наивнаго; люблю я радушное привѣтствіе Ѳ. В-ча пирожнику, открывающему лавочку, портному начинающему шить платье — точно онъ въ первый разъ кушаетъ пирожокъ и въ первый разъ затягиваетъ подтяжку. Люблю ребячій взглядъ Михаила Петровича на Европу — взглядъ милаго ребенка — хорошъ онъ у 50 лѣтняго старика; имъ всегда отличались—авторъ Марѳы Посадницы и авторъ Димитрія Самозванца.

1843.

IV.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ Г. ВЕДРИНА.*)

Одинъ неизвѣстный литераторъ, впрочемъ очень почтенный человѣкъ, г. Ведринъ, объѣхавшій съ большой пользой многія страны, намѣренъ издать въ весьма не продолжительномъ времени свои *Путевыя записки*, какъ для покрытія издержекъ, неминуемыхъ при путешествіяхъ, такъ отчасти для пользы и удовольствія читателей. Спѣшимъ познакомить публику съ этими запи-

*) *Отечественныя Записки*, 1843 г. № 11, Отд. VIII, стр 58.

сками небольшимъ отрывкомъ, въ которомъ живо описываетъ г. Ведринъ выѣздъ изъ Москвы. Къ путешествію присовокупится особо напечатанная на веленевой бумагѣ расходная книжка, въ которой можно будетъ ясно видѣть и всю воздержность почтеннаго Ведрина и все пренебреженіе его къ благамъ міра сего. Но вотъ отрывокъ, отдаемъ его на судъ читателей.

„28. Клопы не дали спать всю ночь. Скверное насѣкомое! Говорятъ, на Дербеновкѣ грузинъ продаетъ кавказскій порошокъ, уничтожающій клоповъ; да страшно дорого, рубль серебромъ фунтъ — а тамъ выдохнется, перестанетъ дѣйствовать. Но все къ лучшему. Вскочилъ въ 5, умылся и въ Рогожскую искать товарища. Долго толкался. Что за лихой народъ извощики! Борода, кушакъ... Размечтался и вспомнилъ Кеппена брошюру о курганахъ. Товарищъ попался, купецъ изъ Нижняго, съ брюшкомъ, говоритъ на о. Потолковали—сладили—черезъ часъ ѣдемъ. Домой за чемоданомъ, — даль страшная — хотѣлъ взять извощика, очень стали дороги, 25 сер., меньше ни одинъ взять не хотѣлъ... Идучи, проголодался, перехватилъ. Нельзя не отдать справедливости цивилизаціи, когда дѣло идетъ объ удобствахъ — кабы не вредъ нравамъ! Только не завязывай туго кошелька: цивилизація требуетъ за все деньги; но за этотъ презрѣнный металлъ окружаетъ человѣка такими предупредительными удобствами, что менѣе жаль денегъ. Я бѣгу домой... верстъ пять—проголодался, въ животѣ ворчитъ: а цивилизація тутъ; такъ аппетитно бросила въ открытыя лавки печенку; вынулъ грошъ; отляпали кусокъ въ двѣ ладони, соль даромъ — разумѣется, у нихъ свой расчетъ. Замѣтилъ, что жевавши дорога кажется короче. Гастрическій обманъ! Встрѣтился мальчишка обтерханый, продаетъ

голенища, стянулъ гдѣ-нибудь; посмотрѣлъ, нѣмецкая работа, поторговалъ было — дорого просить — мимо!

„Выѣхали въ 11 часовъ.

„На заставѣ солдатъ съ медалью и съ усами. Люблю медаль и усы у воина; молодецъ! нынче на заставахъ даютъ контрмарку съ №. Получилъ, отдалъ, шлагбаумъ вверхъ — тррр... ѣдемъ. Товарищъ человѣкъ тихой, занимаетъ три-четверти повозки, платитъ половину. Онъ дома поѣлъ пирога съ лукомъ. Странно: запахъ сивухи — ничего, лука — даже хорошъ, а эти два запаха вмѣстѣ—препротивные. Пусть объясняютъ химики—не наше дѣло.

„Мѣста болѣе плоски, нежели гористы; справа виднѣется рѣка — волны смалтово-серебристо-платинистыя. Чудный видъ! что передъ нимъ хваленая Италія! Деревни и села и притомъ все русскія деревни и села... Мужички работаютъ такъ усердно. Люблю земледѣльческіе классы: не они намъ, мы имъ должны завидовать; въ простотѣ душевной они работаютъ, не зная бурь и тревогъ, напиханныхъ въ нашу душу — ни роскоши, вытягивающей мнимые избытки.

„Село—церковь, довольно большая византійской архитектуры.

„Станція. Ѣхали на вольныхъ. Постоялый дворъ съ рѣзными украшеніями.. У воротъ хозяинъ съ рыжей бородой, на лицѣ написано корыстолюбіе; не пойду: слупитъ чортъ знаетъ что! Остался въ повозкѣ. Пока лошадей — наблюдать нравы. На улицѣ мужикъ тузитъ какую-то бабу, вѣроятно жену, это развеселило меня, хохоталъ; нищіе помѣшали досмотрѣть. Отвратительная привычка у нищихъ, просить у проѣзжаго: проѣзжему мелкія деньги нужны, не крупныхъ-же дать. Надоѣли, притворился соннымъ, помѣшали и тутъ: ям-

щикъ разбудилъ, требуя на водку—еще скверный обычай! что у нихъ за служенія мамону. Далъ 3 коп. сер. (что составляетъ на асс. десять съ половиной). Жалѣлъ. Пошелъ дождь—промочилъ до костей. Скучно.

„Поскакали. До второй станціи ничего особеннаго. Купецъ вылѣзалъ изъ повозки, такъ, не на долго; это было къ сумеркамъ, я дрожалъ, сидя одинъ съ ямщикомъ; я родился не воиномъ — признаюсь. Пріѣхали, вышелъ на постоялый дворъ, закатилъ сивухи съ перцомъ, славно! а всего стоитъ 17 коп. съ половиной асс. Сапоги долой, все долой—растянулся.

29. Чѣмъ свѣтъ разбудилъ товарищъ и предложилъ выпить чаю (онъ возитъ свой чай, маюконъ, не цвѣточный, но хорошій; это умно, гораздо дешевле: платишь только за самоваръ). Я не отказался: я люблю пить чай съ кѣмъ-нибудь. Да и ему почти все равно, я-же пью сквозь кусочикъ.

— Очень сожалѣемъ, что на первый разъ г. Ведринъ не могъ дать намъ болѣе отрывковъ изъ своихъ „Путевыхъ Записокъ;“ но въ скоромъ времени надѣемся получить отъ него еще нѣсколько отрывковъ, и тотчасъ-же подѣлимся ими съ нашими читателями.

V.†)

СТАНЦІЯ ЕДРОВО

Въ 1842 г. въ Новѣгородѣ я написалъ двѣ статьи, сильно ходившія по рукамъ: „Москва и Петербургъ“*) и „Владиміръ и Новгородъ“.**) Ни та, ни друга не были напечатаны въ Россіи. Въ 1845—46 споры о Москвѣ и Петербургѣ повторялись ежедневно, или лучше еженочно. Даже въ театрѣ пѣли какіе-то петербургоубійственные куплеты *К. С. Аксакова* въ водевилѣ, въ которомъ была представлена встрѣча москвичей съ петербургцами на большой дорогѣ.

В. Драшусовъ собирался въ 1846 издавать „Московской Городской Листокъ“ и просилъ у насъ статей. У меня ничего не было, я предложилъ ему передѣлать, особенно въ *видахъ цензуры*. мою статью о „Москвѣ и Петербургѣ.“ „Я вамъ сдѣлаю изъ нея встрѣчу въ родѣ Аксаковской!“ Редакторъ былъ доволенъ и торопилъ меня.

— Я такъ вдохновился вашимъ почтовымъ куплетомъ,—сказалъ я Константину Сергѣевичу — что самъ для „Листка“ написалъ станцію.

— Надѣюсь однако вы не *за*..

— Нѣтъ, нѣтъ *противъ*.

— Я такъ и ждалъ, что вы противъ.

— Да, да, только вѣдь притомъ противъ *обоихъ*!

†) Эти статьи были напечатаны въ III томѣ настоящаго изданія (стр. 277 и 289). Изд.

*) Во 2 листѣ *Колокола*—1 Августа 1857.

**) Въ 1 кн. „Полярной Звѣзды.“

СТАНЦІЯ ЕДРОВО

I.

От С-Петербурга 334³/₄ вер.
Отъ Москвы... 342³/₄ вер.

Nel mezzo del camin... Здѣсь Дантъ сбился съ дороги: Едрово именно mezzo del camin между Москвой и Петербургомъ. Конечно въ XIII столѣтіи немудрено было сбиться съ дороги и я очень вѣрю, что Дантъ обрадовался, встрѣтившись подальше съ Виргиліемъ. Въ одиночествѣ какъ-то невесело по такой дорогѣ, особенно за 500 лѣтъ прежде, нежели она была проложена. Совершенно безъ заботы на счетъ пути, я, съ своей стороны, сидѣлъ нынѣшней осенью въ этой безразличной точкѣ между двухъ великихъ центровъ, изъ которыхъ одинъ въ серединѣ, а другой съ краю—и съ душевною кротостью ожидалъ, пока мнѣ свярятъ — что вы думаете?

— Soupe à la tortue?

— Нѣтъ, не отгадали. Шину на колесѣ.

Дѣлать было нечего, я вспомнилъ Шиллерову резигнацію, спросилъ себѣ порцію кофе, вынулъ изъ мѣшка сигары, томикъ Мартина Чазельвита и, какъ ожидать надобно было, не развертывалъ его. Порядочный человѣкъ можетъ читать только у себя въ комнатѣ, гдѣ всѣ предметы ему надоѣли; оттого добродѣтельные отцы семействъ читаютъ вслухъ многолѣтнимъ подругамъ жизни и малолѣтнимъ дѣтямъ своимъ. Есть-ли какая-нибудь возможность не нѣмцу читать на станціи? Тутъ все развлекаетъ... картинная галлерея на стѣнѣ,

ямщики передъ окномъ, толстая трактирщица, худощавая горничная... и наконецъ объявленіе о цѣнахъ кушаній, которыхъ нѣтъ, и „правила, какъ себя вести пріѣзжимъ.“ Не успѣлъ я обозрѣть всѣ эти интересные предметы, одни и тѣже во всѣхъ гостинницахъ и притомъ совершенно различные, какъ подъѣхала съ петербургской стороны и съ гласомъ трубнымъ *почтовая карета*. На сей разъ она везла не подсвѣчники отвлеченныхъ мнѣній, не милые куплеты, къ которымъ едва приклеены поющіе ихъ люди, а просто живыхъ людей. Сначала явился человѣкъ лѣтъ 30-ти, въ пальто съ поднятымъ воротникомъ, повязанный пестрѣйшимъ въ мірѣ кашне, съ сигарой въ зубахъ и съ маленькимъ дорожнымъ сакомъ на ремнѣ. Онъ вошелъ въ шляпѣ, употребилъ большія усилія, чтобы не замѣтить меня, подошелъ къ зеркалу и тутъ снялъ шляпу, увидѣвши въ стеклѣ знакомыя и уважаемыя черты свои, потомъ досталъ лорнетъ, вставилъ его какъ двойную раму въ глазъ и началъ съ презрительной миной разсматривать всѣ вещи въ комнатѣ, въ томъ числѣ и меня. Я ему должно быть не понравился; бросивъ два-три взгляда какъ-то подозрительно изъ подлобья, онъ почувствовалъ ко мнѣ такое отвращеніе, что сѣлъ въ обратныя три четверти. За нимъ явился въ тепломъ сертукѣ оскорбительно-коричневаго цвѣта сѣденькой старичокъ, съ черными зубами и съ натуральными волосами, до того похожими на парикъ, что никто не купилъ бы себѣ парика изъ нихъ. Я тотчасъ заподозрѣлъ, что онъ лѣтъ десять... нѣтъ, лѣтъ двадцать столоначальникомъ и что въ отличномъ порядкѣ ведетъ дѣла своего стола, самъ черновыя пишетъ, раньше всѣхъ приходитъ и позже всѣхъ уходитъ; теперь онъ должно быть ѣдетъ осматривать имѣнье: директоръ хочетъ купить, про-

силъ съѣздить... отчего-же не съѣздить?... Эта краткая біографія пришла мнѣ въ голову, какъ только я увидѣлъ почтеннаго бюрократа. Столоначальникъ смотрѣлъ не съ тѣмъ презрѣніемъ какъ господинъ въ пальто, однакожъ не безъ страха я началъ думать, что трактирщикъ сдѣлалъ глупую шутку и увѣрилъ ихъ, что я имѣю привычку послѣ кофе кусаться. Вмѣстѣ съ столоначальникомъ вошелъ купецъ съ бородой, перекрестился, поклонился мнѣ, и началъ расчесывать густую окладистую бороду свою. Кондукторъ замѣтилъ, что „здѣсь слѣдуетъ пить чай“ — и вышелъ. „Мальчикъ!“ закричалъ господинъ въ пальто дѣвкѣ, которая стояла въ буфетѣ. „Чего изволите?“—спросила дѣвка въ должности мальчика.

— Рюмку коньяку и бутербротъ.

— Коньяку нѣтъ.

— Ну, рюмку джину.

— И такихъ напитковъ нѣтъ.

— Ну, рюмку кирша.

— Дѣвка не отвѣчала, увѣренная въ томъ, что путешественникъ ее дурачитъ, и что такого напитка нѣтъ во всей солнечной системѣ.

— Экая гостинница! да чтожъ у васъ есть?

— Есть горькая и есть анисовая.

— Ну, дай анисовой.

— И порцію чаю, голубушка, прибавилъ купецъ.

Столоначальникъ ничего не спрашивалъ: онъ вѣрилъ въ чай купца и вѣра его оправдалась. Купецъ велѣлъ дать два стакана, столоначальникъ отказался — и сѣлъ пить.

— Да передъ чаемъ-то не выпить ли по рюмочкѣ? спросилъ купецъ, вынимая фляжку и серебряную чарку.

— Нѣтъ-съ, не безпокойтесь, отвѣчалъ столоначаль-

никъ. Купецъ налилъ, подалъ своему сосѣду, тотъ выпилъ, онъ налилъ другую... и, нѣсколько колеблясь, обратился къ господину въ пальто съ вопросомъ: „не позволите ли васъ, государь мой, просить нашимъ православнымъ, т. е. практическимъ: оно здоровѣе-съ сладкой.“

— А что это у васъ за практическое? сказалъ пальто, благосклонно улыбаясь и съ видомъ покровителя.

— Пѣнничекъ-съ—очищенный.

— Нѣтъ-съ, благодарю покорно. Я когда ноги мою себѣ простымъ виномъ, и то запахъ такъ противенъ, что душистой бумажкой курю весь день.

— Была-бы-съ честь приложена-съ, — отвѣтилъ купецъ и такъ зло-лукаво улыбнулся, какъ будто онъ сомнѣвался въ томъ, моетъ ли тотъ ноги чѣмъ нибудь не только пѣннымъ виномъ.

Столоначальникъ въ благодарность за хлѣбъ и соль, состоявшіе изъ чаю и сивухи, началъ въ полголоса какой-то разсказъ купцу... я не могъ слышать всего, но до меня долетали слѣдующія слова; „Я и говорю: ваше превосходительство! вы, примѣромъ будучи, отецъ чиновника... конечно, маленькій человѣкъ есть червь... нашъ-то генералъ, вѣдь это умница..... вотъ-съ, прихожу въ канцелярію... только экзекуторъ... ну, и лисабонскаго какъ слѣдуетъ...“

На самомъ этомъ португальскомъ названіи, не торопясь и покачиваясь со стороны на сторону, подъѣхалъ бѣлокурый дилижансъ первоначальнаго заведенія изъ Москвы; на верху торчали утесы поклажи, изъ оконъ высовывались подушки. Дилижансъ былъ крупнаго калибра, и черезъ минуту обѣ комнаты гостинницы наполнились народонаселеніемъ этого ковчега; тутъ были старики и дворовые люди, дѣти и комнатныя собаки.

Впереди всѣхъ явился толстой господинъ въ енотовой шубѣ, съ огромными усами, съ крестомъ на шеѣ и въ огромныхъ мѣховыхъ сапогахъ. Входя, онъ втащилъ съ собою 50 кубическихъ футовъ холоднаго воздуха. Онъ такъ сбросилъ свою шубу, что накрылъ ею полкомнаты и правую ногу господина въ пальто; господинъ въ пальто съ поспѣшностью спасъ свои сигары и съ чрезвычайно недовольнымъ видомъ вытащилъ свою ногу; въ то же время рукавъ шубы какъ-то коснулся затылка столоначальника, который въ ту же минуту привсталъ и извинился. „Здравствуйте, господа!“ сказалъ новый гость, очутившійся въ черномъ бархатномъ архалукѣ. „Эй, малый! приготовь гдѣ нибудь умыться. Не могу ни чаю пить, ни трубки курить не умывшись... Да и чаю живо!“ Пока господинъ въ архалукѣ отдавалъ приказъ, тащился въ черной бархатной шапкѣ и въ синей медвѣжьей шубѣ, подпоясанный шарфомъ, въ валенныхъ сапогахъ сѣраго цвѣта, человѣкъ очень пожилой, и съ нимъ юноша лѣтъ 20-ти, упитанный, краснощекій, съ дерзкимъ и смущеннымъ видомъ, который пріобрѣтаютъ баричи въ патріархальной жизни по селамъ своихъ родителей. Пока я разсматривалъ его, съ господиномъ въ синей шубѣ сдѣлалось престранное превращеніе: человѣкъ въ нагольномъ тулупѣ развязалъ ему шарфъ, стащилъ съ него шубу, и, представьте наше удивленіе, онъ очутился въ шелковомъ стеганомъ халатѣ, точно онъ не то что два дня въ дорогѣ, а года два не выходилъ изъ комнаты, въ этомъ костюмѣ видъ у него былъ до того московскій, что я былъ увѣренъ, что онъ ѣдетъ изъ Тулы или Рязани.

Господинъ въ архалукѣ отправился умываться. Дамы не взошли. Одна только старуха приходила въ буфетъ, требуя самовара, съ присовокупленіемъ, что чай и са-

харъ возитъ свои.—„А что будетъ стоить самоваръ?“ — Двадцать копѣекъ серебромъ, отвѣчала горничная. —„Двадцать копѣетъ серебромъ!“ повторила барыня, и никто еще не говорилъ съ такимъ нѣжно-дрожащимъ и въ тоже время исполненнымъ негодованіемъ голосомъ о двугривенномъ. “Точно такъ.“ „Вы точно не христи... двадцать копѣекъ серебромъ!... за что? за простую воду... слыханое-ли это дѣло?... Вода даръ божій, для всѣхъ течетъ—и двадцать копѣекъ серебромъ!“ — Послѣ этого замѣчанія, зараженнаго комунизмомъ, она пошла съ ворчаніемъ въ другія комнаты. Но потеря ея вознаградилась московскимъ купцомъ, точно также перекрестившимся и раскланявшимся со всѣми, точно также спросившимъ себѣ чаю. Черезъ минуту оба бородача говорили между собою какъ старые знакомые, въ то время какъ остальные проѣзжіе разсматривали другъ друга какъ иностранцы.

—Что батюшка, изъ Москвы или изъ Питера? спросилъ петербургскій купецъ юношу съ патріархальнымъ видомъ.

— Да—отвѣчалъ молодой человѣкъ, которому смерть хотѣлось выдать себя за юнкера; онъ съ этой цѣлью безпрестанно крутилъ слабые и пушистые намеки на будущіе усы,—мы ѣдемъ въ Петербургъ.

— Изволили прежде въ Питерѣ бывать?

— Да, какъ-же! отвѣчалъ молодой человѣкъ, покраснѣвшій до ушей: юная совѣсть угрызала его за то, что онъ еще не былъ въ Петербургѣ и за то, что солгалъ.

Господинъ въ архалукѣ возвратился съ лицомъ, украшеннымъ каплями воды и съ полотенцемъ въ рукѣ: „Трубку! да скажи моему человѣку, чтобъ мой чубукъ принесли, не могу курить изъ вашихъ. А гдѣ-же чай?“

— Готовъ, сказалъ трактирщикъ, возымѣвшій особенное уваженіе къ человѣку въ архалукѣ, и указалъ ему на столъ возлѣ господина въ пальто. Господинъ въ архалукѣ бросилъ сахаръ въ стаканъ и слѣдующій вопросъ въ сосѣда: „Вы изъ Петербурга изволите?“

— Изъ Петербурга, отвѣчалъ тотъ съ гордымъ видомъ.

— Что дорога?

— Очень хороша.

— Слава богу! а то что-то костп сказываются, лѣта..... Бывало я по этой дорогѣ на тройкѣ, на перекладной, для двухъ, трехъ баловъ московскихъ за какимъ-нибудь вздоромъ лечу... да еще хорошо зимой, а осенью, шоссе не было, по фашиннику дую, и горя мало. Шоссе-то не было, да здоровье было. Вотъ скоро восемь лѣтъ какъ не былъ въ Петербургѣ, да и нынче-бы не поѣхалъ. Семейныя дѣла, племянница выходитъ за мужъ; пишетъ: дядюшка пріѣзжай, да дядюшка пріѣзжай—хоть по правдѣ они бы и безъ меня обдѣлали это дѣло; ну да какъ не потѣшить дѣвку; она же послѣ покойнаго отца своего воспитывалась у меня въ домѣ, своихъ дѣтей нѣтъ.—Подай лимону. А позвольте спросить, изволите служить?

— Служу..... сказалъ петербуржецъ.

— При министрѣ? спросилъ дядюшка своей племянницы.

— При министрѣ, сказалъ петербуржецъ.

— По особымъ порученіямъ?

— Да, то есть при самой особѣ министра: знаете—при самой особѣ... У насъ есть эдакъ нѣсколько...

— Вы, можетъ, видали мою племянницу, коли живете постоянно въ Петербургѣ Княжна Анна С.

— Какъ-же съ! кто же изъ бывавшихъ въ обществѣ

не знаетъ княжны?... отвѣчалъ петербуржецъ, нѣсколько сконфуженный и очень смягченный аристократической фамиліей княжны.

— Очень радъ! Такъ вы знакомы съ Алиной?

— То есть, извольте видѣть, я не смѣю такъ сказать: я никогда не имѣлъ чести быть представленъ княжнѣ; гдѣ-же ей вспомнить въ толпѣ черныхъ фраковъ..... Я ее только встрѣчалъ на вечерахъ у нашего министра — у графини Z..... имѣлъ случай сказать нѣсколько словъ, танцовать. Знакомство салона, знакомство паркета, забытое на слѣдующій день.

— Это для меня новость: я и не зналъ, что Алина знакома съ графиней Z...

Петербуржецъ молчалъ, но видно было, что внутри его совершается что-то не совсѣмъ пріятное; онъ раздавилъ сигару и прочистилъ голосъ, для того, чтобъ ничего не сказать, а сосѣдъ его предобродушно посмотрѣлъ на него и сталъ наливать второй стаканъ чаю

— Позвольте спросить вашу фамилію?

— Чандр — нъ, произнесъ скороговоркой господинъ въ пальто.

– Какъ-съ?

— Чандрыкинъ-съ, повторилъ господинъ въ пальто съ примѣтнымъ волненіемъ.

— Никогда не слыхалъ... никогда... не случалось.

Между тѣмъ помѣщикъ до того московскій, что ѣхалъ изъ Тулы, пришелъ въ себя и, сдѣлавши три, четыре вовсе излишнія исправительныя замѣчанія своему человѣку, возымѣлъ неопреодолимое желаніе вступить въ разговоръ, и для этого вынулъ золотую табакерку въ родѣ аттестата и непреложнаго права на участіе въ обществѣ, понюхалъ изъ нея и обратился къ петербуржцу, который внутри проклиналъ отца и

мать, что они пустили его на свѣтъ съ такой немузыкальной фамильей, да еще съ такой, которую не случалось слышать дядѣ княжны Алины.

— А позвольте спросить, спросилъ нѣсколько въ носъ помѣщикъ, каковъ у васъ хлѣбъ нынѣшній годъ?

— Превосходный, отвѣчалъ чиновникъ.

— Давай богъ, давай богъ, а у насъ червь много попортилъ.

— Надобно правду сказать, что хлѣбъ сталъ лучше и больше съ тѣхъ поръ, какъ учрежденъ порядокъ по этой части.

— У насъ, нечего грѣха таить, плохъ, вотъ ужъ который годъ, продолжалъ помѣщикъ, не замѣтившій, что г. Чандрыкинъ говоритъ о печеномъ хлѣбѣ. Доходы бѣдные, а расходы такъ таки ежегодно и увеличиваются; а тутъ, какъ на смѣхъ, тащись полторы тысячи верстъ..... Тяжебное дѣло, да вотъ сынишку въ полкъ опредѣлить.

— А гдѣ у васъ дѣло?

— Въ—мъ департаментѣ.

— Въ—мъ? Я очень знакомъ съ оберъ-прокуроромъ — прекраснѣйшій человѣкъ! замѣтилъ чиновникъ, начавшій забывать княжну Алину—такъ, натура бываетъ сильна.

Помѣщикъ глубоко вздохнулъ.

— Охъ? ужъ лучше-бъ вы не говорили; а то, ей богу, такъ вотъ и подмываетъ попросить письмецо — такъ бы нѣсколько строгое, да не смѣю и просить; я, конечно, не имѣю никакихъ правъ на ваше благорасположеніе..... а знакомыхъ нѣтъ почти никого; безъ рекомендаціи куда сунешься, сами изволите знать...

При этомъ помѣщикъ придалъ невѣроятно жалкое и

подобострастное выраженіе своему лицу — выраженіе, вѣроятно, рѣдко видѣнное на гумнѣ и въ усадьбѣ.

— Мнѣ очень жаль—но другое дѣло, еслибъ я былъ самъ въ Петербургѣ, я бы могъ переговорить; ну, а писать письмо—это не водится между нами. Впрочемъ, г. Z. такой прекраснѣйшій человѣкъ, къ которому не нужны рекомендаціи; если ваше дѣло право—ступайте смѣло, прямо... и вы увидите.

— Мое дѣло-съ..... ясно какъ день (пословица выдуманная не въ Новгородской губерніи и вообще не въ этомъ краю: день, въ тотъ день, какъ почти во всѣ прочіе, былъ туманный). Вотъ извольте видѣть, въ 1818 году умеръ у меня дядя... человѣкъ былъ солидный, извѣстный..... Ну, а духовную написалъ такую, что вотъ до сихъ поръ процессъ длится у меня съ сестрами..... Я не умѣю ясно изложить вамъ обстоятельства дѣла... позвольте мнѣ прочесть послѣднюю аппелляціонную жалобу... Эй, Никитка, подай изъ кареты несессеръ!

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ чиновникъ, нѣсколько успокоившійся отъ кондукторской трубы — онъ очень хорошо предвидѣлъ, что Никитка не успѣетъ принести несессера, какъ ихъ уже позовутъ... такъ и случилось.

— Господа почтовой кареты и брика! возвѣстилъ кондукторъ.

— Идемъ, идемъ! раздалось съ трехъ мѣстъ. Чиновникъ поспѣшно вскочилъ, и сказавши: „очень жаль!“ помѣщику, и „bon voyage messieurs!“ остающимся, побѣжалъ въ карету, напѣвая Карлушу изъ „Булочной“. Вѣроятно разговоръ о хлѣбѣ напомнилъ ему эти куплеты, пѣніемъ которыхъ онъ засвидѣтельствовалъ о своихъ усердныхъ посѣщеніяхъ Александринскаго театра.

Не проѣхала почтовая карета версты, какъ Никитка подалъ помѣщику несессеръ.

— Ты-бы, дуракъ, завтра принесъ, экой увалень. Вы не можете себѣ представить сколько онъ во мнѣ крови портитъ: дома пойдетъ размазня обѣдать... часъ жди, посылай другого въ людскую, чтобы гналъ оттуда осла. И что у него на умѣ не понимаю? Сытъ, одѣтъ, женилъ дурака въ прошломъ году, — все не помогаетъ. Ну, что ты надо мной сдѣлалъ? Два часа копался?... Долго-ли взять, да и принесть?... Неси назадъ несессеръ.

— А вы и повѣрили этому фертику? сказалъ господинъ въ архалукѣ; все вретъ!... Малый, спроси у моего человѣка рому къ чаю.

— Дилижансъ готовъ, доложилъ кондукторъ.

— Да мы-то, братецъ, не готовы, возразилъ господинъ въ архалукѣ.

— Помилуйте! на всякой станціи теряемъ время.

— Что ты ко мнѣ присталъ? Видишь никто не допилъ чая. Я оттого и не поѣхалъ въ почтовой каретѣ: не дадутъ ногъ распрямить.

— И я еще не кончилъ чай, замѣтилъ помѣщикъ.

Купецъ, разумѣется, тоже не кончилъ; но такъ какъ его никто не спрашивалъ, онъ ничего и не сказалъ, а обтеръ полотенцемъ ротъ, да и сталъ изъ большаго чайника подливать кипятокъ въ маленькій.

Въ это время взошелъ ямщикъ, спрашивая: „Кому шину варили?“—Мнѣ, отвѣчалъ я.—„Пожалуй, что готова, и лошадей закладамъ.,. да ужъ на чаекъ-то баринъ: отъ кузницы какъ бѣжалъ—уморился, чтобъ вашей-то милости поскорѣе сказать.“

Я началъ собираться, собрался и уѣхалъ прежде нежели москвичи кончили чай.

II.

Рѣзкая противуположность пасажировъ почтовой кареты, съ жителями дилижанса, поневолѣ настроила меня на рядъ летучихъ мыслей о Москвѣ и о Петербургѣ. Говорить о сходствахъ и несходствахъ Москвы и Петербурга сдѣлалось пошло, потому что объ этомъ чрезвычайно много говорили умнаго; оно сверхъ того сдѣлалось скучно, потому что еще болѣе объ этомъ говорили пошлаго. А я все таки имѣю смѣлость передать нѣсколько замѣтокъ изъ цѣлой вереницы ихъ, занимавшей меня безпрерывно отъ Едрова до Торжка, гдѣ я такъ занялся котлетами, что на время забылъ la grande question.

Какъ не быть различіямъ между Москвой и Петербургомъ? Разное происхожденіе, разное воспитаніе, разное значеніе, разное прохожденіе службы..... Петербургъ родился въ 1703 году послѣ Р. Х. Конечно, человѣкъ такого возраста былъ бы очень не молодъ, ну а городъ 144 лѣтъ просто jeune premier. Москва скоро перейдетъ въ восьмую сотню, она такъ стара, что лѣта свои (какъ геологическіе перевороты) вела отъ сотворенія міра, что было очень давно. Москва цвѣла отъ татаръ до Кошихинскаго времени. Петръ I опустилъ паруса ея, видя, что по этому прекрасному пути далѣе идти некуда: Петербургу Петръ I поднялъ паруса и онъ идетъ впередъ до нынѣшняго дня. Москва лѣтъ пятьсотъ къ ряду отстроивалась и все ничего не вышло, кромѣ Кремля, а если что вышло, то послѣ французовъ; Петербургъ выстроился лѣтъ въ пятьдесятъ съ громадностію, о которой Москвѣ не снилось. Москва почти вся сгорѣла въ 1812 году; Петербургъ чуть не

утонулъ въ 1824 году. Совершенно разный характеръ: въ Петербургѣ русское начало переработывается въ европейское, въ Москвѣ — европейское начало въ русское... Но не смотря на это различіе, они не ссорятся; антагонизмъ между Москвой и Петербургомъ чистѣйшій вымыселъ; его нѣтъ: это болѣзнь нѣсколькихъ воображеній, фактъ исключительный. Я самъ видалъ людей, которые думаютъ, что всякое доброе слово о Петербургѣ—оскорбленіе Москвѣ. Они думаютъ, если вы похвалите калачъ московскій — это значитъ, что вы бранпте невскую воду. Просто страхъ беретъ что-нибудь сказать при нихъ; молвишь, что то-то не очень хорошо на Невскомъ, а тебя тотчасъ обвинятъ, что ты находишь все прекраснымъ въ Москвѣ. Это напоминаетъ ту милую и наивную эпоху критики, когда доброе слово о Шиллерѣ сопровождалось проклятіями Гёте и на оборотъ. Гёте, возмущенный однажды глубокомысліемъ подобныхъ сужденій, скромно замѣтилъ Эккерману. „Вмѣсто того, чтобъ благодарить судьбу за то, что она дала имъ насъ обоихъ, они хотятъ непремѣнно пожертвовать одного другому.“ Что за необходимость порицать Москву? Будто нѣтъ тамъ и тутъ хорошаго, не говоря ужъ о дурномъ? Будто грудь человѣка такъ узка, что она не можетъ съ восторгомъ остановиться передъ удивительной панорамой замоскворѣчья, стелящагося у ногъ Кремля, если она когда-нибудь высоко поднималась, глядя на Неву, съ ея гранитными берегами, съ дворцами стоящими надъ водами ея?

Къ тому же, если съ точки зрѣнія различій легко указать рѣзкія противуположности, то не надобно забывать, что много Москвы въ Петербургѣ, и что много Петербурга въ Москвѣ. Петербургъ не оставилъ Мо-

сквы въ покоѣ послѣдніе сто лѣтъ; у нея, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ зданій, кромѣ историческихъ воспоминаній, ничего не осталось прежняго. Съ своей стороны, Москва и окольныя ея губерніи, переѣзжая въ Петербургъ, привезли съ собою *самихъ себя*, и отъ чегоже имъ было вдругъ утратить свою особность? Странная была бы національность наша, если бы достаточно было проѣхать семьсотъ верстъ, чтобъ сдѣлаться другимъ человѣкомъ—иностранцемъ. Конечно, весь образъ современной жизни, всѣ удобства цивилизаціи, и великій московскій университетъ, и знаменитый англійскій клубъ, и дворянское собраніе, и тверской бульваръ, и кузнецкій мостъ — все это принадлежитъ не Кошихинскимъ временамъ, а вліянію петербургской эпохи. „Можетъ быть, Москва безъ петербургскаго вліянія развилась бы еще лучше.“ Можетъ быть... такъ какъ не токмо можетъ быть, но весьма вѣроятно, еслибъ царь Иванъ Васильевичъ вмѣсто Казани взялъ Лиссабонъ, то въ Португаліи было бы теперь что нибудь другое; только это ни къ чему не ведетъ. Не то важно въ исторіи чего не было, а то, что было. А было то, что въ послѣдній вѣкъ Москва состояла подъ вліяніемъ Петербурга и сама многое доставляла ему; онъ вызвалъ наружу ея сильную производительность; безпрерывный обмѣнъ, безпрерывное сношеніе поддерживали живую связь обоихъ городовъ. Въ иныхъ случаяхъ перевезенное совершенно усвоивалось, въ другихъ особенности еще сильнѣе развились на иной почвѣ, такъ что можно изучать Петербургъ въ Москвѣ и Москву въ Петербургѣ.

Отъ Петра I до Наполеона Москва жила тихо, незамѣтно; на Петербургъ она не косилась, особенно послѣ первыхъ непріятностей remue-ménage, и негодую-

щаго удивленія, что часть ея переѣхала на Неву-рѣку съ Москвы-рѣки: что другая часть — вмѣсто красивой бороды — показала голый подбородокъ, вмѣсто русыхъ волосъ—пудреныя пукли. Случалось ей хмурить брови, обижаться всѣми нововведеніями, но соперничать ей въ голову не приходило; она поняла, что время сильныхъ преслѣдованій не только за употребленіе телятины, но даже табака, прошло...

И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфирородная вдова.

Москва помнила, быть можетъ, что и она въ свою очередь была Петербургомъ, что и она нѣкогда была новымъ городомъ, надменно поднявшимъ свою голову надъ старыми городами, опираясь на слабость ихъ и на ордынскую поддержку. Старые города обидѣлись: они хотѣли высокомѣрно не знать Москвы... Но она шла своимъ путемъ. „Посмотримъ, посмотримъ!“ говорили старые города: „что-то она сдѣлаетъ съ Тверью — какъ-то совладаетъ съ Псковомъ — какъ-то сладитъ съ Новымъ-городомъ!“ Посмотрѣли, увидѣли какъ, да и склонились. Между Москвой и Петербургомъ ничего подобнаго не было. Петербургъ, *какъ* едукованный юноша, афишировалъ респектъ и атенцію Москвѣ, окружалъ ея знакомъ величайшаго вниманія; а она, какъ добрая русская помѣщица, готовая всѣхъ угостить и послать всякіе гостинцы, любила иногда пожурить Петербургъ, такъ какъ бабушки журятъ внучатъ-юнкеровъ, пріѣзжающихъ въ отпускъ, зачѣмъ трубку курятъ и постныхъ дней не соблюдаютъ... Но пожуривши, Москва отправляла въ Петербургъ свое молодое поколѣніе служить въ гвардію, окружать дворъ, даже лите-

раторы перебирались туда писать и вдохновляться; сердечная связь у этихъ переселенцевъ съ Москвою нисколько не перерывалась: при всякой невзгодѣ, при устали и грусти вспоминалась родная столица. Маститые вельможи и государственные люди пріѣзжали въ Москву отдыхать, провести остатокъ дней своихъ въ величавомъ покоѣ, повѣствуя жизнь свою и прислушиваясь издали къ быстро несущимся событіямъ не-петербургской жизни

Такъ вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ;
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

Среди этихъ мирныхъ и дружныхъ отношеній, наступилъ 1812 годъ. Не знаю, былъ ли Наполеонъ ученикъ Пинетти или Кагліостро, но онъ былъ величайшій фокусникъ въ мірѣ. Онъ сдѣлалъ сперва изъ г. Мортье тревизскаго герцога, а потомъ сдѣлалъ тревизскаго герцога московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, а маршала Нея просто московскимъ княземъ. Москва попала съ орѳографической ошибкой въ бюльтени великой арміи. Наполеонъ переѣхалъ изъ Тьюльри въ кремлевскій дворецъ. Вся Русь, задерживая дыханіе, устремила свое вниманіе на Москву, вся Европа ее вспомнила въ первый разъ послѣ Маржерета, Поссевина, Флетчера и другихъ. Вліяніе ея, утраченное цѣлымъ вѣкомъ, вполнѣ возстановилось нѣсколькими днями великаго пожара. Въ добровольномъ несчастіи Москвы было что-то захватывающее душу; она сдѣлалась интересна съ своими обгорѣлыми домами, она взошла въ

моду съ своими улицами, на которыхъ стояли однѣ черныя трубы, однѣ задымленныя стѣны. Эта горестная година миновала Петербургъ; князь Витгенштейнъ не пустилъ къ нему непріятеля; спокойствіе его не было возмущено ни на одинъ день. Все это прекрасно, все это слава богу, но не имѣетъ интереса, моды всего болѣе интересуются несчастіями. Разсказы о Москвѣ носились по всему свѣту. Нѣтъ человѣка не только въ Калифорніи и Полинезіи, но въ южной Италіи, гдѣ ничего не знаютъ, который бы не слыхалъ о томъ, какъ дивно, какъ громадно, какъ удивительно, какъ быстро обстроилась Москва. Келейно можно сказать, слухи эти не безъ увеличенія, не то, чтобъ въ самомъ дѣлѣ обстройка эта была такъ сказочно хороша, домы обклеены колоннами, фронтонами съ страшными претензіями, каждый стоитъ на свой салтыкъ, огороженный какимъ то уродливымъ заборомъ. И что-же Москва была прежде, если была гораздо хуже? — это тайна, которую она запечатлѣла великимъ пожаромъ. Оставимъ ее подъ историческими углями.

Послѣ 1812 уваженіе къ Москвѣ было безусловно: вся Русь, весь Петербургъ брали въ ней живѣйшее участіе; костеръ, зажженный собственными руками, поразилъ своей героической рѣшительностью всѣ удѣлѣвшіе города. Войска возвращались, осыпанные крестами и медалями, офицеры летѣли въ Москву отдохнуть съ родными, вспомнить семейную жизнь, которая также хороша послѣ лагеря, какъ лагерь хорошъ послѣ семейной жизни; нигдѣ не было и тѣни соперничества, вражды, никто не предполагалъ, не предвидѣлъ, что въ это время торжествъ и мира зарождалась въ тиши та высокая и мощная теорія, которой назначено было явиться грознымъ Маякомъ. Шагъ, сдѣланный ею для

нашего развитія, необъятенъ. Что значитъ въ самомъ дѣлѣ передъ нею весь рядъ побѣдъ 1812 и 13 годовъ, переходъ по Европѣ, русскіе гвардейцы на бивакахъ передъ Тюльрійскимъ дворцомъ? Кѣмъ сдѣланы эти побѣды? Людьми, любившими европейское образованіе, любившими Парижъ и французовъ, любившими говорить по французски, людьми, которые чрезвычайно удивились бы, услышавъ о томъ, что истинный русскій долженъ ненавидѣть нѣмца, презирать француза, что патріотизмъ состоитъ не столько изъ любви къ отечеству, сколько изъ ненависти ко всему, внѣ отечества находящемуся, и тому подобныя правила любви и братства. Храбрые воины, актеры великой эпохи, думали, что достаточно грудью стать противъ непріятеля и мужественно отразить его; они не знали, что сверхъ того необходимо день и ночь у себя въ комнатѣ бранить нѣмцевъ и гніющую цивилизацію Европы; эти воины мечтали, что они съ пріобрѣтеніемъ образованія не утратили достоинства русскаго. Какой предразсудокъ! Оттого-то они и уменьшили славу своихъ побѣдъ кротостью, съ которой они обращались съ побѣжденными. Но извинимъ ихъ, тогда еще не были брошены въ судьбы всемірной исторіи изслѣдованія о происхожденіи Руси, тогда пѣлъ суетный Пушкинъ, который въ своей поэтической распущенности бросилъ по нѣскольку стиховъ Петербургу и Москвѣ, въ которыхъ оба города дивно отразились, но зачѣмъ-же не одинъ?

Довольно впрочемъ о важныхъ матеріалахъ; займемтесь лучше маленькими различіями петербургскихъ и московскихъ нравовъ — это гораздо веселѣе и не такъ сильно потрясаетъ нервы, какъ маячныя теоріи. Въ Москвѣ все шло медленно — въ Петербургѣ все шло черезъ пень колоду; оттого житель Петербурга при-

выкъ къ дѣятельности, онъ хлопочетъ, онъ домогается, ему некогда, онъ занятъ, онъ разсѣянъ, онъ озабоченъ онъ опоздалъ, ему пора!... Житель Москвы привыкъ къ бездѣйствію: ему досужно, онъ еще погодитъ, ему еще хочется спать, онъ на все смотритъ съ точки зрѣнія вѣчности; сегодня не поспѣетъ, завтра будетъ, а и завтра не послѣдній день.—Москвичъ только живетъ и насилу можетъ отдохнуть послѣ обѣда, петербуржецъ и не живетъ за суетой суетствій, и такъ мало обѣдаетъ, что даже ночью не стоитъ отдыхать. У петербуржца цѣли часто ограниченныя, не всегда безусловно чистыя; но онъ ихъ достигаетъ, онъ всѣ силы свои устремляетъ къ одной цѣли: это чрезвычайно воспитываетъ способность труда, гибкость ума, настойчивость; москвичъ — почти всегда преблагороднѣйшій въ душѣ, ничего не достигаетъ, потому что и цѣли не имѣетъ, а живетъ въ свое удовольствіе и въ горесть лошадямъ, на которыхъ безъ нужды ѣздитъ съ Разгуляя на Дѣвичье поле. Москвичъ, какъ бы ни былъ занятъ—скроетъ это и будетъ отъ души радъ, что ему помѣшали; петербуржецъ, какъ бы ни былъ свободенъ отъ дѣлъ, никогда не признается въ этомъ. Въ Петербургѣ на каждомъ шагу встрѣтите представителей всѣхъ военныхъ чиновъ, и четырнадцати соотвѣтствующихъ классовъ статской службы; въ Москвѣ отставныхъ изъ всѣхъ чиновъ военной и статской службы; изъ военной — знаменитыхъ людей венгерокъ и усовъ, трубокъ и картъ; изъ статскихъ—вѣчныхъ обѣдателей англійскаго клуба, людей золотыхъ табакерокъ и картъ. Ихъ почти совсѣмъ не найдешь въ Петербургѣ, за то я и въ Петербургѣ между львами, тиграми и прочими злокачественными знаменитостями встрѣчалъ такихъ людей, которые ни на какого звѣря, даже на человѣка,

не похожи, а въ Петербургѣ дома какъ рыба въ водѣ, Московскіе писатели ничего не пишутъ, мало читаютъ — и очень много говорятъ; петербургскіе ничего не читаютъ, мало говорятъ — и очень много пишутъ. Московскіе чиновники—заходятъ всякій день (кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней) на службу; петербургскіе — заходятъ всякій день со службы домой; они даже въ праздничный день, хоть на минуту, а заглянутъ въ департаментъ. Въ Петербургѣ того и смотри умрешь на полдорогѣ, въ Москвѣ изъ ума выживешь; въ Петербургѣ исхудаешь, въ Москвѣ растолстѣешь: совершенно противоположное миросозерцаніе.

Москвичъ любитъ отъ души Москву, нигдѣ не можетъ жить какъ въ Москвѣ, ему неловко въ Петербургѣ, онъ всюду опаздываетъ, онъ чувствуетъ себя тамъ не дома: и квартиры тѣсны, и лѣстницы высоки, и обѣдаютъ поздно, и Кремля нѣтъ, и икра паюсная хуже..... Но возвратясь въ Москзу, онъ начинаетъ хвастать Петербургомъ, онъ показываетъ въ образецъ фракъ, сшитый на Невскомъ, подражаетъ петербургскимъ модамъ, приказываетъ людямъ изъ домашняго сукна сшить штиблеты съ оловянными пуговками, привозитъ бездну ненужныхъ вещей, сдѣланныхъ въ Москвѣ, и увѣряетъ, что такихъ въ Москвѣ ни за какія деньги не найдешь. Петербуржецъ—не такъ сильно страдаетъ тоскою по родинѣ: онъ вообще привыкъ себя считать выше тоски; но въ Москвѣ на все смотритъ свысока; на низкіе дома, на тусклые фонари, на узкіе тротуары и ни за что въ свѣтѣ не сознается, что въ Дрезденѣ нумера лучше нежели въ петербургскихъ гостинницахъ, и что у Шевалье можно обѣдать не хуже чѣмъ у Леграна и Сен-Жоржа. Ему смерть не хочется ѣхать въ Петербургъ, но онъ показываетъ видъ, что стремит-

ся вырваться изъ провинціальнаго города, такъ какъ москвичъ показываетъ изъ себя отчаяннѣйшаго петербуржца и большаго любителя петербургскихъ нравовъ. Воротившись петербурженъ карабкается на свой четвертый этажъ и, отдыхая среди запаха кухни въ маленькой лачугѣ, смѣется надъ московскимъ просторомъ.

Вообще я слышалъ отъ многихъ, что Петербургу вмѣняютъ въ достоинство эти сплошные домы о пятистахъ окнахъ, а Москвѣ вмѣняютъ въ недостатокъ, что домы ея удобнѣе, что никто тамъ другъ другу не мѣшаетъ, что московская постройка способствуетъ чистотѣ воздуха. Я ужасно люблю старинные московскіе дома, окруженные полями, лѣсами, озерами, парками, скверами, саванами, пустынями и степями, по которымъ едва протоптаны дорожки отъ дома къ погребу, и на которыхъ, если не найдете дворника, то за то встрѣтите стадо дикихъ собакъ. Замѣчательно, что въ Москвѣ домъ окруженъ дворомъ, а въ Петербургѣ дворъ — домомъ: это имѣетъ тоже свою прелесть... Мнѣ часто приходило въ голову, еслибъ въ Петербургѣ случилась теплая погода и свѣтило бы солнце, какую прекрасную тѣнь можно-бъ было находить на дворѣ!..... Но возвратимся отъ домовъ опять къ людямъ. Въ Петербургѣ ужасно любятъ роскошь, но терпѣть не могутъ ничего лишняго; въ Москвѣ только лишнее и считается роскошью: оттого въ Москвѣ почти у каждаго дома колонны, а въ Петербургѣ ни у одного; оттого петербургское гостепріимство стремится изящнымъ образомъ насытить вашъ голодъ и вашу жажду и на этомъ останавливается, а московское только тутъ и начинается, оно молчитъ, пока вамъ хочется пить и ѣсть и начинаетъ свое преслѣдованіе, когда видитъ, что вамъ невозможно ни пить, ни ѣсть. Потому же у каждаго мо-

сковскаго барина множество слугъ въ передней, дурно одѣтыхъ и болѣе пріученныхъ къ отъѣзжему полю, нежели къ мирнымъ комнатамъ, а въ Петербургѣ одинъ слуга, много двое, чисто одѣтыхъ и ловкихъ, но не умѣющихъ травить гончими—что и не очень нужно за порядочнымъ ужиномъ, гдѣ даже и жареныхъ зайцевъ не подаютъ. Москвичъ непремѣнно закладываетъ четыре лошади въ карету — не для легкости и скорости, а изъ уваженія къ собственному достоинству; петербуржецъ катится въ маленькой колясочкѣ вдвое быстрѣе москвича. Москвичъ любитъ внѣшніе знаки отличія и церемоніи, петербуржецъ предпочитаетъ мѣста и матеріальныя выгоды; москвичъ любитъ аристократическія связи, петербуржецъ связи съ должностными людьми. Въ Москвѣ до сихъ поръ всякаго иностранца принимаютъ за великаго человѣка, въ Пелербургѣ каждаго великаго человѣка за иностранца: тамъ долго никто не вѣрилъ, что Брюловъ русскій. Другихъ иностранцевъ собственно въ Петербургѣ и нѣтъ; тамъ такъ много иностранцевъ, что они сдѣлались туземцами. Одна изъ отличительныхъ чертъ Петербурга отъ прочихъ новыхъ городовъ всей Европы состоитъ въ томъ, что онъ на всѣ похожъ, тогда какъ Москва ни на какой не похожа—ни въ Европѣ, ни въ Азіи...

— Неужели это Торжокъ? спросилъ я, перерывая глубокомышленныя разсужденія о Москвѣ и Петербургѣ.

— Пожалуй что и Торжокъ, отвѣчалъ ямщикъ.

— Ступай къ большой гостинницѣ—на право-то.

— Знаемъ, знаемъ! отвѣчалъ нисколько пикированный ямщикъ.

Ноябрь 1846 года.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ ЧЕСТИ

(„Современникъ“. 1847)

NOBLESSE OBLIGE!

Западная поговорка.

Il me serait bien difficile de te faire sentir ce que c'est (le point d'honneur), car nous n'en avons point précisement l'idée.

Usbeck à Ibben.

(Восточныя письма Монтескьё).

Часто споры бываютъ поводомъ къ поединку; недавно случилось противоположное: какой-то поединокъ подалъ поводъ къ безконечнымъ спорамъ. Одни горячо защищали поединки, другіе предавали ихъ проклятію. „Дерзкое самоуправство“ — говорили одни. „Но кто-же лучше меня самого управится въ собственномъ дѣлѣ?“ отвѣчали другіе. — „Убійство“ — говорили одни. — „Война“, — отвѣчали другіе. Между этими противоположными воззрѣніями образовалась благоразумная средина, которая находила, что теоретически оправдать дуэль также невозможно, какъ практически избѣжать ея, основываясь на премудромъ правилѣ, что „такъ должно быть“ противоположно съ „тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ.“—Разумѣется, что всѣ эти споры кончились, какъ всегда, совершеннымъ затемнѣніемъ вопроса

и ожесточенной упорностью каждаго въ своихъ мнѣніяхъ. Главный порицатель дуэлей до того разгорячился, что чуть не вызвалъ рыцарственнаго защитника ихъ.

Возвратившись домой послѣ горячаго пренія и вспоминая на досугѣ все слышанное и говоренное, я увидѣлъ, что вопросъ этотъ несравненно глубже и сложнѣе, и что его не разрѣшишь ни панегирикомъ, ни порицаньемъ.

Новое законодательство всѣхъ европейскихъ государствъ осудило поединки, поставило ихъ почти рядомъ съ убійствомъ, но поединки не искоренились. Не смотря на запрещенія Густава Адольфа, дрались подъ висѣлицей; не смотря на мѣры Ришельё, дрались передъ плахой. Судьи, твердые и нелицепріятные во всѣхъ случаяхъ бываютъ снисходительны къ дуэлистамъ, общественное мнѣніе за нихъ; человѣкъ, защитившій честь свою поединкомъ, уважается. Всѣ мыслящіе люди отказываютъ не только отдѣльному лицу, но и цѣлому обществу въ правѣ убійства, и бо́льшая часть утверждаетъ, что дуэль — неизбѣжное зло, единое возможное огражденіе неприкосновенности лица отъ оскорбленія. Такое противорѣчіе законодательства съ общественнымъ мнѣніемъ, практическаго приложенія съ теоретическимъ понятіемъ прямо ведетъ къ вопросу: „на какомъ основаніи держится поединокъ въ образованнѣйшихъ странахъ Европы?“

Много было писано о поединкахъ, начиная съ Брантома, но ихъ разсматривали такъ, какъ наши милые спорщики, съ произвольныхъ точекъ зрѣнія и подъ вліяніемъ незыблемыхъ предразсудковъ или готовыхъ понятій. Бранили поединки на основаніи неприлагаемой, мечтательной морали и, вмѣсто обсуживанія дѣла, вы-

сказывали холодныя реторическія фразы о смиренномъ прощеніи, бранили ихъ на основаніи юридическомъ, которое требуетъ, чтобъ дѣло обиды было рѣшено не обиженнымъ, а судьей; осуждали ихъ съ точки зрѣнія римскаго права, не отстранивъ предварительно феодальнаго понятія о личности, твердо стоящей за свои права. Вопросъ о томъ, почему римское понятіе о государствѣ единственно истинно, и почему феодальное понятіе о личности, о ея наслѣдственныхъ, семейныхъ и политическимъ правахъ, развитое средними вѣками, неизмѣнно, не былъ рѣшаемъ даже въ такое время, которое по видимому отрекалось отъ всего феодальнаго, во время переворотовъ. Лучшее доказательство, что человѣкъ остался при своемъ прежнемъ понятіи о себѣ и о государствѣ. Современный человѣкъ думаетъ, что средніе вѣка далеко отъ него, а они въ немъ: онъ тотъ-же рыцарь, но переложенный на другіе нравы.

Не имѣя возможности, по многимъ причинамъ, предоставить историческую монографію о поединкахъ, я хотѣлъ сколько нибудь способствовать уясненію вопроса, занимавшаго споривших пріятелей, и съ этой цѣлью написалъ сжатый историческій очеркъ развитія чести, предоставляя имъ выводить послѣдствія какія угодно. Я нигдѣ не защищаю дуэли и нигдѣ не браню ея.

Бранить или хвалить какой-нибудь всеобщій историческій фактъ дѣло совершенно праздное, извиняемое только благороднымъ увлеченіемъ, въ силу котораго вырываются рѣчи негодованія или восторга. Довѣріе къ роду человѣческому требуетъ на столько уваженія къ вѣковымъ явленіямъ, чтобъ и отрѣшаясь отъ нихъ, не порицать ихъ: въ порицаніи много суетности и легкомыслія; дикіе съ честію хоронятъ умершихъ, а не

ругаются надъ трупами. Кто бранится, тотъ не выше бранимаго: бранятся тамъ, гдѣ не достаетъ доказательствъ. И какая цѣль подобныхъ разглагольствованій? Исправленіе нравовъ развѣ? Я думаю, выросшаго человѣка мудрено исправить педагогическими средствами и благороднымъ негодованіемъ, когда онъ плохо исправляется уголовными средствами и негодованіемъ палача. Достигайте, чтобъ онъ понялъ истину: это будетъ вѣрнѣе; идти далѣе, хвалить или порицать показываетъ неуваженіе къ его смыслу. Сказать, что поединокъ зло, нелѣпость, преступленіе — легко и справедливо, но недостаточно; неужели же нѣтъ причинъ, почему это *зло*, эта *нелѣпость* сохранилась до сихъ поръ? Если же, вмѣсто порицанія и односторонняго сужденія, мы разберемъ и внутреннюю сторону предмета, тогда мы узнаемъ общія основанія, на которыхъ опирался поединокъ и, легко можетъ быть, найдемъ связь его съ другими явленіями, ихъ круговую поруку; такой разборъ можетъ насъ привести въ свою очередь — какъ бы въ вознагражденіе за то, что мы узнали историческое основаніе факта, отвергаемаго нами,—къ раскрытію неразумности фактовъ, незыблемо признаваемыхъ нами; et c'est autant de pris sur le diable, какъ говорятъ французы. Рѣзкость односторонніхъ сужденій на первую минуту ослѣпляетъ; въ нихъ больше характернаго, опредѣленнаго; но если вглядѣться имъ прямо въ глаза, тощесть ихъ тотчасъ открывается. „Всего рѣзче видятъ одну сторону — сказалъ Аристотель—тѣ, которые видятъ мало сторонъ.“

I.

У человѣка, вмѣстѣ съ сознаніемъ, развивается потребность *нѣчто свое* спасти изъ вихря случайностей,

поставить неприкосновеннымъ и святымъ, почтить себя уваженіемъ его, поставить его выше жизни своей. Пристально вглядываясь въ длинный рядъ превращеній чтимаго, мы увидимъ, что основа ему ничто иное, какъ чувство собственнаго достоинства и стремленіе сохранить нравственную самобытность своей личности—и то и другое сначала въ формахъ дѣтскихъ, потомъ отроческихъ, какъ во всякомъ человѣческомъ развитіи. Сначала это чувство выражается въ семейныхъ отношеніяхъ, въ фанатической привязанности къ роду, племени, обычаю, преданію, къ *своимъ* богамъ въ противоположность сосѣдскимъ. Потомъ оно является святоуважаемымъ *общимъ дѣломъ* (res publica); государство, городъ поглощаетъ еще человѣка, но уже онъ силенъ своимъ гражданскимъ значеніемъ. Неудовлетворенный однакожъ общимъ дѣломъ, человѣкъ ищетъ свое дѣло, обращается внутрь себя, въ груди сооей начинаетъ открывать нѣчто твердое и незыблемое, въ себѣ находитъ мѣрило своего достоинства и хладнокровно смотритъ на племя, на городъ, на государство: тогда быстро развивается въ немъ понятіе *чести и собственнаго достоинства*. Но это еще не все. Перенося въ грудь свою свое чтимое, человѣкъ переноситъ его на истинную почву; но какова эта грудь? Можетъ быть онъ понимаетъ себя не такимъ, какимъ онъ дѣйствительно есть—ниже и выше, духовнѣе и животнѣе, затерянымъ въ общинѣ или одинокимъ въ себѣ самомъ: наконецъ, можетъ быть, его грудь, въ которую онъ переноситъ кивотъ свой, не *его* грудь; можетъ быть свободный отъ прежнихъ узъ, онъ перевязанъ новыми, а какимъ онъ себя понимаетъ, такъ понимаетъ онъ и свою честь. „Основа чести можетъ быть нравственна и необходима, можетъ быть случайна и безсмысленна“, но всегда и вѣ-

что она есть „отраженіе человѣкомъ своей самобытности“,*) сообразно тому какъ онъ ее понимаетъ, или, вѣрнѣе, какъ ее понимаетъ его эпоха.

Три великія эпохи жизни человѣчества представляютъ намъ тѣ три разныя пониманья человѣческаго достоинства, до которыхъ мы коснулись. Востокъ представляетъ низшую ступень древняго понятія о личности; она почти затеряна въ племени, въ царствѣ. Грекоримскій міръ съ своими гражданами — высшее его развитіе. Основа человѣческаго достоинства обоими была понята внѣ человѣка. Наконецъ средніе вѣка обернули вопросъ: существеннымъ сдѣлалась личность, несущественнымъ — respublica. Самая эта исключительность указываетъ на необходимую односторонность послѣдствій. Жизнь общественная — такое-же естественное опредѣленіе человѣка, какъ достоинство его личности. Безъ сомнѣнія, личность — дѣйствительная вершина историческаго міра: къ ней все примыкаетъ, ею все живетъ. Все общее безъ личности—пустое отвлеченіе; но личность только и имѣетъ полную дѣйствительность по той мѣрѣ, по которой она въ обществѣ. Аристотель превосходно назвалъ человѣка — „*зоонъ политиконъ*.“ Истинное понятіе о личности равно не можетъ опредѣлиться ни въ томъ случаѣ, когда личность будетъ пожертвована государству, какъ въ Римѣ, ни когда государство будетъ пожертвовано личности, какъ въ средніе вѣка. Одно разумное, сознательное сочетаніе личности и государства приведетъ къ истинному понятію о лицѣ вообще, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ истинному понятію о чести. Сочетаніе это — труднѣйшая задача, поставленная современнымъ мышленіемъ; передъ нею остано-

*) Hegel, Aesthetik. T. II.

вились, пораженные несостоятельностью разрѣшеній, самые смѣлые умы, самые отважные пересоздатели общественнаго порядка, грустно задумались и почти ничего не сказали. Мы не беремся дотрогиваться до нея, но думаемъ однако, что она неразрѣшена механическими опытами сочетать феодальную личность съ римскимъ понятіемъ государства; это одно перемирье, т. е. такое соединеніе враждебныхъ началъ, при которомъ каждый остается при своей непріязни, но, уступая внѣшнимъ обстоятельствамъ, не дерется, а протягиваетъ руку врагу. Конечно, жизнь, не смотря на всѣ ученія о политикѣ и о правѣ, дѣлаетъ свое дѣло, роется кротомъ и вездѣ прорывается къ свѣту; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, иначе мы не дошли бы не только до рѣшеній, но и до положенія вопросовъ, а это дѣло важное; правильно понятый вопросъ — полъ-отвѣта. Однако нельзя не сознаться, что въ самой философіи права, въ самихъ утопіяхъ разныхъ толковъ господствуютъ одни отжившія или отживающія понятія о государствѣ и о личности. Впрочемъ, намъ не нужно разрѣшенія этой задачи, цѣль наша ограниченнѣе: мы имѣемъ только въ предметѣ указать круговую поруку поединка съ пониманьемъ правъ личности, отъ восточной непосредственности до щепетильнаго point d'honneur'а французскаго дворянина.

II.

Людямъ надобно было все дѣтское довѣріе и всю безъзаботность животнаго, всю настойчивость и упорность естественнаго побужденія, чтобы своими разростающимися семьями обжить землю. Жизнь семьями обусловила возможность всего человѣческаго развитія.

Конечно, семьи не оттого не расходились, что была при этомъ какая нибудь мысль; разумъ еще дремалъ тогда у человѣка, и ему достаточно было той низшей степени разсудка, которая совпадаетъ съ самимъ органическимъ процессомъ, въ силу которой, напримѣръ, новорожденный ищетъ пищу ртомъ въ первый день своего рожденія. Люди жили семьями, руководствуясь тѣмъ-же инстинктомъ, которымъ руководствуются животныя породы, скитающіяся стадами, собирающіяся въ рои. Забытый и неизвѣстный трудъ дикаго человѣка былъ тягостенъ, онъ облегчался одною грубостью обреченнаго на этотъ трудъ. Вѣками и вѣками усилій приладился человѣкъ къ грозной, безпощадной средѣ и ее приладилъ къ себѣ: казалось, стихіи ежеминутно могутъ мощнымъ безстрастіемъ своимъ, непреодолимой силой — уничтожить безслѣдно это слабое существо, и вѣроятно не одна тысяча легла, подавленная невнимательной природой, строго исполнявшей законы свои возлѣ нихъ; но это слабое существо имѣло передъ окружавшей его природою большое преимущество — преимущество хитрости, уловокъ, которыми развитое животное достигаетъ своихъ цѣлей, а среда не имѣла ничего враждебнаго противъ его работы. Тысячи темныхъ и неизвѣстныхъ намъ поколѣній удобрили костями своими землю, прежде нежели сознаніе настолько развилось, что стало помнить свое былое, что это *былое* сдѣлалось достойно памяти, и тутъ, черезъ эти тысячелѣтія, какимъ мы встрѣчаемъ человѣка? Онъ еще не можетъ прійти въ себя, опомниться; онъ побѣдилъ, но съ робостью въ душѣ, но съ сознаніемъ силы природы и своего безсилія; онъ еще съ ужасомъ смотрѣлъ на стихіи, подкладывая имъ злобныя мысли, повергался въ прахъ передъ ихъ грозной и враждебной мощью и просилъ пощады; дикая молитва его была

воплемъ страха, въ которомъ еще не звучали титановскія ноты Прометея.

Одинъ оплотъ, одинъ отдыхъ, одна надежда для человѣка была семья, племя, эта кучка, сросшаяся отъ единства интересовъ и единства опасностей, отстоявшая себя противъ стихій, звѣрей и враговъ, начавшая хранить свое преданіе и свой обычай. Далекій отъ сознанія своей самобытности, человѣкъ поглощался племенемъ, семьею; все чтимое имъ было внѣ его. То были невѣдомыя силы природы, которымъ онъ началъ придавать человѣческія свойства въ уродливыхъ размѣрахъ, и патріархальныя отношенія къ семьѣ, въ которой личность была ничтожна а родъ неприкосновененъ, святъ. На этихъ-то началахъ развились колоссальныя азіятскія монархіи. Въ самомъ высшемъ гражданскомъ развитіи своемъ, азіятецъ считалъ себя несовершеннолѣтнимъ сыномъ, рабомъ; понятіе раба его не унижало, скорѣе его унизило бы названіе *вольнаго* человѣка: ему бы показалось, что это слово значитъ — *бродяга, бездомовникъ*, изгнанный Измаилъ, непринятый ни въ какое племя; и что-же онъ въ самомъ дѣлѣ одинъ? Но какъ бы то ни было, признавая себя рабомъ, несовершеннолѣтнимъ сыномъ, онъ не могъ развить въ себѣ понятія о человѣческой личности; рабъ—вещь; истинная личность его въ господинѣ, котораго онъ членъ, органъ. Рабу трудно нанести оскорбленіе: онъ или не доросъ до того, чтобъ понять его, или перенесъ уже безусловное оскорбленіе утратою всѣхъ человѣческихъ правъ и примиреніемъ съ этой утратой. Однако могъ-ли восточный человѣкъ оставаться безъ всякаго понятія о чести? Ни подъ какимъ видомъ. Это также невозможно для человѣка, живущаго въ гражданскомъ обществѣ, какъ невозможно бы было себѣ представить

дѣйствительное понятіе о достоинствѣ человѣка у азіятца. На Востокѣ не могли развиться поединки въ нашемъ смыслѣ; но тѣмъ страшнѣе и злобнѣе развилась месть, всего чаще не за собственную обиду, а за обиду семьи, обычая; въ Японіи оскорбленный разрѣзываетъ свой животъ—новое доказательство, что у нихъ не развито ни тѣни истиннаго понятія о безконечномъ достоинствѣ человѣческомъ; японецъ не находитъ въ себѣ средства очищенія, онъ не находитъ того мѣста, которое выше обиды, которое примирится уничтоженіемъ оскорбителя: онъ можетъ смыть обиду только самоубійствомъ. Притомъ азіятцы мелочно раздражительны, у нихъ казуистика чести развилась не хуже средневѣковаго, но все это одинъ пустой формализмъ, что-то условное; такъ въ азіятскихъ царствахъ дошли до смѣшнаго внѣшніе знаки почести, учтивости, т. е. все негодное или по крайней мѣрѣ пустое, сопровождающее понятіе о личномъ достоинствѣ, безъ истиннаго смысла его.*)

Личность азіятскихъ властелиновъ**) была единая человѣческая личность на Востокѣ, и дѣйствительно одни они въ Азіи понимали честь и вступались за нее. Высоко поставленную личность ихъ было трудно оскорбить; рабами она обидѣться не могла: обида существуетъ собственно между личностями, признающими взаимныя права; цари могли оскорблять другъ друга, и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ царства дрались, опусто-

*) Къ подобнымъ явленіямъ принадлежало наше мѣстничество, основанное на патріархальной породистости, а вовсе не на понятіи своего достоинства. Замѣчательно, что съ совершеннѣйшей потерей всѣхъ человѣческихъ понятій о достоинствѣ и о чести, — въ Восточной имперіи точно также выросъ уродливый, вычурный и смѣшный формализмъ почестей—замѣнившій честь *дѣйствительную*.

**) Въ текстѣ: *царей* (проп. цензурой).

шались: вотъ поединокъ Востока. Отсутствіе сознанія личнаго достоинства, неотрѣшенность отъ физическихъ опредѣленій, несчастія, неразрывныя съ дѣтствомъ погубили Азію. Взгляните на эти чудовищныя царства, возникающія съ притязаніемъ на покореніе вселенной и удивляющія сперва страшной силой, потомъ страшной слабостью: они сходятъ съ поприща исторіи, дряхлыя въ юности, или остаются въ жалкой дремотѣ: безъ нравственной личности нѣтъ движенія, прочности, развитія. Смутное понятіе чести выражалось у азіятца слѣпой преданностью семьѣ, племени, кастѣ. Помните-ли вы, какъ Ксеркъ подвергался опасности на морѣ, и кормчій объявилъ, что корабль грузенъ; царедворцы не задумались погибнуть для спасснія Ксеркса: медленно выходилъ каждый изъ рядовъ, приближался къ царю, склонялся передъ нимъ, потомъ твердыми шагами шелъ къ борту и кидался въ море. Это восточные Термопилы; царедворцы поступили совершенно послѣдовательно. Любимецъ Дарія Истаспа, видя, что онъ хочетъ снять осаду Вавилона, обрубилъ себѣ уши и носъ и въ этомъ жалкомъ видѣ передался вавилонянамъ, прося отмщенія и говоря, что его изуродовалъ Дарій. Вавилоняне сдѣлали его военачальникомъ, и онъ предательски отдалъ ихъ городъ Дарію Истаспу. Сколько тутъ самоотверженія! Это восточный Баярдъ.

Понятіе о личности является сознаннымъ въ отношеніи къ государству въ мірѣ греко-римскомъ. Личность не разрывна съ понятіемъ гражданина, она не свободна еще въ отношеніи къ себѣ: восточное поглощеніе всѣхъ личностей одною повторяется и здѣсь, но мѣсто случайнаго лица занимаетъ нравственное, миѳическое лицо города, каждый гражданинъ сознавалъ въ самомъ себѣ долю идеальной, царящей личности города или

отечества, и эта доля была неприкосновенная, святая святыхъ его души. Патріотизмъ грека и римлянина былъ раздражителенъ и не выносилъ никакой обиды; въ немъ заключался древній point d'honneur. Ѳемистоклъ, сказавшій: „бей, но дай высказать," тѣмъ ярче выражаетъ греческое понятіе о чести, что оно въ этомъ случаѣ прямо противоположно средневѣковому понятію. Но *общее*, чтимое, святое было понято опять подъ опредѣленіемъ непосредственности и внѣшности; личность человѣка и его достоинство поглощались достоинствомъ гражданина, а значеніе гражданина было основано на случайности мѣсторожденія, его права были права монополіи; свободы въ древнемъ мірѣ не было: свободенъ былъ Римъ, Аѳины, а не люди. Граждане древняго міра—сказалъ не помню какой-то историкъ—потому считали себя свободными, что всѣ участвовали въ правленіи, лишавшемъ ихъ свободы. Уваженіе къ себѣ, какъ къ гражданину, было недостаточно, оно не помѣшало ни кліентизму, ни обоготворенію цезарей. Римскій гражданинъ, глубоко развращенный невольничествомъ, привычкой считать, сверхъ невольниковъ, всѣхъ иностранцевъ полулюдьми, врагами, варварами, не нашелъ въ душѣ своей никакой нравственной опоры, когда Римъ сталъ падать, да и Римъ, съ своей стороны, не нашелъ опоры въ своихъ гражданахъ. Катонъ и множество другихъ республиканцевъ, консерваторовъ, увидавши, что Римъ падетъ, лишили себя жизни и поступили совершенно послѣдовательно римскому понятію о чести. Что оставалось въ ихъ жизни? Развѣ она имѣла значеніе, независимое отъ Рима, значеніе не національное, человѣческое? Нѣтъ. Правда, Сенека сталъ поговаривать о неотъемлемомъ достоинствѣ человѣка, присущемъ ему потому, что онъ человѣкъ, но Сенека

родился послѣ смерти республики и въ то время, какъ иной духъ началъ вѣять въ самомъ Римѣ.

Такъ какъ истинныя личности были въ греко-римскомъ мірѣ — города, то и поединки могли быть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, только между городами или республиками; Аѳины и Спарта всю жизнь провели въ дуэляхъ. Между частными людьми въ Римѣ поединка не могло быть потому, что дѣла чести рѣшались цензурой. Государство имѣло право отнять все нравственное значеніе гражданина. Если и случалось что-нибудь въ родѣ поединковъ, то основа ихъ была непремѣнно патріотическая: такова дуэль между Горація̀ми и Куріа̀цами. Греческая философія и римская цивилизація приготовили переходъ къ тѣмъ понятіямъ о личности, которая возвѣстилась людямъ евангеліемъ, и если Аристотель былъ на столько грекъ, что дѣлилъ натуру человѣческую на свободную и рабскую, то Юлій Цезарь былъ на столько человѣкъ новаго міра, что жалѣлъ рабовъ и гладіаторовъ; очень понятно, почему первый примѣръ гуманности представляетъ именно тотъ человѣкъ, который нанесъ смертельный ударъ республикѣ. Неблагопристойныя ругательства Цицерона, въ полномъ засѣданіи Сената, противъ Антонія, котораго онъ обвиняетъ, между прочимъ, въ томъ, что онъ пьяный бѣгалъ безъ всякой одежды по улицамъ, вызвали отвѣтъ одного сенатора, который также обругалъ Цицерона и заключилъ, что если Цицеронъ носитъ длинную тогу, то это для прикрытія своихъ отвратительныхъ ногъ. Примѣръ этотъ показываетъ, что уваженіе къ личности мало было развито въ Римѣ, что всего ярче выразилось въ отвратительномъ отношеніи патрона и кліентизма.

III.

Личность христіанина отрѣшается отъ древняго гражданскаго опредѣленія. Спаситель зоветъ мытарей и женщинъ, отворяетъ царство Божіе разбойнику, безщадно казненному закономъ гражданскимъ. Слово: невольникъ, рабъ, становится богохульствомъ, нищета — достоинствомъ, національность теряетъ смыслъ въ отношеніи къ единственной паствѣ, къ единой церкви: любовь къ отечеству уступаетъ первенство любви къ ближнему. Личность христіанина не только освобождалась отъ своего гражданскаго и исключительно національнаго опредѣленія, она стремилась и отъ всего земнаго; она совлекла съ себя стараго Адама, т. е. всю сторону непосредственную, тѣлесную, земную любовь, земное семейство, земныя страсти, земную мудрость, земное богатство, даже земное тѣло. Но братственная община, о которой говоритъ евангелистъ Лука въ „Дѣяніяхъ," не знавшая права собственности, имѣвшая одну душу и одно сердце, распространяясь, встрѣтилась съ государствомъ. Ничего не могло быть противоположнѣе христіанскимъ началамъ, какъ понятіе о государствѣ, развившееся въ римской имперіи того времени. Діоклеціанъ, первый *восточный царь* римскій, замѣтилъ противорѣчіе азіатско-римскаго понятія о государствѣ съ христіанскимъ, онъ съ свирѣпостью человѣка, не понимающаго духъ времени, гналъ огнемъ и мечемъ юную церковь. Но дѣлать было нечего; имъ надобно было помириться. Государство было необходимо для христіанъ: это было доля кесаря, которую надобно было предоставить кесарю. При такомъ противорѣчіи совѣсти съ гражданскимъ порядкомъ, частнаго

съ общимъ, нельзя было развиваться, — можно было остановиться, потерять всякую силу и строеніе и держаться потому только, что еще паденіе не совершилось. Это доказываетъ та часть римской имперіи, которая осталась вѣрною древнему государству и которая разлагалась до XV столѣтія. Дѣйствительное примиреніе вышло индѣ.

Съ своей стороны, ничего не можетъ быть противоположнѣе не только восточному рабу, теряющемуся въ племени, но и римскому гражданину, поглощенному своимъ государственнымъ значеніемъ, какъ германецъ, боящійся всякой централизаціи и предпочитающій дикую независимость удобствамъ гражданской жизни. Германцы жили кучками, общинами, знаменами или дружинами; они почти не принадлежали землѣ, на которой родились, носили родину съ собой и вездѣ были дома. Когда хаотическое броженіе переселеній, завоеваній, перваго устройства успокоилось, когда германцы приняли христіанство, когда весь этотъ новый міръ началъ слагаться, принимая въ себя и остатки древней цивилизаціи и новую религію, развивая ими свою собственную сущность, тогда первымъ полнымъ и органическимъ слѣдствіемъ взаимнаго проникновенія этихъ элементовъ является *рыцарство*. Рыцарствомъ вооруженная ватага кондотьеровъ, наѣздниковъ, необузданныхъ воиновъ поднялась изъ міра грабежей и насилія въ феодальное благоустройство. Ключемъ свода этого готическаго братства, этихъ военныхъ гражданъ, единственныхъ правовѣрныхъ людей того времени, была безпредѣльная самоувѣренность въ достоинствѣ своей личности и личности ближняго, разумѣется, признаннаго ровнымъ по феодальнымъ понятіямъ. Это было нѣчто совершенно новое. Не только каждый клочекъ земли за-

хотѣлъ самобытности—послѣ того, какъ весь міръ жилъ однимъ Римомъ — но каждый непобѣжденный человѣкъ понималъ себя независимымъ, своевольнымъ. Феодализмъ—апотеоза личности воина, монадологія въ гражданскомъ развитіи; въ немъ нѣтъ дѣйствительнаго центра.

Понятіе о государствѣ, о городѣ, какъ о единомъ дѣйствительномъ, къ которому отнесенъ человѣкъ—пало; человѣкъ какъ воинъ-защитникъ, какъ рыцарь, началъ понимать себя собственнымъ средоточіемъ; поняв-ши это, онъ долженъ былъ высоко поставить свою честь, свою самобытность — гордую и независимую. Не массы сознали эту мысль о достоинствѣ личности: массы были побѣжденныя, массы были отсталые горожане, люди римскихъ понятій, массы были несчастные земледѣльцы, для которыхъ часъ сознанія еще не наставалъ; ее поняли доблестнѣйшіе изъ воиновъ, ее поняли духовные. Ничего не можетъ быть пагубнѣе для исторіи, какъ вносить современные вопросы симпатій и антипатій въ разборъ былыхъ событій; если въ нѣкоторыхъ странахъ позволяютъ людямъ судиться *пэрами*, то какое же право мы имѣемъ судить прошедшее не по его понятіямъ, а по понятіямъ иного времени. Мы привыкли сопрягать съ словомъ рыцарство—понятіе угнетенія, несправедливости, касты; но съ тѣмъ самымъ словомъ мы въ правѣ сопрягать смыслъ совершенно противоположный. Мы теперь смотримъ на рыцарство, какъ на прошедшій институтъ; его слабыя стороны для насъ раскрыты; насъ оскорбляетъ его гордое чувство безконечнаго достоинства, основанное на безконечномъ униженіи привязаннаго къ землѣ; оно пало отъ своей односторонности, оно наказано; оно до того умерло наконецъ, что пора ему отдать полную справедливость.

Взгляните на рыцарство, отступивши въ VII, VIII столѣтія—и оно представится передовой фалангой человѣчества; оцѣните внутреннюю мысль его о достоинствѣ человѣческой личности, о святой неприкосновенности ея, о строгой чистотѣ — и вы поймете великое начало, внесенное имъ въ исторію. Оттого мы рыцарей можемъ принять за высшихъ представителей среднихъ вѣковъ; истинные представители эпохи — не ариѳметическое большинство, не золотая посредственность, а тѣ, которые достигли полнаго развитія, энергическіе и сильные дѣятельностью; другіе были въ ребячествѣ или въ дряхлости. *Человѣкъ научился уважать человѣка* въ рыцарѣ: этого мы имъ не забудемъ. Гордое требованіе признанія рыцарскихъ правъ было почвою, на которой выросло сознаніе права и достоинства человѣка вообще. Рыцарь далеко не былъ ниже римскаго гражданина. Римскій гражданинъ имѣетъ передъ нимъ то преимущество, что онъ *развилъ* свое понятіе; но то, чего домогался рыцарь, было выше того, чего достигнулъ римлянинъ. Сущность гражданина — внѣ его, случайность рожденія опредѣляетъ права его; сущность рыцаря — въ немъ самомъ, и онъ становится рыцаремъ, а не родится. Его право не принадлежитъ его личности, какъ случайной, а принадлежитъ ему по развитіи, въ случайной личности, ея родового значенія (разумѣется такъ, какъ оно понималось въ тѣ времена). Никто не былъ признаваемъ христіаниномъ по одному физическому рожденію; никто не родился рыцаремъ; для перваго надобно было духовное рожденіе крещеніемъ, для второго искусъ и торжественное признаніе посвященіемъ. Рыцари были единственные свободные люди въ среднихъ вѣкахъ; они составляли между собой братство, разсѣянное по всему католическому міру и сочув-

ствовавшее между собою; ихъ соединяло единство обычаевъ, единство понятій о своемъ достоинствѣ, единство предразсудковъ; каждый рыцарь сознавалъ неприкосновенное величіе своей личности и готовъ былъ доказывать его мечемъ. Но можно-ли назвать братствомъ учрежденіе, при которомъ массы были угнетены? А какъ-же древнія республики называются республиками, когда въ нихъ одни граждане имѣли права? Низшіе классы въ среднихъ вѣкахъ не только не были признаны высшими, но и собою не были признаны; ихъ признавала одна церковь и передъ алтаремъ они были равны; человѣкъ признается человѣкомъ на столько, на сколько онъ самъ себя признаетъ человѣкомъ. Кровавыя событія временъ Жакри выразили иныя потребности со стороны народа и обнаружили иное сознаніе, и рыцари всѣми ужасами и свирѣпостями того времени не могли ничего сдѣлать. Тоже въ городахъ: по мѣрѣ того, какъ коммуны начинали сознавать свои права, рыцари со скрежетомъ зубовъ должны были уступать; сознаніе это росло, а рыцарство дряхлѣло. Въ 1614 году оно еще протестовало противъ смѣлости средняго состоянія, дерзнувшаго назваться братомъ рыцарства, а въ 1787 году Сіэсъ издалъ свою брошюру Du tiers-état и увѣрялъ, что среднее состояніе — *все* — мнѣніе, въ которое теперь никто не вѣритъ.

Права личности у рыцарей доказывались и поддерживались оружіемъ; міръ феодальный былъ дикъ и грубъ; кромѣ оружія и матеріальной силы, человѣкъ не находилъ себѣ другого оплота. Рыцарь былъ прежде всего воинъ, побѣдитель; подозрѣніе въ трусости и неумѣньи владѣть мечомъ — было высшимъ оскорбленіемъ. Рыцарство и тутъ, въ міръ вѣчной войны и рѣзни, внесло свое благотворное вліяніе: свирѣпое и нео-

бузданное насиліе облагораживается; враги не бросаются другъ на друга какъ звѣри, а выходятъ торжественно на поединокъ, благородно, открыто, съ равнымъ оружіемъ. Поединокъ былъ совершенно на мѣстѣ у этого военнаго братства. Кто судья надъ рыцаремъ, какъ не онъ самъ, какъ не равный ему противникъ? Для горожанина, для простолюдина существуетъ судебное мѣсто; но развѣ рыцарь подсудимъ кому-нибудь въ дѣлѣ чести, и что государство и его законъ за мѣрило, за возмездникъ его оскорбленію? Онъ самъ себѣ достанетъ право—копьемъ, мечомъ. Онъ признавалъ *самоуправство* естественнымъ, неотъемлемымъ правомъ. Зачѣмъ онъ, оскорбленный, пойдетъ искать юридической расправы, когда онъ не вѣритъ въ ея возможность возстановить честь; онъ ищетъ собственной опасностью, смертью свой судъ и въ немъ оправданія себя въ чужихъ глазахъ и своихъ, казнь виновнаго согласна съ рѣшеніемъ небеснымъ. Конечно, храбрость и ловкость въ управленіи оружіемъ — самый жалкій критеріумъ истины, хотя, замѣтимъ мимоходомъ, трусость—вѣчный ошейникъ рабства. Въ наше время странно было бы доказывать истину тѣмъ, чтобъ проткнуть копьемъ того, кто вздумаетъ возражать или кто не согласенъ съ нами въ мнѣніи. Самое требованіе признанія моей личности такъ, какъ я *хочу*, несправедливо; но во время рыцарства, когда чувство чести и самобытности было такъ ново и одушевляло грубыя и съ тѣмъ вмѣстѣ полудѣтскія натуры, понятно и деспотическое требованіе признанія и готовность оружьемъ дать вѣсъ своему требованію. Не надобно забывать сверхъ того, что тогда человѣкъ дѣтски вѣровалъ, что небо поможетъ правому; самые судьи не находили тогда лучшаго средства къ раскрытію истины, какъ судъ божій, какъ по-

единокъ. Поединокъ имѣлъ религіозную основу и нравственную. Нравственный принципъ поединка состоитъ въ томъ, что *истина дороже жизни*, что за истину, мною сознанную, я готовъ умереть, и не признаю правъ на жизнь отвергающаго ее. Мало сознавать достоинство своей личности: надобно, сверхъ того, понимать, что съ утратою его бытіе становится ничтожно; надобно быть готовымъ испустить духъ за свою истину,—тогда ее уважать, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Человѣкъ, всегда готовый принесть себя на жертву за свое убѣжденіе, человѣкъ, который не можетъ жить, если до его нравственной основы коснулись оскорбительно, найдетъ признаніе.

Гражданинъ древняго міра имѣлъ всю святую святыхъ въ объективномъ понятіи своего отечества, онъ трепеталъ за его честь. Рыцарь, безпрестанно сосредоточенный на самомъ себѣ, при всякомъ событіи, думалъ прежде всего о своемъ достоинствѣ; его ни во снѣ, ни на яву не оставляла мысль о его неприкосновенности; ревнивое и раздражительное чувство чести было безпрерывно, лихорадочно возбуждено. Жизнь, имѣющая такую основу, должна была принять характеръ угрюмый, восторженный, пренебрегающій суетами и въ тоже время страстный, необузданный. Съ одной стороны, католицизмъ освобождалъ человѣка на томъ условіи, чтобъ онъ отрекся отъ всего человѣческаго; съ другой, рыцарство давало ему копье и ставило его вѣчнымъ стражемъ своей чести. И онъ былъ величественъ — этотъ стражъ! Да, этотъ человѣкъ съ поднятымъ челомъ, опертый на копье, величаво и гордо встрѣчающій всякого, увѣренный въ своей самостоятельности — по силѣ, которую ощущаетъ въ груди, ничего не боящійся, потому что презираетъ жизнь, былъ высокъ и полонъ поэзіи. Вся

самобытность рыцаря въ немъ самомъ, это бедуинъ, окруженный степью; онъ едва принадлежитъ какой-нибудь странѣ, онъ воинъ всего міра католическаго, онъ почти чуждъ патріотизма; — гдѣ его отечество? Это монада, сознающая себя самобытнымъ средоточіемъ, сознающая все царственное величіе своей личности; онъ безпредѣльно вѣренъ своей присягѣ, его честь—залогъ его вѣрности, его вѣрность — свободный даръ; онъ не можетъ измѣнить, потому что могъ не отдаваться; онъ не понимаетъ восточнаго, хвастливаго самоуниженія. Греки смѣялись надъ невѣжествомъ крестоносцевъ; быть человѣкомъ казалось грубостью для византійцевъ. Необразованные воины эти, покрытые желѣзомъ, готовы были за тѣнь оскорбленія лечь костьми; греки считали это предразсудкомъ; они, въ случаѣ нужды, подмѣшивали яду, дѣлали доносы..... ихъ воспитанія были совершенно розны.

Но какъ ни было сильно развитіе рыцарства, какъ оно ни было ярко и поэтично, — оно носило въ себѣ причину быстрой дряхлости: она очевидна.

Мы упомянули, что христіане первыхъ вѣковъ приняли, какъ неотразимое событіе, римское государство; истиннаго сочувствія между древнимъ порядкомъ вообще и новой религіей не могло быть. Монастыри показывали разомъ внутреннюю, соціальную мысль христіанъ того времени и ихъ отвращеніе отъ языческаго устройства. Мы видѣли такую же несвойственность германскаго характера съ римскимъ понятіемъ государства. Тацитъ въ свое время уже замѣтилъ, что германцы любятъ жизнь въ разбивку. Шлегель думалъ уколоть германцевъ, говоря: Der Deutschen wahre Verfassung ist Anarchie, и высказалъ невзначай мысль которой глубины не предвидѣлъ. Рыцарь—германецъ и хри-

стіанинъ вмѣстѣ. Онъ осуществилъ этотъ протестъ личности противъ поглощающаго государственнаго единства, такъ какъ другой протестъ, смиренный и безоружный, являлся въ католическомъ монахѣ, отвергавшемъ гражданскія опредѣленія. Мечта Карла Великаго о сильной имперіи не могла осуществиться: папа, рыцарство и монашескіе ордена составляли оппозицію. Церковь признавала одно единство— единство паствы подъ жезломъ одного пастыря; феодализмъ хотѣлъ жить на каждой точкѣ земли; высасываніе всѣхъ соковъ однимъ городомъ было для него противно, онъ былъ слишкомъ завистливъ, чтобъ помогать централизаціи, у него вездѣ былъ свой центръ; кто-же бы его понудилъ уступить монополію одному городу? Польза, происходящая отъ сосредоточенія, отъ единства управленія, мало согласовалась съ его понятіемъ самобытности каждаго мѣстечка и уваженія ко всѣмъ федеральнымъ обычаямъ его. Эту независимую личность германскую рыцарство выразило энергически. Но во имя чего же былъ этотъ протестъ? во имя чего освобождалась личность рыцаря? Зачѣмъ она такъ ревниво отстаивала себя противъ государства? По странному сочетанію противоположностей, составляющему чуть ли не отличительную черту всего средневѣкового, рыцарь, человѣкъ, развившій въ себѣ чувство самобытности до высшей степени, оставался нравственнымъ рабомъ; этотъ храбрый и непреклонный воинъ, отважный завоеватель, гордый защитникъ своей личности, былъ съ тѣмъ вмѣстѣ трусъ, и если короли и горожане боялись его, то онъ самъ боялся очень многаго. Великій шагъ противъ древняго міра былъ тѣмъ сдѣланъ, что чтимое, неприкосновенное, святое поняли внутри своей груди, а не въ городѣ; но для полнаго развитія личности человѣческой не доставало нрав-

ственной самобытности: она была совершенно неизвѣстна въ среднихъ вѣкахъ. Тогда все было несвободно; даже point d'honneur, хранитель личныхъ правъ, былъ часто самымъ тяжкимъ игомъ; такъ федерализмъ отстаивалъ самобытность частей государства для того, чтобъ доставить торжество своимъ провинціальнымъ обычаямъ, нерѣдко подавляющимъ личную волю вдвое больше.

Логика событій неумолима. Рыцарь, свободная личность въ отношеніи къ государству и рабъ внутри, развилъ односторонность свою до нелѣпости; онъ съ каждымъ днемъ дѣлался болѣе и болѣе Донъ-Кихотомъ; не имѣя дѣйствительнаго критеріума чести, онъ весь зависѣлъ отъ обычая и мнѣнія; онъ, вмѣсто живаго и широкаго понятія человѣческаго достоинства, разработалъ жалкую и мелочную казуистику оскорбленій и поединковъ. Рыцарство пало жертвою своей односторонности, оно пало жертвою противорѣчія, только формально примиреннаго въ его умѣ. Но наслѣдіе, имъ завѣщанное, было велико; оно искупаетъ и его односторонность и весь временной вредъ, нанесенный имъ; лучшаго наслѣдія никто не завѣщалъ людямъ, ни Аѳины, ни Римъ—понятіе о неприкосновенности личности, о ея достоинствѣ, словомъ о *чести*. Честь скоро сдѣлалась неписанной хартіей германо-романскихъ народовъ. „Возлѣ гражданскаго суда учреждается свой трибуналъ, трибуналъ чести,“ *) восполняющій недостатокъ юридической расправы. Съ человѣкомъ, который ставитъ свою честь выше жизни, съ человѣкомъ, идущимъ добровольно на смерть, нечего дѣлать: онъ *неисправимо человѣкъ*. Уваженіе къ личности, унаслѣдованное отъ рыцарей, мало по малу распространившееся по всѣмъ

*) Montesquieu „Esprit des Lois.“

сословіямъ, трепетъ за ея чистоту, спасли Европу во время революціоннаго противодѣйствія феодализму со стороны ожившей идеи государства и централизаціи; они помѣшали, по превосходному выраженію Монтескье, „чиновнику сдѣлаться лакеемъ и солдату палачомъ.“ Людвигъ XI, Генрихъ VIII и самъ Филиппъ II знали очень хорошо, что сгнетаемость лица простирается до извѣстной степени, что его можно ограбить, убить, запутать въ сѣти сжечь на auto dafe, подавить общими мѣрами, но трудно и опасно оскорбить, нанести личную обиду; они знали, что горе дотрогивающемуся до чести; и тоже самое вѣрованіе чести сдѣлалось опорою престола — европейскихъ монархій. Ея нѣтъ во всѣхъ богдыханствахъ, деспотіяхъ и султанахъ Востока. *)

По мѣрѣ паденія рыцарства и самого католицизма возникаютъ въ западной Европѣ и укрѣпляются монархіи съ своими горожанами, постоянными войсками, съ своими судами и придворными, съ своей религіей — протестантизмомъ, англиканской и галликанской церквями. Римская идея государства является снова, но уже не какъ *общее дѣло*, а какъ дѣло правительства, какъ общественная польза, какъ поземельная неприкосновенность. Непреклонная, независимая личность феодала приносится на жертву государству; напрасно прячется

*) Придется исключить одинъ Багдадскій халифатъ, во время его цвѣтенія и мавровъ вообще. Это составляетъ исключеніе, какое-то mezzo-termine между востокомъ и Европой. Зачѣмъ Монтескьё отдѣлилъ честь отъ добродѣтели? — Онѣ расходятся только въ крайностяхъ; напр. добродѣтель, доводящая смиреніе до позволенія бить себя палкой, распадается съ честью, такъ какъ казуистика бретера или d'un raffiné распадается съ добродѣтелью.

Развѣ подъ добродѣтелью Монтескьё понимаетъ именно ту цивическую virtus, которая была основою древнихъ республикъ?

она въ своихъ замкахъ и лѣсахъ — новый порядокъ бьетъ ее вездѣ. Понятіе политической государственной самобытности развивается въ этомъ мірѣ... но на какой-то холодной основѣ мелкаго эгоизма, личность жертвуется не отечеству, не государству, а спокойствію и матеріяльнымъ удобствамъ. Настойчивый въ своихъ правахъ горожанинъ, хитрый легистъ не развили въ себѣ того благороднаго и открытаго характера, какъ рыцарь; гордость, съ которой феодалы смотрѣли на нихъ, понятна. Поле брани, привычка къ оружію, къ опасности, удивительно воспитываетъ человѣка; онъ привыкаетъ пренебрегать мелочами, къ которымъ привязываетъ осѣдлая и спокойная жизнь; у него складывается какой-то односторонній, но энергическій взглядъ на вещи, и въ тоже время взглядъ наивно-дѣтскій; онъ будетъ грабить, но не будетъ хитрить; онъ будетъ насиловать, но не будетъ подъискиваться; онъ свирѣпо убьетъ, но не изъ-за угла. Совсѣмъ не такъ былъ воспитанъ горожанинъ: онъ былъ умнѣе, дѣльнѣе, ученѣе рыцаря; но онъ былъ рабомъ, привыкъ къ скрытности, къ проискамъ, къ уклончивости; онъ силенъ въ корпораціи— и ничтоженъ одинъ; онъ силенъ, опираясь на положительный законъ; опереться на себя ему и въ голову не приходило; словомъ, въ немъ не было той откровенности, которая присуща дѣйствительному сознанію личности. Этой откровенности вообще не было во всемъ переворотѣ противъ феодализма. Онъ сдѣлался исподволь; союзники, соединившіеся противъ феодализма, были заклятые враги (Людовигъ XI и чернь). Главнѣйшіе дѣятели его скрывали свои противоборствующія идеи, не только идучи на бой, но и послѣ побѣды (напримѣръ, Ришелье). Наружно они сохраняли старыя формы, наружно они выдавали себя не только за кон-

серваторовъ, но и за исторпческую всегдашность, призывали лжесвидѣтельствовать въ свою пользу исторію, обманывали, коварствомъ побѣждали врага и только наружно хранили видъ чести и доблести.*)

IV.**)

Стремительно развивающійся духъ европейскихъ народовъ быстро *изжилъ* романтико-феодальное содержаніе; онъ выросъ изъ средневѣковыхъ формъ, часъ феодальнаго міра наступалъ; онъ дѣлался тѣсенъ для мысли и дѣйствія; переверотъ за переворотомъ громятъ его съ XV столѣтія. Эта способность развитія, эта возможность покидать старое и усвоивать новое — одно изъ главныхъ отличительныхъ свойствъ европейскаго характера; западные народы не коченѣютъ въ объятіяхъ труповъ, хотя бы это были трупы ихъ отцовъ, не вянутъ въ тоскѣ; они съ похоронъ возвращаются полными свѣжихъ силъ; обновляются смертью и, вѣчно-юные между могилъ, облитыхъ горячими слезами, они строятъ изъ ихъ развалинъ новые пріюты жизни. Держаться за однѣ и тѣже формы, какъ за единственный якорь спасенія,—лучшее доказательство слабости и внутренной бѣдности: скучный Китай можетъ служить примѣромъ. Но не смотря на эту внутреннюю готовность переходить къ новымъ формамъ, историческіе элементы имѣютъ свои права, хоть и не тѣ, которыя имъ приписываютъ—Нибуръ или Савиньи, и бытъ народный не

*) Людвигъ XIV первый снялъ маску — l'état c'est moi сдѣлало бы честь откровенности Тимура или Чингисъ Хана; глядя на него и горожанинъ ее снялъ наконецъ — въ залѣ Jeu de Paume. Тогда началось второе дѣйствіе великой драмы.

**) IV отдѣленіе все не пропущено цензурой и отмѣчено точками.

снимается такъ легко, какъ черное бѣлье; natura говорили древніе, abhorret saltus.

Иная жизнь, манившая лучшіе умы того времени, была вовсе не иная, а таже жизнь, нѣсколько исправленная. Не новый міръ водворялся, а старый передѣлывался. Обѣ стороны уступали, дѣлили грѣхъ пополамъ, закоснѣлыя привычки мирились съ неопредѣленными отвлеченіями; но что это за міръ? Грустный протестантъ, одѣтый въ трауръ, какъ-бы предвидѣлъ, что въ груди его лежитъ зародышъ страшныхъ столкновеній, онъ былъ печаленъ послѣ побѣды—очень дурной признакъ. Рѣзкій средневѣковой характеръ стирается съ вестфальскаго мира, монархическая роволюція побѣдила, гонимая личность рыцаря прячется: вообще, личности человѣческой не видно болѣе на публичной сценѣ, она только не погибла въ кабинетѣ ученаго; наступило время, богатое внутренней работой, работой мысли; мыслящая личность явилась на смѣну военной, вооруженная анализомъ, отрицаніемъ, смѣлостью изслѣдованія. Если вы хотите узнать все величіе этого времени, отвернитесь отъ міра политическаго, т. е. отъ міра дипломатіи и несправедливыхъ войнъ: въ тиши кабинетовъ, въ мастерской артистовъ жила тогда новая мысль и росла новая мощь. Это гамлетовскій періодъ исторіи. Thatenarm und gedankenvoll, какъ сказалъ Гелдерлинъ о Германіи. Рыцарская личность, утратившяя свое феодальное значеніе, едва поддерживалась дворянствомъ; въ дворянствѣ сохранилось по преданію, по привычкѣ, по внушенію съ молодыхъ лѣтъ, понятіе личной чести, и не смотря на то, что увлеченные обстоятельствами они домогались мѣстъ и придворнаго значенія, отдадимъ имъ справедливость, что въ отношеніи чести они стояли выше горожанъ и готовы были всегда своею кро-

вью искупить оскорбленіе. Горожане долго были довольны неприкосновенностію правъ сословій, общинъ, торговля ихъ была защищена и гражданскія права признаны; ихъ воспитала зависть и униженіе въ хитрыхъ легистовъ. Что же касается до крестьянъ, до неимущихъ, объ нихъ никто не справлялся, ихъ всѣ забывали, даже революція забыла ихъ при сборѣ національнаго собранія, ихъ собственно никто не представлялъ. Народный голосъ, раздавшійся еще въ реформацію, совершенно умолкъ; изнуренная войнами грудь народа онѣмѣла, да и языкъ, которымъ стали теперь говорить правительства, былъ для него непонятенъ, все дѣлалось для общественной пользы, для общественнаго благосостоянія, для блага народа, а ему все становилось хуже; явились безнравственныя теоріи du coup d'état, дипломатическихъ уловокъ; обманъ и ложь были введены въ теорію. Совѣтъ республиканца Макіавелли былъ исполненъ; проніо его приняли за чистыя деньги.

Политика какого-нибудь Чезаре Боржія сдѣлалась всеобщей: стремились религію сдѣлать административнымъ средствомъ, постоянныя войска превращались въ полицейскія команды. Это былъ золотой вѣкъ искусственной дипломатіи, она рѣшала судьбы народовъ и государствъ... тамъ, гдѣ-то, съѣзжались посвященные въ таинства, писали длинныя бумаги тяжелымъ канцелярскимъ слогомъ, уступали, пріобрѣтали, оканчивали дѣло и для формы объявляли народу, стрѣляя въ него, если онъ не тотчасъ понималъ пользу и справедливость новыхъ мѣръ. И все это вовсе не сказка, а печальная быль политической исторіи Европы отъ вестфальскаго мира до конца XVIII столѣтія; читая сказанія о томъ времени, наглазно мѣряемъ, насколько мы подвинулись впередъ въ сто лѣтъ. Читайте исторію *великаго* царство-

ванія Людвига XIV, а всего лучше читайте исторію тогдашней Германіи и ея печальнаго настроенія—и вамъ сдѣлается страшно, и вы съ радостнымъ трепетомъ сердца встрѣтите въ этомъ омутѣ пороковъ, гнустностей, безнравственности, среди слабодушныхъ развратниковъ, окруженныхъ грязными лакеями—строгое и полное энергіи лицо сѣвернаго путешественника и его толстый преображенскій мундиръ, такъ непохожій на пзнѣженные кафтаны тѣхъ господъ. Кажется, что онъ идетъ на смѣну дряхлому порядку вещей, что онъ идетъ утѣшить людей вѣстью о свѣжей почвѣ. Но тотъ худо знаетъ характеръ европейца, кто думаетъ, что ему нужно обновленіе извнѣ... на краю гибели онъ всего ближе къ выходу. Людвигъ XIV былъ увѣренъ въ прочности зданія, завѣщаннаго имъ своимъ преемникамъ. Но когда послѣ его смерти потянуло изъ Англіи скептицизмомъ и ея политическими ученіями, поддѣльный мраморъ, изъ котораго строилъ великій король, сталъ быстро вывѣтриваться. Оргіи регенства не мѣшали слышать раскаты приближающагося грома, раскаты, которые раздавались какъ на альпійскихъ горахъ... гдѣ-то подъ ногами. Франклинъ ввелъ въ моду скромный кафтанъ мѣщанина; требованія средняго состоянія во время революціи имѣли цѣлью не одни матеріальныя права и ихъ ограженіе, они требовали почета какъ сословіе и какъ лицо, вѣрный признакъ совершеннолѣтія. Другой признакъ еще болѣе важный былъ высказанъ громкимъ требованіемъ подвергнуть суду разума весь непосредственный, привычный, обстоятельствами сложенный бытъ свой — и отречься отъ всего, что онъ не оправдаетъ. Общественный договоръ и права человѣка были двѣ оси, около которыхъ обращались всѣ вопросы того времени. Напрасно историческая школа въ Германіи, 20 лѣтъ

спустя послѣ того, какъ мысль о договорѣ потрясла всю Европу, такъ кичилась своимъ открытіемъ, что contrat social—абстракція, что государство не устроивается по теоретическому плану, хотя бы онъ и былъ такъ геометрически правиленъ, какъ пирамида Сіэса. Само собою разумѣется, что мысль объ общественномъ договорѣ была отвлеченна, но именно въ то время нужна была такая абстракція; Abstractionen in der Wirklichkeit gelten machen, говоритъ Гегель, heisst die Wirklichkeit zerstören. Историческія школы никогда не умѣютъ вполнѣ понять историческаго смысла логическихъ, отвлеченныхъ понятій, имъ они все сдаются какими-то тѣнями инаго міра. Между тѣмъ всѣ перевороты начинаются съ идеала, съ мечты, съ утопіи, съ абстракціи. Консерватизмъ называетъ всякій прогрессъ, всякое нововведеніе отвлеченнымъ — онъ правъ, они отвлеченны какъ все наступающее, какъ все юное, но для полноты разумѣнія онъ долженъ назвать отвлеченіемъ и свое охраняемое; не смотря ни на историческія, ни на практическія права его, оно отвлеченно какъ отходящее, какъ дряхлое. Само собою разумѣется, что не токмо Францію, но даже колонію нельзя устроить чисто a priori — старая Англія и старая Европа умѣли перебраться и въ Пенсильванію и Колумбію. Жизнь народа, такъ какъ жизнь человѣка, имѣетъ періодъ безсознательный, въ которомъ она подлежитъ вліяніямъ роковымъ, органическимъ, принимаемымъ безотчетно, слагающимся изъ обстоятельствъ и вырванныхъ имъ взаимодѣйствій и реакцій—потребность отчета возникаетъ, когда организмъ настолько сложился a posteriori, что его не передѣлаешь a priori— онъ *есть*, онъ образованъ, у него мозгъ выработался и развился по своему,—фактъ нравственый и физіологическій вмѣстѣ.

Дѣло холодной разсудительности состояло въ томъ, чтобъ, понявши свою историческую особность, идти впередъ, пользуясь обстоятельствами и стараясь исподволь приводить въ сознательную форму данныя начала. Исторія вообще далека отъ такого благоразумнаго пути. Начало сознанія является страстно, оно съ тѣмъ вмѣстѣ разъѣдающее отрицаніе, злая борьба; религіозная сторона отрицанія состоитъ именно въ вѣрованіи искорененія стараго и водворенія новаго; отсюда источникъ энергіи и вдохновенія, которое охватываетъ огнемъ людей въ эти эпохи. Отрицаніе беретъ всѣ свои силы изъ того, что отрицаетъ, изъ прошедшаго; оно не можетъ ни пощадить его изъ благодарности, ни уничтожить изъ ненависти, оно какъ огонь сожигаетъ твердыни существующаго—но само обусловлено именно существованіемъ сожигаемаго, и такъ какъ въ физическомъ горѣніи сгораемое ничего не утрачиваетъ, такъ и въ дѣлѣ отрицанія прошедшее не утрачивается, не смотря на сильно произнесенное стремленіе до тла уничтожить его; оно дѣлается инымъ, сознаннымъ, превращается изъ ноши, положенной чужой рукой на плечи, въ свое бремя, которое не тяготитъ, но во всякомъ случаѣ оно остается, какъ основныя черты физіологіи, какъ національность, сохранять которую столько стараются добрые люди, забывая, что ее утратить при жизни невозможно.

Революція впала во всѣ крайности своей точки зрѣнія, но не отдѣлалась отъ прошедшаго даже въ теоріи: въ рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ ея, исполненныхъ пророчествомъ, проникли воспоминанія и былое. Общественный договоръ имѣлъ основою права человѣка — отношеніе личности къ обществу; ея значеніе дѣлается существеннымъ и главнымъ вопросомъ—но вопросъ рѣшился подъ вліяніемъ прежняго міросозерцанія. Рево-

люція признаетъ своей точкой отправленія неприкосновенную святость лица и во всѣхъ случаяхъ ставитъ выше и святѣе лица республику; для блага и спасенія республики, для жертвы большинству она снимаетъ съ человѣка тѣ права, которыя такъ торжественно провозгласила неотъемлемыми. Достоинство человѣка измѣряется его участіемъ въ общемъ дѣлѣ, значеніе его — чисто гражданское въ древнемъ смыслѣ. Революція требовала самоотверженія, себя-пожертвованія одной и нераздѣльной республикѣ. Она хотѣла средневѣковаго аскетизма и античной преданности отечеству. Призракъ вѣчнаго города, гнетущаго другіе города, снова возсталъ изъ могилы, разумъ и свободу поставили на упраздненные пьедесталы—такъ еще мало былъ разуменъ и свободенъ человѣкъ. Фанатизмъ этотъ спасъ отечество, но не могъ спасти личности, потому что въ немъ было много идолопоклонства. Понятія о цивизмѣ, объ обязанностяхъ гражданина, о равенствѣ, братствѣ, свободѣ, сдѣлались едиными спасающими догматами отечества, и salus populi замѣнило идеальную заприродность романтизма цивической *заприродностью* eine diesseitliche Jenseitlichkeit). Все покорялось новымъ идеаламъ до тѣхъ поръ, пока явилась личность настолько смѣлая, что не приняла внѣшняго опредѣленія, своевольно поставила себя рядомъ съ государствомъ и короновалась императоромъ. Цѣлость государства, его слава, его единство, его величіе, побѣда надъ врагомъ—все это ставилось выше личности; Наполеонъ поймалъ на словѣ французовъ, и они увидѣли, что всего этого мало, что человѣкъ дѣйствительно успокоится, когда его личность будетъ чтима и признана, когда ей будетъ свободно и широко, когда ее сознаютъ совершеннолѣтней. Въ революцію такого признанія и быть не могло, революція была борь-

бою, это осадное положеніе, война, да и внутри ея совѣсти было сознаніе, что она не рѣшила вопросовъ, которыхъ рѣшеніе предпослала себѣ какъ программу— отсюда доля ея тревожнаго озлобленія. За ея односторонность явился Наполеонъ, лучшее возраженіе со стороны личности противъ поглощающаго государства. Борьба послѣ Наполеона превратилась въ глухой бой оппозиціи, люди жили въ безпрерывномъ спорѣ, въ отстаиваніи своихъ правъ, въ раздорѣ и раздраженіи, въ хлопотахъ объ устройствѣ... какъ будто человѣку только и занятій, что учреждаться, какъ будто удовлетворительно всю жизнь строить свой домъ. Байронъ задохнулся въ этомъ мірѣ.

Блестящее время оппозиціи, парламентскихъ дебатовъ миновало; современный человѣкъ является какимъ-то усталымъ и безучастнымъ... его не увѣришь, что все счастіе его около семейнаго очага, но не увѣришь и въ томъ, что оно исключительно на форумѣ; у него нѣтъ въ душѣ античной вѣры, что онъ—для Рима; но онъ не смѣетъ сознаться, что Римъ—для него. Благо отечества ему дорого, потому что это его благо, но онъ не можетъ забыть свое нравственное достоинство для родины, ни онъ не уступитъ ни чести, ни истины для нея. Древній гражданинъ протягивалъ руку согражданину, гдѣ бы ни встрѣчалъ его; мы протягиваемъ ее сочувствующему человѣку, какой бы странѣ онъ ни принадлежалъ. Но мы все это дѣлаемъ больше, чѣмъ говоримъ, согласны болѣе, нежели высказываемъ. Робкая совѣсть наша боится признаться, что эгоизмъ и гуманность лишаютъ насъ половины цивическихъ добродѣтелей и дѣлаютъ насъ *вдвое больше людьми.*

Предчувствую, что здѣсь надобно остановиться и пояснить сказанное. Мы это сдѣлаемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ нашей статьи.

(Окончанія нѣтъ.)

С. Соколово, Сентябрь 1846 года,

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПАРИЖЪ—ИТАЛІЯ—ПАРИЖЪ

1847—1852.

Начиная печатать еще часть „Былаго и Думы," я опять остановился передъ отрывочностью разсказовъ, картинъ и, такъ сказать, подстрочныхъ къ нимъ разсужденій. Внѣшняго единства въ нихъ меньше, чѣмъ въ первыхъ частяхъ. Спаять ихъ въ одно я никакъ не могъ. Выполняя промежутки, очень легко дать всему другой фонъ, и другое освѣщеніе—тогдашняя истина пропадетъ. „Былое и Думы" не историческая монографія, а отраженіе исторіи въ человѣкѣ, случайно попавшемся на ея дорогѣ. Вотъ почему я рѣшился оставить отрывочныя главы, какъ онѣ были, нанизавши ихъ, какъ нанизываютъ картинки изъ мозаики въ итальянскихъ браслетахъ—всѣ изображенія относятся къ одному предмету, но держатся вмѣстѣ только оправой и колечками.

Для пополненія этой части необходимы, особенно относительно 1848 года, мои „Письма изъ Франціи и Италіи"; я хотѣлъ взять изъ нихъ нѣсколько отрывковъ, но пришлось бы столько перепечатывать, что я не рѣшился.

Многое, не взошедшее въ „Полярную Звѣзду," взошло въ это изданіе, но всего я не могу еще передать читателямъ, по разнымъ общимъ и личнымъ причинамъ. Не за горами и то время, когда напечатаются не только выпущенныя страницы и главы, но и цѣлый томъ, самый дорогой для меня...

Женева, 29 Іюля 1866.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ И ПОСЛѢ НЕЯ

ГЛАВА XXXIV.

ПУТЬ.

Потерянный пассъ. — Кенигсбергъ. — Собственноручный носъ. — Пріѣхали! — И уѣзжаемъ.

.... Въ Лауцагенѣ прусскіе жандармы просили меня взойти въ кордегардію. Старый сержантъ взялъ пассы, надѣлъ очки, и съ чрезвычайной отчетливостью сталъ вслухъ читать все, что ненужно: Auf Befehl s. k. M. Nikolai des Ersten... allen und jeden, deren daran gelegen etc. etc... Unterzeichner Peroffski, Minister des Innern, Kammerherr, Senator und Ritter des Ordens St. Wladimir... Inhaber eines goldenen Degens mit der Inschrift für Tapferkeit...

Этотъ сержантъ, любившій чтеніе, напоминаетъ мнѣ другого. Между Терначино и Неаполемъ неаполитанскій карабинеръ четыре раза подходилъ къ дилижансу, всякій разъ требуя наши визы. Я показалъ ему неаполитанскую визу; ему этого и полкарлина было мало, онъ понесъ пассы въ канцелярію, и воротился минутъ черезъ двадцать съ требованіемъ, чтобъ я и мой товарищъ шли къ бригадиру. Бригадиръ, старый и пьяный унтеръ-офицеръ, довольно грубо спросилъ: „Какъ ваша фами-

лія, откуда?“—„Да это все тутъ написано.“— „Нельзя прочесть.“—Мы догадались, что грамота не была сильною стороной бригадира.—„По какому закону, сказалъ мой товарищъ, обязаны мы вамъ читать наши пассы; мы обязаны ихъ имѣть и показывать, а не диктовать: мало-ли что я самъ продиктую.“ Accidenti! пробормоталъ старикъ,—va ben, va ben! и отдалъ наши виды, не записывая.

Ученый жандармъ въ Лауцагенѣ былъ не того разбора; прочитавъ три раза въ трехъ пассахъ всѣ ордена Перовскаго, до пряжки за безпорочную службу, онъ спросилъ меня: „Вы то Euer Hochvollgeboren— кто такое?“ Я вытаращилъ глаза, не понимая, что онъ хочетъ отъ меня. „Fräulein Maria E., Fräulein Maria K., Frau H., все женщины, тутъ нѣтъ ни одного мужскаго вида.“ Посмотрѣлъ я; дѣйствительно, тутъ были только пассы моей матери и двухъ нашихъ знакомыхъ, ѣхавшихъ съ нами; у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

— Меня безъ вида не пропустили бы въ Таурогенѣ.

— Bereits so, только дальше-то ѣхать нельзя.

— Что-же мнѣ дѣлать?

— Вѣроятно вы забыли въ кордегардіи, я вамъ велю заложить санки, съѣздите сами, а ваши пока погрѣются у насъ. — Heh! Kerl lass er mol den Braunen anspane.

Я не могу безъ смѣха вспомнить этотъ глупый случай, именно потому, что я совершенно смутился отъ него. Потеря этого паспорта, о которомъ я нѣсколько лѣтъ мечталъ, о которомъ два года хлопоталъ, въ минуту переѣзда за границу, поразила меня. Я былъ увѣренъ, что я его положилъ въ карманъ, стало я его выронилъ—гдѣ-же искать? Его занесло снѣгомъ... надобно просить новый, писать въ Ригу, можетъ, ѣхать самому; а тутъ сдѣлаютъ докладъ, догадаются, что я

къ минеральнымъ водамъ ѣду въ Январѣ. Словомъ, я уже чувствовалъ себя въ Петербургѣ, образъ Кокошкина и Сартынскаго, Дуббельта и Николая бродили въ головѣ. Вотъ тебѣ и путешествіе, вотъ и Парижъ, свобода книгопечатанія, камеры и театры... опять увижу я министерскихъ чиновниковъ, квартальныхъ и всякихъ другихъ надзирателей, городовыхъ съ двумя блестящими пуговицами на спинѣ, которыми они смотрятъ назадъ... и прежде всего увижу опять небольшаго сморщившагося солдата въ тяжеломъ киверѣ, на которомъ написано таинственное 4, обмерзлую казацкую лошадь... Хоть бы кормилицу-то мнѣ застать еще въ „Таврогѣ," какъ она говорила.

Между тѣмъ заложили большую, печальную и угловатую лошадь въ крошечныя санки. Я сѣлъ съ почталіономъ въ военной шинели и ботфортахъ, почталіонъ классически хлопнулъ классическимъ бичемъ — какъ вдругъ ученый сержантъ выбѣжалъ въ сѣни въ однихъ панталонахъ и закричалъ: Halt! Halt! Da ist der vermaledeite Pass, и онъ его держалъ развернутымъ въ рукахъ.

Спазмотическій смѣхъ овладѣлъ мною.

— Что-же вы это со мной дѣлаете? Гдѣ вы нашли?

— Посмотрите, сказалъ онъ, вашъ русскій сержантъ положилъ листъ въ листъ, кто же его тамъ зналъ, я не догадался повернуть листа...

А вѣдь прочиталъ три раза: Es ergehet deshalb an alle hohe Mächte, und an alle und jede, welchen Standes und welchen Würde sie auch sein mögen...

... „Въ Кенигсбергъ я пріѣхалъ усталый отъ дороги, отъ заботъ, отъ многаго. Выспавшись въ пуховой пропасти, я на другой день пошелъ посмотрѣть городъ;

на дворѣ былъ теплый зимній день;*) хозяинъ гостинницы предложилъ проѣхаться въ саняхъ, лошади были съ бубенчиками и колокольчиками, съ страусовыми перьями на головѣ... и мы были веселы, тяжелая плита была снята съ груди, непріятное чувство страха, щемящее чувство подозрѣнія—отлетѣли. Въ окнѣ книжной лавки были выставлены каррикатуры на Николая, я тотчасъ бросился купить цѣлый запасъ. Вечеромъ я былъ въ небольшомъ, грязномъ и плохомъ театрѣ, но я и оттуда возвратился взволнованнымъ не актерами, а публикой, состоявшей большей частью изъ работниковъ и молодыхъ людей; въ антрактахъ всѣ говорили громко и свободно, всѣ надѣвали шляпы (чрезвычайно важная вещь, столько-же, сколько право бороду не брить и пр.). Эта развязность, этотъ элементъ болѣе ясный и живой поражаетъ русскаго при переѣздѣ за границу. Петербурское правительство еще до того грубо и не обтерлось, до того только деспотизмъ, что любитъ наводить страхъ, хочетъ, чтобъ передъ нимъ все дрожало, словомъ, хочетъ не только власти, но сценической постановки ея. Идеалъ общественнаго порядка для петербурскихъ царей—передняя и казармы."

... Когда мы поѣхали въ Берлинъ, я сѣлъ въ кабріолетъ; возлѣ меня усѣлся какой-то закутанный господинъ; дѣло было вечеромъ, я не могъ его путемъ разглядѣть. Узнавъ, что я русскій, онъ началъ меня распрашивать о строгости полиціи, о паспортахъ; я, разумѣется, разсказалъ ему все, что зналъ. Потомъ, зашла рѣчь о Пруссіи, онъ восхвалялъ безкорыстіе прусскихъ чиновниковъ, превосходство администраціи, хвалилъ короля и, въ заключеніе, сильно напалъ на

*) Письма изъ Франціи и Италіи. Письмо I.

познанскихъ поляковъ за то, что они не хорошіе нѣмцы. Меня это удивило, я ему возражалъ, сказалъ прямо, что я совсѣмъ не дѣлю его мнѣнія, и потомъ замолчалъ.

Между тѣмъ разсвѣло; тутъ только я замѣтилъ, что мой сосѣдъ консерваторъ, говорилъ въ носъ вовсе не отъ простуды, а оттого, что у него его не было, по крайней мѣрѣ не доставало самой видной части. Онъ вѣроятно замѣтилъ, что открытіе это не принесло мнѣ особеннаго удовольствія, и потому счелъ нужнымъ разсказать мнѣ, въ родѣ извиненія, исторію о потерѣ носа и его возстановленія. Первая часть была сбивчива, но вторая очень подробна: ему самъ Диффенбахъ вырѣзалъ изъ руки новый носъ, рука была привязана шесть недѣль къ лицу, „Majestät“ пріѣзжалъ въ больницу посмотрѣть, высочайше удивился и одобрилъ.

Le roi de Prusse, en le voyant,
A dit: c'est vraiment étonnant.

По видимому, Диффенбахъ былъ тогда занятъ чѣмъ-то другимъ и носъ ему вырѣзалъ прескверный. Но вскорѣ я открылъ, что собственноручный носъ былъ наименьшимъ изъ его недостатковъ.

Переѣздъ нашъ изъ Кенигсберга въ Берлинъ былъ труднѣе всего путешествія. У насъ взялось откуда-то повѣрье, что прусскія почты хорошо устроены, — все это вздоръ. Почтовая ѣзда хороша только во Франціи, въ Швейцаріи, да въ Англіи. Въ Англіи почтовыя кареты до того хорошо устроены, лошади такъ изящны и кучера такъ ловки, что можно ѣздить изъ удовольствія. Самыя длинныя станціи карета несется во весь опоръ; горы, съѣзды — все равно. Теперь, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, вопросъ этотъ становится историческимъ, но тогда мы испытали нѣмецкія почты съ

ихъ клячами, хуже которыхъ нѣтъ ничего на свѣтѣ, развѣ одни нѣмецкіе почталіоны.

Дорога отъ Кенигсберга до Берлина очень длинна; мы взяли семь мѣстъ въ дилижансѣ и отправились. На первой станціи кондукторъ объявилъ, чтобы мы брали наши пожитки и садились въ другой дилижансъ, благоразумно предупреждая, что за цѣлость вещей онъ не отвѣчаетъ. Я ему замѣтилъ, что въ Кенигсбергѣ я спрашивалъ, и мнѣ сказали, что мѣста останутся; кондукторъ ссылался на снѣгъ и на необходимость взять дилижансъ на полозьяхъ; противъ этого нечего было сказать. Мы начали перегружаться съ дѣтьми и пожитками ночью, въ мокромъ снѣгу. На слѣдующей станціи таже исторія, и кондукторъ уже не давалъ себѣ труда объяснять перемѣну экипажа. Такъ мы проѣхали съ полдороги; тутъ онъ объявилъ намъ очень просто, „что намъ дадутъ *только пять мѣстъ*.“ — Какъ пять? вотъ мой билетъ. — Мѣстъ больше нѣтъ. — Я сталъ спорить, въ почтовомъ домѣ отворилось съ трескомъ окно и сѣдая голова съ усами грубо спросила о чемъ споръ. Кондукторъ сказалъ, что я требую семь мѣстъ, а у него ихъ только пять; я прибавилъ, что у меня билетъ и росписка въ полученіи денегъ за семь мѣстъ. Голова, не обращаясь ко мнѣ, дерзкимъ, раздавленнымъ русско-нѣмецко-военнымъ голосомъ сказала кондуктору: „Ну не хочетъ этотъ господинъ пяти мѣстъ, такъ бросай пожитки долой, пусть ждетъ, когда будутъ семь пустыхъ мѣстъ.“ Послѣ этого почтенный почтмейстеръ, котораго кондукторъ называлъ „Herr Major,“ и котораго фамилія была Шверинъ, захлопнулъ окно. Обсудивъ дѣло, мы, какъ русскіе, рѣшились ѣхать. Бенвенуто Челини, какъ итальянецъ, въ подобномъ случаѣ выстрѣлилъ бы изъ пистолета и убилъ почтмейстера.

Мой сосѣдъ, исправленный Диффенбахомъ, въ это время былъ въ трактирѣ; когда онъ вскарабкался на свое мѣсто и мы поѣхали, я разсказалъ ему исторію. Онъ былъ выпивши и слѣдственно въ благодушномъ расположеніи: онъ принялъ глубочайшее участіе и просилъ меня дать ему въ Берлинѣ записку. „Вы почтовый чиновникъ?“ спросилъ я.—„Нѣтъ,“ отвѣчалъ онъ еще больше въ носъ, „но это все равно... я... видите... какъ это здѣсь называется — служу въ центральной полиціи.“

Это открытіе было для меня еще непріятнѣе собственноручнаго носа.

Первый человѣкъ, съ которымъ я либеральничалъ въ Европѣ, былъ шпіонъ, за то онъ не былъ послѣдній.

Берлинъ, Кельнъ, Бельгія, все это быстро прорѣяло передъ глазами; мы смотрѣли на все полуразсѣянно, мимоходомъ; мы торопились доѣхать, и *доѣхали* наконецъ.

... Я отворилъ старинное, тяжелое окно въ Hôtel du Rhin, передо мной стояла колонна —

... съ куклою чугунной,
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

И такъ, я дѣйствительно въ Парижѣ, не во снѣ, а на яву: вѣдь это Вандомская колонна и rue de la Paix.

Въ Парижѣ — едва-ли въ этомъ словѣ звучало для меня меньше, чѣмъ въ словѣ „Москва.“ Объ этой минутѣ я мечталъ съ дѣтства. Дайте же взглянуть на Hôtel de Ville, на café Foy въ Палѣ Ройялѣ, гдѣ Камиль Демуленъ сорвалъ зеленый листъ и прикрѣпилъ его къ шляпѣ, вмѣсто кокарды, съ крикомъ à la Bastille!

Дома я не могъ остаться; я одѣлся и пошелъ бродить зря... искать Бакунина, Сазонова — вотъ rue St.

Honoré, Елисейскія поля—всѣ эти имена, сроднившіяся съ давнихъ лѣтъ... да вотъ и самъ Бакунинъ...

Его я встрѣтилъ на углу какой-то улицы; онъ шелъ съ тремя знакомыми, и точно въ Москвѣ проповѣдывалъ имъ что-то, безпрестанно останавливаясь и махая спгареткой. На этотъ разъ проповѣдь осталась безъ заключенія, я ее перервалъ и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ удивлять Сазонова моимъ пріѣздомъ.

Я былъ внѣ себя отъ радости!

На ней я здѣсь и остановлюсь.

Парижъ еще разъ описывать не стану. Начальное знакомство съ европейской жизнію, торжественная прогулка по Италіи, вспрянувшей отъ сна, революція у подножія Везувія, революція передъ церковью св. Петра, и, наконецъ, громовая вѣсть о 24 Февралѣ — все это разсказано въ моихъ письмахъ *изъ Франціи и Италіи*. Мнѣ не передать теперь съ прежней живостью впечатлѣнія полустертыя и задвинутыя другими. Они составляютъ необходимую часть моихъ *Записокъ*,—что-же вообще письма, какъ не *записки* о короткомъ времени.

ГЛАВА XXXV.

МЕДОВЫЙ МѢСЯЦЪ РЕСПУБЛИКИ.

Англичанинъ въ мѣховой куртке. — Герцогъ де Ноль. — Свобода и ея бюстъ въ Марсели.— Аббатъ Сибуръ и Всемірная республика въ Авиньонѣ.

... „Завтра мы ѣдемъ въ Парижъ, я оставляю Римъ оживленнымъ, взволнованнымъ. Что то будетъ изъ всего этого? Прочно-ли все это? Небо не безъ тучъ, временами вѣетъ холодный вѣтеръ изъ могильныхъ склеповъ,

нанося запахъ трупа, запахъ прошедшаго; историческая трамонтана сильна, но чтобы ни было благодарность Риму за пять мѣсяцевъ, которые я въ немъ провелъ. Что прочувствовано, то останется въ душѣ, и совершенно всего не сдуетъ же реакція."

Вотъ что я писалъ въ концѣ Апрѣля 1848 г., сидя у окна на Via del Corso и глядя на „Народную" площадь, на которой я такъ много видѣлъ и такъ много чувствовалъ.

Я ѣхалъ изъ Италіи влюбленный въ нее, мнѣ жаль было ея—тамъ встрѣтилъ я не только великія событія, но и первыхъ симпатичныхъ мнѣ людей — а все-таки ѣхалъ. Мнѣ казалось измѣной всѣмъ моимъ убѣжденіямъ не быть въ Парижѣ, когда въ немъ республика. Сомнѣнія видны въ приведенныхъ строкахъ, но вѣра брала верхъ и я съ внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣлъ въ Чивитѣ на печать консульской визы, на которой были вырѣзаны грозныя слова „Rèpublique Française" — я и не подумалъ, что именно потому Франція и не республика, что надо визу!

Мы ѣхали на почтовомъ пароходѣ. Общество было довольно большое и, какъ всегда, разнообразно составленное: тутъ были путешественники изъ Александріи, Смирны, Мальты. Съ Ливорно начиная, поднялся страшный весенній вѣтеръ: онъ гналъ пароходъ съ неимовѣрной быстротою и съ невыносимой качкой; черезъ два-три часа палуба покрылась больными дамами, мало по малу слегли и мужчины, исключая одного сѣдаго старичка француза, англичанина въ мѣховой куркѣ и мѣховой шапкѣ изъ Канады и меня. Каюты были тоже наполнены больными, и одной духоты и жара въ нихъ было достаточно, чтобъ заболѣть; мы трое ночью сидѣли по серединѣ палубы на чемоданахъ, покрывшись

шинелями и рельверагами, подъ завыванье вѣтра и плескъ волнъ, заливавшихъ иногда переднюю часть палубы. Англичанина я зналъ: въ прошедшемъ году мы ѣхали съ нимъ на одномъ пароходѣ изъ Генуи въ Чивита-Веккію. Случилось, что мы обѣдали только двое; онъ весь обѣдъ ничего не говорилъ, но за десертомъ, смягченный марсалой и видя, что и я съ своей стороны не намѣренъ вступать въ разговоръ, онъ подалъ мнѣ сигару и сказалъ, „что сигары свои онъ самъ привезъ изъ Гаваны.“ Потомъ, мы разговорились съ нимъ: онъ былъ въ южной Америкѣ, въ Калифорніи, и говорилъ, что много разъ собирался съѣздить въ Петербургъ и въ Москву, но не поѣдетъ, пока не будетъ *правильнаго* сообщенія и прямаго, между Лондономъ и Петербургомъ.*)

— Вы въ Римъ? спросилъ я его, подъѣзжая къ Чивитѣ.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ.

Я замолчалъ, полагая, что онъ принялъ мой вопросъ за нескромный, но онъ тотчасъ добавилъ:

— Это зависитъ отъ того, какъ климатъ мнѣ понравится въ Чивитѣ.

— А вы остаетесь здѣсь?

— Да. Пароходъ пойдетъ завтра.

Я тогда еще очень мало зналъ англичанъ, и потому едва могъ скрыть смѣхъ—и совсѣмъ не могъ, когда на другой день, гуляя передъ отелемъ, встрѣтилъ его въ той-же мѣховой куртке, съ портфелью, зрительной трубкой, маленькимъ несессерчикомъ, шествующаго передъ слугой, навьюченнымъ чемоданомъ и всякимъ добромъ.

*) Теперь оно есть.

— Я въ Неаполь, сказалъ онъ, поровнявшись.

— Что-же климатъ, не понравился?

— Скверный.

Я забылъ сказать, что, въ первый проѣздъ, онъ лежалъ въ каютѣ на койкѣ, которая была непосредственно надъ моей; въ продолженіе ночи онъ раза три чуть не убилъ меня: то страхомъ, то ногами; въ каютѣ была смертная жара, онъ нѣсколько разъ ходилъ пить коньякъ съ водой, и всякій разъ, сходя или входя, наступалъ на меня и громко кричалъ, испугавшись: „Oh — beg pardon—j'ai avais soif.“—„Pas de mal.“

Съ нимъ, стало, въ этотъ путь мы встрѣтились какъ старые знакомые; онъ съ величайшей похвалой отозвался о томъ, что я не подверженъ морской болѣзни — и подалъ мнѣ свои гаванскія сигары. Совершенно естественно, что черезъ минуту разговоръ зашелъ о февральской революціи. Англичанинъ разумѣется смотрѣлъ на революцію въ Европѣ, какъ на интересное зрѣлище, какъ на источникъ новыхъ и любопытныхъ наблюденій и ощущеній, и разсказывалъ о революціи въ Новоколумбійской республикѣ.

Французъ принималъ иное участіе въ этихъ дѣлахъ... съ нимъ, черезъ пять минутъ, у меня завязался споръ: онъ отвѣчалъ уклончиво, умно, не уступая, впрочемъ, ничего и съ чрезвычайной учтивостью. Я защищалъ республику и революцію. Старикъ, не нападая прямо на нее, стоялъ за историческія формы, какъ единственно прочныя, народныя и способныя удовлетворить и справедливому прогресу и необходимой осѣдлости.

— Вы не можете себѣ представить, сказалъ я ему, шутя, какое оригинальное наслажденіе вы доставляете мнѣ вашими недомолвками. Я лѣтъ пятнадцать говорилъ такъ о монархіи, какъ вы говорите о республикѣ.

Роли перемѣнились: я, защищая республику — консерваторъ, а вы, защищая легитимистскую монархію—perturbateur de l'ordre politique.

Старикъ и англичанинъ расхохотались. Къ намъ подошелъ еще одинъ тощій, высокій господинъ, котораго носъ обезсмертилъ Шаривари и Филипонъ — графъ d'Аргу. (Шаривари говорилъ, что его дочь потому не выходитъ за мужъ, чтобъ не подписываться: такая-то, née d'Argout). Онъ вступилъ въ разговоръ съ уваженіемъ обращался со старикомъ, но на меня смотрѣлъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, близкимъ къ отвращенію; я замѣтилъ это, и сталъ говорить на четыре градуса *краснѣе.*

— Это презамѣчательная вещь, сказалъ мнѣ сѣдой старикъ, вы не первый русскій, котораго я встрѣчаю съ такимъ образомъ мыслей. Вы, русскіе, или совершеннѣйшіе рабы царскіе или—passez moi le mot—анархисты. А изъ этого слѣдствіе то, что вы еще долго не будете свободными. Въ этомъ родѣ продолжался нашъ политическій разговоръ.*)

Когда мы подъѣзжали къ Марсели и всѣ стали суетиться о пожиткахъ, я подошелъ къ старику и, подавая ему свою карточку, сказалъ, что мнѣ пріятно думать, что споръ нашъ подъ морскую качку не оставилъ непріятныхъ слѣдовъ. Старикъ очень мило простился со мной, поострилъ еще что-то на счетъ республиканцевъ, которыхъ я, наконецъ, увижу по ближе, и подалъ мнѣ свою карточку. Это былъ герцогъ де Ноаль, родственникъ Бурбоновъ, и одинъ изъ главныхъ совѣтниковъ Генриха V.

Случай этотъ, весьма неважный, я разсказалъ для

*) Сужденіе это я слышалъ потомъ разъ десять.

пользы и поученія нашихъ *герцоговъ* первыхъ трехъ классовъ. Будь на мѣстѣ Ноаля какой-нибудь сенаторъ или тайный совѣтникъ, онъ просто принялъ бы мои слова за дерзость по службѣ и послалъ бы за капитаномъ корабля.

Одинъ русскій министръ въ 1850 г.*) съ своей семьей сидѣлъ на пароходѣ, въ каретѣ, чтобъ не быть въ соприкосновеніи съ пасажирами изъ обыкновенныхъ смертныхъ. Можете-ли вы себѣ представить что нибудь смѣшнѣе, какъ сидѣть въ отложенной каретѣ... да еще на морѣ, да еще имѣя двойной ростъ?

Надменность нашихъ сановниковъ происходитъ вовсе не изъ аристократизма, барство выводится; это чувство ливрейныхъ, пудреныхъ слугъ въ большихъ домахъ, чрезвычайно подлыхъ въ одну сторону, чрезвычайно дерзкихъ въ другую. Аристократъ — лицо, а наши — вѣрные слуги престола, вовсе не имѣютъ личности; они похожи на павловскія медали съ надписью: „*не намъ, не намъ, а имени твоему.*“ Къ этому ведетъ цѣлое воспитаніе: солдатъ думаетъ, что его *только* потому нельзя бить палками, что у него аннинскій крестъ, станціонный смотритель ставитъ между ладонью путешественника и своей щекой офицерское званіе, обиженный чиновникъ указываетъ на Станислава или Владиміра— „не собой, не собой... а чиномъ своимъ!“

Выходя изъ парохода въ Марсели, я встрѣтилъ большую процессію національной гвардіи, которая несла въ Hôtel de Ville бюстъ свободы, т. е. женщину съ огромными кудрями въ фригійской шапкѣ. Съ крикомъ vive la République шли тысячи вооруженныхъ гражданъ, и въ томъ числѣ работники въ блузахъ, взошедшіе въ со-

*) Знаменитый Викторъ Панинъ.

ставъ національной гвардіи послѣ 24 Февраля. Разумѣется, что и я пошелъ за ними. Когда процессія подошла къ Hôtel de Ville, генералъ, меръ и комисаръ временнаго правительства, Демостенъ Оливье, вышли въ сѣни. Демостенъ, какъ слѣдовало ожидать по его имени, приготовился произнести рѣчь. Около него сдѣлали большой кругъ: толпа, разумѣется, двигалась впередъ, національная гвардія ее осаживала назадъ, толпа не слушалась; это оскорбило вооруженныхъ блузниковъ, они опустили ружья, и повернувшись, стали давить прикладами носки людей, стоящихъ впереди; граждане „единой и нераздѣльной республики“ попятились...

Дѣло это тѣмъ больше удивило меня, что я еще весь былъ подъ вліяніемъ итальянскихъ и въ особенности римскихъ нравовъ, гдѣ гордое чувство личнаго достоинства и *тѣлесной* неприкосновенности развито въ каждомъ человѣкѣ, не только въ факино, въ почтальонѣ но и въ нищемъ, который протягиваетъ руку. Въ Романьи на эту дерзость отвѣчали бы двадцатью „колтелатами.“ Французы попятились — можетъ у нихъ были мозоли?

Случай этотъ непріятно подѣйствовалъ на меня: къ тому-же, пришедши въ hôtel, я прочелъ въ газетахъ руанскую исторію. Что-же это значитъ, неужели герцогъ Ноаль правъ?

Но когда человѣкъ хочетъ вѣрить, его вѣру трудно искоренить и, не доѣзжая до Авиньона, я забылъ марсельскіе приклады и руанскіе штыки.

Въ дилижансѣ съ нами сѣлъ дородный, осанистый аббатъ, среднихъ лѣтъ и пріятной наружности. Сначала онъ ради приличія принялся за молитвенникъ, но вскорѣ, чтобъ не дремать, онъ положилъ его въ карманъ, и началъ мило и умно разговаривать, съ класси-

ческой правильностью языка Порройяля и Сорбонны, съ цитатами и цѣломудренными остротами.

Дѣйствительно, одни французы умѣютъ разговаривать. Нѣмцы признаются въ любви, повѣряютъ тайны, поучаютъ или ругаются. Въ Англіи оттого и любятъ рауты, что тутъ не до разговора... толпа, нѣтъ мѣста, всѣ толкутся и толкаются, никто никого не знаетъ; если-же соберется маленькое общество, сейчасъ скверная музыка, фальшивое пѣніе, скучныя маленькія игры, или гости и хозяева съ необычайной тягостью волочутъ разговоръ, останавливаясь, задыхаясь и напомпная несчастныхъ лошадей, которыя, выбившись изъ силъ, тянутъ противъ теченія по бичевнику нагруженную барку.

Мнѣ хотѣлось подразнить аббата республикой, и не удалось. Онъ былъ доволенъ свободой *безъ излишествъ*, главное, безъ крови и войны, и считалъ Ламартина великимъ человѣкомъ, чѣмъ-то въ родѣ Перикла.

— „И Сафо," добавилъ я, не вступая, впрочемъ, въ споръ, и благодарный за то, что онъ не говорилъ ни слова о религіи. Такъ, болтая, доѣхали мы до Авиньона, часовъ въ 11 вечера.

— Позвольте мнѣ, сказалъ я аббату, наливая ему за ужиномъ вино, предложить довольно рѣдкій тостъ: — За республику et pour les hommes de l'église qui sont républicains. Аббатъ всталъ и заключилъ нѣсколько цицероновскихъ фразъ словами: A la République future en Russie!—„A la République universelle!"—закричалъ кондукторъ дилижанса — и человѣка три, сидѣвшихъ за столомъ. Мы чокнулись.

Католическій попъ, два-три сидѣльца, кондукторъ и русскіе—какъ же не всеобщая Республика?

А вѣдь весело было!

— Куда вы? спросилъ я аббата, усаживаясь снова

въ дилижансъ и попросивъ его пастырскаго благословенія на куреніе сигары.

— Въ Парижъ, отвѣчалъ онъ, я избранъ въ Національное Собраніе; я буду очень радъ видѣть васъ у себя—вотъ мой адресъ. Это былъ аббатъ Сибуръ, doyen чего-то, братъ парижскаго архіерея.

... Черезъ двѣ недѣли наступало 15 Мая, этотъ грозный ритурнель, за которымъ шли страшные Іюньскіе дни. Тутъ все принадлежитъ не моей біографіи, а біографіи рода человѣческаго...

Объ этихъ дняхъ я много писалъ.

Я могъ бы тутъ кончить, какъ старый капитанъ въ старой пѣснѣ:

Te souviens tu?... mais ici je m'arrète,
Ici finit tout noble souvenir.

Но съ этихъ-то *проклятыхъ* дней и начинается послѣдняя часть моей жизни,

ЗАПАДНЫЕ АРАБЕСКИ

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

I

СОНЪ

Помните-ли, друзья, какъ хорошъ былъ тотъ зимній день, солнечный, ясный, когда шесть-семь троекъ провожали насъ до Черной Грязи, когда мы тамъ въ послѣдній разъ сдвинули стаканы и, рыдая, разстались?

... Былъ уже вечеръ, возокъ заскрипѣлъ по снѣгу, вы смотрѣли печально вслѣдъ и не догадывались, что это были похороны и вѣчная разлука. Всѣ были на лицо, одного только не доставало, *ближайшаго изъ близкихъ*, онъ одинъ былъ далекъ и какъ будто своимъ отсутствіемъ омылъ руки въ моемъ отъѣздѣ.

Это было 21 Января 1847 года.

Съ тѣхъ поръ прошли семь лѣтъ*) и *какіе семь лѣтъ!* Въ ихъ числѣ 1848 и 1852.

Чего и чего не было въ это время, и все рухнуло — общее и частное, европейская революція и домашній кровъ, свобода міра и личное счастіе.

Камня на камнѣ не осталось отъ прежней жизни. *Тогда* я былъ во всей силѣ развитія, моя предшествовавшая жизнь дала мнѣ залоги. Я смѣло шелъ отъ

*) Писано въ концѣ 1853 года.

васъ съ опрометчивой самонадѣянностью, съ надменнымъ довѣріемъ къ жизни. Я торопился оторваться отъ маленькой кучки людей, тѣсно сжившихся, близко подошедшихъ другъ къ другу, связанныхъ глубокой любовью и общимъ горемъ. Меня манила даль, ширь, открытая борьба и вольная рѣчь, я искалъ независимой арены, мнѣ хотѣлось попробовать свои силы на волѣ...

Теперь, я уже и не жду ничего, ничто, послѣ видѣннаго и испытаннаго мною, не удивитъ меня особенно и не обрадуетъ глубоко; удивленіе и радость обузданы воспоминаніями былаго, страхомъ будущаго. Почти все стало мнѣ безразлично, и я равно не желаю ви завтра умереть, ни очень долго жить; пускай себѣ конецъ придетъ также случайно и безсмысленно, какъ начало.

А вѣдь я нашелъ все, чего искалъ, даже признаніе со стороны стараго, себядовольнаго міра — да рядомъ съ этимъ утрату всѣхъ вѣрованій, всѣхъ благъ, предательство, коварные удары изъ-за угла, и вообще такое нравственное растлѣніе, о которомъ вы не имѣете и понятія.

Трудно, очень трудно мнѣ начать эту часть разсказа; отступая отъ нея, я написалъ три предшествующія части, но, наконецъ, мы съ нею лицомъ къ лицу. Въ сторону слабость, кто могъ пережить, тотъ долженъ имѣть силу помнить.

Съ половины 1848 года мнѣ нечего разсказывать, кромѣ мучительныхъ испытаній, неотомщенныхъ оскорбленій, незаслуженныхъ ударовъ. Въ памяти одни печальные образы, собственныя и чужія ошибки: ошибки лицъ, ошибки цѣлыхъ народовъ. Тамъ, гдѣ была возможность спасенія, тамъ смерть переѣхала дорогу...

... Послѣдними днями нашей жизни въ Римѣ заключается свѣтлая часть воспоминаній, начавшихся съ

дѣтскаго пробужденія мысли. съ отроческаго обрученія на Воробьевыхъ горахъ.

Испуганный Парижемъ 1847 г., я было раньше раскрылъ глаза, но снова увлекся событіями, кипѣвшими возлѣ меня. Вся Италія „просыпалась“ на моихъ глазахъ! я видѣлъ неаполитанскаго короля, сдѣланнаго ручнымъ, и папу, смиренно просящаго милостыню народной любви — вихрь, поднявшій все, унесъ и меня; вся Европа взяла одръ свой и пошла — въ припадкѣ лунатизма, принятаго нами за пробужденіе. Когда я пришелъ въ себя, все исчезло — la Sonnambula, испуганная полиціей, упала съ крыши, друзья разсѣялись, или съ ожесточеніемъ добивали другъ друга... И я очутился одинъ одинехонекъ, между гробовъ и колыбелей — сторожемъ, защитникомъ, мстителемъ, и ничего не съумѣлъ сдѣлать, потому что хотѣлъ сдѣлать больше обыкновеннаго.

И теперь я сижу въ Лондонѣ, куда меня случайно забросило—и остаюсь здѣсь, потому что не знаю, что изъ себя сдѣлать. Чужая порода людей кишитъ, мечется около меня, объятая тяжелымъ дыханьемъ океана; міръ, распускающійся въ хаосъ, теряющійся въ туманѣ, въ которомъ очертанія смутились, въ которомъ огонь дѣлаетъ только тусклыя пятна.

... А *та* страна, обмытая темно-синимъ моремъ, накрытая темно-синимъ небомъ... Она одна осталась свѣтлой полосой—по ту сторону кладбища.

О Римъ, какъ люблю я возвращаться къ твоимъ обманамъ, какъ охотно перебираю я день за день время, въ которое я былъ пьянъ тобою!

... Темная ночь. Корсо покрыто народомъ, кое-гдѣ факелы. Въ Парижѣ уже съ мѣсяцъ провозглашена республика. Новости пришли изъ Милана—тамъ дерутся,

народъ требуетъ войны, носится слухъ, что Карлъ Альбертъ идетъ съ войскомъ. Говоръ недовольной толпы похожъ на перемежающійся ревъ волны, которая то приливаетъ съ шумомъ, то тихо переводитъ духъ.

Толпы строются, онѣ идутъ къ піэмонтскому послу узнать объявлена-ли война.

— Въ ряды, въ ряды съ нами — кричатъ десятки голосовъ.

— Мы иностранцы.

— Тѣмъ лучше, Santo dio, вы наши гости.

Пошли и мы.

Впередъ гостей, впередъ дамъ, впередъ le donne forestiere!

И толпа съ страстнымъ крикомъ одобренія разступилась. Чичероваккіо и съ нимъ молодой римлянинъ, поэтъ народныхъ пѣсенъ, продираются съ знаменемъ, трибунъ жметъ руки дамамъ и становится съ нами во главѣ десяти, двѣнадцати тысячъ человѣкъ—и все двинулось въ томъ величавомъ и стройномъ порядкѣ, который свойствененъ только одному римскому народу.

Передовые взошли въ Палаццо и, черезъ нѣсколько минутъ, двери залы разстворились на балконъ. Посолъ явился успокоить народъ и подтвердить вѣсть о войнѣ; слова его приняты съ изступленной радостью. Чичероваккіо былъ на балконѣ, сильно освѣщенный факелами и канделябрами, а возлѣ него осѣненныя знаменемъ Италіи четыре молодыя женщины, всѣ *четыре русскія*— не странно-ли? Я какъ теперь ихъ вижу на этой каменной трибунѣ и внизу колыхающійся, безчисленный народъ, мѣшавшій съ криками войны и проклятіями іезуитамъ громкое — Evviva le donne forestiere,

Въ Англіи ихъ и насъ освистали бы, осыпали бы грубостями, а можетъ и каменьями. Во Франціи при

няли бы за подкупныхъ агентовъ. А здѣсь, аристократическій пролетарій, потомокъ Марія и древнихъ трибуновъ, горячо и искренно привѣтствовалъ насъ. Мы имъ были приняты въ европейскую борьбу... и съ одной Италіей не прервалась еще связь любви, по крайней мѣрѣ сердечной памяти.

— И будто все это было.... опьяненіе, горячка? Можетъ — но я не завидую тѣмъ, которые не увлеклись тогда изящнымъ сновидѣніемъ. Долго спать все-же нельзя было; неумолимый Макбетъ дѣйствительной жизни заносилъ уже свою руку, чтобъ убить „сонъ“...и

My dream was past — it has no further change!

II.

ВЪ ГРОЗУ. (*)

... Вечеромъ 24 Іюня, возвращаясь съ place Maubert, я взошелъ въ кафе на набережной Orsay. Черезъ нѣсколько минутъ раздался нестройный крикъ, и слышался все ближе и ближе; я подошелъ къ окну: уродливая, комическая banlieu шла изъ окрестостей на помощь порядку; неуклюжіе, плюгавые полумужики и полулавочники, нѣсколько на веселѣ, въ скверныхъ мундирахъ и старинныхъ киверахъ шли быстрымъ, но безпорядочнымъ шагомъ съ крикомъ: „Да здравствуетъ Людовикъ Наполеонъ!“

Этотъ зловѣщій крикъ я тутъ услышалъ въ первый разъ. Я не могъ выдержать, и, когда они поравнялись, закричалъ изо всѣхъ силъ: „Да здравствуетъ республи-

*) Главы: „Передъ грозой“ и „Послѣ грозы“ принадлежатъ къ „Съ того берега.“ Т. V, стр. 15—52. Изд.

ка!“ Ближніе къ окну показали мнѣ кулаки, офицеръ пробормоталъ какое-то ругательство, грозя шпагой; и долго еще слышался ихъ привѣтственный крикъ человѣку, шедшему казнить половинную революцію, убить половинную республику, наказать собою Францію, забывшую въ своей кичливости другіе народы и свой собственный пролетаріатъ.

Двадцать пятаго или шестаго Іюня, въ 8 часовъ утра, мы пошли съ А. на Елисейскія поля; канонада, которую мы слышали ночью, умолкла, по временамъ только трещала ружейная перестрѣлка и раздавался барабанъ. Улицы были пусты, по обѣимъ сторонамъ стояла національная гвардія. На Place de la Concorde былъ отрядъ мобили; около нихъ стояло нѣсколько бѣдныхъ женщинъ съ метлами, нѣсколько тряпичниковъ и дворниковъ изъ ближнихъ домовъ, у всѣхъ лица были мрачны и поражены ужасомъ. Мальчикъ лѣтъ 17, опираясь на ружье, что-то разсказывалъ; подошли и мы. Онъ и всѣ его товарищи, такіе-же мальчики, были полупьяны, съ лицами, запачканными порохомъ, съ глазами, воспаленными отъ неспанныхъ ночей и водки; многіе дремали, упирая подбородокъ на ружейное дуло.—„Ну ужъ тутъ что было, этого и описать нельзя; замолчавъ, онъ продолжалъ:— да, и они таки хорошо дрались, ну только и мы за нашихъ товарищей заплатили! сколько ихъ попадало! я самъ до дула всадилъ штыкъ пяти или шести человѣкамъ—припомнятъ!“ добавилъ онъ, желяя себя выдать за закоснѣлаго злодѣя. Женщины были блѣдны и молчали, какой-то дворникъ замѣтилъ: „по дѣломъ мерзавцамъ!“... но дикое замѣчаніе не нашло ни малѣйшаго отзыва. Это было слишкомъ низкое общество, чтобъ сочувствовать рѣзнѣ и несчастному мальчишкѣ, изъ котораго сдѣлали убійцу.

Мы молча и печально пошли къ Мадленѣ. Тутъ насъ остановилъ кордонъ національной гвардіи. Сначала пошарили въ карманахъ, спросили куда мы идемъ и пропустили; но слѣдующій кордонъ, за Мадленой, отказалъ въ пропускѣ и отослалъ насъ назадъ; когда мы возвратились къ первому, насъ снова остановили. „Да вѣдь вы видѣли, что мы сейчасъ тутъ шли?“ — Не пропускайте, закричалъ офицеръ. — „Что вы смѣетесь надъ нами, что-ли?“ спросилъ я его.—„Тутъ нечего толковать, грубо отвѣтилъ лавочникъ въ мундирѣ—берите ихъ и въ полицію: одного я знаю (онъ указалъ на меня), я его не разъ видѣлъ на сходкахъ, другой долженъ быть такой-же, они оба не французы, я отвѣчаю за все — впередъ.“ Два солдата съ ружьями впереди, два за нами, по солдату съ каждой стороны—повели насъ. Первый, встрѣтившійся человѣкъ, былъ представитель народа, съ глупой воронкой въ петлицѣ,— это былъ Токвиль, писавшій объ Америкѣ. Я обратился къ нему и разсказалъ въ чемъ дѣло; шутить было нечего, они безъ всякаго суда держали людей въ тюрьмѣ, бросали въ тюльерійскіе подвалы, разстрѣливали. Токвиль даже не спросилъ, кто мы; онъ весьма учтиво раскланялся и отпустилъ нижеслѣдующую пошлость: „законодательная власть не имѣетъ никакого права вступать въ распоряженія исполнительной.“ Какъ-же ему было не быть министромъ при Бонапартѣ?

„Исполнительная власть“ повела насъ по бульвару, въ улицу Шоссе д'Антенъ, къ комисару полиціи. Кстати, не мѣшаетъ замѣтить, что ни при арестѣ, ни при обыскѣ, ни во время пути я не видалъ ни одного полицейскаго; все дѣлали мѣщане-воины. Бульваръ былъ совершенно пустъ, всѣ лавки заперты, жители бросались къ окнамъ и дверямъ, слыша наши шаги, и спрашивали,

что мы за люди: des émeutiers étrangers, отвѣчалъ нашъ конвой, и добрые мѣщане смотрѣли на насъ со скрежетомъ зубовъ.

Изъ полиціи насъ отослали въ hôtel des Capucines; тамъ помѣщалось министерство иностранныхъ дѣлъ, но на это время какая-то временная полицейская комисія. Мы съ конвоемъ взошли въ обширный кабинетъ. Плѣшивый старикъ въ очкахъ и весь въ чорномъ сидѣлъ одинъ за столомъ; онъ снова спросилъ насъ все то, что спрашивалъ комисаръ. Гдѣ ваши виды? — Мы ихъ никогда не носимъ, ходя гулять... Онъ взялъ какую-то тедрадь, долго просматривалъ ее, по видимому ничего не нашелъ, и спросилъ провожатаго: „Почему вы захватили ихъ?“—Офицеръ велѣлъ; онъ говоритъ, что это очень подозрительные люди. — „Хорошо, сказалъ старикъ, я разберу дѣло, вы можете идти.“

Когда наши провожатые ушли, старикъ просилъ насъ объяснить причину нашего ареста. Я ему изложилъ дѣло, прибавилъ, что офицеръ, можетъ, видѣлъ меня 15 Мая у Собранья, и разсказалъ случай, бывшій со мной вчера: я сидѣлъ въ кафе Комартенъ, вдругъ сдѣлалась фальшивая тревога, эскадронъ драгунъ пронесся во весь опоръ, національная гвардія стала строиться, я и человѣкъ пять, бывшихъ въ кафе, подошли къ окну; національный гвардеецъ, стоявшій внизу, грубо закричалъ: „Слышали что-ли, чтобъ окна были затворены?“ Тонъ его далъ мнѣ право думать, что онъ не со мной говоритъ, и я не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на его слова; къ тому-же я былъ не одинъ, а случайно стоялъ впереди. Тогда защитникъ порядка поднялъ ружье, и, такъ какъ это происходило въ rez de chaussée, хотѣлъ пырнуть штыкомъ, но я замѣтилъ его движеніе, отступилъ, и сказалъ другимъ: „Господа, вы

свидѣтели, что я ему ничего не сдѣлалъ,—или это такой обычай у національной гвардіи колоть иностранцевъ!“ Mais c'est indigne, mais cela n'a pas de nom! подхватили мои сосѣди. Испуганный трактирщикъ бросился закрывать окна, сержантъ съ подлой наружностью явился съ приказомъ гнать всѣхъ изъ кафейной; мнѣ казалось, что это былъ тотъ самый господинъ, который велѣлъ насъ остановить. Къ тому-же кафе Комартенъ въ двухъ шагахъ отъ Мадлены.

— Вотъ то-то, господа, видите, что значитъ неосторожность, зачѣмъ въ такое время выходить со двора, умы раздражены, кровь течетъ...

Въ это время національный гвардеецъ привелъ какую-то служанку, говоря, что офицеръ ее схватилъ въ то самое время, какъ она хотѣла бросить въ ящикъ письмо, адресованное въ Берлинъ. Старикъ взялъ пакетъ и велѣлъ солдату идти.

— Вы можете отправляться домой, сказалъ онъ намъ, только, пожалуйста, не ходите прежними улицами, особенно мимо кордона, который васъ схватилъ. Да, постойте, я вамъ дамъ провожатаго, онъ васъ выведетъ на Елисейскія поля, тамъ можете пройти.

— Ну и вы, замѣтилъ онъ служанкѣ, отдавая письмо, до котораго не дотронулся, бросьте ваше письмо въ другой ящикъ, гдѣ нибудь подальше.

И такъ полиція защищала отъ вооруженныхъ мѣщанъ!

Ночью, съ 26 на 27 Іюня, разсказываетъ Пьеръ Леру, онъ былъ у Сенара, прося его распорядиться на счетъ плѣнныхъ, которые задыхались въ подвалахъ Тюльери. Сенаръ, человѣкъ извѣстный своимъ отчаяннымъ консерватизмомъ, сказалъ Пьеръ Леру: „А кто будетъ отвѣчать за ихъ жизнь на дорогѣ? ихъ перебьетъ національная гвардія. Еслибъ вы пришли часомъ раньше,

вы застали бы здѣсь двухъ полковниковъ, я на силу ихъ унялъ, и кончилъ тѣмъ, что сказалъ имъ, что если эти ужасы будутъ продолжаться, то я вмѣсто президентскаго стула въ Собраніи, займу мѣсто за баррикадой."

Часа черезъ два, по возвращеніи домой, явился дворникъ, незнакомый человѣкъ во фракѣ и человѣка четыре въ блузахъ, дурно скрывавшихъ муниципальные усы и жандармскую выправку. Незнакомецъ растегнулъ фракъ и жилетъ, и, съ достоинствомъ указывая на трехцвѣтный шарфъ, сказалъ, что онъ комисаръ полиціи Барле (тотъ самый, который въ народномъ собраніи втораго Декабря взялъ за шиворотъ человѣка, взявшаго въ свою очередь Римъ—генерала Удино), и что ему велѣно сдѣлать у меня обыскъ Я подалъ ему ключъ, и онъ принялся за дѣло совершенно такъ, какъ въ 1834 году полицмейстеръ Миллеръ.

Взошла моя жена: комисаръ, какъ нѣкогда жандармскій офицеръ, пріѣзжавшій отъ Дубельта, сталъ извиняться. Жена моя спокойно и прямо глядя на него, сказала, когда онъ, въ заключеніи рѣчи, просилъ быть снисходительной: „Это было бы жестокостью съ моей стороны не взойти въ ваше положеніе, вы уже довольно наказаны обязанностью дѣлать то что вы дѣлаете."

Комисаръ покраснѣлъ, но не сказалъ ни слова. Порывшись въ бумагахъ и отложивъ цѣлый ворохъ, онъ вдругъ подошелъ къ камину, понюхалъ, потрогалъ золу и, важно обращаясь ко мнѣ, спросилъ: „съ какой цѣлью жгли вы бумаги?"

— Я не жегъ бумагъ.

— Помилуйте, зола еще теплая.

— Нѣтъ, она не теплая.

— Monsieur, vous parlez à un magistrat?

— А зола́ все же холодная, сказалъ я, вспыхнувъ и поднявъ голосъ.

— Что же я лгу?

— Почему же вы имѣете право сомнѣваться въ моихъ словахъ... вотъ съ вами какіе-то *честные работники*, пусть попробуютъ. Ну, да еслибъ я и жегъ бумагу: во-первыхъ, я въ правѣ жечь, а во-вторыхъ, что же вы сдѣлаете?

— Больше у васъ нѣтъ бумагъ?

— Нѣтъ.

—У меня есть еще нѣсколько писемъ и презанимательныхъ, пойдемте ко мнѣ, сказала жена.

— Помилуйте, ваши письма...

— Пожалуйста, не церемоньтесь... вѣдь вы исполняете вашъ долгъ, пойдемте. Комисаръ пошелъ, слегка взглянулъ на письма большей частію изъ Италіи и хотѣлъ выйти...

— А вотъ вы и не видали, что тутъ внизу—письмо изъ консьержри, отъ арестанта, видите, не хотите-ли взять съ собой?

— Помилуйте, сударыня, отвѣчалъ квартальный республики,—вы такъ предубѣждены, мнѣ этого письма вовсе не нужно.

— Что вы намѣрены сдѣлать съ русскими бумагами? —спросилъ я.

— Ихъ переведутъ.

— Вотъ въ томъ то и дѣло, откуда вы возьмете переводчика, если изъ русскаго посольства, то это равняется доносу; вы погубите пять, шесть человѣкъ. Вы меня искренно обяжете, если упомянете въ procès verbal, что я настоятельно прошу взять переводчика изъ польской эмиграціи.

— Я думаю, что это можно.

— Благодарю васъ; да вотъ еще просьба, понимаете вы сколько-нибудь по итальянски?

— Немного.

— Я вамъ покажу два письма, въ нихъ слово Франція не упомянуто, писавшій ихъ въ рукахъ сардинской полиціи, вы увидите по содержанію, что ему плохо будетъ, если письма дойдутъ до нея.

— Mais ah ça! замѣтилъ комисаръ, начинавшій входить въ человѣческое достоинство, вы кажеття думаете, что мы въ связи со всѣми *деспотическими* полиціями. Намъ дѣла нѣтъ до чужихъ. Поневолѣ мы должны брать мѣры у себя, когда на улицахъ льется кровь и когда иностранцы мѣшаются въ наши дѣла.

— Очень хорошо, стало вы письмо можете оставить.

Комисаръ не солгалъ, онъ дѣйствительно *немного* зналъ по итальянски, и потому, повертѣвши письма, положилъ ихъ въ карманъ, обѣщаясь возвратить.

Тѣмъ его визитъ и кончился. Письма итальянца онъ отдалъ на другой день, но мои бумаги канули въ воду. Прошелъ мѣсяцъ, я написалъ письмо къ Кавеньяку, спрашивая его, отчего полиція не возвращаетъ моихъ бумагъ и не говоритъ о томъ, что нашла въ нихъ, — вещь, можетъ, очень неважная для нея, но чрезвычайно важная для моей чести.

Послѣднее было вотъ на чемъ основано. Нѣсколько знакомыхъ вступились за меня, находя безобразнымъ визитъ комисара и задерживаніе бумагъ. „Мы желали удостовѣриться, сказалъ Ламорисьеръ, не *агентъ-ли онъ русскаго правительства.*“ Это гнусное подозрѣніе я услышалъ тутъ въ первый разъ: для меня это было совершенно ново; моя жизнь шла такъ публично, такъ открыто, какъ въ хрустальномъ ульѣ, и вдругъ сильное

обвиненіе и отъ кого?—отъ республиканскаго правительства!

Черезъ недѣлю меня потребовали въ префектуру; Барле былъ со мною; насъ принялъ въ кабинетѣ Дюку молодой чиновникъ, очень похожій на петербурскаго начальника отдѣленія изъ развязныхъ. „Генералъ Кавеньякъ, сказалъ онъ мнѣ, поручилъ префекту возвратить ваши бумаги безъ малѣйшаго разбора. Свѣденія, собранныя о васъ, дѣлаютъ его совершенно излишнимъ, на васъ не падаетъ никакого подозрѣнія, вотъ ваша портфель, неугодно ли вамъ подписать предварительно эту бумагу."

Это была росписка въ томъ, что „бумаги *всѣ* сполна мнѣ возвращены."

Я пріостановился и спросилъ, не будетъ-ли правильнѣе, если я пересмотрю бумаги.

— До нихъ не дотрогивались. Впрочемъ, вотъ печать.

— Печать цѣла, замѣтилъ успокоительно Барле.

— Моей печати тутъ нѣтъ. Да ее и не прикладывали.

— Это моя печать, да вѣдь у васъ былъ ключикъ.

Не желая отвѣчать грубостью, я улыбнулся. Это взбѣсило обоихъ, начальникъ отдѣленія сдѣлался начальникомъ департамента, схватилъ ножикъ и, взрѣзывая печать, сказалъ довольно грубымъ тономъ: „Пожалуй, смотрите, коли не вѣрите, только у меня нѣтъ столько свободнаго времени," и онъ вышелъ, кланяясь съ важностью. То, что они разсердились, убѣдило меня, что бумагъ дѣйствительно не смотрѣли, и потому, едва бросивъ взглядъ, я далъ росписку и отправился домой.

IV

ПРИМѢТЫ

... Не хорошо было и дома; мы слишкомъ настрадались, слишкомъ много видѣли; тишина и подавленность, наступившія послѣ битвы и ужасовъ перваго гоненія, дали назрѣть всему черному и грустному, запавшему въ душу.

Черезъ мѣсяцъ я писалъ: „Вечеромъ 26 Іюня, послѣ побѣды мы слушали правильные залпы съ небольшими разстановками и съ барабаннымъ боемъ—вѣдь это разстрѣливаютъ! сказали мы въ одинъ голосъ, и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу окна и молчалъ; за такія минуты ненавидятъ десять лѣтъ, мстятъ всю жизнь. — *Горе людямъ, забывающимъ такія минуты!*“

А жена моя около того же времени писала въ Москву: „Я смотрю на дѣтей и плачу; мнѣ становится страшно, я не смѣю больше желать, *чтобъ они были живы*, можетъ и ихъ ждетъ такая ужасная доля.“ Какъ много надобно было пострадать, чтобъ мысль эта могла явиться въ сердцѣ матери, страстно любившей дѣтей, и на сколько больше, чтобъ найти силу высказать ее, да еще письменно. Въ этихъ словахъ отголосокъ всего пережитаго, послѣдній слѣдъ потерянныхъ вѣрованій, замѣненныхъ страшными воспоминаніями. Въ нихъ виднѣются и омнибусы, набитые трупами, и плѣнные съ связанными руками, провожаемые ругательствомъ, и бѣдный глухонѣмой мальчикъ подстрѣленный

въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ воротъ... за то что не слышалъ: „Passez au large!“

Реакція торжествовала; сквозь блѣдно-синюю республику виднѣлись черты претендентовъ; національная гвардія ходила на охоту по блузамъ, префектъ полиціи дѣлалъ облавы по рощамъ и катакомбамъ, отыскивая скрывавшихся. Люди менѣе воинственные доносили, подслушивали.

До осени мы были окружены своими, сердились и грустили на родномъ языкѣ: Т. жили въ томъ-же домѣ, М. Ѳ. у насъ, А. и И. Т. приходили всякій день; но все глядѣло въ даль, кружокъ нашъ расходился. Парижъ, вымытый кровью, не удерживалъ больше; всѣ собирались ѣхать безъ особенной необходимости, вѣроятно, думая спастись отъ внутренной тягости; отъ Іюньскихъ дней, вошедшихъ въ кровь, и которые они везли съ собой

Зачѣмъ не уѣхалъ и я? Многое было бы спасено, и мнѣ не пришлось бы принесть столько человѣческихъ жертвъ и столько самого себя на закланіе богу жестокому и безпощадному.

День нашей разлуки съ Т-ми и съ М. Ѳ. какъ-то особо каркнулъ ворономъ въ моей жизни: я и этотъ сторожевой крикъ пропустилъ безъ вниманія, какъ сотни другихъ.

Всякій человѣкъ, много испытавшій, припомнитъ себѣ дни, часы, рядъ едва замѣтныхъ точекъ, съ которыхъ начинается переломъ, съ которыхъ вѣтеръ тянетъ съ другой стороны; эти знаменія или предостереженія вовсе не случайны: они послѣдствія, печальныя воплощенія готоваго вступить въ жизнь, обличенія тайно бродящаго и уже существующаго. Мы не замѣчаемъ эти психическія *приметы*, смѣемся надъ ними, какъ надъ

просыпанной солонкой и потушеной свѣчей, потому что считаемъ себя несравненно независимѣе, нежели каковы мы на дѣлѣ, и гордо хотимъ сами управлять своей жизнію.

Наканунѣ отъѣзда нашихъ друзей они и еще человѣка три, четыре близкихъ знакомыхъ собрались у насъ. Путешественники должны были быть на желѣзной дорогѣ въ 7 часовъ утра; ложиться спать не стоило труда, всѣмъ хотѣлось лучше вмѣстѣ провести послѣдніе часы. Сначала все шло живо, съ тѣмъ нервнымъ раздраженіемъ, которое всегда бываетъ при разлукѣ, но мало по малу темное облако стало заволакивать всѣхъ... разговоръ не клеился, всѣмъ сдѣлалось не посебѣ, налитое вино выдыхалось, натянутыя шутки не веселили. Кто-то, увидя разсвѣтъ, отдернулъ занавѣску, и лица освѣтились синеваго-блѣднымъ цвѣтомъ, какъ на римской оргіи Кутюра.

Всѣ были печальны; я задыхался отъ грусти.

Жена моя сидѣла на небольшомъ диванѣ, передъ ней на колѣнахъ и, скрывая лицо на ея груди, стояла младшая дочь Т. „Consuelo di sua alma," какъ она ее звала. Она любила страстно мою жену и ѣхала отъ нея по неволѣ въ глушь деревенской жизни; ея сестра грустно стояла возлѣ. Консуела шептала что-то сквозь слезы, а въ двухъ шагахъ, молча и мрачно, сидѣла М. Ѳ.; она давно свыклась съ покорностью судьбѣ, она знала жизнь, и въ ея глазахъ было просто „прощайте," тогда какъ сквозь слезы молодыхъ дѣвушекъ все таки просвѣчивало „до свиданья."

Потомъ мы поѣхали ихъ провожать. Въ высокомъ, пустомъ каменномъ амбаркадерѣ было пронзительно холодно, двери хлопали неистово и сквозной вѣтеръ дулъ со всѣхъ сторонъ. Мы усѣлись въ углу на лавкѣ;

Т. пошелъ хлопотать съ чемоданами. Вдругъ дверь отворилась и два пьяныхъ старика шумно вошли въ залу. Платья ихъ были замараны, лица искажены, отъ нихъ несло дикимъ развратомъ. Они вошли ругаясь, одинъ хотѣлъ ударить другого, тотъ посторонился и, размахнувшись, что есть силы, ударилъ его самого въ лице: пьяный старикъ полетѣлъ со всѣхъ ногъ. Голова его съ какимъ-то дребезжащимъ, пронзительнымъ звукомъ щелкнулась о каменный полъ; онъ вскрикнулъ, приподнялъ голову, кровь лилась ручьями по сѣдымъ волосамъ и камнямъ. Полиція и пасажиры съ неистовствомъ бросились на другого старика.

Съ вечера, раздраженные, взволнованные, въ натянутомъ состояніи мы крѣпились, но страшное эхо, раздавшееся въ огромной залѣ отъ костянаго звука ударившагося черепа, пропзвело во всѣхъ что-то истерическое. Нашъ домъ и весь нашъ кругъ былъ во всѣ времена чистъ и свободенъ отъ „траги-нервическихъ явленій“; но это было сверхъ силъ, я чувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ, жена моя была близка къ обмороку, а тутъ звонокъ — пора, пора! и мы остались вдругъ за рѣшеткой — одни.

Ничего нѣтъ грубѣе и оскорбительнѣе для разстающагося, какъ полицейскія мѣры во Франціи на желѣзныхъ дорогахъ; онѣ крадутъ у остающагося послѣднія двѣ-три минуты... *Они* еще тутъ, машина не свиснула еще, поѣздъ не отошелъ, но между вами загородка, стѣна и рука полицейскаго — а вамъ хочется видѣть, какъ сядутъ, какъ тронутся съ мѣста, потомъ слѣдить за отдаленіемъ, за пылью, дымомъ, точкой, слѣдить, когда уже ничего не видать...

... Молча пріѣхали мы домой. Жена моя тихо проплакала всю дорогу, жаль ей было своей Консуелы; по

временамъ, завертываясь въ шаль, она спрашивала меня: „Помнишь этотъ звукъ, онъ у меня въ ушахъ.“

Дома я уговорилъ ее прилечь, а самъ сѣлъ читать газеты; читалъ, читалъ и premier Paris и фельетоны, и смѣсь, взглянулъ на часы — еще не было двѣнадцати... вотъ день! Я пошелъ къ А., онъ тоже ѣхалъ на дняхъ; съ нимъ мы отправились гулять, улицы были скучнѣе чтенія, такая тоска... точно угрызенія совѣсти. „Пойдемте ко мнѣ обѣдать,“ сказалъ я, и мы пошли. Жена моя была рѣшительно больна.

Вечеръ былъ безсвязенъ, глупъ. „И такъ рѣшено, спросилъ я А., прощаясь,—вы ѣдете въ концѣ недѣли?

— Рѣшено.

— Жутко будетъ вамъ въ Россіи.

— Что дѣлать, мнѣ ѣхать необходимо, въ Петербургѣ я не останусь, уѣду въ деревню. Вѣдь и здѣсь теперь не богъ знаетъ какъ хорошо, какъ бы вамъ не пришлось раскаяться, что остаетесь?

Я тогда еще могъ возвратиться, корабли не были сожжены, Ребильо и Карлье не писали еще своихъ доносовъ; но внутри дѣло было рѣшено. Слова А. между тѣмъ все таки непріятно коснулись моихъ обнаженныхъ нервъ, я подумалъ и отвѣчалъ: „Нѣтъ, для меня выбора нѣтъ, я долженъ остаться—и если раскаюсь, то скорѣе въ томъ, что не взялъ ружье, когда мнѣ его подавалъ работникъ за баррикадой на „Place Maubert.“

Много разъ въ минуты отчаянія и слабости, когда горечь переполняла мѣру, когда вся моя жизнь казалась мнѣ одной продолжительной ошибкой, когда я сомнѣвался въ самомъ себѣ, въ *послѣднемъ*, въ *остальномъ*—приходили мнѣ въ голову эти слова: „Зачѣмъ не взялъ я ружья у работника и не остался за баррика-

дой.“ Невзначай сраженный пулей, я унесъ бы съ собой въ могилу еще два-три вѣрованья.

И опять потянулось время... день за день... сѣрое, скучное... мелькали люди, сближались на день, проходили мимо, исчезали, гибли. Къ зимѣ стали являться изгнанники другихъ странъ, спасшіеся матросы другихъ кораблекрушеній; полные самоувѣренности, надеждъ, они принимали реакцію, подымавшуюся во всей Европѣ, за мимолетный вѣтеръ, за легкую неудачу, они ждали завтра, черезъ недѣлю, свой чередъ...

Я чувствовалъ, что они ошибаются, но мнѣ нравилась ихъ ошибка, я старался быть непослѣдовательнымъ, боролся съ собой и жилъ въ какомъ-то тревожномъ раздраженіи. Время это осталось у меня въ памяти, какъ чадный, угарный день... я метался отъ тоски туда, сюда, искалъ разсѣяній... въ книгахъ, въ шумѣ, въ домашнемъ отшельничествѣ, на людяхъ, но все чего-то не доставало, смѣхъ не веселилъ, тяжело пьянило вино, музыка рѣзала по сердцу, и веселая бесѣда оканчивалась почти всегда мрачнымъ молчаніемъ.

Внутри все было оскорблено, все опрокинуто, очевидныя противорѣчія, хаосъ; снова ломка, снова ничего нѣтъ. Давно оконченныя основы нравственнаго быта превращались опять въ вопросы; факты сурово подымались со всѣхъ сторонъ и опровергали ихъ. Сомнѣніе заносило свою тяжелую ногу на послѣднія достоянія, оно перетряхивало не церковную ризницу, не докторскія мантіи, а революціонныя знамена... изъ общихъ идей оно пробиралось въ жизнь. Пропасть лежитъ между теоретическимъ отрицаніемъ и сомнѣніемъ, переходящимъ въ поведеніе, мысль смѣла, языкъ дерзокъ, онъ легко произноситъ слова, отъ которыхъ сердце бьется, въ груди еще тлѣютъ вѣрованія и надежды,

тогда когда забѣжавшій умъ качаетъ головой. Сердце отстаетъ, потому что любитъ—и когда умъ приговариваетъ и казнитъ, оно еще прощается.

Можетъ въ юности, когда все кипитъ и несется, когда такъ много будущаго, когда потеря однихъ вѣрованій расчищаетъ мѣсто другимъ, можетъ въ старости, когда все становится безразлично отъ устали, эти переломы дѣлаются легче;— но nel mezzo del camin dï nostra vita, они достаются не даромъ.

Что-же, наконецъ, все это — шутка? Все завѣтное, что мы любили, къ чему стремились, чему жертвовали. Жизнь обманула, исторія обманула, обманула въ свою пользу; ей нужны для закваски сумасшедшіе, и дѣла нѣтъ что съ ними будетъ, когда они придутъ въ себя, она ихъ употребила — пусть доживаютъ свой вѣкъ въ инвалидномъ домѣ. Стыдъ, досада! А тутъ возлѣ простосердечные друзья жмутъ плечами, удивляются вашему малодушію, вашему нетерпѣнію, ждутъ завтрашняго дня, и вѣчно озабоченные, вѣчно занятые однимъ и тѣмъ же, ничего не понимаютъ, не останавливаются ни передъ чѣмъ, вѣчно идутъ—и все ни съ мѣста... Они васъ судятъ, утѣшаютъ, журятъ — какая скука, какое наказанье!

„Люди вѣры, люди любви," какъ они называютъ себя въ противоположность намъ, людямъ „сомнѣнья и отрицанія" не знаютъ, что такое полоть съ корнемъ упованія, взлелѣянныя цѣлой жизнію, они не знаютъ *болѣзни истины*, они не отдавали никакого сокровища съ тѣмъ „громкимъ воплемъ," о которомъ говоритъ поэтъ:

Ich riss sie blutend aus dem wunden Herzen,
Und weinte laut und gab sie hin.

Счастливые безумцы, никогда не трезвѣющіе, имъ незнакома внутренная борьба, они страдаютъ отъ внѣ-

шнихъ причинъ, отъ злыхъ людей и случайностей; внутри все цѣло, совѣсть покойна, они довольны. Оттого-то червь, точащій другихъ, имъ кажется капризомъ, эпикуреизмомъ сытаго ума, праздной ироніей. Они видятъ, что раненый смѣется надъ своей деревяшкой и заключаютъ, что ему операція ничего не стоила; имъ въ голову не приходитъ, отчего онъ состарѣлся не по лѣтамъ, и какъ ноетъ отнятая нога при перемѣнѣ погоды, при дуновеніи вѣтра.

Моя логическая исповѣдь, исторія недуга, черезъ который пробивалась оскорбленная мысль, осталась въ рядѣ статей, составившихъ „Съ того берега.“ Я въ себѣ преслѣдовалъ ими послѣдніе идолы, я ироніей мстилъ имъ за боль и за обманъ, я не надъ ближнимъ издѣвался, а надъ самимъ собой, и, снова увлеченный, мечталъ уже быть свободнымъ, но тутъ-то и запнулся. Утративъ вѣру въ слова и знамена, въ канонизированное человѣчество и единую спасающую церковь западной цивилизаціи, я вѣрилъ въ нѣсколько человѣкъ, вѣрилъ въ себя.

Видя, что все рушится, я хотѣлъ спастись, начать новую жизнь, отойти съ двумя, тремя въ сторону, бѣжать, скрыться отъ... лишнихъ. И я надменно поставилъ заглавіемъ послѣдней статьи: Omnia mea mecum porto!

Жизнь распущенная, опаленная, полуувядшая въ омутѣ событій, въ круговоротѣ общихъ интересовъ — обособлялась, снова сводилась на періодъ юнаго лиризма, безъ юности, безъ вѣры. Съ этимъ fara da te моя лодка должна была разбиться о подводные камни — и разбилась. Правда, я уцѣлѣлъ, но *безъ всего*...

V

ТИФОИДНАЯ ГОРЯЧКА

Зимой 1848 года была больна моя маленькая дочь. Она долго разнемогалась, потомъ сдѣлалась небольшая лихорадка, и казалось прошла. Райе, извѣстный докторъ, совѣтовалъ ее прокатить, не смотря на зимній день. Погода была прекрасная, но не теплая. Когда ее привезли домой, она была необыкновенно блѣдна, просила ѣсть, и, не дождавшись бульона, уснула возлѣ насъ на диванѣ; прошло нѣсколько часовъ, сонъ продолжался. Фогтъ, братъ натуралиста, студентъ, медицины, случился у насъ. „Посмотрите, сказалъ онъ, на ребенка, вѣдь это вовсе не естественный сонъ.“ Мертвая, слегка синеватая блѣдность лица испугала меня, я положилъ руку на лобъ, лобъ былъ совершенно холодный. Я бросился самъ къ Райе, по счастью засталъ его дома, и привезъ съ собою. Малютка не просыпалась; Райе приподнялъ ее, сильно потрёсъ, и заставилъ меня громко звать ее по имени... она раскрыла глаза, сказала слова два, и снова заснула тѣмъ-же сномъ, тяжелымъ, мертвымъ, дыханье едва, едва было замѣтно. Въ этомъ состояніи, съ небольшими перемѣнами, она оставалась нѣсколько дней, безъ пищи и почти безъ питья; губы почернѣли, ногти сдѣлались синіе, на тѣлѣ показались пятны, это была тифоидная горячка. Райе почти ничего не дѣлалъ, ждалъ, слѣдилъ за болѣзнью и не слишкомъ обнадеживалъ.

Видъ ребенка былъ страшенъ, я ждалъ съ часа на

часъ смерти. Блѣдная и молчащая сидѣла моя жена, день и ночь, у кроватки, глаза ея покрылись тѣмъ жемчужнымъ отливомъ, которымъ высказывается усталь страданіе, истощеніе силъ и неестественное напряженіе нервъ. Разъ, часу во второмъ ночи, мнѣ показалось, что Тата не дышитъ; я смотрѣлъ на нее, скрывая ужасъ, жена моя догадалась. „У меня кружится въ головѣ, сказала она мнѣ, дай воды.“ Когда я подалъ стаканъ, она была безъ чувствъ. И. Т., приходившій дѣлить мрачные часы наши, побѣжалъ въ аптеку за аммоніакомъ,— я стоялъ неподвижно, между двумя обмершими тѣлами, смотрѣлъ на нихъ, и ничего не дѣлалъ. Горничная терла руки, мочила виски моей женѣ. Черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя.—Что? спросила она.— „Кажется Тата открывала глаза,“ сказала наша добрая, милая Луиза. Я посмотрѣлъ—будто просыпается; я назвалъ ее шопотомъ по имени, она раскрыла глаза и улыбнулась черными, сухими и растреснувшими губами. Съ этой минуты здоровье стало возвращаться.

Есть яды, которые злѣе, мучительнѣе разлагаютъ человѣка, чѣмъ дѣтскія болѣзни, я и ихъ знаю, но *тупаго* яда, берущаго истомой, обезсиливающаго въ тиши, оскорбляющаго страшной ролью празднаго свидѣтеля — хуже нѣтъ.

Кто разъ на своихъ рукахъ держалъ младенца и чувствовалъ, какъ онъ холодѣлъ, тяжелѣлъ, становился каменнымъ; кто слышалъ послѣдній стонъ, которымъ щедушный организмъ умоляетъ о пощадѣ, о спасеніи, просится остаться на свѣтѣ; кто видѣлъ на своемъ столѣ красивый гробикъ, обитый розовымъ атласомъ и бѣленькое платьице съ кружевами, такъ отличающееся отъ желтаго личика, тотъ при каждой дѣтской болѣзни

будетъ думать: отчего же не быть и другому гробику — вотъ на этомъ столѣ?

Несчастіе самая плохая школа! Конечно, человѣкъ, много испытавшій, выносливѣе, но вѣдь это оттого, что душа его помята, ослаблена. Человѣкъ изнашивается и становится трусливѣе отъ перенесеннаго. Онъ теряетъ ту увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, безъ которой ничего дѣлать нельзя; онъ становится равнодушнѣе, потому что свыкается съ страшными мыслями, наконецъ, онъ боится несчастій эгоистически, т. е. боится снова перечувствовать рядъ щемящихъ страданій, рядъ замираній сердца, память о которыхъ не разносится съ тучами.

Стонъ больнаго ребенка наводитъ на меня такой внутренній ужасъ. обдаетъ такимъ холодомъ, что я долженъ дѣлать большія усилія, чтобъ побѣдить эту чисто *нервную* память.

На другое утро той-же ночи, я въ первый разъ пошелъ пройтиться; на дворѣ было холодно, тротуары были слегка посыпаны инеемъ; но, не смотря ни на холодъ, ни на ранній часъ, толпы народа покрывали бульвары, мальчишки съ крикомъ продавали бюлетени — слишкомъ пять милліоновъ голосовъ клали связанную Францію къ ногамъ Людовика Наполеона.

Осиротѣвшая передняя нашла наконецъ своего барина!

ГЛАВА XXXVI.

La Tribune des Peuples — Мицкевичъ и Рамонъ-де-ла-Сагра, — Хористы революціи 13 Іюня 1849. — Холера въ Парижѣ. — Отъѣздъ.

Я оставилъ Парижъ осенью 1847 г., не завязавши никакихъ связей; литературные и политическіе кружки оставались мнѣ совершенно чуждыми. Причинъ на это было много. Прямаго случая не представлялось,—искать я не хотѣлъ. Ходить только, чтобы смотрѣть знаменитости, я считалъ неприличнымъ. Къ тому же мнѣ очень мало нравился тонъ снисходительнаго превосходства французовъ съ русскими: они одобряютъ, поощряютъ насъ, хвалятъ наше произношеніе и наше богатство; мы выносимъ все это, и являемся къ нимъ какъ просители, даже отчасти какъ виноватые, радуясь, когда они изъ учтивости принимаютъ насъ за французовъ. Французы забрасываютъ насъ словами, мы за ними не поспѣваемъ, думаемъ объ отвѣтѣ, а имъ дѣла нѣтъ до него; намъ совѣстно показать, что мы замѣчаемъ ихъ ошибки, ихъ невѣжество,—они пользуются всѣмъ этимъ съ безнадежнымъ довольствомъ собой.

Чтобы стать съ ними на другую ногу, надобно *импонировать*; на это необходимы разныя права, которыхъ у меня тогда не было, и которыми я тотчасъ воспользовался, когда они случились подъ рукой.

Не должно сверхъ того забывать, что нѣтъ людей, съ которыми было бы легче завести шапочное знакомство, какъ съ французами,—и нѣтъ людей, съ которыми

было бы труднѣе въ самомъ дѣлѣ сойтиться. Французъ любитъ жить на людяхъ, чтобы себя показать, чтобы имѣть слушателей, и въ этомъ онъ такъ же противоположенъ англичанину, какъ и во всемъ остальномъ. Англичанинъ всегда смотритъ на людей отъ скуки, смотритъ какъ изъ партера, употребляетъ людей для развлеченія, для полученія свѣденій; англичанинъ постоянно спрашиваетъ, а французъ постоянно отвѣчаетъ. Англичанинъ все недоумѣваетъ, все обдумываетъ, — французъ все знаетъ положительно, онъ конченъ и готовъ, онъ дальше не пойдетъ; онъ любитъ проповѣдывать, разсказывать, поучать,—чему? кого? все равно. Потребности личнаго сближенія у него нѣтъ, кафе его вполнѣ удовлетворяетъ, онъ, какъ Репетиловъ, не замѣчаетъ, что вмѣсто Чацкаго стоитъ Скалозубъ, вмѣсто Скалозуба—Загорѣцкій, и продожаетъ толковать о камерѣ, присяжныхъ, о Байронѣ (котораго называетъ Бирономъ) и о матеріяхъ важныхъ.

Возвратившись изъ Италіи, еще неостывшій отъ Февральской революціи, я натолкнулся на 15 Мая, потомъ пострадалъ Іюньскіе дни и осадное положеніе. Тогда я еще глубже вглядѣлся въ Вольтеровскаго t'gresinge—и у меня прошло даже желаніе знакомиться съ сильными республики сей.

Разъ представлялась было возможность общаго труда, которая могла привести въ сношеніе со многими лицами, да и та не удалась. Графъ Ксаверій Браницкій далъ 70,000 франковъ на основаніе журнала, который занимался бы преимущественно иностранной политикой, другими народами и въ особенности Польскимъ вопросомъ. Польза и своевременность такого журнала были очевидны. Французскія газеты занимаются мало и плохо тѣмъ, что дѣлается внѣ Франціи; во время рес-

публики онѣ думали, что достаточно подчасъ ободрить всѣ языцы словомъ solidarité des peuples, обѣщаніемъ, какъ только дома обдосужатся, завести всемірную республику, основанную на всеобщемъ братствѣ. При средствахъ, которыя имѣлъ новый журналъ, названный „Народной Трибуной," изъ него можно было сдѣлать международный Монитёръ движенія и прогресса. Его успѣхъ былъ тѣмъ вѣрнѣе, что всеобщихъ газетъ вовсе нѣтъ; въ *Теймсѣ* и Journal des Debats бываютъ превосходныя статьи о спеціальныхъ вопросахъ, но безъ связи, случайно, отрывочно. Редакція *Аугсбургской Газеты* была бы дѣйствительно самая всеобщая, еслибъ отъ ея *черно-желтаго* направленія не такъ грубо рябило въ глазахъ.

Но, видно всѣмъ добрымъ начинаніямъ 1848 г. было на роду написано родиться на седьмомъ мѣсяцѣ и умереть прежде перваго зуба. Журналъ пошелъ плохо, вяло—и умеръ при избіеніи невинныхъ листовъ послѣ 14 Іюня 1849.

Когда все было готово и на чеку, домъ былъ нанятъ и устроенъ, съ большими столами, покрытыми сукномъ, и маленькими косыми конторками; тощій французскій литераторъ былъ приставленъ смотрѣть за международными орѳографическими ошибками; при редакціи учрежденъ совѣтъ изъ бывшихъ польскихъ нунціевъ и сенаторовъ, а главнымъ завѣдывателемъ назначенъ Мицкевичъ, въ помощники которому данъ Хоецкій;—оставалось торжественно начать, и когда же лучше, какъ не въ годовщину 24 Февраля, и чѣмъ же приличнѣе, какъ не ужиномъ?

Ужинъ былъ назначенъ у Хоецкаго. Пріѣхавъ, я засталъ уже довольно много гостей, въ числѣ которыхъ не было почти ни одного француза; за то другія націи,

отъ Сициліи до кроатовъ, были хорошо представлены. Меня собственно интересовало одно лицо—Адамъ Мицкевичъ; я его никогда прежде не видалъ. Онъ стоялъ у камина, опершись локтемъ о мраморную доску. Кто видѣлъ его портретъ, приложенный къ французскому изданію и снятый, кажется, съ медальона Давида д'Анже, тотъ могъ бы тотчасъ узнать его, не смотря на большую перемѣну, внесенную лѣтами. Много думъ и страданій сквозили въ его лицѣ, скорѣе литовскомъ, чѣмъ польскомъ. Общее впечатлѣніе его фигуры, головы съ пышными сѣдыми волосами и усталымъ взглядомъ выражало пережитое несчастіе, знакомство съ внутреннею болью, экзальтацію горести; — это былъ пластическій образъ *судебъ Польши.* Подобное впечатлѣніе дѣлало на меня потомъ лице Ворцеля; впрочемъ, черты его, еще болѣе болѣзненныя, были живѣе и привѣтливѣе, чѣмъ у Мицкевича. Мицкевича будто что-то удерживало, занимало, разсѣявало; это *что-то* былъ его странный мистицизмъ, въ который онъ заступалъ дальше и дальше.

Я подошелъ къ нему, онъ меня сталъ распрашивать о Россіи; свѣдѣнія его были отрывочны, литературное движеніе послѣ Пушкина онъ мало зналъ, остановившись на томъ времени, на которомъ покинулъ Россію. Не смотря на свою основную мысль о братственномъ союзѣ всѣхъ славянскихъ народовъ, мысль, которую онъ одинъ изъ первыхъ сталъ развивать, въ немъ оставалось что-то непріязненное къ Россіи. Да и какъ могло быть иначе, послѣ всѣхъ ужасовъ, сдѣланныхъ царемъ и царскими сатрапами; притомъ, мы говорили во время пущаго разгара Николаевскаго террора.

Первое, что меня какъ-то непріятно удивило, было обращеніе съ нимъ поляковъ его партіи: они подходи-

ли къ нему, какъ монахи къ игумену, уничтожаясь, благоговѣя; иные цаловали его въ плечо. Должно быть онъ привыкъ къ этимъ знакамъ подчиненной любви, потому что принималъ ихъ съ большимъ laisser aller. Быть признаннымъ людьми одного образа мнѣнія, имѣть на нихъ вліяніе, видѣть ихъ любовь—желаетъ каждый, отдавшійся душею и тѣломъ своимъ убѣжденіямъ, жившій ими; но наружныхъ знаковъ симпатіи уваженія я не желалъ бы принимать, они разрушаютъ равенство и, слѣдовательно, свободу; да сверхъ того, въ этомъ отношеніи намъ никакъ не догнать ни архіереевъ, ни начальниковъ департаментовъ, ни полковыхъ командировъ.

Хоецкій сказалъ мнѣ, что за ужиномъ онъ предложитъ тостъ „въ память 24 Февраля 1848 г.," что Мицкевичъ будетъ ему отвѣчать рѣчью, въ которой изложитъ свое возрѣніе и духъ будущаго журнала; онъ желалъ, чтобъ я, какъ русскій, отвѣчалъ Мицкевичу. Не имѣя привычки говорить публично, особенно не приготовившись я отклонилъ его предложеніе, но обѣщалъ предложить тостъ „за Мицкевича" и прибавить нѣсколько словъ къ нему о томъ, какъ я пилъ за него въ первый разъ, въ Москвѣ, на публичномъ обѣдѣ, данномъ Грановскому въ 1843 г. Хомяковъ поднялъ бокалъ съ словами „за великаго отсутствующаго славянскаго поэта!" Имени (которое не смѣли произнести) не было нужно: всѣ встали, всѣ подняли бокалы и, стоя въ молчаніи, выпили за здоровье изгнанника. Хоецкій былъ доволенъ; подтасовавши такимъ образомъ наше extemporе, мы сѣли за столъ. Въ концѣ ужина Хоецкій предложилъ свой тостъ, Мицкевичъ всталъ и началъ говорить. Рѣчь его была выработана, умна, чрезвычайно ловка, т. е. Барбесъ и Людовикъ Наполеонъ могли бы откровенно аплодировать ей; меня стало коробить отъ нея. По мѣрѣ то-

го, какъ онъ развивалъ свою мысль, я начиналъ чувствовать что-то болѣзненно тяжкое, и ждалъ одного слова, одного *имени*, чтобъ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія; оно не замедлило явиться!

Мицкевичъ свелъ свою рѣчь на то, что демократія теперь собирается въ новый открытый станъ, во главѣ котораго Франція, что она *снова* ринется на освобожденіе всѣхъ притѣсненныхъ народовъ, подъ тѣми же орлами, подъ тѣми же знаменами, при видѣ которыхъ блѣднѣли всѣ цари и власти, и что ихъ снова поведетъ впередъ одинъ изъ членовъ той вѣнчанной народомъ династіи, которая какъ бы самимъ провидѣніемъ назначена вести революцію стройнымъ путемъ авторитета и побѣдъ.

Когда онъ кончилъ, кромѣ двухъ-трехъ одобрительныхъ восклицаній его приверженныхъ, молчаніе было общее. Хоецкій замѣтилъ очень хорошо ошибку Мицкевича и, желая поскорѣе загладить дѣйствіе рѣчи, подошелъ съ бутылкой, и, наливая бокалъ, шепнулъ мнѣ: „что же вы?—„Я не скажу ни слова послѣ этой рѣчи.“ — „Пожалуйста, что нибудь.“ — „Ни подъ какимъ видомъ.“

Пауза продолжалась, нѣкоторые опустили глаза въ тарелку, другіе пристально разсматривали бокалъ, третьи заводили частный разговоръ съ сосѣдомъ. Мицкевичъ перемѣнился въ лицѣ, онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но громкое — Je demande la parole, положило конецъ затруднительному положенію. Всѣ обернулись къ вставшему. Невысокій старикъ, лѣтъ семидесяти, весь сѣдой, съ славной, энергической наружностью, стоялъ съ бокаломъ въ дрожащей рукѣ; въ его большихъ черныхъ глазахъ, въ его взволнованномъ лицѣ были видны гнѣвъ и негодованіе. Это былъ Рамонъ-де-ла-Сагра. „За 24 Февраля,“ сказалъ онъ, „таковъ былъ тостъ,

предложенный нашимъ хозяиномъ. Да, за 24 Февраля и на погибель всякому деспотизму, какъ бы онъ ни назывался, королевскимъ или императорскимъ, Бурбонскимъ или Бонапартовскимъ. Я не могу дѣлить воззрѣнія пашего друга Мицкевича; онъ смотрѣть можетъ на дѣла какъ поэтъ и по своему правъ, но я не хочу, чтобъ его слова въ такомъ собраніи прошли безъ протестаціи," и пошелъ, и пошелъ, со всею страстью испанца, со всѣми правами семидесяти лѣтъ.

Когда онъ кончилъ, двадцать рукъ, въ томъ числѣ и моя, протянулись къ нему съ бокалами, чтобы чокнуться.

Мицкевичъ хотѣлъ поправиться, сказалъ нѣсколько словъ въ объясненіе, они не удались. Де-ла-Сагра не сдавался. Всѣ встали изъ за стола и Мицкевичъ уѣхалъ.

Хуже предзнаменованія для новаго журнала не могло быть, онъ просуществовалъ кое-какъ до 13 Іюня, и исчезъ такъ незамѣтно, какъ существовалъ. Единства въ редакіи не могло быть; Мицкевичъ свертывалъ половину своего императорскаго знамени, usé par la gloire, другіе не смѣли развертывать своего; стѣсненные имъ и совѣтомъ, многіе черезъ мѣсяцъ оставили редакцію, я не послалъ ни разу ни одной строчки. Еслибъ наполеоновская полиція была умнѣе, никогда Tribune des peuples не была бы запрещена за нѣсколько строчекъ о 13 Іюнѣ. Съ именемъ Мицкевича и съ поклоненіемъ Наполеону, съ мистической революціонностью и съ мечтой о вооруженной демократіи, во главѣ которой Наполеониды, этотъ журналъ могъ бы сдѣлаться кладомъ для президента, чистымъ органомъ нечистаго дѣла.

Католицизмъ, такъ мало свойственный славянскому генію, дѣйствуетъ на него разрушительно: когда у бо-

гемцевъ не стало больше силы обороняться отъ католицизма, они сломились; у поляковъ католицизмъ развилъ ту мистическую экзальтацію, которая постоянно ихъ поддерживаетъ въ мірѣ призрачномъ. Если они не находятся подъ прямымъ вліяніемъ іезуитовъ, то, вмѣсто освобожденія, или выдумываютъ себѣ кумиръ, или попадаются подъ вліяніе какого нибудь визіонера. Мессіанизмъ, это помѣшательство Вронскаго, это бѣлая горячка Товянскаго, вскружилъ голову сотнямъ поляковъ и самому Мицкевичу. Поклоненіе Наполеону принадлежитъ на первомъ планѣ къ этому безумію; Наполеонъ ничего не сдѣлалъ для нихъ; онъ не любилъ Польши, а любилъ поляковъ, проливавшихъ за него кровь съ тѣмъ поэтически-колосальнымъ мужествомъ, съ которымъ они сдѣлали свою знаменитую кавалерійскую атаку въ Сомо-Сіерра. Въ 1812 г. Наполеонъ говорилъ Нарбону: „Я хочу въ Польшѣ лагерь, а не форумъ. Я равно не позволю ни въ Варшавѣ, ни въ Москвѣ открыть клубъ для демагоговъ,“ и изъ него то поляки сдѣлали военное воплощеніе Бога, поставили рядомъ съ Вишну и Христомъ.

Разъ вечеромъ поздно, зимой 1848, шелъ я съ однимъ полякомъ изъ Мицкевичевыхъ приверженцевъ по Вандомской площади. Когда мы поровнялись съ колонной, полякъ снялъ фуражку. Неужели?... подумалъ я, не смѣя вѣрить въ такую глупость и смиренно спросилъ его: что за причина, что онъ снялъ фуражку. Полякъ показалъ мнѣ пальцемъ на бронзоваго императора. Какъ же послѣ этого не тѣснить и не угнетать людей, когда это пріобрѣтаетъ столько любви!

Въ домашней жизни Мицкевича было темно, что-то несчастное, мрачное, „посѣщенное богомъ.“ Жена его долгое время была поврежденной. Товянскій заговари-

валъ ее и будто помогъ, это особенно поразило Мицкевича, но слѣды болѣзни остались... дѣла ихъ шли плохо. Печально оканчивалась жизнь великаго поэта, пережившаго себя. Онъ угасъ въ Турціи, замѣшавшись въ нелѣпое дѣло устройство казацкаго легіона, которому Турція запретила называться польскимъ. Передъ смертію онъ написалъ латинскую оду во славу и честь Людовика Наполеона.

Послѣ этой нудачной попытки участвовать въ журналѣ, я еще больше удалился въ небольшой кругъ знакомыхъ, увеличивавшійся появленіемъ новыхъ эмигрантовъ. Прежде я хаживалъ иногда въ клубы, участвовалъ въ трехъ-четырехъ банкетахъ, т. е. ѣлъ холодную баранину и пилъ кислое вино, слушая Пьера Леру, Отца Кабе и подтягивая Марсельезу. Теперь и это надоѣло. Съ глубоко скорбнымъ чувствомъ слѣдилъ я и помѣчалъ успѣхи разложенія, паденія республики, Франціи, Европы. Изъ Россіи—ни дальней зарницы, ни вѣсти хорошей, ни дружескаго привѣта; писать ко мнѣ перестали; личныя, ближайшія, родныя связи пріостановились. Россія лежала безгласно, замертво, въ синихъ пятнахъ, какъ несчастная баба, у ногъ своего хазяина, избитая его тяжелыми кулаками. Она вступала тогда въ то страшное пятилѣтіе, изъ котораго выходитъ теперь *) наконецъ, вслѣдъ за гробомъ Николая.

Это пятилѣтіе и для меня было самое худшее время моей жизни; у мена нѣтъ ни столько богатствъ на потерю, ни столько вѣрованій на уничтоженіе...

... Холера свирѣпствовала въ Парижѣ, тяжелый воздухъ, безсолнечный жаръ производили тоску; видъ испуганнаго несчастнаго населенія и ряды похоронныхъ

*) Писано въ 1856 г.

дрогъ, которыя, приближаясь къ кладбищамъ, пускались въ обгонки; все это соотвѣтсвовало событіямъ.

Жертвы заразы падали возлѣ, рядомъ. Моя мать поѣхала съ одной знакомой дамой, лѣтъ двадцати пяти, въ Сен-Клу; вечеромъ, когда они возвращались, дама чувствовала себя нѣсколько нездоровой, моя мать уговаривала ее остаться ночевать. Утромъ, часовъ въ семь пришли мнѣ сказать, что у нея холера; я пошелъ къ ней и обомлѣлъ,—ни одной черты не осталось по прежнему; — она была хороша собой, но всѣ мышцы лица опустились, съежились, темныя тѣни легли подъ глазами. Насилу отыскалъ я Райе въ институтѣ и привезъ его. Взглянувъ на больную, Райе шепнулъ мнѣ: „Вы сами видите, что тутъ дѣлать,“ прописалъ что-то и уѣхалъ.

Больная подозвала меня и спросила: „что вамъ сказалъ докторъ? Онъ вамъ что то сказалъ?“ Послать за лекарствомъ. Она взяла меня за руку и рука ея удивила меня больше лица: она исхудала и сдѣлалась угловатой, какъ будто мѣсяцъ тяжкой болѣзни прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ она занемогла, и, останавливая на мнѣ взглядъ, исполненный страданія и ужаса, проговорила: „скажите, Бога ради, что онъ сказалъ... что, умираю я?... да вы меня не боитесь?“ прибавила она. Мнѣ ее было ужасно жаль въ эту минуту; это страшное сознаніе не только смерти, но и заразительности недуга, который быстро подтачивалъ ея жизнь, должно было быть безмѣрно мучительно. Къ утру она умерла.

И.Т-въ собирался ѣхать изъ Парижа, срокъ его квартиры окончился, онъ пришелъ ко мнѣ переночевать. Послѣ обѣда онъ жаловался на духоту, я сказалъ ему, что купался утромъ, вечеромъ пошелъ и онъ купаться. Возвратившись, онъ чувствовалъ себя нехорошо, выпилъ содовой воды съ виномъ и сахаромъ и пошелъ спать. Ночью

онъ разбудилъ меня. „Я потерянный человѣкъ, сказалъ онъ мнѣ, холера.“ У него дѣйствительно были тошнота и спазмы; по счастью онъ отдѣлался десятью днями болѣзни.

Моя мать, схоронивъ свою знакомую, переѣхала въ Ville d'Avray. Когда занемогъ И. Т-въ, я отправилъ туда Natalie и дѣтей, и остался одинъ съ нимъ, а когда ему стало гораздо легче, переѣхалъ и я туда.

Туда-то утромъ, 12 Іюня, явился ко мнѣ Сазоновъ. Онъ былъ въ величайшемъ одушевленіи, говорилъ о готовящемся движеніи, о неминуемости успѣха, о славѣ, которая ждетъ участниковъ, и настоятельно звалъ меня на это жнитво лавръ. Я говорилъ ему, что онъ знаетъ мое мнѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ, что мнѣ кажется глупо идти безъ вѣры съ людьми, съ которыми не имѣешь почти ничего общаго.

На это восторженный агитаторъ замѣтилъ, что оно, конечно, покойнѣе и безопаснѣе писать у себя дома скептическія статейки, въ то время, когда другіе отстаиваютъ на площади свободу міра, солидарность народовъ и много другого добра.

Чувство весьма дрянное, но которое многихъ привело и приведетъ къ большимъ ошибкамъ и даже къ преступленіямъ, заговорило во мнѣ. — Да съ чего же ты вообразилъ, что я не пойду?

— Я такъ заключилъ изъ твоихъ словъ.

— Нѣтъ, я сказалъ, что это глупо, но вѣдь не говорилъ, что я никогда не дѣлаю глупостей.

— Вотъ этого то я и хотѣлъ. Вотъ такимъ то я тебя люблю! Ну такъ нечего терять времени, ѣдемъ въ Парижъ. Сегодня вечеромъ нѣмцы и другіе рефюжье собираются въ девять часовъ, пойдемъ сначала къ нимъ.

— Гдѣ-же они собираются? спросилъ я его въ вагонѣ.

— Въ cafè Lamblin, въ Polais Royal'ѣ.

Это было мое первое удивленіе. — Какъ въ cafè Lamblin?

— Тамъ обыкновенно собираются „красные".

— Именно потому то мнѣ кажется и слѣдовало бы сегодня собраться въ другомъ мѣстѣ.

— Да уже они всѣ тамъ привыкли.

— Пиво вѣрно очень хорошо!

Въ кафе, за десяткомъ маленькихъ столиковъ, важно засѣдали разные habitués революціи, значительно и мрачно посматривавшіе изъ подъ поярковыхъ шляпъ съ большими полями, изъ подъ фуражекъ съ крошечными козырьками. Это были тѣ вѣчные женихи революціонной Пенелопы, тѣ неизбѣжные лица всѣхъ политическихъ демонстрацій, составляющіе ихъ *табло*, ихъ *фонъ*, грозные издали, какъ драконы изъ бумаги, которыми китайцы хотѣли застращать англичанъ.

Въ смутныя времена общественныхъ пересозданій, бурь, въ которыя государства на долго выходятъ изъ обыкновенныхъ пазовъ своихъ, нараждается новое поколѣніе людей, которыхъ можно назвать хористами революціи; выросшенное на подвижной и вулканической почвѣ, воспитанное въ тревогѣ и перерывѣ всякихъ дѣлъ—оно съ раннихъ лѣтъ вживается въ среду политическаго раздраженія, любитъ драматическую сторону его, его торжественную и яркую постановку. Какъ для Николая *шагистика* была главнымъ въ военномъ дѣлѣ — такъ для нихъ всѣ эти банкеты, демонстраціи, протестаціи, сборы, тосты, знамена — главное въ революціи.

Въ ихъ числѣ есть люди добрые, храбрые, искренно

преданные и готовые стать подъ пулю, но большей частію очень недальніе и чрезвычайные педанты. Неподвижные консерваторы во всемъ революціонномъ, они останавливаются на какой нибудь программѣ, и не идутъ впередъ.

Толкуя всю жизнь о небольшомъ числѣ политическихъ мыслей, они объ нихъ знаютъ, такъ сказать, ихъ риторическую сторону, ихъ священническое облаченіе, т. е. тѣ общія мѣста, которыя послѣдовательно появляются одни и тѣже, à tour de rôle—катъ уточки въ извѣстной дѣтской игрушкѣ, въ газетныхъ статьяхъ, въ банкетныхъ рѣчахъ и въ парламентскихъ выходкахъ.

Сверхъ людей наивныхъ, революціонныхъ доктринеровъ, въ эту среду естественно втекаютъ непризнанные артисты, несчастные литераторы, студенты, не окончившіе курса, но окончившіе ученье, адвокаты безъ процесовъ, артисты безъ таланта, люди съ большимъ самолюбіемъ, но съ малыми способностями, съ огромными притязаніями, но безъ выдержки и силы на трудъ. Внѣшнее руководство, которое гуртомъ пасетъ въ обыкновенныя времена стада человѣческія, слабѣетъ во времена переворотовъ, люди, оставленные сами на себя, не знаютъ что имъ дѣлать. Легкость, съ которой, и то только повидимому, всплываютъ знаменитости въ революціонныя времена—поражаетъ молодое поколѣніе и оно бросается въ пустую агитацію; она пріучаетъ ихъ къ сильнымъ потрясеніямъ и отъучаетъ отъ работы. Жизнь въ кофейныхъ и клубахъ увлекательна, полна движенія, льститъ самолюбію и вовсе не стѣсняетъ. Опоздать нельзя, трудиться не нужно, что не сдѣлано сегодня, можно сдѣлать завтра, можно и вовсе не дѣлать.

Хористы революціи, подобно хору греческихъ трагедій, дѣлятся еще на полухоры: къ нимъ идетъ ботаническая класификація: одни изъ нихъ могутъ назваться *тайнобрачными*, другіе *явнобрачными*. Одни изъ нихъ дѣлаются вѣчными заговорщиками, мѣняютъ по нѣскольку разъ квартиру и форму бороды. Они таинственно приглашаютъ на какія то необыкновенно важныя свиданья, если можно ночью, или въ какомъ нибудь неудобномъ мѣстѣ. Встрѣчаясь публично съ своими друзьями, они не любятъ кланяться головой, а значительно кланяются глазами. Многіе скрываютъ свой адресъ, не сообщаютъ день отъѣзда, не сказываютъ куда ѣдутъ, пишутъ шифрами и химическими чернилами новости, напечатанныя просто голландской сажей въ газетахъ.

При Людвигѣ Филиппѣ, разсказывалъ мнѣ одинъ французъ, Е., замѣшанный въ какое то политическое дѣло, скрывался въ Парижѣ; при всѣхъ своихъ прелестяхъ, такая жизнь становится à la longue утомительна и скучна. Делессеръ, bon vivant и богатый человѣкъ, былъ тогда префектомъ; онъ служилъ по полиціи не изъ нужды, а изъ страсти, и любилъ иногда весело пообѣдать. У него и у Е. было много общихъ пріятелей; разъ, между „грушей и сыромъ," какъ говорятъ французы, одинъ изъ нихъ сказалъ ему: „Какая досада, что вы такъ преслѣдуете бѣднаго Е.? Мы лишены славнаго собесѣдника, и онъ долженъ скрываться какъ преступникъ."

„Помилуйте," сказалъ Делессеръ, „объ его дѣлѣ помину нѣтъ.—Зачѣмъ онъ прячется?" — Знакомые его иронически улыбались. „Я его постараюсь увѣрить, что онъ дѣлаетъ вздоръ—и васъ съ тѣмъ вмѣстѣ."

Пріѣхавши домой, онъ позвалъ одного изъ главныхъ

шпіоновъ и спросилъ его: „Что Е., въ Парижѣ?„ — Въ Парижѣ?“—отвѣчалъ шпіонъ.—„Прячется?“—спросилъ Делессеръ.—„Прячется,“ отвѣчалъ шпіонъ „Гдѣ?“ спросилъ Делессеръ. Шпіонъ вынулъ книжку, порылся въ ней, и прочелъ его адресъ. — „Хорошо, такъ ступайте къ нему завтра утромъ рано и скажите, что онъ напрасно безпокоится, что мы его не ищемъ, и что онъ можетъ спокойно жить на своей квартирѣ.“

Шпіонъ въ точности исполнилъ приказаніе, а, черезъ два часа послѣ его визита, Е. таинственно извѣщалъ своихъ близкихъ и друзей, что онъ уѣзжаетъ изъ Парижа и будетъ скрываться въ одномъ изъ дальнихъ городовъ, потому-де, что префектъ открылъ мѣсто, гдѣ онъ прятался!

Сколько заговорщики стараются покрыть прозрачной завѣсой таинственности и краснорѣчивымъ молчаніемъ — свою тайну, столько явнобрачные стараются обличить и разболтать все, что есть за душой.

Это безсмѣнные трибуны кофейныхъ и клубовъ; они постоянно недовольны всѣмъ и хлопочутъ обо всемъ, все сообщаютъ, даже, то, чего не было, а то что было — является у нихъ какъ горы въ рельефныхъ картахъ, возведенное въ квадратъ и кубъ. Глазъ до того къ нимъ привыкаетъ, что невольно ищетъ ихъ при всякомъ уличномъ шумѣ, при всякой демонстраціи, на всякомъ банкетѣ.

... Для меня зрѣлище въ cafe Lamblin было еще ново, я мало былъ знакомъ тогда съ заднимъ дворомъ революціи. Правда, я ходилъ въ Римѣ и въ cafe delle Belli Arti и на площадь, бывалъ въ Circolo Romano и въ Circolo Popolare но тогдашнее римское движеніе не имѣло еще того характера политической махровости, который особенно развился послѣ неудачъ 1848 года.

Чичероваккіо и его друзья имѣли свои наивности, свою южную мимику, которая намъ кажется фразой, и свои итатьянскія фразы, которыя мы принимаемъ за декламацію; но они были въ періодѣ юнаго увлеченія, они еще не пришли въ себя послѣ трехъ вѣковаго сна; il popolano Чичероваккіо вовсе не былъ политическимъ агитаторомъ по ремеслу, онъ ничего лучше не просилъ бы, какъ снова удалиться съ миромъ въ свой небольшой домъ Strada Ripetta и торговать лѣсомъ и дровами, въ кругу своей семьи, какъ pater familias и свободный civis romanus.

Въ людяхъ, его окружавшихъ, не мгло быть той печати пошлаго, изболтавшагося псевдо-революціонизма, того характера taré, который такъ печально распространился во Франціи.

Само собою разумѣется, что, говоря о кофейныхъ агитаторахъ и о революціонныхъ лаццарони, я вовсе не думалъ о тѣхъ сильныхъ работникахъ человѣческаго освобожденія, о тѣхъ огненныхъ проповѣдникахъ независимости, о тѣхъ мученикахъ любви къ ближнему, которымъ ни тюрьма, ни ссылка, ни изгнаніе, ни бѣдность не перерѣзала рѣчи, о тѣхъ дѣлателяхъ и двигателяхъ событій—кровью, слезами и рѣчами которыхъ водворяется новый порядокъ въ исторіи. У насъ рѣчь шла о той накипѣвшей закраинѣ, покрытой праздным пустоцвѣтомъ, для котораго сама агитація—цѣль и награда, которымъ процесъ народныхъ возстаній нравится—какъ процесъ чтенія нравился Петрушкѣ Чичикова или какъ шагистика Николаю.

Реакціи радоваться нечему—не такими репейниками и мухоморами поросла она и не на закраинахъ, а повсюду. Въ ней цѣлыя населенія чиновниковъ дрожащихъ передъ начальниками, шныряющихъ шпіоновъ,

вольнонаемныхъ убійцъ, готовыхъ драться съ той и другой стороны, офицеровъ во всѣхъ отвратительныхъ видахъ, отъ прусскаго юнкертума до хищныхъ французскихъ алжирцевъ, отъ гвардейцевъ до „камеръ-пажей.“ И тутъ мы еще только коснулись свѣтской реакціи, не трогая ни нищенствующую братію, ни интригующихъ іезуитовъ, ни полицействующихъ поповъ, ни прочихъ членовъ ангельскаго и архангельскаго чина.

Если въ реакціи есть что нибудь похожее на нашихъ дилетантовъ революціи, то это придворные — люди, употребляемые для церемоній, люди выходовъ и входовъ, люди, бросающіеся въ глаза на крестинахъ и бракосочетаніяхъ, на коронаціяхъ и похоронахъ, люди для мундира, для шитья, представляющіе лучи власти, ея ароматъ.

Въ café Lamblin, гдѣ отчаянные граждане сидѣли за птиверами и большими стаканами, я узналъ, что нѣтъ никакого плана, нѣтъ никакого настоящаго центра движенія, никакой программы. Вдохновеніе должно было сойти, какъ нѣкогда святой духъ на голову апостоловъ. Только въ одномъ пунктѣ всѣ были согласны — *въ томъ, чтобъ явиться на мѣсто сбора безъ оружія.* Послѣ пустой болтовни, продолжавшейся часа два, условившись, чтобъ завтра въ восемь часовъ утра собраться на Boulevard Bonne Nouvelle противъ Château d'Eau, мы отправились въ редакцію „Истинной Республики.“

Издателя не было дома: онъ поѣхалъ „къ горцамъ“ за инструкціями. Въ большой, почернѣлой, слабо освѣщенной и еще слабѣе меблированной залѣ, служившей редакціи для сбора и совѣщаній, было человѣкъ двадцать, большей частью поляки и нѣмцы. Сазоновъ взялъ листъ бумаги и принялся что то писать; написавши,

онъ намъ прочелъ: это была протестація отъ имени эмигрантовъ всѣхъ странъ противъ занятія Рима и заявленіе готовности ихъ принять участіе въ движеніи. Тѣмъ, кто хотѣлъ обезсмертить свое имя, связывая его съ славнымъ завтра—онъ предлагалъ подписаться. Почти всѣ хотѣли обезсмертить свое имя и подписались. Вошелъ издатель, усталый, невеселый, стараясь внушить, что онъ много знаетъ, но долженъ молчать; я былъ увѣренъ, что онъ ничего не знаетъ: „Citoyens," сказалъ Торе, „la Montagne est en permanence." Ну что же сомнѣваться въ успѣхѣ—en permanence.! Сазоновъ передалъ издателю протестацію европейской демократіи. Издатель перечиталъ и сказалъ: „Это прекрасно, это прекрасно! Франція васъ благодаритъ, граждане; но зачѣмъ-же подписи? Ихъ такъ немного, что, въ случаѣ неудачи, на васъ обрушится вся злоба нашихъ враговъ."

Сазоновъ настаивалъ, чтобъ имена остались; многіе были согласны съ нимъ. „Я не беру этого на мою отвѣтственность," возразилъ издатель; „простите меня, я лучше васъ знаю, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло." При этомъ онъ оторвалъ подписи и предалъ имена дюжины кандидатовъ на безсмертіе—всесожженію на свѣчѣ, а текстъ послалъ набирать въ типографію.

Когда мы вышли изъ редакціи, разсвѣтало; толпы оборванныхъ мальчишекъ и несчастныхъ, убого одѣтыхъ женщинъ стояли, сидѣли, лежали по тротуарамъ, возлѣ разныхъ редакцій, ожидая кипы журналовъ — однѣ, чтобъ ихъ складывать, другіе, чтобъ бѣжать съ ними во всѣ концы Парижа. Мы вышли на бульваръ—тишина была совершенная, изрѣдка попадались патрули національной гвардіи, прогуливались и лукаво посматривавшіе городовые сержанты.

— Какъ беззаботно спитъ этотъ городъ, сказалъ мой товарищъ, не предчувствуя, какая гроза его разбудитъ завтра!

— Вотъ, кто не спитъ за насъ за всѣхъ, сказалъ я ему, указывая на верхъ, то есть на освѣщенное окно въ maison d'Or. — „Это очень кстати, зайдемъ выпить абсинту; у меня что то на желудкѣ не хорошо.

— А у меня пусто, къ тому же оно и недурно поужинать; какъ ѣдятъ въ Капитоліи, я не знаю, ну а въ консьержри кормятъ отвратительно.

По костямъ холодной индѣйки, оставшимся отъ трапезы нашей, нельзя было догадаться ни того, что холера свирѣпствовала въ Парижѣ, ни того, что мы идемъ черезъ два часа мѣнять судьбы Европы. Мы ѣли въ maison d'Or, такъ какъ Наполеонъ спалъ подъ Аустерлицемъ.

Часу въ девятомъ, когда мы пришли на бульваръ Bonne Nouvelle, на немъ уже стояли многочисленныя кучки людей, съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидавшихъ что дѣлать, на лицахъ было написано недоумѣніе, но съ тѣмъ вмѣстѣ по особенной физіономіи группъ видно было большое озлобленіе. Найди себѣ эти люди, настоящихъ вожатаевъ, день не окончился бы фарсомъ.

Была минута, въ которую мнѣ показалось, что сейчасъ завяжется дѣло. Какой то господинъ довольно тихо ѣхалъ верхомъ по бульварамъ. Въ немъ узнали одного изъ министровъ (Лакруа), который вѣроятно не для одного чистаго воздуха прогуливался верхомъ такъ рано. Его окружили съ крикомъ, стащили съ лошади, изодрали ему фракъ, и потомъ отпустили, т. е. другая группа отбила его и эскортировала куда-то. Толпа росла, часамъ къ десяти могло быть до двадцати пяти

тысячъ человѣкъ. Кого мы ни спрашивали, къ кому мы ни обращались, никто ничего не зналъ. Керсози, временъ минувшихъ карбонаро, увѣрялъ насъ, что банлье входитъ въ Arc de Triomphe съ крикомъ: „Vive la République!“ — „Пуще всего,“ опять повторяли всѣ старѣйшины демократіи, „будьте безъ оружія, а то вы испортите характеръ дѣла. Самодержавный народъ долженъ мирно и торжественно заявить Собранію свою волю, чтобъ не дать врагамъ никакого повода къ клеветѣ.“

Наконецъ колонны состроились. Изъ насъ, иностранцевъ, составили почетную фалангу за самыми вожатаями, въ числѣ которыхъ были Е. Араго, въ полковничьемъ мундирѣ, бывшій министръ Бастидъ, и другія знаменитости 1848 года. Съ разными криками и съ Марсельезой двинулись мы по бульвару. Кто не слыхалъ Марсельезы, пѣтой тысячами голосовъ, въ томъ нервномъ раздраженіи и въ томъ раздумьи, которое необходимо является передъ извѣстной борьбой, тотъ врядъ ли пойметъ потрясающее дѣйствіе революціоннаго псалма.

Въ эту минуту демонстрація получила величавый характеръ. По мѣрѣ того, какъ мы тихо двигались по бульварамъ, всѣ окна отворялись; дамы, дѣти толкались у нихъ и выходили на балконы; мрачныя и встревоженныя лица ихъ мужей, отцовъ-пропріетеровъ выглядывали изъ за нихъ, не замѣчая, что въ четвертыхъ этажахъ и мансардахъ высовывались другія головки, бѣдныхъ швей и работницъ: — онѣ махали намъ платками, кланялись и привѣтствовали руками. Время отъ времени подымались разные крики, когда мы проходили мимо домовъ извѣстныхъ лицъ.

Такъ дошли мы до того мѣста, гдѣ rue de la Paix

входитъ въ бульвары; она была заперта взводомъ венсенскихъ стрѣлковъ, и когда наша колонна поровнялась съ ними, стрѣлки вдругъ разступились, какъ декорація въ театрѣ — и Шангарнье, верхомъ на небольшой лошади, скакалъ передъ эскадрономъ драгуновъ. Безъ всякихъ соммацій, безъ барабаннаго боя и прочихъ, закономъ предписанныхъ формъ, онъ, смявъ передовые ряды, отрѣзалъ ихъ отъ прочихъ и, развернувъ драгуновъ на двѣ стороны, велѣлъ имъ скорымъ шагомъ расчистить улицу. Драгуны съ какимъ то упоеніемъ пустились мять людей, рубя палашами плашмя и острой стороной при малѣйшемъ сопротивленіи. Я едва успѣлъ сообразить что случилось, какъ очутился носъ съ носомъ съ лошадью, которая фыркала мнѣ въ лицо, и съ драгуномъ, который, ругаясь, также не заглаза, грозился вытянуть меня фухтелемъ, если я не пойду въ сторону. Я подался на право и, въ одно мгновеніе, былъ увлеченъ толпой и прижатъ къ рѣшеткѣ rue Basse des Remparts. Изъ нашего ряда остался возлѣ меня одинъ М. Стрюбингъ; между тѣмъ драгуны жали передовыхъ людей лошадьми, а они насъ людьми, которымъ некуда было дѣться. Е. Араго соскочилъ въ улицу Basse des Remparts, поскользнулся и вывихнулъ себѣ ногу; вслѣдъ за нимъ соскочилъ и я съ Стрюбингомъ, мы взглянули другъ на друга съ какимъ-то бѣшенствомъ негодованья, Стрюбингъ обернулся и громко закричалъ: „*Au* armes! *au* armes!“ Человѣкъ въ блузѣ схватилъ его за воротникъ и, толкая въ другую сторону, сказалъ: „Что вы, съ ума сошли, что-ли?.. смотрите сюда.“ По улицѣ — должно быть Chaussée d'Antin — двигалась густая щетина штыковъ.—„Ступайте, пока васъ не слыхали, да пока не отрѣзали дороги. „Все пропало! — все!“ прибавилъ онъ, сжимая кулакъ, и, напѣвая пѣ-

сню, будто ничего не было, удалился скорыми шагами. Мы пошли на площадь Согласія. На Елесейскихъ поляхъ не было ни одного взвода изъ банлье, вѣдь и Керсози зналъ, что не было; это была дипломатическая ложь къ спасенію, а можетъ она была бы и къ гибели тѣхъ, которые повѣрили бы.

Наглость нападенія на безоружныхъ людей возбудила большую злобу. Будь въ самомъ дѣлѣ что нибудь приготовлено, будь вожатые, не было бы ничего легче, какъ начать настоящій бой. Гора, вмѣсто того, чтобъ явиться въ весь ростъ, услышавъ о томъ, какъ смѣшно разогнали лошадьми самодержавный народъ, скрылась за облакомъ. Ледрю-Ролленъ велъ переговоры съ Гинаромъ. Гинаръ, начальникъ артиллеріи національной гвардіи, хотѣлъ самъ пристать къ движенію, хотѣлъ дать людей, соглашался дать пушки, но ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ *давать зарядовъ*, онъ какъ то хотѣлъ дѣйствовать *моральной стороной пушекъ*; тоже дѣлалъ со своимъ легіономъ Форестье. Много ли имъ помогло это — мы видѣли по Версальскому процессу. Всѣмъ чего-то хотѣлось — но никто не дерзалъ; всего предусмотрительнѣе оказались нѣсколько молодыхъ людей, съ надеждой на новый порядокъ — они заказали себѣ префектскіе мундиры, которыхъ, послѣ неудачи движенія не взяли, и портной принужденъ былъ вывѣсить ихъ на продажу.

Когда на скоро сколоченное правительство расположилось въ Arts et Métiers, работники, походивши по улицамъ съ вопрошающимъ взглядомъ и не находя ни совѣта, ни призыва—отправились домой, еще разъ убѣдившись въ несостоятельности горныхъ отцевъ отечества, можетъ быть глотая слезы, какъ блузникъ. говорившій намъ: „Все погибло! — все!“ а можетъ и смѣ-

ясь исподтишка тому, что „гора“ опростоволосилась.

Но — нерасторопность Ледрю-Роллена, формализмъ Гинара—все это внѣшнія причины неудачи и являются съ тѣмъ же *кстати*, какъ рѣзкіе характеры и счастливыя обстоятельства, когда ихъ нужно. Внутренная причина состояла въ бѣдности той республиканской идеи, изъ которой шло движеніе. Идеи, пережившія свое время, могутъ долго ходить съ клюкой, могутъ даже, какъ Христосъ, еще разъ, два показаться послѣ смерти своимъ адептамъ, но трудно для нихъ снова завладѣть жизнью и вести ее. Они не увлекаютъ всего человѣка, или увлекаютъ только не полныхъ людей. Еслибъ гора одолѣла 13 Іюня, чтобы она сдѣлала? новаго у нея за душой ничего не было, Опять безцвѣтная фотографія яркой и мрачной Рембрандтовской, Сальваторъ-Розовской картины 1793 года, безъ якобинцевъ, безъ войны, даже безъ наивной гильотины...

Вслѣдъ за 13 Іюнемъ и опытомъ ліонскаго возстанія начались аресты; меръ съ полиціей приходилъ къ намъ въ ville d'Avray искать К. Блинда и А. Руге; часть знакомыхъ была захвачена. Консьержри была набита биткомъ, въ небольшомъ залѣ было до шестидесяти человѣкъ; посреди него стоялъ ушатъ для нечистотъ, разъ въ сутки его выносили, и все это въ образованномъ Парижѣ, во время свирѣпѣйшей холеры. Не имѣя ни малѣйшей охоты *) прожить мѣсяца два въ этомъ комфортѣ, на гнилыхъ бобахъ и тухлой говядинѣ, я взялъ пассъ у одного Молдовалаха и уѣхалъ въ Женеву.**)

*) Въ *Пол. Зв.* кн. II на мѣсто этой фразы стоитъ: ... *оставаться въ Парижѣ было безумно; я взялъ пассъ у Валлаха и отправился въ Женеву.* Изд.

**) Какъ справедливы были мои опасенія, доказалъ полицейскій

Тогда еще возили Францію Lafitte и Calliard, дилижансы ставили на желѣзную дорогу, потомъ снимали, помнится, въ Шалонѣ и опять гдѣ-то ставили. Со мной въ купе сѣлъ худощавый мужчина, загорѣлый, съ подстриженными усами, довольно непріятной наружности и подозрительно посмтарившій на меня; съ нимъ былъ небольшой сакъ и шпага, завернутая въ клеенку. Очевидно, что это былъ переодѣтый городской сержантъ. Онъ тщательно осмотрѣлъ меня, съ ногъ до головы потомъ уткнулся въ уголъ и не произнесъ ни одного слова. На первой станціи онъ подозвалъ кондуктора и сказалъ ему, что забылъ превосходную карту, что онъ его обяжетъ, давши клочекъ бумаги и конвертъ. Кондукторъ замѣтилъ, что до звонка остается всего минуты три; сержантъ выпрыгнулъ и, возвратившись, сталъ еще подозрительнѣе осматривать меня. Часа четыре продолжалось молчаніе, даже позволеніе курить онъ спросилъ у меня молча; я отвѣчалъ также головой и глазами и вынулъ самъ сигару. Когда стало смеркаться онъ спросплъ меня: „Вы въ Женеву?“ — Нѣтъ, въ Ліонъ, отвѣчалъ я. — „А!“— Тѣмъ разговоръ и кончился. Черезъ нѣсколько времени отворилась дверь и кондукторъ съ трудомъ всунулъ плѣшивую фигуру, въ пространномъ гороховомъ пальто, въ цвѣтномъ жилетѣ, съ толстой тростью, мѣшкомъ, зонтикомъ и огромнымъ животомъ. Когда этотъ типъ добродѣтельнаго дяди усѣлся между мной и сержантомъ, я его спросилъ, не давши ему придти въ себя отъ одышки: Monsieur, vous n'avez pas d'objection? Кашляя, отирая потъ и повязывая

обыскъ, сдѣланный дня три послѣ моего отъѣзда въ домѣ моей матери, въ ville d'Avray. У нея захватили всѣ бумаги, даже переписку ея горничной съ моимъ поваромъ. Разсказъ о 13 Іюнѣ я не счелъ своевременнымъ печатать тогда.

фуляромъ голову, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Сдѣлайте одолженіе, помилуйте, мой сынъ, который теперь въ Алжирѣ, всегда куритъ, il fume toujours," и потомъ съ легкой руки, пошелъ разсказывать и болтать; черезъ полчаса онъ уже допросилъ меня откуда я и куда я ѣду, и услыхавъ, что я изъ Валахіи, съ свойственной французу учтивостью прибавилъ: „ Ah! c'est un beau pays." хотя онъ и не зналъ навѣрно, въ Турціи она или въ Венгріи.

Сосѣдъ мой отвѣчалъ на его вопросы очень лаконически: Monsieur est militaire?—Oui, Monsieur.— Monsieur a été en Algérie?—Oui, Monsieur. — Мой старшій сынъ тоже, онъ и теперь тамъ. Вы вѣрно въ Оранъ? Non monsieur. А въ вашихъ странахъ есть дилижансы? Между Яссами и Бухарестомъ, отвѣчалъ я съ неподражаемой самоувѣренностью. Только у насъ дилижансы ходятъ на волахъ. Это привело въ крайнее удивленіе моего сосѣда и онъ навѣрно присягнулъ бы, что я валахъ; послѣ этой счастливой подробности даже сержантъ смягчился и сталъ разговорчивѣе.

Въ Ліонѣ я взялъ свой чемоданъ и тотчасъ поѣхалъ въ другую контору дилижансовъ, вскарабкался на имперіалъ и черезъ пять минутъ скакалъ уже по женевской дорогѣ. Въ послѣднемъ большомъ городѣ, на площадкѣ передъ полицейскимъ домомъ, спдѣлъ комисаръ полиціи съ писаремъ, около стояли жандармы, тутъ свидѣльствовали предварительно пасы. Примѣты не совсѣмъ шли ко мнѣ, а потому, слѣзая съ имперіала, я сказалъ жандарму: Mon brave, пожалуйста, гдѣ бы на скорую руку выпить стаканъ вина съ вами, укажите, мочи нѣтъ какой жаръ.

— Да вотъ тутъ два шага кафе моей родной сестры.

— А какъ-же быть съ пасомъ?

— Давайте сюда, я отдамъ моему товарищу, онъ принесетъ его намъ.

Черезъ минуту мы осушали съ жандармомъ бутылку Бонъ въ кафе его родной сестры, а черезъ пять его пріятель принесъ пасъ, я ему поднесъ стаканъ, онъ приложилъ руку къ шляпѣ, и мы отправились друзьями къ дилижансу. Первый разъ сошло хорошо съ рукъ. Пріѣзжаемъ на границу—рѣка, на рѣкѣ мостъ, за мостомъ піэмонтская таможня. Французскіе жандармы на берегу таскаются во всѣхъ направленіяхъ, ищутъ Ледрю-Роллена, который давно проѣхалъ, или по крайней мѣрѣ Феликса Пья, который все таки проѣдетъ, и также какъ я съ валахскимъ пасомъ.

Кондукторъ замѣтилъ намъ, что здѣсь окончательно смотрятъ бумаги, что это продожается довольно долго съ полчаса, въ силу чего совѣтовалъ поѣсть въ почтовомъ трактирѣ. Мы вошли и только что усѣлись, прикатилъ другой ліонскій дилижансъ; входятъ пасажиры и первый—мой сержантъ; фу пропасть какая, я вѣдь ему сказалъ, что ѣду въ Ліонъ. Мы съ нимъ сухо поклонились, онъ также, кажется, удивился, однако не сказалъ ни слова.

Пришелъ жандармъ, роздалъ пасы, дилижансы были уже на той сторонѣ; „извольте, господа, отправляться пѣшкомъ черезъ мостъ.“ Вотъ тутъ-то, думаю, и пойдетъ исторія. Вышли мы... вотъ и на мосту—исторіи нѣтъ, вотъ и за мостомъ—исторіи нѣтъ.

—Ха, ха, ха, сказалъ, нервно смѣясь, сержантъ, переѣхали таки, фу, какъ будто какая-нибудь тяжесть свалилась.

— Какъ, сказалъ я, да вы?

— Да вѣдь и вы кажется?

— Помилуйте, отвѣчалъ я, смѣясь отъ души, прямо изъ Бухареста, чуть не на волахъ.

— Ваше счастье, сказалъ мнѣ кондукторъ, грозя пальцемъ, а впередъ будьте осторожнѣе, зачѣмъ вы дали два франка на водку мальчику, который привелъ васъ въ контору. Хорошо, что онъ тоже *нашъ*, онъ мнѣ тотчасъ сказалъ, должно быть красный,, ни минуты не остался въ Ліонѣ, и такъ обрадовался мѣсту, что далъ мнѣ два франка на водку. Ну молчи, не твое дѣло, сказалъ я ему, а то услышитъ бестія какая-нибудь полицейская и пожалуй остановитъ.

На другой день мы пріѣхали въ Женеву, эту старинную гавань гонимыхъ... „Во время смерти короля, сто пятьдесять семействъ, говоритъ Мишле въ своей исторіи XVI столѣтія, бѣжали въ Женеву; спустя нѣкоторое время еще тысяча четыреста. Выходцы французскіе и выходцы изъ Италіи основали истинную Женеву, это удивительное убѣжище между тремя націями; безъ всякой опоры, боясь самихъ швейцарцевъ, оно держалось одной нравственной силой.“

Швейцарія была тогда сборнымъ мѣстомъ, куда сходились со всѣхъ сторонъ уцѣлѣвшіе остатки европейскихъ движеній. Представители всѣхъ неудавшихся революцій кочевали между Женевой и Базелемъ, толпы ополченцевъ переходили Рейнъ, другіе спускались съ С. Готарда или шли изъ-за Юры. Трусливое федеральное правительство еще не смѣло открыто ихъ гнать, кантоны еще держались за свое старинное, святое право убѣжища.

Точно на смотру, церемоніальнымъ маршемъ проходили по Женевѣ, останавливались, отдыхали и шли дальше всѣ эти люди, которыми была полна молва, ко-

торыхъ я любилъ заочно, и къ которымъ теперь торопился на встрѣчу...

ГЛАВА XXXVII

Вавилонское столпотвореніе.—Нѣмецкіе umwaelzungsmaenner'ы. — Французскіе красные горцы.—Итальянскіе Fuorusciti въ Женевѣ. — Маццини, Гарибальди, Орсини... Романская и Германская традиція. — Прогулка на „князѣ Радецкомъ."

Было время, когда, въ порывѣ раздраженія и горькаго смѣха, я собирался, на манеръ Гранвилевской иллюстраціи написать памфлетъ: Les refugiés peints par eux mêmes. Я радъ, что не сдѣлалъ этого. Теперь я смотрю покойнѣе, меньше смѣюсь и меньше негодую. Къ тому же и эмиграція продолжается слишкомъ долго и слишкомъ тяжко гнететъ людей...

Тѣмъ не меньше я и теперь скажу, что эмиграціи, предпринимаемыя не съ опредѣленной цѣлью, а вытѣсняемыя побѣдой противной партіи, замыкаютъ развитіе и утягиваютъ людей изъ живой дѣятельности въ призрачную. Выходя изъ родины съ затаенной злобой, съ постоянной мыслію завтра снова въ нее ѣхать, люди не идутъ впередъ, а постоянно возвращаются къ старому; надежда мѣшаетъ осѣдлости и длинному труду; раздраженіе и пустые, но озлобленные споры не позволяютъ выйти изъ извѣстнаго числа вопросовъ, мыслей, воспоминаній, изъ которыхъ образуется обязательное, тяготящее преданіе. Люди вообще, но пуще всего люди въ исключительномъ положеніи, имѣютъ такое пристрастіе къ формализму, къ цеховому духу

къ професіональной наружности, что тотчасъ принимаютъ свой ремесленническій, доктринерный типъ.

Всѣ эмиграціи, отрѣзанныя отъ живой среды, къ которой принадлежали, закрываютъ глаза, чтобъ не видѣть горькихъ истинъ, и вживаются больше въ фантастическій, замкнутый кругъ, состоящій изъ косныхъ воспоминаній и несбыточныхъ надеждъ. Если прибавимъ къ тому отчужденіе отъ не-эмигрантовъ, что-то озлобленное, подозрѣвающее, исключительное, ревнивое, то новый, упрямый Израиль будетъ совершенно понятенъ.

Эмигранты 1849 не вѣрили еще въ продолжительность побѣды своихъ враговъ, хмѣль недавнихъ успѣховъ еще не проходилъ у нихъ, пѣсни ликующаго народа и его рукоплесканія еще раздавались въ ихъ ушахъ. Они твердо вѣрили, что ихъ пораженіе — минутная неудача, и не перекладывали платья изъ чемодана въ комодъ. Между тѣмъ Парижъ былъ подъ надзоромъ полиціи, Римъ палъ подъ ударами французовъ, въ Баденѣ свирѣпствовалъ братъ короля Прусскаго, а Паскевичъ по русски, взятками и посулами, надулъ Гёргея въ Венгріи. Женева была биткомъ набита выходцами, она дѣлалась Кобленцомъ революціи 1848 года. Итальянцы всѣхъ странъ, французы, ушедшіе отъ Бошарова слѣдствія, отъ Версальскаго процеса, Баденскіе ополченцы, вступившіе въ Женеву правильнымъ строемъ, съ своими офицерами и съ Густавомъ Струве, участники Вѣнскаго возстанія, богемцы, познанскіе и галиційскіе поляки. Все это толпилось между отель де Бергъ и почтовымъ кафе. Умнѣйшіе изъ нихъ стали догадываться, что эта эмиграція не минутна, поговаривали объ Америкѣ и уѣзжали. Большинство совсѣмъ напротивъ, и въ особенности французы, вѣрные своей натурѣ, ждали всякій день смерти Наполеона и нарожде-

нія республики демократической и соціальной — одни, другіе демократической, но отнюдь не соціальной.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, гуляя въ Паки, я встрѣтилъ какого то пожилаго господина съ видомъ русскаго сельскаго священника, въ низкой шляпѣ съ большими полями, въ *черномъ* бѣломъ сертукѣ, прогуливавшагося съ какимъ то іерейскимъ помазаніемъ; возлѣ него шелъ человѣкъ страшныхъ размѣровъ, небрежно собранный изъ огромныхъ частей людскаго тѣла. Со мной былъ молодой литераторъ Ф. Капъ. „Вы не знаете ихъ?“ спросилъ онъ меня.—„Нѣтъ, но, если я не ошибаюсь, это Ной или Лотъ, прогуливающійся съ Адамомъ, который вмѣсто фиговыхъ листьевъ надѣлъ не по мѣркѣ сшитое пальто.“

— „Это Струве и Гейнценъ, отвѣтилъ онъ, смѣясь. Хотите познакомиться?

— Очень. Онъ подвелъ меня.

Разговоръ былъ ничтоженъ; Струве возвращался домой и просилъ зайти, мы пошли съ нимъ. Небольшая квартира его была наполнена баденцами; середь ихъ сидѣла высокая и издали очень красивая женщина, съ богатой шевелюрой, оригинальнымъ образомъ разбросанной—это была извѣстная Амалія Струве, его жена.

Лицо Струве съ самаго начала сдѣлало на меня странное впечатлѣніе: оно выражало тотъ нравственный столбнякъ, который изувѣрство придаетъ святошамъ и раскольникамъ, Глядя на этотъ крѣпкій, сжатый лобъ, на покойное выраженіе глазъ, на нечесаную бороду, на волосы съ просѣдью и на всю его фигуру, мнѣ казалось, что это или какой нибудь фанатическій пасторъ изъ войска Густава Адольфа, забывшій умереть, или какой нибудь таборитъ, проповѣдующій покаяніе и причастіе въ двухъ видахъ. Наружность Гейн-

цена, этого Собакевича нѣмецкой революціи, была угрюмо груба; сангвиническій, неуклюжій, онъ сердито поглядывалъ изъ подлобья и былъ не рѣчистъ. Онъ впослѣдствіи писалъ, что достаточно *избить два милліона* человѣкъ на земномъ шарѣ, и дѣло революціи пойдетъ какъ по маслу. Кто его видѣлъ хоть разъ, тотъ не удивится, что онъ это писалъ.

Не могу не разсказать о чрезвычайно смѣшномъ анекдотѣ, который со мной случился по поводу этой канибальской выходки. Въ Женевѣ жилъ, да и теперь живетъ добрѣйшій въ мірѣ докторъ Р., одинъ изъ самыхъ платоническихъ и самыхъ постоянныхъ любовниковъ революціи, другъ всѣхъ выходцевъ; онъ на свой счетъ лечилъ, кормилъ и поилъ ихъ. Бывало какъ рано ни придешь въ Café de la Poste, а докторъ уже тамъ и уже читаетъ третью или четвертую газету, зоветъ таинственно пальцемъ и сообщаетъ на ухо... „Я думаю, что сегодня въ Парижѣ горячій день.“—Отчего-же?—„Я вамъ не могу сказать отъ кого я слышалъ, но только отъ близкаго человѣка Ледрю Роллена, онъ былъ здѣсь проѣздомъ...“ — Да вѣдь вы и вчера, и третьяго дня ждали чего то, любезнѣйшій докторъ?—„Ну такъ что-жъ? Stadt Rom war nicht in einem Tage gebaut.“

Вотъ къ нему-то, какъ къ другу Гейнцена, въ томъ же самомъ кафе, я и обратится, когда Гейнценъ напечаталъ свою филантропическую программу. „Зачѣмъ же, сказалъ я ему, вашъ пріятель пишетъ такой вредный вздоръ? Реакція кричитъ, да и имѣетъ право — что за Мара, переложенный на нѣмецкіе нравы, да и какъ требовать два милліона головъ?“ Р. сконфузился, но друга выдать не хотѣлъ. „Послушайте, сказалъ онъ наконецъ, вы, можетъ, одно выпустили изъ виду: Гейнценъ говоритъ обо всемъ родѣ человѣческомъ, въ этомъ

числѣ по крайней мѣрѣ *двѣсти тысячъ китайцевъ.*“ — „Ну вотъ это другое дѣло, чего ихъ жалѣть,“ отвѣтилъ я, и долго послѣ не могъ вспомнить безъ сумасшедшаго смѣха эту облегчающую причину.

Дня черезъ два послѣ моей встрѣчи въ Паки, гарсонъ hôtel des Bergues, гдѣ я стоялъ, прибѣжалъ ко мнѣ въ комнату и съ важной миной возвѣстилъ: „Генералъ Струве, съ своими адъютантами.“ Я подумалъ или что мальчика кто нибудь подослалъ шутя, или что онъ что нибудь перевралъ; но дверь отворилась и

Mit bedachtigen schritt
Густавъ Струве tritt.....

и съ нимъ четыре господина; двое были въ военномъ костюмѣ, какъ ихъ тогда носили фрейшерлеры, и вдобавокъ съ большими красными брасарами, украшенными разными эмблемами. Струве представилъ мнѣ свою свиту, демократически называя ее „братьями въ ссылкѣ.“ Я съ удовольствіемъ узналъ, что одинъ изъ нихъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, съ видомъ бурша, недавно вышедшаго изъ фуксовъ, успѣшно занималъ уже должность министра внутреннихъ дѣлъ per interim.

Струве тотчасъ началъ меня поучать своей теоріи о семи бичахъ, der sieben Geissel: папы, попы, короли, солдаты, банкиры и т. д., и о водвореніи какой-то новой демократической и революціонной религіи. Я замѣтилъ ему, что если уже это зависитъ отъ нашей воли заводить или нѣтъ новую религію, то лучше не заводить никакой, а предоставить это волѣ божіей, оно же и по сущности дѣла относится болѣе до нея. Мы поспорили. Струве что-то отпустилъ о Weltseele, я ему замѣтилъ, что, не смотря на то, что Шеллингъ такъ ясно опредѣлилъ міровую душу, называя ее das Schwebende, мнѣ она порядкомъ не дается. Онъ вскочилъ со

стула и, подошедши ко мнѣ какъ нельзя ближе со словами: „извините, позвольте,“ принялся играть пальцами по моей головѣ, нажимая ими, какъ будто черепъ у меня былъ составленъ изъ клавишей фицгармоники. „Дѣйствительно,“ прибавилъ онъ, обращаясь къ четыремъ братьямъ въ ссылкѣ: „Bürger Herzen hat kein, aber auch gar kein Organ der Venerazion;“ всѣ были довольны отсутствіемъ у меня „бугра почтительности,“ и я тоже.

При этомъ онъ объявилъ мнѣ, что онъ глубокій френологъ и не только писалъ книгу о Галлевой системѣ, но даже выбралъ по ней свою Амалію, потрогавши предварительно ея черепъ. Онъ увѣрялъ, что у нея бугра страстей совсѣмъ почти не существуетъ, и что задняя часть черепа, обиталище ихъ, почти приплюснута. По этой то, достаточной для развода, причинѣ, онъ женился на ней.

Струве былъ большой чудакъ, ѣлъ одно постное съ прибавкой молока, не пилъ вина, и на такой же діетѣ держалъ свою Амалію. Ему казалось и этого мало, и онъ всякій день ходилъ купаться съ нею въ Арву, гдѣ вода середь лѣта едва достигаетъ 8 градусовъ, неуспѣвая нагрѣться, такъ быстро стекаетъ она съ горъ.

Впослѣдствіи мнѣ случалось говорить съ нимъ о растительной пищѣ. Я возражалъ ему, какъ обыкновенно возражаютъ: устройствомъ зубовъ, большей потерей силъ на претвореніе растительнаго фибрина, указывалъ на меньшее развитіе мозга у травоядныхъ животныхъ. Онъ слушалъ кротко, не сердился, но стоялъ на своемъ. Въ заключеніе, онъ, видимо желая меня поразить, сказалъ мнѣ: „знаете ли вы, что человѣкъ, всегда питающійся растительной пищей, до того очищаетъ свое тѣло, что оно совсѣмъ не пахнетъ послѣ смерти?“ —

„Это очень пріятно, возразилъ я ему, но мнѣ-то отъ этого какая же польза? я не буду нюхать самъ себя послѣ смерти.“ Струве даже не улыбнулся, но сказалъ мнѣ съ спокойнымъ убѣжденіемъ: „Вы еще будете иначе говорить!“—Когда выростетъ бугоръ почтительности, прибавилъ я.

Въ концѣ 1849 Струве прислалъ мнѣ свой, вновь изобрѣтенный *для вольной* Германіи, календарь. Дни, мѣсяцы, все было переведено на какое то древне-германское и трудно понятное нарѣчіе; вмѣсто святыхъ, каждый день былъ посвященъ воспоминанію двухъ знаменитостей, напр. Вашингтону и Лафайету, но за то десятый назначался въ память враговъ рода человѣческаго, напр. Николая и Метерниха. Праздниками были тѣ дни, когда воспоминаніе падало на особенно великихъ людей, на Лютера, Колумба и проч. Въ этомъ календарѣ Струве галантно замѣнилъ 25 Декабря, рождество Христово, праздникомъ *Амаліи*!

Какъ-то, встрѣтившись со мной на улицѣ, онъ, между прочимъ, сказалъ, что надобно было бы издавать въ Женевѣ журналъ, общій всѣмъ эмиграціямъ, на трехъ языкахъ, который могъ бы бороться противъ „семи бичей“ и поддерживать „священный огонь“ народовъ, раздавленныхъ теперь реакціей. Я ему отвѣчалъ, что, разумѣется, это было бы хорошо.

Изданіе журналовъ было тогда повальной болѣзнію: каждыя двѣ-три недѣли возникали проэкты, являлись спесимены, разсылались ирограммы, потомъ нумера два-три — и все исчезало безслѣдно. Люди, ни на что неспособные, все еще считали себя способными на изданіе журнала, сколачивали сто-двѣсти франковъ и употребляли ихъ на первый и послѣдній листъ. Поэтому намѣреніе Струве меня нисколько не удивило; но уди-

вило и очень его появленіе ко мнѣ на другое утро, часовъ въ семь. Я думалъ, что случилось какое нибудь несчастіе, но Струве, спокойно усѣвшись, вынулъ изъ кармана какую-то бумагу и, приготовляясь читать, сказалъ: „Бюргеръ, такъ какъ мы вчера согласились съ вами въ необходимости издавать журналъ, то я и пришелъ прочесть вамъ его программу.“

Прочитавши, онъ объявилъ, что пойдетъ къ Маццини и многимъ другимъ и пригласитъ собраться для совѣщанія у Гейнцена. Пошелъ и я къ Гейнцену: онъ свирѣпо сидѣлъ на стулѣ за столомъ, держа въ огромной ручищѣ тетрадь, другую онъ протянулъ мнѣ, густо пробормотавши: „Бюргеръ, плацъ!“

Человѣкъ восемь нѣмцевъ и французовъ были на лицо. Какой-то эксъ-народный представитель французскаго Законодательнаго Собранія дѣлалъ смѣту расходовъ и писалъ что-то кривыми строчками. Когда вошелъ Маццини, Струве предложилъ прочесть программу, писанную Гейнценымъ. Гейнценъ прочистилъ голосъ и началъ читать *по нѣмецки*, не смотря на то, что общій всѣмъ языкъ былъ одинъ французскій.

Такъ какъ у нихъ не было тѣни новой идеи, то программа была тысячной варіаціей тѣхъ демократическихъ разглагольствованій, которыя составляютъ такую же риторику на революціонные тексты, какъ церковныя проповѣди на библейскіе. Косвенно предупреждая обвиненіе въ соціализмѣ, Гейнценъ говорилъ, что демократическая республика сама по себѣ уладитъ экономическій вопросъ къ общему удовольствію. Человѣкъ, несодрогнувшійся передъ требованіемъ двухъ милліоновъ головъ, боялся, что ихъ органъ сочтутъ коммунистическимъ.

Я что-то возразилъ ему на это послѣ чтенія, но по

его отрывистымъ отвѣтамъ, по вмѣшательству Струве и по жестамъ французскаго представителя, догадался, что мы были приглашены на совѣтъ, чтобъ принять программу Гейнцена и Струве, а совсѣмъ не для того, чтобъ ее обсуживать; это было, впрочемъ, совершенно согласно съ теоріей Элпидифора Антіоховича Зурова, новгородскаго военнаго губернатора.*)

Маццини, хотя и печально, слушалъ, однако согласился, и чуть ли не первый подписалъ на двѣ, три акціи. Si omnes consentiunt, ego non dissentio, подумалъ я à la Шуфтерле въ „Шиллеровскихъ Разбойникахъ," и тоже подписался.

Однакожъ акціонеровъ оказалось мало; какъ представитель ни считалъ и ни прикидывалъ — подписанной суммы было недостаточно.

Господа, сказалъ Маццини, я нашелъ средство побѣдить это затрудненіе: издавайте сначала журналъ только по французски и по нѣмецки, что же касается итальянскаго перевода, я буду помѣщать всѣ *замѣчательныя* статьи въ моей Italia del Popolo, вотъ вамъ одной третью расходовъ и меньше.

— „Въ самомъ дѣлѣ! чего же лучше!"—Предложеніе Мацинни было принято всѣми. Онъ повеселѣлъ. Мнѣ было ужасно смѣшно, и смертельно хотѣлось показать ему, что я видѣлъ, какъ онъ передернулъ карту. Я подошелъ къ нему и, высмотрѣвъ минуту, когда никого не было возлѣ, сказалъ: „вы славно отдѣлались отъ журнала."

— Послушайте, замѣтилъ онъ, вѣдь итальянская часть въ самомъ дѣлѣ *мишняя*.

— Такъ какъ и двѣ остальныя! добавилъ я. Улыбка

*) „Былое и Думы." Томъ II.

скользнула по его лицу, и такъ быстро исчезла, какъ будто ея и не было никогда.

Я тутъ видѣлъ Маццини во второй разъ. Маццини, знавшій о моей римской жизни, хотѣлъ со мной познакомиться. Однимъ утромъ мы отправились къ нему въ Паки съ Л. Спини.

Когда мы вошли, Маццини сидѣлъ, пригорюнившись за столомъ, и слушалъ разсказъ довольно высокаго, стройнаго и прекраснаго собой молодаго человѣка съ бѣлокурыми волосами. Это былъ отважный сподвижникъ Гарибальди, защитникъ Vaccello, предводитель римскихъ легіонеровъ, Джакомо Медичи. Задумавшись и не обращая никакого вниманія на происходившее, сидѣлъ другой молодой человѣкъ, съ печально разсѣяннымъ выраженіемъ—это былъ товарищъ Маццини по тріумвирату, Маркъ Аврелій Саффи.

Маццини всталъ и, глядя мнѣ прямо въ лицо своими проницательными глазами, протянулъ дружески обѣ руки. Въ самой Италіи рѣдко можно встрѣтить такую изящную въ своей серьозности, такую строгую античную голову. Минутами выраженіе его лица было жестко сурово, но оно тотчасъ смягчалось и прояснялось. Дѣятельная, сосредоточенная мысль сверкала въ его печальныхъ глазахъ; въ нихъ и въ морщинахъ на лбу— бездна воли и упрямства. Во всѣхъ чертахъ были видны слѣды долголѣтнихъ заботъ, неспаныхъ ночей, пройденныхъ бурь, сильныхъ страстей, или лучше *одной* сильной страсти, да еще что-то фанатическое — можетъ аскетическое.

Маццини очень простъ, очень любезенъ въ обращеніи, но привычка властвовать видна, особенно въ спорѣ; онъ едва можетъ скрыть досаду при противорѣчіи, а иногда и не скрываетъ ее. Силу свою онъ знаетъ и от-

кровенно пренебрегаетъ всѣми наружными знаками диктаторіальной обстановки. Популярность его была тогда огромна. Въ своей маленькой комнаткѣ, съ вѣчной сигарой во рту, Маццини въ Женевѣ, какъ нѣкогда папа въ Авиньонѣ, сосредоточивалъ въ своей рукѣ нити психическаго телеграфа, приводившія его въ живое сообщеніе со всѣмъ полуостровомъ. Онъ зналъ каждое біеніе сердца своей партіи, чувствовалъ малѣйшее сотрясеніе, немедленно отвѣчалъ на каждое, и давалъ общее направленіе всему и всѣмъ съ поразительною неутомимостью.

Фанатикъ и въ тоже время организаторъ, онъ покрылъ Италію сѣтью тайныхъ обществъ, связанныхъ между собой и шедшихъ къ одной цѣли. Общества эти вѣтвились неуловимыми артеріями, дробились, мельчали и исчезали въ Апенинахъ и въ Альпахъ, въ царственныхъ pallazzi аристократовъ и въ темныхъ переулкахъ итальянскихъ городовъ, въ которые никакая полиція не можетъ проникнуть. Сельскіе попы, кондукторы дилижансовъ, ломбардскіе принчипе, контрабандисты, трактирщики, женщины, бандиты — все шло на дѣло, всѣ были звенья цѣпи, примыкавшей къ нему и повиновавшейся ему.

Послѣдовательно, со временъ Менотти и братьевъ Бандьера, рядъ за рядомъ, выходятъ восторженные юноши, энергическіе плебеи, энергическіе аристократы, иногда старые старики... и идутъ по указаніямъ Маццини, рукоположеннаго старцемъ Бонаротти, товарищемъ и другомъ Гракха Бабефа — идутъ на неровный бой, пренебрегая цѣпями и плахой и примѣшивая иной разъ къ предсмертному крику: Viva l'Italia! Evviva Mazzini!

Такой революціонной организаціи никогда не бывало нигдѣ, да и врядъ ли она возможна гдѣ нибудь, кромѣ

Италіи, развѣ въ Испаніи. Теперь она утратила прежнее единство и прежнюю силу, она истощилась десятилѣтнимъ мученичествомъ, она изошла кровью и истомой ожиданія, ея мысль состарѣлась, да и тутъ еще какіе порывы, какіе примѣры:

Піанори, Орсини, Пизакане!

Я не думаю, чтобъ смертью одного человѣка можно было поднять страну изъ такого паденія, въ какомъ теперь Франція.

Я не оправдываю плана, вслѣдствіе котораго Пизакане сдѣлалъ свою высадку, она мнѣ казалась такъ же не своевременна, какъ два предпослѣдніе опыта въ Миланѣ; но рѣчь не о томъ, я здѣсь хочу только сказать о самомъ исполненіи. Люди эти подавляютъ величіемъ своей мрачной поэзіи, своей страшной силы, и останавливаютъ всякій судъ и всякое осужденіе. Я не знаю примѣровъ бо̀льшаго героизма ни у грековъ, ни у римлянъ, ни у мучениковъ христіанства и реформы!

Кучка энергическихъ людей приплываетъ къ несчастному неаполитанскому берегу, служа вызовомъ, примѣромъ, живымъ свидѣтельствомъ, что еще не все умерло въ народѣ. Вождь молодой, прекрасный, падаетъ первый съ знаменемъ въ рукѣ—а за нимъ падаютъ остальные, или, хуже, попадаютъ въ когти Бурбона.

Смерть Пизакане и смерть Орсини были два страшныхъ громовыхъ удара въ душную ночь. Романская Европа вздрогнула—дикій вепрь, испуганный, отступилъ въ Казерту и спрятался въ своей берлогѣ. Блѣдный отъ ужаса, траурный кучеръ, мчащій Францію на кладбище, покачнулся на козлахъ.

Недаромъ высадка Пизакане такъ поэтически отозвалась въ народѣ,

. . . . . .

Sceser con l' armi, e a noi non fecer guerra,
Ma s' inchinaron per bacciar la terra :
Ad uno, ad uno li gardai nel viso,
Tutti avean una lagrima e un sorriso,
Li disser ladri, usciti dalle tane,
Ma non portaron via nemmeno un pane;
E li sentj mandare un solo grido :
Siam venuti a morir per nostro lido —
Eran trecento, eran giovani e forti :
E sono morti!

Con gli occhi azzuri, e coi capelli d'oro
Un giovin camminava innanzi a loro;
Mi feci ardita, e préso'l per la mano,
Gli chiesi : Dove vai bel capitano ?
Guardommi e mi rispose — O mia sorella,
Vado a morir per la mia patria bella!
Io mi sentj tremarre tutto il core;
Nè potei dirgli : V' aiuti il signore;
Eran trecento, eran giovani e forti :
E sono morti!

. . . . . .

L. Mercantini, La Spigolatrice di Sapri. *

*) Вотъ бѣдный прозаическій переводъ этихъ удивительныхъ строкъ, перешедшихъ въ народную легенду :

„Они сошли съ оружіемъ въ рукахъ, но они не воевали съ нами; они бросились на землю и цаловали ее; я взглянула на каждаго изъ нихъ, на каждаго—у всѣхъ дрожала слеза на глазахъ и у всѣхъ была улыбка. Намъ говорили, что это разбойники, вышедшіе изъ своихъ вертеповъ; но они ничего не взяли, ни даже куска хлѣба, и мы только слышали отъ нихъ одно восклицаніе : „Мы пришли умереть за нашъ край!

„Ихъ было триста, они были молоды и сильны... и всѣ погибли.

„Передъ ними шелъ молодой, золотовласый вождь съ голубыми глазами... Я пріободрилась, взяла его за руку и спросила: „Куда идешь ты, прекрасный вождь?“ Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „Сестра моя, иду умирать за родину.“ И сильно заныло мое сердце, и я не въ силахъ была вымолвить: Богъ тебѣ въ помочь!“

„Ихъ было триста; они были молоды и сильны... и всѣ погибли!“

И я зналъ bel capitano, и не разъ бесѣдовалъ съ нимъ о судьбахъ его печальной родины...

Въ 1849 году Маццини былъ властью, правительства не даромъ боялись его; звѣзда его тогда была въ полномъ блескѣ — но это былъ блескъ заката. Она еще долго продержалась бы на своемъ мѣстѣ, блѣднѣя мало по малу; но, послѣ повторенныхъ неудачъ и натянутыхъ опытовъ, она стала быстро склоняться.

Одни изъ друзей Маццини сблизились съ Піэмонтомъ, другіе съ Наполеономъ. Манинъ пошелъ своимъ революціоннымъ проселкомъ, составилъ расколы, федеральный характеръ итальянцевъ поднялъ голову.

Самъ Гарибальди. скрѣпя сердце, произнесъ строгій судъ надъ Маццини и, увлекаемый его врагами, далъ гласность письму, въ которомъ косвенно обвинялъ его.

. . . . . .

Вотъ отъ этого Маццини посѣдѣлъ, состарѣлся: отъ этого черта желчевой нетерпимости, даже озлобленія, прибавилась въ его лицѣ, въ его взглядѣ. Но такіе люди не сдаются, не уступаютъ, чѣмъ хуже дѣла ихъ, тѣмъ выше знамя. Маццини, теряя сегодня друзей, деньги, едва ускользая отъ цѣпей и висѣлицы, становится завтра настойчивѣе и упорнѣе, собираетъ новыя деньги, ищетъ новыхъ друзей, отказываетъ себѣ во всемъ, даже во снѣ и пищѣ, обдумываетъ цѣлыя ночи новыя средства, и, дѣйствительно, всякій разъ создаетъ ихъ, бросается снова въ бой и, сново разбитый, опять принимается за дѣло, съ судорожной горячностью.

Въ этомъ непреклонномъ постоянствѣ, въ этой вѣрѣ, идущей на перекоръ фактамъ, въ этой неутомимой дѣятельности, которую неудача только вызываетъ и подзадориваетъ, есть что-то великое, и, если хотите, что-то безумное. Часто эта-то доля безумія и обусловливаетъ успѣхъ, она дѣйствуетъ на нервы народа, увлекаетъ его. Великій человѣкъ, дѣйствующій непосред-

ственно, долженъ быть великимъ маньякомъ, особенно съ такимъ восторженнымъ народомъ, какъ итальянцы, къ тому-же защищая религіозную мысль національности. Одни послѣдствія могутъ показать, потерялъ-ли Маццини излишними и неудачными опытами магнитическую силу свою на итальянскія массы. Не разумъ, не логика ведетъ народы, а вѣра, любовь и ненависть.

Выходцы итальянскіе не были выше другихъ ни талантами, ни образованіемъ: большая часть ихъ даже ничего не знала, кромѣ своихъ поэтовъ, кромѣ своей исторіи; но они не имѣли ни битаго стереотипнаго чекана французскихъ строевыхъ демократовъ, которые разсуждаютъ, декламируютъ, восторгаются, чувствуютъ стадами одно и тоже, и одинакимъ образомъ выражаютъ свои чувства, ни того неотесаннаго, грубаго, харчевенно-бурсацкаго характера, которымъ отличались нѣмецкіе выходцы. Французскій дюжинный демократъ— буржуа in spe, нѣмецкій революціонеръ, такъ-же какъ нѣмецуій буршъ — тотъ же филистеръ, но въ другомъ періодѣ развитія. Итальянцы — самобытнѣе, *індивидуальнѣе.*

Французы заготовляются тысячами по одному шаблону. Теперешнее правительство не создало, но только поняло тайну прекращенія личностей—оно, совершенно во французскомъ духѣ, устропло общественное воспитаніе, т. е. воспитаніе вообще, потому что домашняго воспитанія во Франціи нѣтъ. Во всѣхъ городахъ имперіи преподаютъ въ тотъ же день и въ тотъ же часъ, по тѣмъ же книгамъ — одно и тоже. На всѣхъ экзаменахъ задаются одни и тѣ же вопросы, одни и тѣже примѣры, учителя, отклоняющіеся отъ текста или мѣняющіе программу, немедленно исключаются. Эта бездушная стертость воспитанія только привела въ обяза-

тельную, наслѣдственную форму то, что прежде бродило въ умахъ. Это формально-демократическій уровень, приложенный къ умственному развитію. Ничего подобнаго въ Италіи. Федералистъ и художникъ по натурѣ, итальянецъ съ ужасомъ бѣжитъ отъ всего казарменнаго, однообразнаго, геометрически правильнаго. Французъ—природный солдатъ: онъ любитъ строй, команду, мундиръ, любитъ задать страху. Итальянецъ, если на то пошло — скорѣе бандитъ, чѣмъ солдатъ, и этимъ я вовсе не хочу сказать что нибудь дурное о немъ. Онъ предпочитаетъ, подвергаясь казни, убивать врага по собственному желанію, чѣмъ убивать по приказу; но за то безъ всякой отвѣтственности постороннихъ. Онъ любитъ лучше скудно жить въ горахъ и скрывать контрабандистовъ, чѣмъ открывать ихъ и почетно служить въ жандармахъ.

Образованный итальянецъ выработывался какъ нашъ братъ, самъ собой, жизнію, страстями, книгами, которыя случались подъ рукой, и пробрался до такого или инаго пониманія. Оттого у него и у насъ есть пробѣлы, неспѣтости. Онъ и мы во многомъ уступаемъ спеціальной оконченности французовъ и теоретической учености нѣмцевъ, но за то у насъ и у итальянцевъ ярче цвѣта.

У насъ съ ними есть даже общіе недостатки. Итальянецъ имѣетъ туже наклонность къ лѣни, какъ и мы, онъ не находитъ, что работа наслажденіе; онъ не любитъ ея тревогу, ея усталь, ея недосугъ. Промышленность въ Италіи почти столько же отстала, какъ у насъ; у нихъ, какъ у насъ, лежатъ подъ ногами клады и они ихъ не выкапываютъ. Нравы въ Италіи не измѣнились новомѣщанскимъ направленіемъ до такой степени, какъ во Франціи и Англіи.

Исторія итальянскаго мѣщанства совсѣмъ не похожа

на развитіе буржуазіи во Франціи и Англіи. Богатые мѣщане, потомки del popolo grasso, не разъ счастливо соперничали съ феодальной аристократіей, были властелинами городовъ, и оттого они стали не дальше, а ближе къ плебею и *контадину*, чѣмъ наскоро обогатѣвшая чернь другихъ странъ. Мѣщанство. въ французскомъ смыслѣ, собственно представляется въ Италіи особой средой, образовавшейся со времени первой революціи, и которую можно назвать, какъ это дѣлается въ геологіи, *піэмонтскимъ* слоемъ. Онъ отличается въ Италіи, такъ-же какъ во всемъ материкѣ Европы, тѣмъ, что во *многихъ* вопросахъ постоянно либераленъ и во *всѣхъ* боится народа и слишкомъ нескромныхъ толковъ о трудѣ и заплатѣ; да еще тѣмъ, что онъ всегда уступаетъ врагамъ сверху, не уступая никогда *своимъ* снизу.

Личности, составлявшія итальянскую эмиграцію, были выхвачены изъ всевозможныхъ слоевъ общества. Чего и чего не находилось около Маццини, между старыми именами изъ лѣтописей Гвичардини и Муратори, къ которымъ народное ухо привыкло вѣками, какъ Литты, Боромеи, Дель-Верме, Белжоіозо, Нани, Висконти, и какимъ нибудь полудикимъ ускокомъ Ромео изъ Абруцъ, съ его темнымъ, до оливковаго цвѣта, лицомъ и неукротимой отвагой! Тутъ были и духовные, какъ Сиртори — попъ-герой, который, при первомъ выстрѣлѣ въ Венеціи, подвязалъ свою сутану, и все время осады и защиты Маргеры, съ ружьемъ въ рукѣ, дрался подъ градомъ пуль, въ передовыхъ рядахъ; тутъ былъ и блестящій военный штабъ неаполитанскихъ офицеровъ, какъ Пизакане, Козенцъ и братья Меццокаппа; тутъ были и трастеверинскіе плебеи, закаленные въ вѣрности и лишеніяхъ, суровые, угрюмые, нѣмые въ бѣдѣ, скромные и несокрушимые, какъ Піанори, и рядомъ съ

ними тосканцы, изнѣженные даже въ произношеніи, но также готовые на борьбу. Наконецъ, тутъ были Гарибальди, цѣликомъ взятый изъ Корнелія Непота, съ простотой ребенка, съ отвагой льва, и Феличе Орсини, чудная голова котораго такъ недавно скатилась со ступеней эшафота.

Но, назвавъ ихъ, нельзя не пріостановиться.

Съ Гарибальди я собственно познакомился въ 1854 г., когда онъ приплылъ изъ Южной Америки, капитаномъ корабля, и сталъ въ Вестъ-Индскихъ докахъ; я отправился къ нему съ однимъ изъ его товарищей по римской войнѣ и съ Орсини. Гарибальди, въ толстомъ свѣтломъ пальто, съ ярко-цвѣтнымъ шарфомъ на шеѣ и фуражкой на головѣ, казался мнѣ больше истымъ морякомъ чѣмъ тѣмъ славнымъ предводителемъ римскаго ополченія, статуэтки котораго въ фантастическомъ костюмѣ продавались во всемъ свѣтѣ. Добродушная простота его обращенія, отсутствіе всякой претензіи, радушіе, съ которымъ онъ принималъ, располагали въ его пользу. Экипажъ его почти весь состоялъ изъ итальянцевъ, онъ былъ глава и власть, и я увѣренъ власть строгая, но всѣ весело и съ любовью смотрѣли на него; они гордились своимъ капитаномъ. Гарибальди угощалъ насъ завтракомъ въ своей каютѣ, особенно приготовленными устрицами изъ Южной Америки, сушеными плодами, портвейномъ, — вдругъ онъ вскочилъ, говоря: „Постойте! съ вами мы выпьемъ другого вина,“ и побѣжалъ на верхъ; вслѣдъ за тѣмъ матросъ принесъ какую-то бутылку; Гарибальди посмотрѣлъ на нее съ улыбкой и налилъ намъ по рюмкѣ... Чего нельзя было ожидать отъ человѣка, пріѣхавшаго изъ за океана? Это былъ просто на просто *белетъ* изъ его ро-

дины Ниццы, который онъ привезъ съ собой въ Лондонъ изъ Америки.

Между тѣмъ въ простыхъ и безцеремонныхъ разговорахъ его мало по малу становилось чувствительно присутствіе силы; безъ фразъ, безъ общихъ мѣстъ, народный вождь, удивлявшій своей храбростью старыхъ солдатъ, обличался, и въ капитанѣ корабля легко уже было узнать того уязвленнаго льва, который, огрызаясь на каждомъ шагу, отступилъ послѣ взятія Рима и, растерявъ своихъ сподвижниковъ, снова сзывалъ въ Санъ-Марино, въ Равенѣ, въ Ломбардіи, въ Тиролѣ, въ Тесино солдатъ, мужиковъ, бандитовъ, кого попало, чтобъ только снова ударить на врага, и это возлѣ тѣла своей подруги, не вынесшей всѣхъ трудностей и лишеній похода.

Мнѣнія его въ 1854 году уже значительно расходились съ Маццини, хотя онъ и былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Онъ при мнѣ говорилъ ему, что Піэмонтъ дразнить не надобно, что главная цѣль теперь освободиться отъ австрійскаго ига, и очень сомнѣвался, чтобъ Италія такъ была готова къ единству и республикѣ, какъ думалъ Маццини. Онъ былъ совершенно противъ всѣхъ попытокъ и опытовъ возстанія.

Когда онъ отплывалъ за угломъ въ Ньюкестль на Тейнѣ и оттуда отправлялся въ Средиземное море, я сказалъ ему, что мнѣ ужасно нравится его морская жизнь, что онъ изъ всѣхъ эмигрантовъ избралъ благую часть.

— „А кто имъ не велитъ сдѣлать тоже,“ возразилъ онъ съ жаромъ. „Это была моя любимая мечта, смѣйтесь надъ ней, если хотите, но я и теперь ее люблю. Меня въ Америкѣ знаютъ; я могъ бы имѣть подъ мо-

имъ начальствомъ — три, четыре такихъ корабля. На нихъ я взялъ бы всю эмиграцію: матросы, лейтенанты, работники, повара, все были бы эмигранты. Что теперь дѣлать въ Европѣ? привыкать къ рабству, измѣнять себѣ или въ Англіи ходить по міру. Поселиться въ Америкѣ еще хуже—это конецъ, это страна „забвенія родины," это новое отечество, тамъ другіе интересы, все другое; люди, остающіеся въ Америкѣ, выпадаютъ изъ рядовъ. Что же лучше моей мысли (и лице его просвѣтлѣло), что же лучше, какъ собраться въ кучку около нѣсколькихъ мачтъ, и носиться по океану, закаляя себя въ суровой жизни моряковъ, въ борьбѣ съ стихіями, съ опасностью. Пловучая революція, готовая пристать къ тому или другоку берегу, независимая и недосягаемая!"

Въ эту минуту онъ мнѣ казался какимъ то классическимъ героемъ, лицемъ изъ Энеиды... о которомъ — живи онъ въ иной вѣкъ — сложилась бы своя легенда, свое Arma virumque cano!

Орсини былъ совсѣмъ другого рода человѣкъ. Дикую силу и страшную энергію свою онъ доказалъ 14 Января 1858 года, въ rue Lepelletier; онѣ пріобрѣли ему великое имя въ исторіи и положили его тридцати-шестилѣтнюю голову подъ ножъ гильотины. Я познакомился съ Орсини въ Ниццѣ, въ 1851 году; временами мы были даже очень близки, потомъ расходились, снова сближались, наконецъ, какая то сѣрая кошка пробѣжала между нами въ 1856 году, и мы хотя примирились, но уже не по прежнему смотрѣли другъ на друга.

Такія личности, какъ Орсини, развиваются только въ Италіи, за то въ ней они развиваются во всѣ времена, во всѣ эпохи: заговорщики-художники, мученики и

искатели приключеній, патріоты и кондотьеры, Теверино и Ріензи, все, что хотите — только не пошлые будничные мѣщане. Такія личности ярко вырѣзываются въ лѣтописяхъ каждаго итальянскаго города. Онѣ дивятъ добромъ, дивятъ зломъ, поражаютъ силой страстей, силой воли. Безпокойная закваска бродитъ въ нихъ съ раннихъ лѣтъ, имъ надобна опасность, надобенъ блескъ, лавры, похвалы; это натуры чисто южныя, съ острой кровью въ жилахъ, съ страстями, почти непонятными для насъ, готовыя на всякое лишеніе, на всякую жертву, изъ своего рода жажды наслажденія. Самоотверженіе, преданность идутъ у нихъ вмѣстѣ съ мстительностью и нетерпимостью; они просты во многомъ и лукавы ко многомъ. Неразборчивые на средства, они не разборчивы и на опасности, потомки римскихъ „отцевъ отечества," и дѣти во Христѣ отцовъ іезуитовъ, воспитанные на классическихъ воспоминаніяхъ и на преданіяхъ средневѣковыхъ смутъ, у нихъ въ душѣ бродитъ бездна античныхъ добродѣтелей и католическихъ пороковъ. Они не дорожатъ своею жизнію, но не дорожатъ также и жизнію ближняго; страшная настойчивость ихъ равняется англосаксонскому упрямству. Съ одной стороны наивная любовь къ внѣшнему, самолюбіе, доходящее до тщеславія, до сладострастнаго желанія упиться властью, рукоплесканіями, славой; съ другой—весь римскій героизмъ лишеній и смерти.

Людей этой энергіи останавливать можно только гильотиной,—а то, едва спасшись отъ сардинскихъ жандармовъ, они дѣлаютъ заговоры въ самыхъ когтяхъ австрійскаго коршуна и, на другой день послѣ чуднаго спасенія изъ казематъ Мантуи, рукой, еще помятой отъ прыжка, начинаютъ чертить проэктъ *гранатъ*, потомъ лицемъ къ лицу съ опасностью — броса-

ютъ ихъ подъ кареты. Въ самой неудачѣ они растутъ до колосальныхъ размѣровъ и своею смертью наносятъ ударъ, стоящій осколка гранаты.....

Орсини молодымъ человѣкомъ попалъ въ руки тайной полиціи Григорія XIV: онъ былъ судимъ за участіе въ романскомъ движеніи и, осужденный на галеры, просидѣлъ въ тюрьмѣ до амнистіи Пія IX. Огромное знаніе народнаго духа и желѣзный закалъ характера вынесъ онъ изъ этой жизни съ контрабандистами, съ bravi, съ остатками карбонаровъ. Отъ этихъ людей, находившихся въ постоянной, ежедневней борьбѣ съ обществомъ, давившемъ ихъ, научился онъ искуству владѣть собой, искуству молчать, не только передъ судомъ, но и съ друзьями.

Люди въ родѣ Орсини сильно дѣйствуютъ на другихъ, они нравятся своей замкнутой личностью, и между тѣмъ съ ними не по себѣ: на нихъ смотришь съ тѣмъ нервнымъ наслажденіемъ, перемѣшаннымъ съ трепетомъ, съ которымъ мы любуемся граціознымъ движеніямъ и бархатнымъ прыжкамъ барса. Они дѣти, но дѣти злые. Не только Дантовъ адъ „вымощенъ“ ими, но ими полны всѣ слѣдующіе вѣка, выросченные на грозной поэзіи его и на озлобленной мудрости Маккіавелли. Маццини также принадлежитъ къ ихъ семьѣ, какъ Козимо Медичи, Орсини — какъ Іоаннъ Прочида. Изъ нихъ даже нельзя исключить ни великаго „искателя морскихъ приключеній“ Колумба, ни величайшаго „бандита“ новѣйшихъ вѣковъ, Наполеона Бонапарта.

Орсини былъ поразительно хорошъ собой: вся наружность его, стройная и граціозная, невольно обращала на него вниманіе; онъ былъ тихъ, мало говорилъ, размахивалъ руками меньше, чѣмъ его соотечественники, и никогда не подымалъ голоса. Длинная, черная

борода (какъ онъ носилъ ее въ Италіи) придавала ему видъ какого то молодого этрурійскаго жреца. Вся голова его была необыкновенно красива, и развѣ только нѣсколько попорчена неправильной линіей носа*). И при всемъ этомъ въ чертахъ Орсини, въ его глазахъ, въ его частой улыбкѣ, въ его кроткомъ голосѣ было что-то останавливавшее близость. Видно было, что онъ держитъ себя на уздѣ, никогда вполнѣ не отдается, и удивительно владѣетъ собой; видно было, что съ этихъ улыбающихся губъ не пало ни одного слова безъ его воли, что за этими внутрь сверкающими глазами какія-то пропасти, что тамъ, гдѣ нашъ братъ призадумается и отшарахнется, онъ улыбнется, не перемѣнится въ лицѣ, не повыситъ голоса, и — пойдетъ далѣе безъ раскаянія и сомнѣнія.

Весною 1852 года Орсини ждалъ очень важной вѣсти по семейнымъ дѣламъ; его мучило, что онъ не получалъ письма, онъ мнѣ говорилъ это много разъ, и я зналъ, въ какой тревогѣ онъ жилъ. Разъ, во время обѣда, при двухъ-трехъ постороннихъ, вошелъ почталіонъ въ переднюю; Орсини велѣлъ спросить, нѣтъ ли письма къ нему; оказалось, что какое то письмо дѣйствительно было къ нему, онъ взглянулъ на него, положилъ въ карманъ и продолжалъ разговоръ. Часа черезъ полтора, когда мы остались втроемъ, Орсини намъ сказалъ: »Ну, слава богу, наконецъ то получилъ я отвѣтъ, все очень хорошо.“ Мы, знавшіе, что онъ ожидаетъ письма, не догадались, до того равнодушно онъ распечаталъ письмо и потомъ положилъ его въ карманъ;

*) Отсѣченную голову Орсини, писали газеты, Наполеонъ велѣлъ обмакнуть въ селитренную кислоту, чтобъ нельзя было снять маски. Какой прогрессъ въ гуманности и химіи съ тѣхъ поръ, какъ голову Іоанна Предтечи подавали на золотомъ блюдѣ Иродіадѣ?

такой человѣкъ родился заговорщикомъ. Онъ и былъ имъ всю жизнь.

И что же сдѣлалъ *онъ* съ своей энергіей, Гарибальди съ своей отвагой, Піанори съ своимъ револьверомъ, Пизакане и другіе мученики, кровь которыхъ еще не засохла? Отъ австрійцевъ Италію освободитъ развѣ Піэмонтъ; отъ неаполитанскаго Бурбона—толстый Мюратъ, оба подъ покровительствомъ Бонапарта. О divina Comedia? — или просто Comedia! въ томъ смыслѣ, какъ папа Кіарамонти говорилъ Наполеону въ Фонтенебло.

... Съ двумя лицами, о которыхъ я упомянулъ, говоря о первой встрѣчѣ съ Маццини, я впослѣдствіи очень сблизился, особенно съ Саффи.

Медичи — ломбардъ. Въ начальной юности, томимый безнадежнымъ положеніемъ Италіи, онъ уѣхалъ въ Испанію, потомъ въ Монтевидео, въ Мексику; онъ служилъ въ рядяхъ кристиносовъ, былъ, кажется, капитаномъ, и, наконецъ, возвратился на родину, послѣ избранія Мастая Феррети. Италія оживала, Медичи бросился въ движеніе. Начальствуя римскими легіонерами во время осады, онъ надѣлалъ чудеса храбрости; но французскіе орды все таки вошли въ Римъ по трупамъ многихъ благородныхъ жертвъ—по трупу Лавирона, который, какъ бы въ искупленіе своему народу, дрался противъ него и палъ, сраженный французской пулей въ воротахъ Рима.

Трибунъ-воинъ Медичи долженъ рисоваться въ воображеніи кондотьеромъ, загорѣвшимъ отъ пороха и отъ тропическаго солнца, съ рѣзкими чертами, съ отрывистой, громкой рѣчью, съ энергической мимикой. Блѣдный, бѣлокурый, съ нѣжными чертами, съ глазами, исполненными кротости, съ изящными манерами, Медичи скорѣе походилъ на человѣка, проводившаго всю жизнь

въ дамскомъ обществѣ, чѣмъ на герильяса и агитатора; поэтъ, мечтатель, тогда страстно влюбленный—въ немъ все было изящно и нравилось.

Нѣсколько недѣль, проведенныхъ съ нимъ въ Генуѣ, сдѣлали мнѣ большое добро; это было въ самое черное для меня время, въ 1852 г., мѣсяца полтора послѣ похоронъ; я былъ сбитъ съ толку: вѣхи, знаки фарватера были потеряны, не знаю, былъ-ли я похожъ и тогда на поврежденнаго, какъ замѣтилъ Орсини въ своихъ запискахъ, но мнѣ было скверно. Медичи жалѣлъ меня; онъ этого не говорилъ, но вечеромъ поздно, часовъ въ двѣнадцать, онъ стучалъ иной разъ ко мнѣ въ дверь, и приходилъ поболтать, садясь на мою постель (мы разъ, бесѣдуя съ нимъ такимъ образомъ, поймали на одѣялѣ скорпіона). Онъ стучалъ иной разъ и въ седьмомъ часу утра, говоря: „на дворѣ прелесть, пойдемте въ Альбаро,“—тамъ жила красавица испанка, которую онъ любилъ. Онъ не надѣялся на скорую перемѣну обстоятельствъ, впереди виднѣлись годы изгнанія, все становилось хуже, тусклѣе, но въ немъ было что-то мололое, веселое, иногда наивное; я это замѣчалъ почти у всѣхъ натуръ этого закала.

Въ день моего отъѣзда пришли ко мнѣ обѣдать нѣсколько близкихъ людей, Пизакане, Мордини, Козенцъ... „Отчего, сказалъ я шутя, нашъ другъ Медичи, съ своими бѣлокурыми волосами и сѣвернымъ, аристократическимъ лицомъ, напоминаетъ мнѣ скорѣе какихъ-то вандиковскихъ рыцарей, чѣмъ итальянца?“ — „Это натурально, прибавилъ, продолжая шутить, Пизакане: Джакомо ломбардъ, онъ потомокъ какого-нибудь нѣмецкаго рыцаря.« — „Fratelli, — сказалъ Медичи, — нѣмецкой крови въ этихъ жилахъ нѣтъ ни капли, ни одной капли!“ — „Хорошо вамъ толковать; нѣтъ, вы

приведите доказательство, объясните намъ, отчего у васъ сѣверныя черты," продолжалъ тотъ. — „Извольте — сказаль Медичи — если у меня сѣверныя черты, то вѣрно какая нибудь изъ моихъ прабабушекъ забылась съ какимъ нибудь полякомъ!"

Чище и проще Саффи я не встрѣчалъ натуры между не-русскими. Западные люди часто бываютъ недальніе, и оттого кажутся простыми, недогадливыми; но талантливыя натуры рѣдко бываютъ просты. У нѣмцевъ встрѣчается противная простота практическихъ недорослей; у англичанъ — простота отъ нерасторопности ума, отъ того, что они все какъ будто съ просонья, не могутъ порядкомъ придти въ себя. За то французы постоянно исполнены заднихъ мыслей, заняты своей ролью. Рядомъ съ отсутствіемъ простоты, у нихъ другой недостатокъ: всѣ они прескверные актеры и не умѣютъ скрыть игры. Ломанье, хвастовство и привычка къ фразѣ до такой степени проникли въ кровь и плоть ихъ, что люди гибли, платили жизнію изъ за актерства, и жертва ихъ все таки была *ложь*. Это страшныя вещи, многіе негодуютъ за высказываніе ихъ, но обманываться еще страшнѣе.

Вотъ почему становится такъ отрадно, такъ легко дышать, когда на этомъ толкунѣ посредственностей съ притязаніями и талантовъ съ несноснымъ жеманствомъ и самохвальствомъ встрѣчается человѣкъ сильный, безъ малѣйшихъ румянъ, безъ притязаній, безъ самолюбія, кричащаго какъ ножъ по тарелкѣ. Точно изъ душнаго театральнаго коридора, освѣщеннаго лампами, выходишь на солнце, послѣ утренняго спектакля, и, вмѣсто картонныхъ магнолій и пальмъ изъ парусины, видишь настоящія липы, и дышишь свѣжимъ, здоровымъ воздухомъ. Къ этого рода людямъ принадлежитъ Саффи.

Маццини, старикъ Армеллини и онъ были тріумвирами во время Римской республики. Саффи завѣдывалъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и, до конца борьбы съ французами, былъ на первомъ планѣ; а на первомъ планѣ значило тогда—подъ ядрами и пулями.

Онъ изъ своего изгнанія еще разъ переходилъ Апенины: эту жертву принесъ онъ изъ благочестія, безъ вѣры, изъ чувства великой преданности, чтобъ не огорчить однихъ, чтобъ своимъ отсутствіемъ не послужить дурнымъ примѣромъ. Онъ прожилъ нѣсколько недѣль въ Болоньи, гдѣ его въ 24 часа растрѣляли бы, еслибъ онъ попался; и задача его не состояла только въ томъ, чтобъ скрываться, ему надобно было дѣйствовать, приготовлять движеніе, ожидая новостей изъ Милана. Я никогда отъ него не слышалъ объ особенностяхъ этой жизни. Но я о ней слышалъ, и очень много, отъ человѣка, который могъ быть судьей въ дѣлахъ отваги, и слышалъ въ то время, когда личныя отношенія ихъ сильно поколебались. Орсини его сопровождалъ черезъ Апенины: *онъ* разсказывалъ мнѣ съ восхищеніемъ объ этомъ ровномъ, свѣтломъ покоѣ, объ ясномъ, почти веселомъ расположеніи Саффи въ то время, когда они пѣшкомъ спускались съ горъ; въ виду всякаго рода враговъ, Саффи беззаботно пѣлъ народныя пѣсни и повторялъ стихи Данта... Я думаю, онъ и на плаху пошелъ бы съ тѣми же стихами и съ тѣми же пѣснями, вовсе не думая о своемъ подвигѣ.

Въ Лондонѣ у Маццини, или у его друзей, Саффи большей частію молчалъ, участвовалъ рѣдко въ спорахъ, иногда одушевлялся на минуту и опять утихалъ. Его не понимали, это было для меня ясно, il ne savait pas se faire valoir... Но я ни отъ одного итальянца изъ

тѣхъ, которые отпадали отъ Маццини, не слыхалъ ни одного, ни малѣйшаго слова противъ Саффи.

Разъ, вечеромъ, зашелъ споръ между мной и Маццини о Леопарди.

Есть пьэсы Леопарди, которымъ я страстно сочувствую. У него, какъ у Байрона, много убито рефлекціей, но у него, какъ у Байрона, стихъ иногда рѣжетъ, дѣлаетъ боль, будитъ нашу внутреннюю скорбь. Такія слова, стихи есть у Лермонтова, есть они и въ нѣкоторыхъ ямбахъ Барбье.

Леопарди была послѣдняя книга, которую читала, перелистывала передъ смертью Natalie...

Людямъ дѣятельности, агитаторамъ, двигателямъ массъ непонятны эти ядовитыя раздумья, эти сокрушительныя сомнѣнія. Они въ нихъ видятъ одну безплодную жалобу, одно слабое уныніе. Маццини не могъ сочувствовать Леопарди, это я впередъ зналъ; но онъ на него напалъ съ какимъ-то ожесточеніемъ. Мнѣ было очень досадно; разумѣется, онъ на него сердился за то, что онъ ему не годился на пропаганду. Такъ Фридрихъ II могъ сердиться... я не знаю... ну, напримѣръ, зачѣмъ онъ не годился въ драбанты. Это возмутительное стѣсненіе личности, подчиненіе ихъ категоріямъ, кадрамъ, — точно историческое развитіе—барщина, на которую сотскіе гонятъ, не спрашивая воли, слабаго и крѣпкаго, желающаго и не желающаго.

Маццини сердился. Я, полушутя и полусерьезно, сказалъ ему: Вы, мнѣ кажется, имѣете зубъ на бѣднаго Леопарди за то, что онъ не участвовалъ въ римской революціи, а вѣдь онъ имѣетъ важную извинительную причину; вы все ее забываете!

— Какую?

— Да то, что онъ умеръ въ 1836 году.

Саффи не выдержалъ и вступился за поэта, котораго онъ еще больше меня любилъ и, разумѣется, еще живѣе понималъ: онъ разбиралъ его съ тѣмъ эстетическимъ, художественнымъ чувствомъ, въ которомъ человѣкъ больше обличаетъ извѣстныя стороны своего духа, чѣмъ *думаетъ*.

Изъ этого разговора и изъ нѣсколькихъ подобныхъ, я понялъ, что въ сущности *имъ* не одинъ путь. У одного мысль ищетъ средствъ, сосредоточена на нихъ однихъ, — это своего рода бѣгство отъ сомнѣній; она жаждетъ только дѣятельности прикладной—это своего рода лѣнь. Другому дорога объективная истина, у него мысль работаетъ; сверхъ того для художественной натуры искусство дорого уже само по себѣ, безъ его отношенія къ дѣйствительности.

Оставивъ Маццини, мы еще долго толковали о Леопарди, онъ у меня былъ въ карманѣ; мы зашли въ кафе, и еще прочли нѣкоторыя изъ моихъ любимыхъ пьэсъ.

Этого было достаточно. Когда люди сочувственно встрѣчаются въ исчезающихъ оттѣнкахъ, они могутъ молчать о многомъ — очевидно, что они согласны въ яркихъ цвѣтахъ и въ густыхъ тѣняхъ.

Говоря о Медичи, я упомянулъ одно глубоко трагическое лицо—*Лавирона*; съ нимъ я не долго былъ знакомъ, онъ промелькнулъ мимо меня и исчезъ въ кровавомъ облакѣ. Лавиронъ былъ кончившій курсъ политехникъ, инжинеръ и архитекторъ. Я познакомился съ нимъ въ самый разгаръ революціи, между 24 Февраля и 15 Мая (онъ тогда былъ капитаномъ національной гвардіи), въ его жилахъ текла, безъ всякой примѣси, энергическая, суровая когда надобно, и добродушная, веселая галло-франкская кровь девяностыхъ годовъ. Я

предполагаю, что таковъ былъ архитекторъ Клеберъ, когда онъ возилъ въ тачкѣ землю съ молодымъ актеремъ Тальмой, расчищая мѣсто для праздника федераціи

Лавиронъ принадлежалъ къ небольшому числу людей не опьянѣвшихъ 24 Февраля отъ побѣды, отъ провозглашенія республики. Онъ былъ на баррикадахъ, когда дрались, и въ Hôtel de Ville, когда не-дравшіеся выбирали диктаторовъ. Когда прибыло новое правительство, какъ Deus ex machina, въ Ратушу, онъ громко протестовалъ противъ его избиранія, и, вмѣстѣ съ нѣсколькими энергическими людьми, спрашивалъ, откуда оно взялось? почему оно правительство? Совершенно послѣдовательно Лавиронъ 15 Мая ворвался съ парижскимъ народомъ въ мѣщанское собраніе и, съ обнаженной шпагой въ рукѣ, заставилъ президента допустить на трибуну народныхъ ораторовъ. Дѣло было потеряно. Лавиронъ скрылся. Онъ былъ судимъ и осужденъ par contumace. Реакція пьянѣла, она чувствовала себя сильной для борьбы, и, вскорѣ, сильной для побѣды—тутъ Іюньскіе дни, потомъ проскрипціи, ссылки, *синій* терроръ. Въ это самое время, однажды вечеромъ сидѣлъ я на бульварѣ передъ Тортони, въ толпѣ всякой всячины и, какъ въ Парижѣ всегда бываетъ,—въ умѣренную и неумѣренную монархію, въ республику и имперію — все это общество въ пересыпку съ шпіонами. Вдругъ подходитъ ко мнѣ — не вѣрю глазамъ, Лавиронъ. „Здраствуйте!“ говоритъ онъ. „Что за сумасествіе?“ отвѣчаю я въ полголоса, и, взявъ его подъ руку, отхожу отъ Тортони. „Какъ-же можно такъ подвергаться и особенно теперь?“

— Если бы вы знали, что за скука сидѣть въ заперти и прятаться, просто съ ума сойдешь... я думалъ, думалъ, да и пошелъ гулять.

— Зачѣмъ же на бульваръ?

— Это ничего не значитъ. Здѣсь меня меньше знаютъ, чѣмъ по ту сторону Сены, и кому-жъ придетъ въ голову, что я стану прогуливаться мимо Тортони. Впрочемъ, я ѣду...

— Куда?

— Въ Женеву, такъ тяжко и такъ все надоѣло; мы идемъ на встрѣчу страшнымъ несчастіямъ. Паденіе, паденіе, мелкость во всѣхъ, во всемъ. Ну, прощайте, — прощайте, и да будетъ наша встрѣча повеселѣе.

Въ Женевѣ Лавиронъ занимался архитектурой, что-то строилъ, вдругъ объявлена война „за папу“ противъ Рима. Французы сдѣлали свою вѣроломную высадку въ Чивита-Веккіи и приближались къ Риму. Лавиронъ бросилъ циркуль и поскакалъ въ Римъ. „Надобно вамъ инжинера, артиллериста, солдата, я французъ, я стыжусь за Францію и иду драться съ моими соотечественниками,“ говорилъ онъ тріумвирамъ, и пошелъ жертвой искупленія въ ряды римлянъ. Съ мрачной отвагой шелъ онъ впередъ,—когда все было потеряно, онъ еще дрался и палъ въ воротахъ Рима, сраженный французскимъ ядромъ.

Французскія газеты похоронили его рядомъ ругательствъ, указывая судъ божій надъ преступнымъ измѣнникомъ отечества!

... Когда человѣкъ, долго глядя на черныя кудри и черные глаза, вдругъ обращается къ бѣлокурой женщинѣ съ свѣтлыми бровями, нервной и блѣдной, взглядъ его всякій разъ удивляется и не можетъ съ разу придти въ себя. Разница, о которой онъ не думалъ, которую забылъ, невольно, физически навязывается ему.

Точно тоже дѣлается при быстромъ переходѣ отъ итальянской эмиграціи къ нѣмецкой.

Нѣмецъ теоретически развитъ, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ всѣ народы, но проку въ этомъ нѣтъ до сихъ поръ. Изъ католическаго фанатизма онъ перешелъ въ протестантскій піэтизмъ трансцендентальной философіи и поэтизмъ филологіи, а теперь по немногу перебирается въ положительную науку; — онъ „во всѣхъ классахъ учится прилежно," и въ этомъ вся его исторія, на страшномъ судѣ ему сочтутъ баллы. Народъ Германіи, менѣе учившійся — много страдалъ; онъ купилъ право на протестантизмъ — Тридцатилѣтней войной, право на независимое существованіе, т. е. на блѣдное существованіе подъ надзоромъ Россіи, — борьбой съ Наполеономъ. Его освобожденіе въ 1814, 1815 г. было совершеннѣйшей реакціей, и когда на мѣсто Жерома Бонапарта явился der Landesvater, въ пудреномъ парикѣ и залежавшемся мундирѣ стараго покроя, и объявилъ, что на другой день назначается, по порядку положимъ, 45-й *парадъ* (сорокъ-четвертый былъ до революціи)—тогда всѣмъ освобожденнымъ показалось, что они вдругъ потеряли современность и воротились къ другому времени, каждый щупалъ, не выросла-ли у него коса съ бантомъ на затылкѣ. Народъ принималъ это съ простодушной глупостью и пѣлъ Кернеровы пѣсни. Науки шли впередъ. Греческія трагедіи давались въ Берлинѣ, драматическія торжества для Гёте въ Веймарѣ.

Самые радикальные люди между нѣмцами въ частной жизни остаются филистерами. Смѣлые въ логикѣ, они освобождаютъ себя отъ практической послѣдовательности и впадаютъ въ вопіющія противорѣчія. Германскій умъ въ революціи, какъ во всемъ, беретъ общую идею, разумѣется въ ея безусловномъ, т. е. недѣйствительномъ значеніи, и довольствуется идеальнымъ постро-

ніемъ ея, воображая, что вещь сдѣлана, если она понята, и что фактъ такъ же легко кладется подъ мысль, какъ смыслъ факта переходитъ въ сознаніе.

Англичанинъ и французъ исполнены предразсудковъ, нѣмецъ ихъ не имѣетъ; но и тотъ и другой въ своей жизни послѣдовательнѣе — то, чему они покоряются, можетъ быть и нелѣпо, но признано ими. Нѣмецъ не признаетъ ничего, кромѣ разума и логики, но покоряется многому *изъ видовъ*, — это кривленіе душой за взятки.

Французъ не свободенъ нравственно: богатый иниціативой въ дѣятельности, онъ бѣденъ въ мышленіи. Онъ думаетъ принятыми понятіями, въ принятыхъ формахъ, онъ пошлымъ идеямъ даетъ модный покрой, и доволенъ этимъ. Ему трудно дается новое, даромъ что онъ бросается на него. Французъ тѣснитъ свою семью, и вѣритъ, что это его обязанность, такъ какъ вѣритъ въ почетный легіонъ, въ приговоры суда. Нѣмецъ ни во что не вѣритъ, но пользуется на выборъ общественными предразсудками. Онъ привыкъ къ мелкому довольству, къ Wohlbehagen, къ покою и, переходя изъ своего кабинета въ Prunkzimmer или спальню, жертвуетъ халату, покою и кухнѣ — свободную мысль свою. Нѣмецъ большой сибаритъ, этого въ немъ не замѣчаютъ, потому что его убогое раздолье и мелкая жизнь не казисты, но эскимосъ, который пожертвуетъ всѣмъ для рыбьяго жира, такой же эпикуреецъ какъ Лукуллъ. Къ тому же нѣмецъ, лимфатическій отъ природы, скоро тяжелѣетъ и пускаетъ тысячи корней въ извѣстный образъ жизни; все, что можетъ его вывести изъ его привычки, ужасаетъ его филистерскую натуру.

Всѣ нѣмецкіе революціонеры большіе космополиты, sie haben überwunden den Standpunkt der Nationalität, и

всѣ исполнены самого раздражительнаго, самого упорнаго патріотизма. Они готовы принять всемірную республику, стереть границы между государствами, но чтобъ Тріэстъ и Данцигъ принадлежали Германіи. Вѣнскіе студенты не побрезгали отправиться подъ начальство Радецкаго въ Ломбардію, они даже, подъ предводительствомъ какого то профессора, взяли пушку, которую подарили Инспруку.

При этомъ заносчивомъ и воинственномъ патріотизмѣ Германія, со времени первой революціи и поднесь, смотритъ съ ужасомъ на право, съ ужасомъ на лѣво. Тутъ Франція съ распущенными знаменами переходитъ Рейнъ—тамъ Россія переходитъ Нѣманъ, и народъ въ двадцать пять милліоновъ головъ чувствуетъ себя круглой сиротой, бранится отъ страха, ненавидитъ отъ страха, и теоретически, по источникамъ, доказываетъ, чтобъ утѣшиться, что бытіе Франціи есть уже не бытіе, а бытіе Россіи не есть еще бытіе.

„Воинственный“ Конвентъ, собиравшійся въ Павловской церкви во Франкфуртѣ и состоявшій изъ добрыхъ sehr ausgezeichneten in ihrem Fache професоровъ, лекарей, теологовъ, фармацевтовъ и филологовъ, рукоплескалъ австрійскимъ солдатамъ въ Ломбардіи, тѣснилъ поляковъ въ Познани. Самый вопросъ о Шлезвигъ-Гольштейнѣ (Stammverwandt!) бралъ за живое только съ точки зрѣнія „Тейтчтума.“ Первое свободное слово, сказанное, послѣ вѣковъ молчанія, представителями освобождающейся Германіи, было противъ притѣсненныхъ, слабыхъ народностей; эта неспособность къ свободѣ, эти неловко обличаемыя поползновенія удержать неправое стяжаніе, вызываютъ иронію: человѣкъ прощаетъ дерзкія притязанія только за энергическія дѣйствія, а ихъ не было.

Революція 1848 года имѣла вездѣ характеръ опрометчивости, невыдержки, но не имѣла ни во Франціи, ни въ Италіи почти ничего смѣшнаго; въ Германіи, кромѣ Вѣны, она была исполнена комизма несравненно больше юмористическаго, чѣмъ комизмъ прегадкой Гётевской комедіи „der Bürgergeneral."

Не было города, „пятна" въ Германіи, въ которомъ при возстаніи не являлась бы попытка „Комитета общественнаго спасенія," со всѣми главными дѣятелями, съ холоднымъ юношей *Сенъ-Жюстомъ*, съ мрачными террористами и военнымъ геніемъ, представлявшимъ Карно. Двухъ-трехъ Робеспьеровъ я лично зналъ, они надѣвали всегда чистую рубашку, мыли руки и чистили ногти; за то были и растрепанные Коло д'Ербуа, а если въ клубѣ находился человѣкъ, любившій еще больше пиво, чѣмъ другіе, и волочившійся еще открытѣе за штубенмедхенами—это былъ Дантонъ, eine schwelgende Natur!

Французскія слабости и недостатки долею улетучиваются при ихъ легкомъ и быстромъ характерѣ. У нѣмца тѣже недостатки получаютъ какое то прочное и основательное развитіе и бросаются въ глаза. Надобно самому видѣть эти нѣмецкіе опыты, представить so einen burshikosen Kamin de Paris въ политикѣ, чтобы оцѣнить ихъ. Мнѣ они всегда напоминали рѣзвость коровы, когда это доброе и почтенное животное, украшенное семейнымъ добродушіемъ, разыграется, завѣтреничаетъ на лугу и съ пресерьезной миной побрыкаетъ обѣими задними ногами, или пробѣжитъ косымъ галопомъ, погоняя себя хвостомъ.

Послѣ дрезденскаго дѣла я встрѣтилъ въ Женевѣ одного изъ тамошнихъ агитаторовъ и началъ его тотчасъ распрашивать о Бакунинѣ. Онъ его превозносилъ

и сталъ разсказывать, какъ онъ самъ начальствовалъ баррикадой, подъ его распоряженіями. Воспламенившись своимъ разсказомъ, онъ продолжалъ: „Революція гроза, тутъ нельзя слушать ни сердца, ни сообразоваться съ обыкновенной справедливостью... надобно самому побывать въ этихъ обстоятельствахъ, чтобъ вполнѣ понять гору 1794 г. Представьте себѣ, вдругъ мы замѣчаемъ глухое движеніе въ королевской партіи, намѣренно распускаются ложные слухи, показываются люди съ подозрительными лицами. Я подумалъ, подумалъ, и рѣшился *терроризовать* мою улицу: — Männer! говорю я моему отряду, подъ опасеніемъ военнаго суда, который при осадномъ положеніи можетъ *сейчасъ лишить васъ жизни* въ случаѣ ослушанія, приказываю вамъ, чтобъ всякій, безъ различія пола, возраста и званія, кто захотѣлъ бы перейти баррикаду, былъ захваченъ и, подъ строгимъ прикрытіемъ, приведенъ ко мнѣ — такъ продолжалось болѣе сутокъ. Если бюргеръ, котораго ко мнѣ приводили былъ хорошій патріотъ, я его пропускалъ, но если это было подозрительное лице, то я давалъ знакъ стражѣ"...

— И, сказалъ я съ ужасомъ, и она?

— И она ихъ отводила домой, прибавилъ гордо и самодовольно террористъ.

Къ характеристикѣ нѣмецкихъ освободителей, прибавлю еще анекдотъ.

Исправлявшій должность министра внутреннихъ дѣлъ — юноша, о которомъ я помянулъ, разсказывая о визитѣ Густава Струве, написалъ мнѣ черезъ нѣсколько дней записку, въ которой просилъ найти ему какую нибудь работу. Я предложилъ ему переписывать для печати рукопись Vom Andern Ufer, писанную рукой Капа, которому я диктовалъ по нѣмецки съ русскаго

оригинала. Молодой человѣкъ принялъ предложеніе. Черезъ нѣсколько дней онъ сказалъ мнѣ, что онъ такъ дурно помѣщенъ съ разными фрейшерлерами, что у него нѣтъ ни мѣста, ни тишины, чтобъ заниматься, и просилъ позволеніе переписывать въ комнатѣ Капа. И тутъ работа не пошла. Министръ per interim приходилъ въ одинадцать часовъ утра, лежалъ на диванѣ, курилъ сигары, пилъ пиво... и уходилъ вечеромъ на совѣщанія и собранія къ Струве. Капъ, деликатнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, стыдился за него; такъ прошло съ недѣлю. Капъ и я, мы молчали, но эксъ-министръ прервалъ молчаніе: онъ попросилъ у меня запиской *сто франковъ впередъ* за работу. Я написалъ ему, что онъ такъ медленно работаетъ, что такой суммы я ему впередъ дать не могу, а если ему очень нужны деньги, то посылаю двадцать франковъ, не смотря на то, что онъ не переписалъ еще и на десять.

Вечеромъ министръ явился на сходку къ Струве и донесъ о моемъ анти-цивическомъ поступкѣ и о злоупотребленіи капиталомъ. Добрый министръ считалъ, что соціализмъ состоитъ не въ общественной организаціи— а въ безсмысленномъ дѣлежѣ, безсмысленно полученнаго достоянія!

Не смотря на удивительный хаосъ, царившій въ головѣ Струве, онъ, какъ честный человѣкъ, разсудилъ, что я не совсѣмъ виноватъ, и что, можетъ, *бюргеру* и *брудеру* лучше было бы переписывать больше, а денегъ впередъ просить меньше. Онъ уговаривалъ его не дѣлать изъ исторіи шума.

— Ну такъ я отошлю ему деньги — mit Verachtung, сказалъ министръ.

— Что за вздоръ — закричалъ одинъ фрейшерлеръ. Если брудеръ и бюргеръ не хочетъ ихъ брать, то я

предлагаю сейчасъ на всѣ послать за пивомъ и выпить на гибель der Besitzenden.

— Согласны?

— Да, да, согласны, браво!

— Выпьемъ, кричалъ ораторъ, и дадимъ слово не кланяться русскому аристократу, который обидѣлъ брудера.

— Да, да, не надобно кланяться.

Дѣйствительно, пиво выпили и кланяться мнѣ перестали.

Всѣ эти смѣшные недостатки, вмѣстѣ съ особенной Plumpheit нѣмцевъ, оскорбляютъ южную натуру итальянцевъ и возбуждаютъ въ нихъ зоологическую, народную ненависть. Всего хуже, что хорошая сторона нѣмцевъ, т. е. сторона философскаго образованія, итальянцу равнодушна или недоступна—а сторона пошлая, тяжелая, постоянно колетъ глаза. Итальянецъ часто ведетъ самую пустую и праздную жизнь, но съ какимъ то артистическимъ, граціознымъ ритмомъ, и именно потому онъ всего меньше можетъ вынести медвѣжью шутку и фамильярное прикосновеніе жовіальнаго нѣмца.

Англо-германская порода гораздо грубѣе франко-романской. Съ этимъ дѣлать нечего, это ея физіологическій признакъ, сердиться на него смѣшно. Пора понять разъ навсегда, что разные породы людей, какъ разныя породы звѣрей, имѣютъ разныя характеры и не виноваты въ этомъ. Никто не сердится на быка за то, что онъ не имѣетъ ни красоты лошади, ни быстроты оленя, никто не упрекаетъ лошадь за то, что ея филейныя мяса не такъ вкусны, какъ у быка; все, чего мы можемъ требовать отъ нихъ, во имя животнаго братства, это, чтобъ они мирно паслись на одномъ и томъ-же полѣ, не бодаясь и не лягаясь. Въ природѣ все дости-

гаетъ посильно чего можетъ, складывается какъ случится, и потомъ принимаетъ родовое pli; воспитаніе идетъ до извѣстной степени, исправляетъ одно, прививаетъ другое, но требовать отъ лошади бифстекса и отъ быковъ иноходи все же нелѣпость.

Чтобъ наглазно понять разницу двухъ противоположныхъ традицій европейскихъ породъ, стоитъ взглянуть въ Парижѣ и въ Лондонѣ на уличныхъ мальчишекъ: я беру именно ихъ потому. что они неподдѣльны въ своей грубости.

Посмотрите, какъ парижскіе гамены смѣются надъ какимъ нибудь англійскимъ чудакомъ, и какъ лондонскіе мальчишки издѣваются надъ французомъ; въ этомъ маленькомъ примѣрѣ рѣзко высказываются два противоположные типа двухъ европейскихъ породъ. Парижскій гаменъ наглъ и привязчивъ, онъ можетъ быть несносенъ, но, во-первыхъ, онъ остеръ, его шалость ограничивается шутками, и онъ столько же смѣшитъ, сколько сердитъ, во-вторыхъ, есть слова, отъ которыхъ онъ краснѣетъ и сейчасъ отстаетъ, есть слова, которыхъ онъ никогда не употребляетъ, — грубостью его остановить трудно, если же паціентъ подниметъ палку, то я не отвѣчаю за послѣдствія. Еще надобно замѣтить, что французскихъ мальчиковъ нужно чѣмъ нибудь поразить: краснымъ жилетомъ съ синими полосками, кирпичнымъ полуфракомъ, необычайнымъ кашне, лакеемъ, который несетъ попугая, собаку, вещами, дѣлаемыми однимп англичанами и, замѣтьте, только внѣ Англіи. Быть просто иностранцемъ не достаточно, чтобъ обратить гоненіе или смѣхъ.

Острота лондонскихъ мальчишекъ проще, она начинается съ ржанія при видѣ иностранца*), лишь бы онъ

*) Все это очень перемѣнилось послѣ Крымской войны (1866).

имѣлъ усы, бороду, или шляпу съ широкими полями; потомъ они кричатъ разъ двадцать: french pig! french dog! Если иностранецъ обратится къ нимъ съ какимъ нибудь отвѣтомъ, ржаніе и блеяніе удвоиваются; если онъ идетъ прочь, мальчишки бѣгутъ за нимъ, — тогда остается ultimo ratio поднять палку, а иногда и опустить ее на перваго попавшагося. Послѣ этого мальчишки бѣгутъ, сломя голову, прочь, осыпая ругательствами, а иной разъ пуская издали грязью или камнемъ.

Во Франціи взрослый работникъ, сидѣлецъ, или торговка никогда не участвуютъ съ gamins въ ихъ продѣлкахъ противъ иностранца; въ Лондонѣ, всѣ грязныя бабы, всѣ взрослые сидѣльцы хрюкаютъ и помогаютъ мальчишкамъ.

Во Франціи есть щитъ, который тотчасъ останавливаетъ самого задорнаго мальчика—это бѣдность. Страна которая не знаетъ слова болѣе оскорбительнаго, какъ слово beggar, тѣмъ больше преслѣдуетъ иностранца, чѣмъ онъ беззащитнѣе и бѣднѣе.

Одинъ итальянскій рефюжье, бывшій прежде офицеромъ въ австрійской кавалеріи и, безъ всякихъ средствъ, оставившій отечество послѣ войны, ходилъ, когда пришла зимняя пора, въ военной офицерской шинели. Это производило такой фуроръ на рынкѣ, по которому онъ долженъ бытъ проходить всякій день, что крики, „кто вашъ портной?“ хохотъ и, наконецъ, подергиваніе за воротникъ дошли до того, что итальянецъ бросилъ свою шинель и ходилъ, дрогнувъ до костей, въ одномъ сертукѣ.

Эта грубость въ уличной шуткѣ, этотъ недостатокъ деликатности, такта въ народѣ, съ своей стороны объясняетъ, отчего женщинъ нигдѣ не бьютъ такъ часто и

такъ больно, какъ въ Англіи*), отчего отецъ готовъ безчестить дочь, мужъ—жену, юридически преслѣдовать ихъ.

Уличныя грубости сильно оскорбляютъ сначала французовъ и итальянцевъ. Нѣмецъ, напротивъ, принимаетъ ихъ съ хохотомъ, отвѣчаетъ такимъ же ругательствомъ, перебранка продолжается, и онъ остается очень доволенъ. Обоимъ это кажется любезностью, милой шуткой. Bloody dog! кричитъ ему, хрюкая, гордый британецъ. — „Стерва Джонъ Буль!“ отвѣчаетъ нѣмецъ, и каждый идетъ своей дорогой.

Это обращеніе не ограничивается улицей — стоитъ только посмотрѣть на полемику Маркса, Гейнцена, Руге et consorts, которая съ 1849 г. не переставала и теперь продолжается по ту сторону океана. Глазъ нашъ не привыкъ видѣть въ печати такія выраженія, такія обвиненія: ничеко не пощажено, ни личная честь, ни семейныя дѣла, ни повѣренныя тайны.

У англичанъ грубость пропадаетъ, поднимаясь на высоту таланта или аристократическаго воспитанія; у нѣмцевъ — никогда. Величайшіе поэты Германіи (за исключеніемъ Шиллера) впадаютъ въ самую неотесанную вульгарность.

Одна изъ причинъ дурнаго тона нѣмцевъ происходитъ отъ того, что въ Германіи вовсе не существуетъ воспитанія, въ нашемъ смыслѣ слова. Нѣмцевъ учатъ и учатъ много, но совсѣмъ не воспитываютъ, даже въ аристократіи, въ которой преобладаютъ казарменные, юнкерскіе нравы. У нихъ въ житейскихъ дѣлахъ отсут-

*) „Теймсъ“ какъ-то, года два тому назадъ, считалъ, что среднимъ числомъ въ каждой части Лондона (ихъ десять) ежегодно бываетъ до 200 процессовъ о побояхъ женщинъ и дѣтей. А сколько побоевъ проходитъ безъ процессовъ?

ствуетъ эстетическій органъ. Французы его утратили, точно такъ, какъ они утратили изящество своего языка; нынѣшній французъ рѣдко умѣетъ написать письмо, безъ конторскихъ или адвокатскихъ выраженій — прилавокъ и казармы исказили ихъ нравы.

Въ заключеніе этого сравненія, я разскажу одинъ случай, въ которомъ я наглазно и лицемъ къ лицу видѣлъ всю пропасть, дѣлящую итальянцевъ отъ тедесковъ, и въ которую, сколько хочешь грузи амнистій и разглагольствованій о братствѣ народовъ, моста долго еще не составишь.

Отправляясь съ Тесье дю Моте въ 1852 году изъ Генуи въ Лугано, мы пріѣхали ночью въ Арону, спросили, когда идетъ пароходъ, узнали, что на другой день утромъ въ 8 часовъ, и легли спать. Въ половинѣ восьмаго портье пришелъ взять наши чемоданы, и, когда мы вышли на берегъ, они уже были на палубѣ. Но, не смотря на то, вмѣсто того, чтобъ идти на пароходъ, мы глядѣли съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ другъ другу въ глаза.

Надъ шипѣвшимъ и покачивавшимся пароходомъ развѣвался огромный бѣлый флагъ съ двуглавымъ орломъ, а на кормѣ красовалась надпись: Fürst Radetzky. Мы забыли съ вечера спросить, какой пароходъ отходитъ: австрійскій или сардинскій. Тесье, по Версальскому суду, былъ осужденъ in contumaciam на депортацію. Хотя Австріи до этого и не было дѣла, но какъ не воспользоваться случаемъ, ну хоть за справками мѣсяцевъ шесть продержать въ тюрьмѣ. Примѣръ Бакунина показывалъ, что они могутъ сдѣлать со мной. По договору съ Піэмонтомъ, австрійцы не имѣли права требовать паспортовъ у тѣхъ, которые, не высаживаясь на ломбардскій берегъ, ѣхали въ Могадино, принадле-

жащій Швейцаріи,—но я думаю, что они не побрезгали бы, еслибъ можно было, такимъ простымъ средствомъ, чтобъ схватить Маццини или Кошута.

„Что же," сказалъ Тесье, „вѣдь идти назадъ смѣшно!—„Ну такъ впередъ!" и мы взошли на палубу.

Когда канатъ былъ взятъ, пасажировъ окружили взводомъ солдатъ съ ружьями, за чѣмъ?—не знаю; на пароходѣ стояли двѣ небольшія пушки, особымъ образомъ прикрѣпленныя. Когда пароходъ пошелъ, солдатъ распустили. Въ каютѣ, на стѣнѣ, висѣли правила: въ въ нихъ было подтверждено, что ѣдущіе не въ Ломбардію не обязаны предъявлять паспортовъ, но было добавлено, что если кто нибудь изъ этихъ лицъ сдѣлаетъ какой-либо проступокъ противъ К. К. (kaiserlich-königlichen) полицейскихъ уставовъ, тотъ имѣетъ быть судимъ по австрійскимъ законамъ. Ог donc, носить калабрійскую шляпу или трехцвѣтную кокарду было уже австрійское преступленіе. Только тогда я вполнѣ оцѣнилъ въ какихъ мы когтяхъ. Однако я далекъ отъ того, чтобъ раскаяваться въ моей поѣздкѣ: все время нашего пути ничего не произошло особаго, но я сдѣлалъ богатый штудіумъ.

На палубѣ сидѣло нѣсколько итальянцевъ; мрачно, молча курили они сигары, съ затаенной ненавистію посматривая на суетившихся во всѣ стороны и безъ всякой нужды бѣлобрысыхъ и одѣтыхъ въ бѣлые сертуки офицеровъ. Надобно замѣтить, что въ ихъ числѣ были мальчишки лѣтъ двадцати и вообще они были молодые люди; я теперь слышу дребезжащій, горловой, казарменный голосъ, наглый смѣхъ, похожій на кашель, и къ тому еще отвратительный австрійскій акцентъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Повторяю, не было ничего ужаснаго, но я чувствовалъ, что за эту манеру стоять, повернувшись спи-

ной возлѣ самаго носа, ломаться и показывать „мы де побѣдители — наша взяла,“ слѣдовало бы ихъ всѣхъ бросить въ воду, и еще больше чувствовалъ я, что былъ бы радъ, еслибъ это случилось, и охотно помогъ бы.

Кто далъ бы себѣ трудъ счетомъ пять минутъ посмотрѣть на тѣхъ и другихъ, тотъ непремѣнно понялъ бы, что тутъ и рѣчи быть не можетъ о примиреніи, что въ крови у этихъ людей лежитъ ненависть другъ къ другу, которую распустить, смягчить, привесть къ безобидному племенному различію надобно вѣка времени.

Послѣ полудня часть пасажировъ сошла въ каюту, другіе спросили себѣ завтракъ на палубу. Тутъ физическая разница еще рѣзче выразилась. Я смотрѣлъ съ удивленіемъ—ни одного общаго пріема. Итальянцы ѣли мало, съ той врожденной, натуральной граціей, съ которой они все дѣлаютъ. Офицеры рвали куски, жевали въ слухъ, бросали кости, толкали тарелки, одни, наклонясь къ самому столику, съ особенной ловкостью и необыкновенной скоростью *плескали* съ ложки супъ въ ротъ, другіе ѣли *съ ножа* — безъ хлѣба и безъ соли—масло. Я посмотрѣлъ на этихъ артистовъ, и глядя на итальянца, улыбнулся — онъ тотчасъ понялъ меня и, симпатически отвѣчая мнѣ улыбкой, показалъ полнѣйшій видъ отвращенія. Еще замѣчаніе: въ то время, какъ итальянцы съ улыбкой и мягкостью спрашивали тарелку, вина, каждый разъ благодаря головой или взглядомъ человѣка, австрійцы обращались возмутительно съ прислугой, такъ какъ русскіе отставные корнеты и прапорщики обращаются съ крѣпостными при чужихъ.

Для закуски, молодой, долговязый, съ свѣтложелтыми

волосами офицерикъ позвалъ солдата лѣтъ пятидесяти, поляка или кроата по лицу, и началъ его ругать за какую-то оплошность. Старикъ стоялъ какъ слѣдуетъ на вытяжкѣ, и, когда офицеръ кончилъ, хотѣлъ было что-то ему сказать; но лишь только онъ произнесъ „ваше благородіе,“ — „молчать,“ закричалъ раздавленнымъ голосомъ свѣтложелтый, и „маршъ!“ Потомъ, обращаясь къ товарищамъ, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ принялся снова за пиво. Зачѣмъ же все это было дѣлать при насъ? Да уже не было ли это нарочно сдѣлано для насъ?

Когда мы вышли на землю, у Могадина, натерпѣвшееся сердце не выдержало, и мы, обернувшись къ пароходу, который еще стоялъ, прокричали: Viva la Repubblica! — а одинъ итальянецъ, качая головой, повторялъ: o brutissimi, brutissimi!

Не рано-ли такъ опрометчиво толковать о солидарности народовъ, о братствѣ, и не будетъ ли всякое насильственное прикрытіе вражды однимъ лицемѣрнымъ перемиріемъ? Я вѣрю, что національныя особенности на столько потеряютъ свой оскорбительный характеръ, на сколько онъ теперь потерянъ въ образованномъ обществѣ; но вѣдь для того, чтобъ это воспитаніе проникло во всю глубину народныхъ массъ, надобно много времени. Когда же я посмотрю на Фокстонъ и Булонь, на Дувръ и Кале, тогда мнѣ становится страшно, и хочется сказать—много вѣковъ.

ГЛАВА XXXVIII

Швейцарія. — Джемсъ Фази и Рефюжье. — Monte-Rosa.

Волненіе Европы еще такъ сильно качало въ 1849 г., что трудно было установить, живши въ Женевѣ, вниманіе на одной Швейцаріи. Къ тому же политическія партіи довольно похожи на русское правительство въ искуствѣ отводить глаза путешественнику. Попадая подъ ихъ вліяніе, онъ все видитъ, но видитъ не просто, а подъ извѣстнымъ угломъ; онъ не можетъ выйти изъ заколдованнаго круга. Его первое впечатлѣніе—подтасовано, закуплено, не ему принадлежитъ. Пристрастный взглядъ партіи застаетъ его врасплохъ, неприготовленнаго, равнодушнаго, обезоруженнаго такъ сказать, и прежде чѣмъ онъ спохватится — дѣлается его взглядомъ.

Въ 1849 году я зналъ одну радикальную Швейцарію, ту, которая сдѣлала демократическій переворотъ, ту, которая въ 1847 году, подавила Зондербундъ. Потомъ, окруженный больше и больше выходцами, я дѣлилъ ихъ негодованіе на малодушное федеральное правительство и на жалкую роль, которую оно играло передъ реакціонными сосѣдями.

Больше и лучше узналъ я Швейцарію въ слѣдующія поѣздки, и всего больше въ Лондонѣ. Въ томномъ досугѣ 53 и 54 годовъ я многому научился и на многое, изъ прошедшаго и видѣннаго прежде, иначе взглянулъ.

Швейцарія прошла труднымъ искусомъ. Между развалинами цѣлаго міра свободныхъ учрежденій, между

обломками цивилизацій, шедшихъ ко дну, перетирая другъ друга, середь гибели всѣхъ человѣческихъ условій жизни, всѣхъ государственныхъ формъ въ пользу грубаго деспотизма — двѣ страны остались, какъ были. Одна за своимъ моремъ, другая за своими горами, обѣ средневѣковыя республики, обѣ, прочно вросшія въ землю вѣковыми нравами.

Но какая разница въ силѣ и положеніи между Англіей и Швейцаріей! Если Швейцарія и представляетъ сама островъ за своими горами, то ея промежуточное положеніе и духъ народный обязываютъ ее: съ одной стороны къ трудному лавированію, съ другой къ сложному поведенію. Въ Англіи собственно народъ-покоенъ, онъ вѣка на три отсталъ. Дѣятельная часть Англіи принадлежитъ извѣстной средѣ; большинство народа внѣ движенія; ее едва колеблетъ чартисмъ, и то исключительно между городскими работниками. Англія стоитъ въ сторонѣ, выбрасываетъ за океанъ горючія вещества, по мѣрѣ ихъ накопленія, и тамъ они торжественно взрастаютъ. Идеи не тѣснятся въ нее съ материка, а входятъ тихо, переложенныя на ея нравы и переведенныя на ея языкъ.

Совсѣмъ другое дѣло въ Швейцаріи: въ ней нѣтъ кастъ, даже нѣтъ яркихъ предѣловъ между горожанами и сельскими жителями. Патріархальные патриціи кантоновъ оказались несостоятельными при первомъ напорѣ демократическихъ идей. Черезъ Швейцарію идутъ взадъ и впередъ всѣ ученія, всѣ идеи, и всѣ оставляютъ слѣды; она говоритъ на трехъ языкахъ. Въ ней проповѣдывалъ Кальвинъ, въ ней проповѣдывалъ портной Вейтлингъ, въ ней смѣялся Вольтеръ, въ ней родился Руссо. Страна эта, призванная вся, отъ пахаря и работника, къ самоуправленію, задавленная боль-

шими сосѣдями, безъ постоянной арміи, безъ бюрократіи и диктатуры является, послѣ бурь революціи и сатурналій реакцій, той-же вольной, республиканской конфедераціей, какъ и прежде.

Желательно было бы знать, какъ консерваторы объясняютъ, что единственныя покойныя земли въ Европѣ тѣ, въ которыхъ личная свобода и свобода рѣчи всего меньше стѣснены. Въ то время, какъ Австрійская имперія, напр., поддерживается рядомъ coups d'états съ мошусомъ, гальваническихъ потрясеній и административныхъ революцій, а французскій тронъ держится однимъ терроромъ и уничтоженіемъ всякой законности— въ Швейцаріи и Англіи сохраняются даже нелѣпыя и устарѣлыя формы, сросшіяся съ ихъ свободой и твердыя подъ ея могучей сѣнью?

Поведеніе Федеральнаго совѣта въ отношеніи къ политическимъ выходцамъ, которыхъ они выбрасывали по первому требованію Австріи или Франціи, было позорно. Но отвѣтственность за него падаетъ исключительно на правительство; вопросы внѣшней политики совсѣмъ не такъ близки къ сердцу народа, какъ вопросы внутренніе. Въ сущности, всѣ народы занимаются только своими дѣлами, остальное составляетъ или дальнее желаніе, или просто риторическое упражненіе, иногда откровенное, но и тогда рѣдко дѣльное. Народъ составившій себѣ репутацію своимъ общечеловѣческимъ участіемъ ко всѣмъ и всему, наименѣе знаетъ географію и всего больше зараженъ нестерпимо-раздражительнымъ патріотизмомъ. Къ тому-же, швейцарецъ самою природой не увлекается вдаль: онъ сведенъ горами на свою родную долину, какъ житель приморскій на свой берегъ, и пока его не трогаютъ на ней, онъ молчитъ.

Право, присвоенное себѣ федеральнымъ правитель-

ствомъ, распоряжаться выходцами, вовсе не *швейцарское*, по немъ вопросъ объ эмигрантахъ—вопросъ кантональный. Швейцарскіе радикалы, увлекаемые французскими теоріями, старались усилить сводное правительство въ Бернѣ и сдѣлали большую ошибку. По счастію, попытки централизаціи, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ практическая польза ихъ очевидна, какъ въ устройствѣ почтъ, дорогъ, единства монетъ, вовсе не народны въ Швейцаріи. Централизація можетъ многое сдѣлать для порядка, для разныхъ общихъ предпріятій, но она несовмѣстна съ свободой, ею легко народы доходятъ до положенія хорошо береженаго стада, или своры собакъ, ловко держимыхъ какимъ-нибудь доѣзжачимъ.

Оттого-то американцы и англичане столько-же ненавидятъ ее, сколько и швейцарцы.

Слабая числомъ, нецентрализованная Швейцарія — Гидра, Бріарей, ее не пришибешь однимъ ударомъ. Гдѣ ея голова? гдѣ ея сердце? Сверхъ того, безъ столицы нельзя себѣ представить короля. Король въ Швейцаріи такая-же нелѣпость, какъ табель о рангахъ въ Нью-Іоркѣ. Горы, республика и федерализмъ воспитали, сохранили въ Швейцаріи сильный, мощный кряжъ людей, такъ же рѣзко разграниченный, какъ ихъ почва—горами, и такъ-же соединенный ими, какъ она.

Надобно видѣть какъ гдѣ нибудь на федеральномъ тирѣ собираются стрѣлки разныхъ кантоновъ, съ своими знаменами, въ своихъ костюмахъ и съ карабиномъ за плечами. Гордые своей особенностью и своимъ единствомъ, они, сходя съ родныхъ горъ, братскими кликами привѣтствуютъ другъ друга и федеральный стягъ (остающійся въ *томъ* городѣ, гдѣ былъ послѣдній тиръ), нисколько не смѣшиваясь.

Въ этихъ празднествахъ вольнаго народа, въ его военной забавѣ, безъ оскорбительнаго étalage'а монархіи, безъ пышной обстановки золотомъ шитой аристократіи, пестрой гвардіи—есть что то торжественное и могучее. Вездѣ произносятся рѣчи, льется домашнее вино, раздаются крики, пѣсни, музыка, и всѣ чувствуютъ, что на ихъ плечахъ нѣтъ свинцовой плиты, гнетущей власти...

Въ Женевѣ, вскорѣ послѣ моего пріѣзда, давали обѣдъ ученикамъ всѣхъ школъ передъ наступающими вакансіями. Джемсъ Фази (президентъ кантона) пригласилъ меня на этотъ пиръ. На полѣ, въ Каружѣ, былъ разбитъ большой шатеръ. Совѣтъ и всѣ кантональныя знаменитости были на лицо и обѣдали вмѣстѣ съ дѣтьми. Часть гражданъ, состоявшихъ на очереди, была созвана въ мундирахъ и съ ружьями, для почетной стражи. Фази произнесъ рѣчь, совершенно радикальную, поздравилъ получившихъ награды, и предложилъ тостъ „за будущихъ гражданъ!“ при громѣ музыки и пушечныхъ выстрѣлахъ. Послѣ этого, дѣти, по два въ рядъ, отправились за нимъ въ поле, гдѣ были приготовлены разныя забавы, воздушные шары, акробаты и проч. Вооруженные граждане, т. е. отцы, дяди, старшіе братья учениковъ, составили шпалеры и, по мѣрѣ того, какъ глава колонны проходила, они дѣлали на караулъ... да! на караулъ передъ сыновьями-мальчиками, передъ сиротами, воспитывающимися на счетъ кантона...,. Дѣти были почетные гости города.—его „будущіе граждане“. Странно все это нашему брату, бывавшему на институтскихъ и иныхъ торжественныхъ актахъ.

Странно и то, что каждый работникъ, каждый взрослый крестьянинъ, половые въ трактирахъ и ихъ хозяева, жители горъ и жители болотъ знаютъ хорошо дѣ-

ла кантона, принимаютъ въ нихъ участіе, принадлежатъ къ партіямъ. Языкъ ихъ, степень образованія очень мѣняются, и если женевскій работникъ напоминаетъ иногда ліонскаго клубиста, въ то время какъ простой житель горъ похожъ еще до сихъ поръ на лица, окружающія Шиллеровскаго Теля, то это нисколько не мѣшаетъ тому и другому горячо заниматься общественными дѣлами. Во Франціи идутъ по городамъ отпрыски и развѣтвленія политическихъ и соціальныхъ обществъ, члены ихъ занимаются *революціонными* вопросомъ и по дорогѣ знаютъ кое-что изъ настоящаго управленія. Но за то стоящіе внѣ ассоціаціи, а въ особенности крестьяне, ничего не знаютъ и вовсе не интересуются ни дѣлами Франціи, ни дѣлами департамента.

Наконецъ, и намъ и французамъ бросается въ глаза отсутствіе всякихъ ризъ и облаченій, всей оперной обстановки правительства. Президентъ кантона, президентъ федеральнаго собранія, статсъ-секретари (т. е. министры), федеральные полковники ходятъ, какъ всѣ простые смертные, въ кафе, обѣдаютъ за общимъ столомъ, разсуждаютъ о дѣлахъ, спорятъ съ работниками, спорятъ при нихъ между собой, и все это запиваютъ вмѣстѣ съ другими иворнскимъ виномъ, да киршемъ.

Сначала нашего знакомства съ Джемсомъ Фази, эта демократическая простота поражала меня, и я только впослѣдствіи, вглядываясь ближе, увидѣлъ, что во всѣхъ законныхъ случаяхъ правительство кантона вовсе не было слабо, не смотря на отсутствіе гардеробной важности, лампасовъ, плюмажей, швейцаровъ съ булавой, вахмистровъ съ усами и прочихъ шалостей и ненужностей монархической mise en scène.

Осенью 1849 началось гоненіе выходцевъ, искавшихъ убѣжища въ Швейцаріи; правительство было въ слабыхъ рукахъ доктринеровъ, федеральные министры потеряли голову. Застращенная конфедерація, отказавшая нѣкогда Людовику Филиппу въ высылкѣ Людовика Наполеона, высылала теперь, по приказу послѣдняго, людей, искавшихъ убѣжища, и дѣлала туже любезность для Австріи и Пруссіи. Конечно, федеральное правительство имѣло дѣло не съ старымъ, толстымъ королемъ, не любившимъ крайнихъ мѣръ, а съ людьми, у которыхъ на рукахъ еще не обсохла кровь, и которые были въ самомъ разгарѣ дикаго преслѣдованія. Но чего-же боялось федеральное собраніе? Еслибъ оно умѣло смотрѣть дальше своихъ горъ, тогда оно поняло бы, какую долю внутренняго страха покрывали нахальствами и угрозами сосѣднія правительства. Ни одно изъ нихъ въ 1849 году не имѣло достаточной осѣдлости и нравственнаго сознанія своей силы, чтобъ начать войну. Стоило конфедераціи показать зубы и они умолкли бы; докринеры предпочли робкую уступчивость, и начали мелкое, неблагородное гоненіе людей, которымъ некуда было дѣться.

Долго нѣкоторые кантоны, и въ томъ числѣ Женевскій, противодѣйствовали Федеральному собранію, но наконецъ, и Фази былъ увлеченъ, volens-nolens, въ преслѣдованіе выходцевъ.

Положеніе его было очень непріятно. Переходъ человѣка изъ заговорщиковъ въ правительство, какъ бы онъ естественъ ни былъ, имѣетъ свои комическія и досадныя стороны. Въ сущности, надобно сказать, что не Фази перешелъ въ правительство, а правительство перешло къ Фази, тѣмъ не менѣе прежній конспираторъ не всегда ладилъ съ президентомъ кантона. Ему при-

ходилось бить по своимъ, или иногда явно не слушаться федеральныхъ приказовъ, принимать такія мѣры, противъ которыхъ онъ лѣтъ десять къ ряду оратор-ствовалъ. Онъ дѣлалъ то и другое по капризу, и этимъ возбуждалъ противъ себя обѣ стороны.

Фази человѣкъ большой энергіи и большихъ государственныхъ талантовъ, но слишкомъ французъ, чтобы не любить крутыя мѣры, централизацію, власть. Онъ всю жизнь провелъ въ политической борьбѣ. Молодымъ человѣкомъ мы его встрѣчаемъ на парижскихъ баррикадахъ 1830 года, а потомъ въ Отель-де-Виль, въ числѣ той молодежи, которая, вопреки Лафайету и банкирамъ, требовала провозглашенія республики. Перье и Лафитъ нашли, что „лучшая республика"—герцогъ Орлеанскій; онъ сдѣлался королемъ, а Фази бросился въ крайнюю республиканскую опозицію. Тутъ онъ дѣйствуетъ съ Годфруа Каваньякомъ и Марастомъ, съ обществомъ Des droits de i'homme и съ карбонарами, замѣшивается въ Савойскую экспедецію Маццини, издаетъ журналъ, который на французскій манеръ задавили пенями...

Убѣдившись, наконецъ, что во Франціи нечего дѣлать, онъ вспоминаетъ свою родину и переноситъ всю свою энергію, всю пріобрѣтенную ловкость политическаго дѣятеля, публициста и конспиратора на развитіе своихъ идей въ Женевскомъ кантонѣ.

Онъ задумалъ радикальный переворотъ въ немъ, и исполнилъ его. Женева возстала на свое старое правительство; пренія, нападки и отпоры перешли изъ камеръ и журналовъ на площадь, и Фази явился главою возмутившейся части города. Пока онъ распоряжался и устанавливалъ своихъ вооруженныхъ друзей, сѣдой старикъ смотрѣлъ изъ окна и, военный по професіи, не могъ вытерпѣть, чтобъ не дать совѣта, какъ слѣ-

дуетъ поставить пушку или отрядъ. Фази послушался. Совѣтъ былъ дѣльный — но кто же этотъ военный? Графъ Остерманъ-Толстой, главно-командующій союзными арміями подъ Кульмомъ, уѣхавшій изъ Россіи при воцареніи Николая и жившій потомъ почти всегда въ Женевѣ.

Во время этого переворота, Фази показалъ, что онъ вполнѣ обладаетъ не только тактомъ и вѣрностью взгляда, то и той дерзостью, которую Сенъ-Жюстъ считалъ необходимой для революціонера. Разбивши почти безъ кровопролитія консерваторовъ, онъ явился въ Большой Совѣтъ и объявилъ ему, что онъ распущенъ. Члены хотѣли арестовать его и съ негодованіемъ спрашивали: „Во имя кого онъ осмѣливается такъ говорить?“

— Во имя женевскаго народа, которому надоѣло дурное управленіе ваше, и который со мной — при этомъ Фази отдернулъ сукно въ дверяхъ совѣта. Толпа вооруженныхъ людей наполнила залы, готовая, по первому слову Фази, опустить ружья и выстрѣлить. Старые „патриціи“ и мирные кальвинисты смутились. — „Ступайте вонъ, пока есть время?“—замѣтилъ Фази, и они смиренно поплелись домой, а Фази сѣлъ за столъ и написалъ декретъ или плебисцитъ, объявлявшій, что народъ женевскій, уничтоживъ прежнее правительство, собирается для новыхъ выборовъ и для принятія новаго демократическаго уложенія, въ ожиданіи чего народъ ввѣряетъ исполнительную власть *Джемсу Фази*. Это 18 Брюмера въ пользу демократіи и народа. Хотя онъ и выбралъ самъ себя диктаторомъ, но выборъ безспорно былъ очень удаченъ.

Съ тѣхъ поръ, т. е. съ 1846 года, онъ управляетъ Женевой. Такъ какъ по конституціи президентъ изби-

рается на два года и не можетъ быть избранъ два раза къ ряду, то черезъ два года женевцы назначаютъ кого нибудь изъ блѣдныхъ поклонниковъ Фази, и такимъ образомъ de facto онъ остается президентомъ къ великой горести консерваторовъ и піетистовъ, постоянно остающихся въ меньшинствѣ.

Фази показалъ новыя способности во время своего диктаторства. Администрація, финансы, все двинулось быстро впередъ; твердое проведеніе радикальныхъ началъ привязало къ нему народъ: Фази явился такимъ же энергическимъ организаторомъ, какимъ былъ разрушителемъ. Женева разцвѣла при немъ. Это мнѣ говорили не одни друзья его, но люди совершенно посторонніе, между прочими и знаменитый побѣдитель подъ Кульмомъ, Остерманъ-Толстой.

Крутой и раздражительный, быстрый и безъ терпимости въ характерѣ, Фази всегда имѣлъ въ себѣ деспотически-республиканскія замашки; привыкнувъ къ власти—деспотическое pli стало иной разъ брать верхъ; къ тому же событія и идеи послѣ 1848 застали Фази врасплохъ, онъ былъ смущенъ съ одной стороны, обойденъ съ другой. Ну вотъ она, эта республика, о которой онъ мечталъ съ Годфруа Каваньякомъ и Арманъ Карелемъ... а что-то не ладно. Бывшій его товарищъ, Марастъ, президентъ Національнаго собранія замѣчаетъ ему, что онъ неосторожно отозвался о католицизмѣ „за завтракомъ, въ присутствіи секретаря“, и говоритъ, что религію надобно беречь, чтобы не разсердить поповъ; когда эксъ-редакторъ National'я въ президентскомъ домѣ проходилъ изъ комнаты въ комнату, двое часовыхъ отдавали ему честь. Другой пріятель и протеже Фази пошелъ еще дальше, сдѣлался самъ президентомъ республики, но онъ уже не хочетъ знаться съ

старымъ товарищемъ и идетъ въ Наполеоны. „Республика въ опасности?“—а работники и передовые люди не занимаются ею, они все толкуютъ о соціализмѣ. Такъ вотъ виноватый—и Фази съ упрямствомъ и озлобленіемъ опрокинулся на соціализмъ. Это значило, что онъ достигъ своего предѣла, своего Culminations Punkt'a, какъ говорятъ нѣмцы, и пошелъ внизъ.

Онъ и Маццини, бывши соціалистами прежде соціализма, сдѣлались его врагами, когда онъ сталъ переходить изъ общихъ стремленій въ новую революціонную силу. Много поломалъ я копій съ обоими и съ удивленіемъ увидѣлъ, какъ мало можно взять логикой, когда человѣкъ *не хочетъ* убѣдиться. Если у того и у другаго это была политика, уступка временной необходимости, то зачѣмъ-же было горячиться, зачѣмъ такъ хорошо играть свою роль, даже въ частной бесѣдѣ? Нѣтъ, тутъ былъ какой то зубъ на новое ученіе, сложившееся *внѣ* ихъ круга; тутъ была даже злоба къ имени. Я разъ предлагалъ Фази называть соціализмъ въ нашихъ разговорахъ „Клеопатрой,“ чтобъ это слово не сердило его и не мѣшало своимъ звукомъ пониманію. Брошюры Маццини противъ соціализма впослѣдствіи принесли больше вреда знаменитому агитатору, чѣмъ Радецкій,—но объ этомъ не здѣсь.

Разъ, пришедши домой, я нашелъ записку Струве — онъ меня извѣщалъ, что Фази изгоняетъ его и очень круто. Федеральное правительство давнымъ давно предписало выслать Струве и Гейнцена; Фази ограничился тѣмъ, что сообщилъ имъ это. Что-же случилось новаго?

Фази не хотѣлъ, чтобъ Струве издавалъ въ Женевѣ свой „Интернаціональный“ журналъ; онъ боялся, и можетъ былъ правъ, что они вдвоемъ съ Гейнценомъ на-

печатаютъ такой опасный вздоръ, что снова навлекутъ угрозы Франціи, вопль Пруссіи и скрежетъ зубовъ Австріи. Какъ практическій человѣкъ могъ думать, что этотъ журналъ состоится, я не знаю; довольно того, что онъ предложилъ Струве отказаться отъ журнала или ѣхать вонъ изъ Женевы. Отказаться въ ту минуту, когда Струве фанатически мечталъ, что онъ своимъ журналомъ окончательно побьетъ „семь бичей рода человѣческаго“, было выше силъ баденскаго революціонера. Тогда Фази послалъ къ нему квартальнаго съ приказомъ, чтобъ онъ сейчасъ оставилъ кантонъ. Струве сухо принялъ полицейскаго, и объявилъ, что онъ еще не готовъ къ отъѣзду. Фази обидѣлся за квартальнаго, и велѣлъ полиціи сбыть Струве съ рукъ. Войти въ домъ безъ судебнаго приговора было невозможно; мѣра, принятая въ Бернѣ, была полицейская, а не судебная (то что французы называютъ mesure de salut public). Полицейскій зналъ это, но, желая услужить Фази и вѣроятно расплатиться за дурной пріемъ, приготовилъ карету и сѣлъ съ товарищемъ гдѣ-то подъ липой, неподалеку отъ дома Струве.

Струве, втайнѣ довольный вновь начинающейся эрой гоненій и мученичества и впередъ увѣренный, что важнаго ничего съ нимъ не сдѣлаютъ, разослалъ всѣмъ своимъ знакомымъ записки о случившемся. Въ ожиданіи ихъ пламеннаго участія и горячаго негодованія, онъ не вытерпѣлъ, чтобъ не сходить къ другу Гейнцену, который съ своей стороны получилъ такую же любезную цидулку отъ Фази. Такъ какъ Гейнценъ жилъ не далеко, то Струве ganz gemüthlich отправился къ нему, одѣтый по домашнему и въ туфляхъ. Лишь только онъ поровнялся съ липой, за которой прятался лукавый сынъ Кальвина, какъ тотъ перерѣзалъ ему дорогу и,

показавъ приказъ Федеральнаго Совѣта, требовалъ, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ. Убѣдительность его приглашенія поддерживали два жандарма. Удивленный Струве, проклиная Фази и причисляя его къ числу „семи бичей," сѣлъ въ карету и покатился съ полицейскими въ Ваадскій кантонъ.

Со времени диктаторства Фази, еще ничего подобнаго не было въ Женевѣ. Во всемъ этомъ было что-то грубое, ненужное и даже шутовское. Кипя досадой, возвращался я домой часу въ двѣнадцатомъ вечера: у pont des Bergues я встрѣтилъ Фази, онъ весело шелъ съ нѣсколькими итальянскими выходцами.

— А, здравствуйте, что новаго? сказалъ онъ, увидавъ меня.

— Много, отвѣчалъ я съ изысканной сухостью.

— Что же такое?

— Да вотъ, напримѣръ, въ Женевѣ, точно въ Парижѣ, людей хватаютъ на улицѣ, насильно увозятъ, il n'y a plus de sécurité dans les rues—я боюсь ходить.....

— А, это вы говорите на счетъ Струве... отвѣчалъ Фази. успѣвшій разсердиться до того, что голосъ его сталъ перерываться. Что-же прикажете дѣлать эъ этими взбалмошными людьми? Я, наконецъ, усталъ, я покажу этимъ господамъ, что значитъ пренебрегать законами, явно не слушаться распоряженій Федеральнаго Совѣта.....

— Право, сказалъ я. улыбаясь, которое вы предоставляете одному себѣ.

— Что же мнѣ изъ за всякаго вырвавшагося изъ Бедлама подвергать опасности кантонъ, самого себя, и это при теперешнихъ обстоятельствахъ? да мало еще, вмѣсто спасибо они грубятъ. Представьте себѣ, господа, я посылаю къ нему комисара полиціи, а онъ только

что не вытолкалъ его — это изъ рукъ вонъ! Не понимаютъ, что чиновникъ (magistrat), приходящій во имя закона, долженъ быть уважаемъ. Не правда-ли?

Товарищи Фази кивнули утвердительно головой.

— Я не согласенъ, сказалъ я ему, и совсѣмъ не вижу причины уважать человѣка за то, что онъ полицейскій, и за то, что онъ пришелъ объявлять какой нибудь вздоръ, написанный Фуреромъ или Друэ въ Бернѣ. Можно быть не грубымъ, но для чего расточаться въ учтивостяхъ передъ человѣкомъ, который является ко мнѣ какъ врагъ, да еще какъ врагъ, поддерживаемый силой?

— Я отроду не слыхивалъ такихъ вещей, замѣтилъ Фази, подымая плечи и бросая на меня молніи своихъ взоровъ.

— Вамъ это ново, потому что вы никогда не думали объ этомъ. Представлять себѣ чиновниковъ какими-то священнодѣйствующими лицами — вещь совершенно монархическая.

— Вы оттого не хотите понять разницы между уваженіемъ къ закону и раболѣпіемъ, что у васъ царь и законъ одно и тоже — c'est parfaitement russe!

— Да гдѣ же это понять, когда у васъ уваженіе къ закону значитъ уваженіе въ квартальному или къ городовому сержанту?

— А знаете ли вы, м. г., что комисаръ полиціи, котораго я посылалъ, не только честнѣйшій человѣкъ, но и одинъ изъ преданнѣйшихъ патріотовъ; я его видѣлъ на дѣлѣ...

— И прекрасный отецъ семейства, продолжалъ я, да только ни мнѣ, ни Струве дѣла нѣтъ до этого; мы съ нимъ незнакомы, и явился онъ къ Струве вовсе не какъ

образцовый гражданинъ, а какъ исполнитель притѣснительной власти...

— Да помилуйте, замѣтилъ все больше и больше сердившійся Фази, что вамъ дался этотъ Струве, да не вчера ли вы сами надъ нимъ хохотали...

— Не смѣяться-же мнѣ сегодня, если вы будете его вѣшать.

— Знаете, что я думаю — онъ пріостановился: я полагаю, что онъ просто русскій агентъ.

— Господи, какой вздоръ! сказалъ я, расхохотавшись.

— Какъ *вздоръ*, закричалъ Фази еще громче, я вамъ говорю это серьезно!

Зная необузданно-вспыльчивый нравъ моего женевскаго тирана, и зная, что, при всей раздражительности его, онъ въ сущности былъ во сто разъ лучше своихъ словъ и человѣкъ не злой, я, можетъ, пропустилъ бы ему это поднятіе голоса; но тутъ были свидѣтели, къ тому-же онъ былъ президентъ кантона, а я такой же безпаспортный бродяга, какъ и Струве, и потому я стенторовскимъ голосомъ отвѣчалъ ему: „Вы воображаете, что вы президентъ, такъ вамъ и достаточно что-нибудь сказать, чтобъ всѣ повѣрили?“

Крикъ мой подѣйствовалъ, Фази сбавилъ голосъ, но за то, безпощадно разбивая свой кулакъ о перила моста, онъ замѣтилъ: „Да его дядя, Густавъ Струве, русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Гамбургѣ.“

— Это ужъ изъ „Волка и Овцы.“ Я лучше пойду домой. Прощайте!

— Въ самомъ дѣлѣ, лучше идти спать, чѣмъ спорить, а то еще мы поссоримся, замѣтилъ Фази, принужденно улыбаясь.

Я пошелъ въ hôtel des Bergues, Фази съ итальянца-

ми черезъ мостъ. Мы такъ усердно кричали, что нѣсколько оконъ въ отелѣ растворились, и публика, состоявшая изъ гарсоновъ и туристовъ, слушала наше преніе.

Между тѣмъ, квартальный и честнѣйшій гражданинъ, который повезъ Струве, возвратился и не одинъ, а съ тѣмъ-же Струве. Въ первомъ городкѣ Ваадскаго кантона, близъ Копета, гдѣ жили Стааль и Рекамье, случилось презабавное обстоятельство. Префектъ полиціи, горячій республиканецъ, услышавъ, какъ Струве былъ схваченъ, объявилъ, что женевская полиція поступила беззаконно и нетолько отказался послать его далѣе, но воротилъ назадъ.

Можно себѣ представить бѣшенство Фази, когда онъ, на закуску нашего разговора, узналъ о благополучномъ возвращеніи Струве. Побранившись съ „тираномъ“ письменно и словесно, Струве уѣхалъ съ Гейнценомъ въ Англію; тамъ-то Гейнценъ потребовалъ два милліона головъ и мирно уплылъ съ своимъ Пиладомъ въ Америку, сначала съ цѣлью завести *училище для молодыхъ дѣвицъ*, потомъ чтобъ издавать въ С. Луисѣ *Піонера*, журналъ, который и пожилымъ мужчинамъ не всегда можно читать.

Дней пять послѣ разговора у моста я встрѣтился съ Фази въ café de la Poste. „Что это васъ не видать давно, спросилъ онъ, неужели все сердитесь? Ну, уже эти мнѣ дѣла о выходцахъ, признаюсь, такая обуза, что съ ума можно сойти! Федеральный совѣтъ бомбардируетъ одной нотой за другой, а тутъ проклятый женскій су-префектъ нарочно живетъ, чтобъ смотрѣть интернированы-ли французы. Я стараюсь все уладить и за все за это — свои-же сердятся. Вотъ теперь новое дѣло, и прескверное, я уже знаю, что меня будутъ

бранить, а что мнѣ дѣлать"; онъ сѣлъ за мой столикъ и, понижая голосъ, продолжалъ — „это уже не фразы, не соціализмъ, а просто воровство."

Онъ подалъ мнѣ письмо. Какой то нѣмецкій владѣтельный герцогъ жаловался, что, во время занятія фрейшерлерами его городишка, были ими похищены драгоцѣнныя вещи и, между прочимъ, рѣдкой работы старинный потиръ, что онъ находится у бывшаго начальника легіона Бленкера, а такъ какъ до свѣденія его свѣтлости дошло, что Бленкеръ живетъ въ Женевѣ, то онъ и проситъ содѣйствія Фази въ отысканіи вещей.

— Что скажете? спросилъ торжествующимъ голосомъ Фази.

— Ничего. Мало ли что бываетъ въ военное время.

— Что-же по вашему дѣлать?

— Бросить письмо или написать этому шуту, что вы вовсе не сыщикъ его въ Женевѣ; что вамъ за дѣло до его посуды? онъ долженъ радоваться, что Бленкеръ не повѣсилъ его, а тутъ онъ еще ищетъ пожитки.

— Вы преопасный софистъ, сказалъ Фази, да только вы не подумали, что такія продѣлки бросаютъ тѣнь на нашу партію... этого такъ оставить невозможно.

— Не знаю, зачѣмъ вы это принимаете къ сердцу. Такіе-ли дѣлаются ужасы на бѣломъ свѣтѣ. Что касается партіи и ея чести, вы, пожалуй опять скажете, что я софистъ — подумайте сами, неужели, давши ходъ этому дѣлу, вы ей сдѣлаете пользу? Оставьте безъ вниманія доносъ герцога, его примутъ за клевету; а вотъ какъ къ слуху о немъ прибавятъ, что вы посылали дѣлать обыскъ, да еще на бѣду что-нибудь найдутъ, тогда трудно будетъ оправдываться Бленкеру и всей партіи.

Фази откровенно удивлялся русскому безпорядку моихъ мнѣній.

Дѣло Бленкера кончилось какъ нельзя лучше. Его не было въ Женевѣ, жена его, при появленіи слѣдственнаго судьи и полиціи, показала спокойно вещи и деньги, разсказала, откуда онѣ, и, услышавъ о сосудѣ, сама отыскала его, — это былъ весьма простой серебряный потиръ. Его взяли молодые люди, бывшіе въ ополченіи, и поднесли въ память побѣды своему полковнику.

Фази впослѣдствіи извинялся передъ Бленкеромъ, *соглашаясь*, что поторопился въ этомъ дѣлѣ. Неумѣренная любовь раскрывать истину, добираться до подробностей въ дѣлахъ уголовныхъ, преслѣдовать съ ожесточеніемъ виноватыхъ, сбивать ихъ — все это *чисто-французскіе* недостатки, судопроизводство для нихъ кровожадная игра, въ родѣ травли для испанцевъ. Прокуроръ, какъ ловкій тореадоръ, униженъ и оскорбленъ, ежели травимый звѣрь уцѣлѣетъ. Въ Англіи нѣтъ ничего подобнаго: судья смотритъ хладнокровно на подсудимаго, не усердствуетъ, и почти доволенъ, когда присяжные не даютъ обвинительнаго приговора.

Съ своей стороны рефюжье дразнили Фази и отравляли дни его. Все это понятно и къ этому нельзя быть слишкомъ строгимъ. Страсти, распахнувшіяся во время революціонныхъ движеній, не угомонились отъ неудачи и, не имѣя другаго выхода, выражались въ строптивомъ безпокойствѣ духа. Людямъ этимъ смертельно хотѣлось говорить именно въ то время, когда приходилось замолкнуть, отступить на второй планъ, стереться, сосредоточиться, а они, совсѣмъ напротивъ, старались не сходить со сцены и заявляли всѣми средствами свое существованіе; они писали брошюры, пи-

сали въ журналахъ, говорили на сходкахъ, говорили въ кафе, распространяли ложныя новости и стращали глупыя правительства близкимъ возстаніемъ. Большая часть изъ нихъ принадлежала къ числу самыхъ безопасныхъ хористовъ революціи, но устрашенныя правительства съ обратнымъ безуміемъ вѣрили ихъ силѣ и, непривычныя къ свободной и смѣлой рѣчи, кричали о неминуемой опасности, о гибели религіи, трона, семьи, и требовали, чтобъ Федеральный совѣтъ изгналъ этихъ страшныхъ людей мятежа и разрушеній.

Одна изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ швейцарскимъ правительствомъ, состояла въ удаленіи отъ французской границы тѣхъ изъ рефюжье, которые особенно не нравились Наполеону. Исполнить эту мѣру было очень противно для Фази; онъ почти со всѣми былъ лично знакомъ. Объяснивъ имъ приказъ оставить Женеву, онъ старался *не знать*, кто уѣхалъ, кто нѣтъ. Неуѣхавшимъ еще надобно было отказаться отъ главныхъ кафе, отъ pont des Bergues — этого-то они и не хотѣли уступить. Отсюда выходили смѣшныя пансіонскія сцены, въ которыхъ участвовали бывшіе народные представители, люди съ сѣдыми волосами, за сорокъ лѣтъ извѣстные писатели — съ одной стороны, и съ другой — президентъ свободнаго кантона, да полицейскіе агенты рабскихъ сосѣдей Швейцаріи.

Разъ при мнѣ жекскій су-префектъ спросилъ ироническимъ тономъ у Фази: „M. le Président, а что, такой-то въ Женевѣ?“ — „Давнымъ-давно нѣтъ“ — отвѣчалъ отрывисто Фази. — „Я очень радъ,“ замѣтилъ су-префектъ, и пошелъ своей дорогой. А Фази, неистово схвативъ меня за руку и судорожно указывая на человѣка, спокойно курившаго сигару, сказалъ мнѣ: „Вотъ онъ! вотъ онъ! — пойдемте въ другую сторо-

ну, чтобъ не встрѣтить этого разбойника. Это адъ, да и только!“ Я не могъ удержаться отъ смѣха. Разумѣется, это былъ высланный рефюжье, и онъ-то прогуливался по pont des Bergues, который въ Женевѣ то, что у насъ Тверской бульваръ.

Я прожилъ въ Женевѣ до половины Декабря. Гоненія, начавшіяся въ тихомолку противъ меня русскимъ правительствомъ, заставили меня покинуть ее для того, чтобъ ѣхать въ Цюрихъ спасать имѣнье моей матери, въ которое запустилъ царственные когти „незабвенный“ императоръ.

Страшное это время было въ моей жизни. Штиль между двухъ ударовъ грома, штиль давящій, тажелый, но не казистый... примѣты грозили пальцемъ, но я и тутъ еще отворачивался отъ нихъ. Жизнь шла неровно, нестройно, но въ ней были свѣтлые дни; за нихъ я обязанъ величественной швейцарской природѣ.

Даль отъ людей и изящная природа имѣютъ удивительно цѣлебное вліяніе. Я по опыту писалъ въ „Поврежденномъ“: „Когда душа носитъ въ себѣ великую печаль, когда человѣкъ не на столько сладилъ съ собою, чтобы примириться съ прошедшимъ, чтобы успокоиться на пониманіи, ему нужна даль и горы, море и теплый, кроткій воздухъ. Нужны для того, чтобы грусть не превращалась въ ожесточеніе, въ отчаяніе, чтобъ онъ не зачерствѣлъ“...

Отъ многаго хотѣлось отдохнуть уже и тогда. Полтора года, проведенные въ средоточіи политическихъ смутъ и распрей, въ постоянномъ раздраженіи, въ виду кровавыхъ зрѣлищъ, страшныхъ паденій и мелкихъ измѣнъ, осадили много горечи, тоски и устали на днѣ души. Иронія принимала другой характеръ. Грановскій писалъ мнѣ, прочитавъ „Съ того берега,“ писанное

именно въ то время: „Книга твоя дошла до насъ, я читалъ ее съ радостью и съ гордымъ чувствомъ... но при всемъ томъ въ ней есть что-то усталое, ты стоишь слишкомъ одиноко и, можетъ, сдѣлаешься великимъ писателемъ; но то, что было въ Россіи живаго и симпатическаго для всѣхъ въ твоемъ талантѣ, какъ-будто исчезло на чужой почвѣ...“ Сазоновъ, перечитавъ передъ моимъ отъѣздомъ изъ Парижа, въ 1849 г., начало моей повѣсти „Долгъ прежде всего“, писанный за два года, сказалъ мнѣ: „Ты этой повѣсти не кончишь, да и ничего подобнаго больше не напишешь. У тебя прошелъ свѣтлый смѣхъ и добродушная шутка.“

Но могъ-ли человѣкъ пройти искусомъ 1848 и 1849 года и остаться тѣмъ-же? Я самъ чувствовалъ эту перемѣну. Только дома, безъ постороннихъ, находили иногда прежнія минуты не „свѣтлаго смѣха,“ а *свѣтлой грусти;* вспоминая былое, нашихъ друзей, вспоминая недавнія картины римской жизни, возлѣ кроватки спящихъ дѣтей, или глядя на ихъ игру, душа настроивалась какъ прежде, какъ нѣкогда—на нее вѣяло свѣжестью, молодой поэзіей, полной кроткой гармоніей, на сердцѣ становилось хорошо, тихо, и подъ вліяніемъ такого вечера легче жилось день, другой.

Минуты эти были не часты; дурное, невеселое разсѣяніе мѣшало имъ — число постороннихъ росло около насъ, и къ вечеру маленькая гостинная наша на Елисейскихъ поляхъ была полна чужими. Большею частью это были вновь-пріѣхавшіе эмигранты, люди добрые и несчастные, но близокъ я былъ только съ однимъ человѣкомъ..... и зачѣмъ я былъ близокъ съ нимъ!.....

Я съ радостью покидалъ Парижъ, но въ Женевѣ мы очутились въ томъ-же обществѣ, только лица были дру-

гія и размѣры тѣснѣе. Въ Швейцаріи все тогда было ринуто въ политику, все дѣлилось на партіи, table d'hôt'ы и кафейныя, часовщики и женщины. Исключительно политическое направленіе, особенно въ томъ тяжеломъ затишьи, которое всегда слѣдуетъ за неудачными переворотами, чрезвычайно утомляетъ безплодной сухостью и однообразнымъ попреканіемъ прошедшему. Оно похоже на лѣтнее время въ большихъ городахъ, гдѣ все запылено, жарко, безъ воздуха, гдѣ, сквозь блѣдныя деревья просвѣчиваютъ стѣны, отражающія солнце и теплые камни мостовой. Живой человѣкъ рвется на воздухъ, которымъ еще не дышала тьма темъ, въ которомъ не пахнетъ обглодками жизни и не слышно нестройнаго дребезжанія, сальнаго, гнилаго запаха и безпрерывнаго стука.

Иногда мы въ самомъ дѣлѣ вырывались изъ Женевы, ѣздили по берегамъ Лемана, уѣзжали къ подножію Монъ-Блана, и насупившаяся, мрачная красота горной природы заслоняла своими яркими тѣнями всю суету суетствій, освѣжая душу и тѣло холоднымъ вѣяніемъ своихъ вѣчныхъ ледниковъ.

Не знаю, желалъ-ли бы я навсегда остаться въ Швейцаріи; нашему брату, жителю долинъ и луговъ, горы черезъ нѣкоторое время мѣшаютъ, онѣ слишкомъ громадны, близки, тѣснятъ, ограничиваютъ, но иной разъ хорошо пожить подъ ихъ тѣнью. Къ тому-же по горамъ живетъ чистое и доброе племя, племя бѣдное, но не несчастное, съ малыми потребностями, привычное къ жизни самобытной и независимой. Накипь цивилизаціи, ея ярь-мѣдянка не осѣла на этихъ людяхъ; историческія перемѣны, словно облака, ходятъ подъ ними, мало задѣвая ихъ. Римскій міръ еще продолжается въ Граубюнденѣ, время крестьянскихъ войнъ едва прошло

гдѣ нибудь въ Апенцелѣ. Можетъ въ Пиренеяхъ или другихъ горахъ, въ Тиролѣ, найдется такой-же здоровый кряжъ населенія, но, вообще, его въ Европѣ давно нѣтъ.

На нашемъ Сѣверовостокѣ видѣлъ я, впрочемъ, что-то подобное. Въ Перми и Вяткѣ мнѣ удавалось встрѣчать людей такого-же закала, какъ на Альпахъ.

Утомленные безпрерывнымъ, долгимъ подниманіемъ шагъ-за-шагъ по горѣ, чтобъ дать отдохнуть клячамъ, я и товарищъ, ѣхавшій со мной въ Церматъ, мы вошли въ небольшой постоялый дворъ, помнится, повыше Св. Николы. Хозяйка, худая, но мускулистая, высокая старушка, была одна-одинехонька дома; увидя гостей, она засуетилась и, жалуясь на бѣдность своихъ запасовъ, пошаривъ тамъ-сямъ, принесла бутылку кирша, сухой, какъ камень, хлѣбъ (хлѣбъ въ горахъ вещь не простая, его привозятъ на ослахъ съ долинъ) копченую баранину, тоже сухую, сыру, козьяго молока, и потомъ пошла стряпать какую-то сладкую яичницу, которой я ѣсть не могъ; но баранина, сыръ и киршъ были хороши. Хозяйка угощала насъ, какъ званыхъ гостей, съ добродушнымъ видомъ подкладывала кусочки, и все извинялась. Проводники наши тоже поѣли и допили киршъ. Уѣзжая, я спросилъ, что мы ей должны. Хозяйка долго думала, даже прошлась въ другую комнату, чтобы сообразить, и потомъ, сдѣлавъ предисловіе о дороговизнѣ, трудномъ подвозѣ, она рискнула сказать *пять франковъ*. — „Какъ, замѣтилъ я, и съ лошадьми?“ — Она не поняла меня и поторопилась прибавить: „Ну и четырехъ будетъ довольно.“

Когда меня везли изъ Перми въ Вятку, я попросилъ въ одной деревнѣ, гдѣ мѣняли лошадей, квасу у женщины, сидѣвшей на бревнѣ возлѣ избы. „Больно ки-

селъ, отвѣчала она, а вотъ я тебѣ вынесу браги, отъ праздника, видишь, осталась.“ Черезъ минуту она принесла глиняный кувшинъ, заткнутый тряпкой, и ковшъ. Мы съ жандармомъ напились вдоволь; отдавая ковшъ старухѣ, я подалъ ей гривенникъ или пятиалтынный, но она не взяла, приговаривая: „Господь съ тобой, что-это съ дорожнаго человѣка-то брать. да и ѣдешь ты того,“ она посмотрѣла на жандарма. — „Да за что-же, тетушка, мы твою бражку-то даромъ пили, возьми дѣтушкамъ на пряники.“ — Нѣтъ, кормилецъ, ты въ этомъ не сомнѣвайся, а есть лишнія деньги, подай ихъ нищему, али Богу поставь свѣчку.“

Другой подобный случай былъ со мной на Великой-рѣкѣ, близь Вятки. Я ѣздилъ смотрѣть туда оригинальную процесію, какъ икону Николая Хлыновскаго носятъ туда въ гости. На обратномъ пути я зашелъ съ ямщикомъ въ избу, гдѣ онъ бралъ овесъ: хозяева и человѣка три богомольцевъ собирались обѣдать; сильно пахло щами, попросилъ и я себѣ. Молодая женщина принесла деревянную чашку щей, ломоть хлѣба и огромную солонку съ высокой спинкой. Поѣвши, я далъ хозяину четвертакъ. Онъ посмотрѣлъ на меня, почесалъ затылокъ и сказалъ: „оно, видишь, неладно, что-же ты наѣлъ гроша на два, а даешь четвертакъ, оно мнѣ взять-то и не приходится, и передъ Богомъ грѣшно, и передъ людьми совѣстно.“

Помнится, я гдѣ то упоминалъ объ обычаѣ пермскихъ мужиковъ выставлять на ночь за окно кусокъ хлѣба, квасъ или молоко, на тотъ случай, что если *несчастный*, т. е. сосланный, проберется изъ Сибири, да побоится постучать, такъ чтобъ подкрѣпился, не дѣлая шума. Подобное я нашелъ на горахъ Швейцаріи; только тутъ это дѣлается, за неимѣніемъ возлѣ Сибири,

просто для путниковъ. На довольно большихъ высотахъ, тамъ гдѣ уже жизнь рѣдѣетъ, гдѣ гранитъ уже выказывается, какъ черепъ у человѣка, начинающаго плѣшивѣть, и рѣзкій холодный вѣтеръ подуваетъ на сухую, аптекарскую растительность,—тамъ попадались мнѣ хижины, пустыя, но съ незапертыми дверями, чтобы путникъ, сбившійся съ дороги или загнанный непогодой, могъ найти пріютъ и безъ хозяина. Разная крестьянская утварь стояла тутъ, а на столѣ — сыръ, хлѣбъ или козье молоко. Иные, поѣвши, кладутъ на столъ какую-нибудь копѣйку, другіе ничего, но, видно, никто не крадетъ. Конечно, постороннихъ прохожихъ бываетъ очень мало, но тѣмъ не менѣе эти отпертыя двери удивляютъ городской глазъ.

Разговорившись о горахъ и вершинахъ, доскажу мое путешествіе на Монте-Розу. Какъ-же лучше и кончить главу о Швейцаріи, какъ не на высотѣ семи тысячъ футовъ?

Отъ старушки, которая совѣстилась взять пять франковъ за кормъ четырехъ человѣкъ и двухъ лошадей, со включеніемъ цѣлой бутылки кирша, мы до самого вечера поднимались по узкой нарѣзкѣ, мѣстами не шире метра, до Цермата; привычныя лошади шли шагомъ и осторожно, выбирая мѣсто, куда поставить копыто по скалистой, неровной тропинкѣ. Проводники безпрестанно напоминали намъ, чтобъ не править, а пускать лошадь идти, какъ она знаетъ. Съ одной стороны былъ крутой обрывъ, тысячи въ три футовъ и больше. Внизу, на его днѣ, шумѣлъ и несся Вешъ, съ какой-то безумной поспѣшностью, стараясь найти больше открытое русло и вырваться изъ сжатой каменной постели. Его пѣнящаяся, клубящаяся поверхность была мѣстами видна; по гористымъ берегамъ росли цѣлые

сосновые лѣса, казавшіеся мохомъ съ высоты, по которой мы двигались. Съ другой стороны голая, скалистая высь, мѣстами нависшая надъ головами. Часы цѣлые ѣдешь, ѣдешь... стучатъ подковы о камень, срывается нога лошади, реветъ Веспъ, и все такія-же скалы съ одной стороны, за которыми ничего не видать, и уже смеркающійся обрывъ съ другой—это наводитъ тоску, раздражительную усталь..... я не хотѣлъ-бы часто повторять этого пути.

Церматъ послѣднее мѣстечко, гдѣ живутъ нѣсколько семій вмѣстѣ; оно стоитъ, какъ въ котлѣ: громады горъ окружаютъ его. Одинъ изъ домохозяевъ принимаетъ у себя рѣдкихъ путешественниковъ, мы застали у него шотландца, геолога. Пока намъ собирали ужинъ, сдѣлалось совершенно темно; близость горъ удвоивала мракъ. Часу въ одиннадцатомъ хозяйка, прислушиваясь у окна, сказала намъ: „Вѣдь это копыта, да и крикъ проводниковъ слышенъ..... охота-же въ ночную пору ѣхать по такой дорогѣ.“ Стукъ копытъ медленно приближался, хозяйка взяла фонарь и вышла съ нимъ въ сѣни, я пошелъ за ней: что-то стало отдѣляться изъ черной мглы, какія-то фигуры показались на полосѣ фонарнаго свѣта и, наконецъ, два всадника подъѣхали къ сѣнямъ. На одной лошади сидѣла высокая, среднихъ лѣтъ женщина, на другой мальчикъ, лѣтъ четырнадцати. Дама покойно сошла съ лошади, будто она воротилась съ прогулки въ Гайдъ-Паркѣ, и вошла въ общую комнату. Шотландца она уже гдѣ-то встрѣтила, и потому тотчасъ стала съ нимъ говорить. Спросивъ себѣ поѣсть, она послала сына узнать отъ проводниковъ, сколько времени лошадямъ нужно отдыхать. Они сказали, что двухъ часовъ довольно. — „Неужели вы ѣдете, не дождавшись дня? спросилъ шотланецъ, зги не

видать, и притомъ же вамъ теперь придется спускаться по новой дорогѣ?“

— Я уже такъ разочла время.

Черезъ два часа англичанка съ сыномъ стала спускаться на итальянскую сторону, а мы легли уснуть часа два-три.

На разсвѣтѣ мы взяли третьяго проводника геборіста, который зналъ всѣ тропинки и удивительно насвистывалъ альпійскіе мотивы, и стали взбираться на одну изъ ближнихъ высотъ, поднимаясь къ ледяному морю и Монъ-Сервину.

Сначала сѣдой туманъ закрывалъ все и мочилъ насъ мелкимъ дождемъ, мы поднимались, онъ понижался; вскорѣ сдѣлалось какъ-то рѣзко свѣтло, необыкновенно чисто и ясно.

Гюго гдѣ-то описываетъ „что слышно на горѣ;“ не высока, должно быть, была его гора, меня поразило, совсѣмъ напротивъ, совершенное отсутствіе звука: рѣшительно ничего не слыхать, кромѣ легкаго, перемежающагося грохота отъ перекатывающихся лавинъ, и то изрѣдка... вообще-же, тишина мертвая, *прозрачная*,— я нарочно употребляю это слово,—и необычайная разрѣженность воздуха дѣлаютъ *видимой*, *звучной*, эту совершенную нѣмоту, этотъ безпробудный, минеральный, стихійный сонъ *) допотопныхъ временъ.

Шумитъ жизнь — но все живое внизу и покрыто облаками; тутъ ужъ нѣтъ и растеній, одинъ мохъ сѣдой, жесткій, попадается кое-гдѣ на камняхъ. Еще вверхъ —еще свѣжѣе стало, начинается нетающій иней; тутъ рубежъ, тутъ ничего не бываетъ, дальше ходитъ только любопытнѣйшій изъ всѣхъ *звѣрей*, чтобъ на минуту

*) Вотъ я и оправдалъ знаменитое: „я слышу молчаніе!“ московскаго полицмейстера.

заглянуть въ эти степи пустоты, посмотрѣть на эти пограничные, выдавшіеся предѣлы планеты, и скорѣе спуститься въ свою среду, исполненную суетъ—но гдѣ онъ дома.

Мы остановились передъ ледянымъ снѣжнымъ моремъ, растилавшимся между нами и Монъ-Сервиномъ; окаймленное грядою горъ, облитыхъ солнцемъ, оно само, бѣлое до ослѣпительности, представляло замерзшую арену какого-то гигантскаго колизея. Мѣстами изрытое вѣтрами, волнистое, оно будто застыло въ самую минуту движенія; изгибы валовъ замерзли, не успѣвъ выправиться.

Я сошелъ съ лошади и прилегъ на глыбу гранита, причаленную снѣжными волнами въ берегу... нѣмая, неподвижная бѣлизна, безъ всякаго предѣла... легкій вѣтеръ приподнималъ небольшую бѣлую пыль, уносилъ ее, вертѣлъ... она падала и все снова приходило въ покой, да раза два лавины, оторвавшись съ глухимъ раскатомъ, скатывались вдали, цѣпляясь за утесы, разбиваясь о нихъ и оставляя по себѣ облако снѣга...

Странно чувствуетъ себя человѣкъ въ этой рамѣ — гостемъ, лишнимъ, постороннимъ, и съ другой стороны свободнѣе дышитъ и, будто подъ цвѣтъ окружающему, становится бѣлъ и чистъ внутри... серьезенъ и полонъ какого-то благочестія! . . . . . .

Какимъ натянутымъ риторомъ сочли бы меня, еслибъ я заключилъ эту картину Монте-Розы, сказавши, что середь этой бѣлизны, свѣжести и тишины, изъ двухъ путниковъ, потерянныхъ на этой выси и считавшихъ другъ друга близкими друзьями, одинъ обдумывалъ черную измѣну?...

Да, жизнь иногда имѣетъ свои мелодраматическія выходки—свои coups de théatre, очень натянутые.

ЗАПАДНЫЕ АРАБЕСКИ

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

I.

IL PIANTO

Послѣ Іюньскихъ дней я видѣлъ, что революція побѣждена, но вѣрилъ еще въ *побѣжденныхъ*, въ падшихъ, вѣрилъ въ чудотворную силу мощей, въ ихъ нравственную могучесть. Въ Женевѣ я сталъ понимать яснѣе и яснѣе, что революція не только побѣждена, но что она *должна была быть* побѣжденной.

У меня кружилась голова отъ мопхъ открытій, пропасть открывалась передъ глазами, и я чувствовалъ, какъ почва исчезала подъ ногами.

Не реакція побѣдила революцію. Реакція вездѣ оказалась тупой, трусливой, выжившей изъ ума; она вездѣ позорно отступила за уголъ передъ напоромъ народной волны, и воровски выжидала времени въ Парижѣ и въ Неаполѣ, въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Революція пала, какъ Агрипина, подъ ударами своихъ дѣтей и, что всего хуже, безъ ихъ сознанія; героизма, юношескаго самоотверженія было больше, чѣмъ разумѣнія, и чистыя, благородныя жертвы пали, не зная за что. Судьба остальныхъ врядъ не была-ли еще печальнѣе. Они въ раздорѣ между собой, въ личныхъ спорахъ, въ печальномъ

самообольщеніи, разъѣдаемые необузданнымъ самолюбіемъ, останавливались на своихъ неожиданныхъ дняхъ торжества и не хотѣли ни снять увядшихъ вѣнковъ, ни вѣнчальнаго наряда, не смотря на то, что не *невѣста* обманула.

Несчастія, праздность и нужда внесли нетерпимость, упрямство, раздраженіе... эмиграціи разбились на маленькія кучки, средоточіемъ которыхъ дѣлались имена, ненависти, а не начала. Взглядъ, постоянно обращенный назадъ, и исключительное, замкнутое общество начало выражаться въ рѣчахъ и мысляхъ, въ пріемахъ и одеждѣ; новый цехъ—*цехъ выходцевъ* — складывался и костенѣлъ рядомъ съ другими. И какъ нѣкогда Василій Великій писалъ Григорію Назіанзину, что онъ „утопаетъ въ постѣ и наслаждается лишеніями,“ такъ теперь явились добровольные мученики, страдавшіе по званію, несчастные по ремеслу, и въ ихъ числѣ добросовѣстнѣйшіе люди; да и Василій Великій откровенно писалъ своему другу объ оргіяхъ плотоумерщвленія и о нѣгѣ гоненія. При всемъ этомъ, сознаніе не двигалось ни на шагъ, мысль дремала... Еслибъ эти люди были призваны звукомъ новой трубы и новаго набата, они, какъ девять спящихъ дѣвъ, продолжали бы тотъ день, въ который заснули.

Сердце изнывало отъ этихъ тяжелыхъ истинъ; трудную страницу воспитанія приходилось переживать.

... Печально сидѣлъ я разъ въ мрачномъ, непріятномъ Цюрихѣ, въ столовой у моей матери; это было въ концѣ Декабря 1849. Я ѣхалъ на другой день въ Парижъ; день былъ холодный, снѣжный, два-три полѣна нехотя, дымясь и треща, горѣли въ каминѣ, всѣ были заняты укладкой, я сидѣлъ одинъ одинехонекъ: женевская жизнь носилась передъ глазами, впереди все

казалось темно, я чего-то боялся, и мнѣ было такъ невыносимо, что, еслибъ я могъ, я бросился бы на колѣни и плакалъ бы, и молился бы, но я не могъ, и, вмѣсто молитвы, написалъ *проклятіе — мой Эпилогъ къ 1849.*

„Разочарованіе, усталь, Blasirtheit!“ сказали объ этихъ выболѣвшихъ строкахъ демократическіе рецензенты. Да, разочарованіе! Да, усталь!... Разочарованіе слово битое, пошлое, дымка, подъ которой скрывается лѣнь сердца, эгоизмъ, придающій себѣ видъ любви, звучная пустота самолюбія, имѣющаго притязаніе на все, силы — ни на что. Давно надоѣли намъ всѣ эти высшія, неузнанныя натуры, исхудалыя отъ зависти, и несчастныя отъ высокомѣрія — въ жизни и въ романахъ. Все это совершенно такъ, а врядъ-ли нѣтъ чего либо истиннаго, особенно принадлежащаго нашему времени на днѣ этихъ страшныхъ психическихъ болей, вырождающихся въ смѣшныя пародіи и въ пошлый маскарадъ.

Поэтъ, нашедшій слово и голосъ для этой боли, былъ слишкомъ гордъ, чтобъ притворяться, чтобъ страдать для рукоплесканій; напротивъ, онъ часто горькую мысль свою высказывалъ съ такимъ юморомъ, что добрые люди помирали со смѣха. Разочарованіе Байрона больше, нежели капризъ, больше, нежели личное настроеніе. Байронъ сломился оттого, что его жизнь обманула. А жизнь обманула не потому, что требованія его были ложны, а потому, что Англія и Байронъ были двухъ розныхъ возрастовъ, двухъ розныхъ воспитаній, и встрѣтились именно въ ту эпоху, въ которую туманъ разсѣялся.

Разрывъ этотъ существовалъ и прежде, но въ нашъ вѣкъ онъ пришелъ къ сознанію, въ нашъ вѣкъ больше

и больше обличается невозможность посредства какихъ нибудь вѣрованій. За римскимъ разрывомъ шло христіанство, за христіанствомъ — вѣра въ цивилизацію, въ человѣчество. *Либерализмъ составляетъ послѣднюю религію*, но его церковь не другаго міра, а этого, его теодицея — политическое ученіе; онъ стоитъ на землѣ и не имѣетъ мистическихъ примиреній, ему надобно мириться въ самомъ дѣлѣ. Торжествующій и потомъ побитый либерализмъ раскрылъ разрывъ во всей наготѣ; болѣзненное сознаніе этого выражается ироніей современнаго человѣка, его скептицизмомъ, которымъ онъ мететъ осколки разбитыхъ кумировъ.

Ироніей высказывается досада, что истина логическая не одно и тоже съ истиной исторической, что, сверхъ діалектическаго развитія, она имѣетъ свое страстное и случайное развитіе, что, сверхъ своего разума, она имѣетъ свой романъ.

Разочарованья,*) въ нашемъ смыслѣ слова, до революціи не знали; XVIII столѣтіе было одно изъ самыхъ религіозныхъ временъ исторіи. Я уже не говорю о великомученикѣ С. Жюстѣ или объ апостолѣ Жанъ-Жакѣ; но развѣ папа Вольтеръ, благословлявшій Франклинова внука во имя Бога и Свободы, не былъ піэтистъ своей человѣческой религіей?

Скептицизмъ провозглашенъ вмѣстѣ съ республикой 22 Сентября 1792 года.

Якобинцы и вообще революціонеры принадлежали къ меньшинству, отдѣлившемуся отъ народной жизни развитіемъ: они составляли нѣчто въ родѣ свѣтскаго ду-

*) Вообще „нашъ“ скептицизмъ не былъ извѣстенъ въ прошломъ вѣкѣ, одинъ Дидро и Англія дѣлаютъ исключеніе. Въ Англіи скептицизмъ былъ съ давнихъ временъ дома, и Байронъ естественно идетъ за Шекспиромъ, Гоббсомъ и Юмомъ.

ховенства, готоваго пасти стада людскія. Они представляли *высшую* мысль своего времени, его *высшее*, но не *общее* сознаніе, не *мысль всѣхъ*.

У новаго духовенства не было понудительныхъ средствъ, ни фантастическихъ, ни насильственныхъ; съ той минуты, какъ власть выпала изъ ихъ рукъ, у нихъ было одно орудіе — убѣжденіе, но для убѣжденія недостаточно *правоты*, въ этомъ вся ошибка, а необходимо еще одно — *мозговое равенство*!

Пока длилась отчаянная борьба, при звукахъ святой пѣсни Гугенотовъ и святой Марсельезы, пока костры горѣли и кровь лилась, этого неравенства не замѣчали; но, наконецъ, тяжелое зданіе феодальной монархіи рухнулось, долго ломали стѣны, отбивали замки... еще ударъ—еще проломъ сдѣланъ—храбрые впередъ, ворота отперты—и толпа хлынула, только не та, которую ждали. Кто это такіе? Изъ какого вѣка? Это не спартанцы, не великій populus romanus. Davus sum, non Œdipus! Неотразимая волна грязи залила все. Въ террорѣ 93, 94 года выразился внутренній ужасъ якобинцевъ: они увидѣли страшную ошибку, хотѣли ее поправить гильотиной, но сколько ни рубили головъ, все таки склонили свою собственную передъ силою восходящаго общественнаго слоя. Все ему покорилось, онъ пересилилъ революцію и реакцію, онъ затопилъ старыя формы и наполнилъ ихъ собой, потому что онъ составлялъ единственное дѣятельное и современное большинство; Сіэсъ былъ больше правъ, чѣмъ думалъ, говоря, что *мѣщане*—„все“.

Мѣщане не были произведены революціей, они были готовы съ своими преданіями и нравами, чуждыми *на другой ладъ* революціонной идеи. Ихъ держала аристократія въ черномъ тѣлѣ и на третьемъ планѣ; осво-

божденные, они прошли по трупамъ освободителей и ввели свой порядокъ. Меньшинство было или раздавлено, или распустилось въ мѣщанство.

Нѣсколько человѣкъ каждаго поколѣнія оставались, вопреки событіямъ, упорными хранителями идеи; эти-то левиты, а можетъ астеки, несутъ несправедливую казнь за монополь исключительнаго развитія, за мозговое превосходство сытыхъ кастъ, кастъ досужихъ, имѣвшихъ время работать не одними мышцами.

Насъ сердитъ, выводитъ изъ себя нелѣпость, несправедливость этого факта. Какъ будто кто нибудь (кромѣ насъ самихъ) обѣщалъ, что все въ мірѣ будетъ изящно, справедливо и идти какъ по маслу. Довольно удивлялись мы отвлеченной премудрости природы и историческаго развитія, пора догадаться, что въ природѣ и исторіи много случайнаго, глупаго, неудавшагося, спутаннаго. Разумъ, мысль на концѣ—это заключеніе: все начинается тупостью новорожденнаго; возможность и стремленіе лежатъ въ немъ, но прежде чѣмъ онъ дойдетъ до развитія и сознанія, онъ подвергается ряду внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній, отклоненій остановокъ. У одного вода размягчитъ мозгъ, другой, падая, сплюснетъ его, оба останутся идіотами, третій не упадетъ, не умретъ скарлатиной — и сдѣлается поэтомъ, военачальникомъ, бандитомъ, судьей. Мы вообще въ природѣ, въ исторіи и въ жизни всего больше знаемъ удачи и успѣхи; мы теперь только начинаемъ чувствовать, что не все такъ хорошо подтасовано, какъ казалось, потому что мы сами неудача, *проигранная карта.*

Сознаніе безсилія идеи, отсутствія обязательной силы истины надъ дѣйствительнымъ міромъ, огорчаетъ насъ. Новаго рода манихеизмъ овладѣваетъ нами, мы готовы, par dépit, вѣрить въ разумное (т. е. намѣрен-

ное) зло, какъ вѣрили въ разумное добро,—это послѣдняя дань, которую мы платимъ идеализму.

Боль эта пройдетъ со временемъ, трагическій и страстный характеръ уляжется; ее почти нѣтъ въ *Новомъ* Свѣтѣ Соединенныхъ Штатовъ. Этотъ народъ молодой, предпріимчивый, болѣе дѣловой, чѣмъ умный, до того занятъ устройствомъ своего жилья, что вовсе не знаетъ нашихъ мучительныхъ болей. Тамъ сверхъ того нѣтъ и двухъ образованій. Лица составляющія слои въ тамошнемъ обществѣ, безпрестанно мѣняются, они подымаются, опускаются съ итогомъ credit и debit каждаго. Дюжая порода англійскихъ колонистовъ разростается страшно; если она возьметъ верхъ, люди съ ней не сдѣлаются счастливѣе, но будутъ довольнѣе. Довольство это будетъ плоше, бѣднѣе, суше того, которое носилось въ идеалахъ романтической Европы, но съ нимъ не будетъ ни царей, ни централизаціи, а можетъ не будетъ и голода. *Кто можетъ* совлечь съ себя стараго европейскаго Адама и переродиться въ новаго Іонатана, тотъ пусть ѣдетъ съ первымъ пароходомъ куда нибудь въ Висконсинъ или Канзасъ, тамъ навѣрно ему будетъ лучше, чѣмъ въ европейскомъ разложеніи.

Тѣ, которые *не могутъ*, тѣ останутся доживать свой вѣкъ, какъ образчики прекраснаго сна, которымъ дремало человѣчество. Они слишкомъ жили фантазіей и идеалами, чтобъ войти въ разумный американскій возрастъ.

Большой бѣды въ этомъ нѣтъ, насъ не много и мы скоро вымремъ!

Но какъ люди такъ развиваются вонъ изъ своей среды?..

Представьте себѣ оранжерейнаго юношу, хоть того, который описалъ себя въ the Dream; представьте его

себѣ лицемъ къ лицу съ самымъ скучнымъ, съ самымъ тяжелымъ обществомъ, лицемъ къ лицу съ уродливымъ минотавромъ англійской жизни, неловко спаеннымъ изъ двухъ животныхъ, одного дряхлаго, другаго по колѣна въ топкомъ болотѣ, разцавленнаго какъ Каріатида, постоянно натянутыя мышцы которой не даютъ ни капли крови мозгу. Еслибъ онъ умѣлъ приладиться къ той жизни, онъ вмѣсто того, чтобъ умереть за тридцать лѣтъ въ Греціи, былъ бы теперь Лордомъ Пальмерстономъ или Сиромъ Джономъ Росселемъ. Но такъ какъ онъ не могъ, то ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ съ своимъ Гарольдомъ говоритъ кораблю:—„Неси меня куда хочешь—только вдаль отъ родины“.

Но что же ждало его въ этой дали? Испанія, вырѣзываемая Наполеономъ, одичалая Греція, всеобщее воскрешеніе всѣхъ смердящихъ Лазарей послѣ 1814 года; отъ нихъ нельзя было спастись ни въ Равенѣ, ни въ Діодати. Байронъ не могъ удовлетвориться по нѣмецки теоріями sub specie eternitatis, ни по французски политической болтовней, и онъ сломился, но сломился какъ грозный Титанъ, бросая людямъ въ глаза свое презрѣніе, не золотя пилюли.

Разрывъ, который Байронъ чувствовалъ, какъ поэтъ и геній, сорокъ лѣтъ тому назадъ, послѣ ряда новыхъ испытаній, послѣ грязнаго перехода съ 1830 къ 1848 г. и гнуснаго съ 48 до сегодняшняго дня, поразилъ теперь многихъ. И мы, какъ Байронъ, не знаемъ куда дѣться, куда преклонить голову.

Реалистъ Гёте, такъ же какъ романтикъ Шиллеръ, этой разорванности не знали. Одинъ былъ слишкомъ религіозенъ, другой слишкомъ философъ. Оба могли примиряться въ отвлеченныхъ сферахъ. Когда „духъ отрицанья“ является такимъ шутникомъ, какъ Мефис-

тофель, тогда разрывъ еще не страшенъ; насмѣшливая и вѣчно противорѣчащая натура его еще расплывается въ высшей гармоніи и въ свое время прозвучитъ всему — sie ist gerettet. Не таковъ Люциферъ въ Каинѣ; это печальный Ангелъ тьмы, на его лбу тускло мерцаетъ звѣзда горькой думы, полнаго внутренняго распаденія, концы котораго не сведешь. Онъ не остритъ отрицаніемъ, не смѣшитъ дерзостью невѣрія, не манитъ чувственностью, не достаетъ ни наивныхъ дѣвочекъ, ни вина, ни бриллiантовъ, а спокойно влечетъ къ убійству тянетъ къ себѣ, къ преступленію—той непонятной силой, которой зоветъ человѣка въ иныя минуты стоячая вода, освѣщенная мѣсяцемъ, ничего не обѣщая въ безотрадныхъ, холодныхъ, мерцающихъ объятіяхъ своихъ, кромѣ смерти.

Ни Каинъ, ни Манфредъ, ни Донъ-Жуанъ, ни Байронъ не имѣютъ никакого вывода, никакой развязки, никакого „нравоученія“. Можетъ съ точки зрѣнія драматическаго искуства это и не идетъ, но въ этомъ-то и печать искренности и глубины разрыва. Эпилогъ Байрона, его послѣднее слово, если вы хотите, это the Darkness; вотъ результатъ жизни начавшейся со „Сна.“ Дорисуйте картину сами. Два врага, обезображенные голодомъ, умерли, ихъ съѣли какія нибудь ракобразныя животныя... корабль догниваетъ—смоленый канатъ качается себѣ по мутнымъ волнамъ въ темнотѣ, холодъ страшный, звѣри вымираютъ, исторія уже умерла, и мѣсто расчищено для новой жизни: наша эпоха зачислится въ четвертую формацію, т. е. если новый міръ дойдетъ до того, что съумѣетъ считать до четырехъ.

Наше историческое призваніе, наше дѣяніе въ томъ и состоитъ, что мы нашимъ разочарованіемъ, нашимъ страданіемъ доходимъ до смиренія и покорности передъ

истиной, и избавляемъ отъ этихъ скорбей слѣдующія поколѣнія. Нами человѣчество протрезвляется, мы его спохмѣлье, мы его боли родовъ. Если роды кончатся хорошо, все пойдетъ на пользу; но мы не должны забывать, что по дорогѣ можетъ умереть ребенокъ или мать, а можетъ и оба, и тогда — ну тогда исторія съ своимъ мормонизмомъ начнетъ новую беременность... E sempre bene, господа!

Мы знаемъ, какъ природа распоряжается съ личностями: послѣ, прежде, безъ жертвъ, на грудахъ труповъ — ей все равно, она продолжаетъ свое, или такъ продолжаетъ что попало — десятки тысячъ лѣтъ наноситъ какой-нибудь кораловый рифъ, всякую весну покидая смерти забѣжавшіе ряды. Полипы умираютъ, не подозрѣвая, что они служили *прогресу* рифа.

Чему нибудь послужимъ и мы. Войти въ будущее какъ элементъ не значитъ еще, что будущее исполнитъ наши идеалы. Римъ не исполнилъ ни Платонову республику, ни вообще греческій идеалъ. Средніе вѣка не были развитіемъ Рима. Современная мысль западная войдетъ, воплотится въ исторію, будетъ имѣть свое вліяніе и мѣсто, такъ какъ тѣло наше войдетъ въ составъ травы, барановъ, котлетъ, людей. Намъ не нравится это безсмертіе—что же съ этимъ дѣлать?

Теперь я привыкъ къ этимъ мыслямъ, онѣ уже не пугаютъ меня. Но въ концѣ 1849 года я былъ ошеломленъ ими, и не смотря на то, что каждое событіе, каждая встрѣча, каждое столкновеніе, лице—на перерывъ обрывали послѣдніе зеленые листья, я еще упрямо и судорожно искалъ *выхода*.

Оттого-то я теперь и цѣню такъ высоко мужественную мысль Байрона. Онъ видѣлъ, что *выхода нѣтъ*, и гордо высказалъ это.

Я былъ несчастенъ и смущенъ, когда эти мысли начали посѣщать меня; я всячески хотѣлъ бѣжать отъ нихъ..... я стучался какъ путникъ, потерявшій дорогу, какъ нищій во всѣ двери, останавливалъ встрѣчныхъ и распрашивалъ о дорогѣ, но каждая встрѣча и каждое событіе вели къ одному результату — къ *смиренію передъ истиной*, къ самоотверженному принятію ея.

... Три года тому назадъ я сидѣлъ у изголовья больной и видѣлъ, какъ смерть стягивала ее безжалостно шагъ за шагомъ въ могилу. Эта жизнь была все мое достояніе. Мгла стлалась около меня, я дичалъ въ тупомъ отчаяніи, но не тѣшилъ себя надеждами, не предалъ своей горести ни на минуту одуряющей мысли о свиданіи за гробомъ.

Такъ ужъ съ общими-то вопросами и подавно не стану кривить душой!

II

POST SCRIPTUM

Я знаю, что мое воззрѣніе на Европу встрѣтитъ у насъ дурной пріемъ. Мы, для утѣшенія себя, *хотимъ* другой Европы и вѣримъ въ нее такъ, какъ христіане вѣрятъ въ рай. Разрушать мечты вообще дѣло непріятное, но меня заставляетъ какая-то внутренняя сила, которой я не могу побѣдить, высказывать истину—даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она мнѣ вредна.

Мы вообще знаемъ Европу школьно, литературно, т. е. мы не знаемъ ее, а судимъ à livre ouvert, по книжкамъ и картинкамъ, такъ какъ дѣти судятъ по Orbis pictus о настоящемъ мірѣ, воображая, что всѣ

женщины на Сандвичевыхъ островахъ держутъ руки надъ головой съ какими-то бубнами, и что гдѣ есть голый негръ, тамъ непремѣнно, въ пяти шагахъ отъ него, стоитъ левъ съ растрепанной гривой или тигръ съ злыми глазами.

Наше *классическое* незнаніе западнаго человѣка надѣлаетъ много бѣдъ, изъ него еще разовьются племенныя ненависти и кровавыя столкновенія.

Во-первыхъ, намъ извѣстенъ только одинъ верхній, *образованный* слой Европы, который накрываетъ собой тяжелый фундаментъ народной жизни, сложившійся вѣками, выведенный инстинктомъ, по законамъ, мало извѣстнымъ въ самой Европѣ. Западное образованіе не проникаетъ въ эти циклопическія работы, которыми исторія приросла къ землѣ и граничитъ съ геологіей. Европейскія государства спаены изъ двухъ народовъ, особенности которыхъ поддерживаются совершенно розными воспитаніями. Восточнаго единства, вслѣдствіе котораго турокъ, подающій чубукъ, и турокъ, великій визирь, похожи другъ на друга, здѣсь нѣтъ. Массы сельскаго населенія, послѣ религіозныхъ войнъ и крестьянскихъ возстаній, не принимали никакого дѣйствительнаго участія въ событіяхъ; они ими увлекались на право или на лѣво, какъ нивы, не оставляя ни на минуту своей почвы.

Во-вторыхъ, и тотъ слой, который намъ знакомъ, съ которымъ мы входимъ въ соприкосновеніе, мы знаемъ исторически, несовременно. Поживши годъ, другой въ Европѣ, мы съ удивленіемъ видимъ, что вообще западные люди не соотвѣтствуютъ нашему понятію о нихъ, что они *гораздо ниже* его.

Въ идеалъ, составленный нами, входятъ элементы вѣрные, но или не существующіе болѣе, или совершен-

но измѣнившіеся. Рыцарская доблесть, изящество аристократическихъ нравовъ, строгая чинность протестантовъ, гордая независимость англичанъ, роскошная жизнь итальянскихъ художниковъ, искрящійся умъ энциклопедистовъ и мрачная энергія террористовъ — все это переплавилось и переродилось въ цѣлую совокупность другихъ господствующихъ нравовъ, *мѣщанскихъ*. Они составляютъ цѣлое, т. е. замкнутое, оконченное въ себѣ воззрѣніе на жизнь, съ своими преданіями и правилами, съ своимъ добромъ и зломъ, съ своими пріемами и съ своей нравственностью *нисшаго порядка*.

Какъ рыцарь былъ первообразъ міра феодальнаго, такъ купецъ сталъ первообразомъ новаго міра; господа замѣнились *хозяевами*. Купецъ самъ по себѣ лице стертое, промежуточное; посредникъ между однимъ, который производитъ, и другимъ, который потребляетъ, онъ представляетъ нѣчто въ родѣ дороги, повозки, средства.

Рыцарь былъ больше *онъ самъ*, больше *лице*, и берегъ, какъ понималъ свое достоинство, оттого-то онъ въ сущности и не зависѣлъ ни отъ богатства, ни отъ мѣста; его личность была главное; въ мѣщанинѣ личность прячется или не выступаетъ, потому что не она главное: главное товаръ, дѣло, вещь, главное *собственность*.

Рыцарь былъ страшная невѣжда, драчунъ, бретеръ, разбойникъ и монахъ, пьяница и піетистъ, но онъ былъ во всемъ открытъ и откровененъ: къ тому же онъ всегда готовъ былъ лечь костьми за то, что считалъ правымъ; у него было свое нравственное уложеніе, свой кодексъ чести, очень произвольный, но отъ котораго онъ не отступалъ безъ утраты собственнаго уваженія или уваженія равныхъ.

Купецъ человѣкъ мира, а не войны, упорно и настойчиво отстаивающій свои права, но слабый въ нападеніи; разсчетливый, скупой, онъ во всемъ видитъ торгъ и, какъ рыцарь, вступаетъ съ каждымъ встрѣчнымъ въ поединокъ, только мѣрится съ нимъ — *хитростью*. Его предки средневѣковые горожане, спасаясь отъ насилій и грабежа, принуждены были лукавить; они покупали покой и достояніе уклончивостью, скрытностью, сжимаясь, притворяясь, обуздывая себя. Его предки, держа шляпу и кланяясь въ поясъ, общитывали рыцаря: качая головой и вздыхая, говорили они сосѣдямъ о своей бѣдности, а между тѣмъ потихоньку зарывали деньги въ землю. Все это естественно перешло въ кровь и мозгъ потомства и сдѣлалось физіологическимъ признакомъ особаго вида людскаго — называемаго *среднимъ состояніемъ*.

Пока оно было въ несчастномъ положеніи и соединялось съ свѣтлой закраиной аристократіи для защиты своей вѣры, для завоеванія своихъ правъ, оно было исполнено величія и поэзіи. Но этого стало не на долго, и Санчо-Панса, завладѣвъ мѣстомъ и запросто развалясь на просторѣ, далъ себѣ полную волю и потерялъ свой народный юморъ, свой здравый смыслъ; вульгарная сторона его натуры взяла верхъ.

Подъ вліяніемъ мѣщанства все перемѣнилось въ Европѣ. Рыцарская честь замѣнилась бухгалтерской честностью, изящные нравы — нравами чинными, вѣжливость—чопорностью, гордость—обидчивостью, парки—огородами, дворцы — гостинницами, открытыми для *всѣхъ* (т. е. для всѣхъ имѣющихъ деньги).

Прежнія, устарѣлыя, но послѣдовательныя понятія объ отношеніяхъ между людьми были потрясены, но новаго сознанія *настоящихъ* отношеній между людьми

не было раскрыто. Хаотическій просторъ этотъ особенно способствовалъ развитію всѣхъ мелкихъ и дурныхъ сторонъ мѣщанства, подъ всемогущимъ вліяніемъ ничѣмъ необуздываемаго стяжанія.

Разберите моральныя правила, которыя въ ходу съ полвѣка, чего тутъ нѣтъ? Римскія понятія о государствѣ съ готическимъ раздѣленіемъ властей, протестантизмъ и политическая экономія, Salus populi и chacun pour soi, Брутъ и Ѳома Кемпійскій, Евангеліе и Бентамъ, приходорасходное счетоводство и Ж. Ж. Руссо. Съ такимъ сумбуромъ въ головѣ и съ магнитомъ, вѣчно притягиваемымъ къ золоту въ груди, не трудно было дойти до тѣхъ нелѣпостей, до которыхъ дошли передовыя страны Европы.

Вся нравственность свелась на то, что не-имущій долженъ всѣми средствами пріобрѣтать, а имущій хранить и увеличивать свою собственность; флагъ, который поднимаютъ на рынкѣ для открытія торга, сталъ хоругвію новаго общества. Человѣкъ de facto сдѣлался принадлежностью собственности; жизнь свелась на постоянную борьбу изъ за денегъ.

Политическій вопросъ съ 1830 года дѣлается исключительно вопросомъ мѣщанскимъ и вѣковая борьба высказывается страстями и влеченіями господствующаго состоянія. Жизнь свелась на биржевую игру, все превратилось въ мѣняльныя лавочки и рынки — редакція журналовъ, избирательныя собранія, камеры. Англичане до того привыкли все приводить къ лавочной номенклатурѣ, что называютъ свою старую англиканскую церковь—Old Shop.

Всѣ партіи и оттѣнки мало по малу раздѣлились въ мірѣ мѣщанскомъ на два главные стана: съ одной стороны мѣщане-собственники, упорно отказывающіеся по-

ступиться своими монополіями, съ другой — неимущіе *мѣщане*, которые хотятъ вырвать изъ ихъ рукъ ихъ достояніе, но не имѣютъ силы, т. е. съ одной стороны *скупость*, съ другой *зависть*. Такъ какъ дѣйствительно нравственнаго начала во всемъ этомъ нѣтъ, то и мѣсто лица въ той или другой сторонѣ опредѣляется внѣшними условіями состоянія, общественнаго положенія. Одна волна опозиціи за другой достигаетъ побѣды, т. е. собственности или мѣста, и естественно переходитъ со стороны зависти на сторону скупости. Для этого перехода ничего не можетъ быть лучше, какъ безплодная качка парламентскихъ преній—она даетъ движеніе и предѣлы, даетъ *видъ дѣла* и форму общихъ интересовъ, для достиженія своихъ личныхъ цѣлей.

Парламентское правленіе, не такъ какъ оно истекаетъ изъ народныхъ основъ англо-саксонскаго Common-law, а такъ какъ оно сложилось въ государственный законъ — самое колосальное бѣличье колесо въ мірѣ. Можно-ли величественнѣе стоять на одномъ и томъ-же мѣстѣ, придавая себѣ видъ торжественнаго марша, какъ оба англійскіе парламента?

Но въ этомъ-то сохраненіи вида и главное дѣло.

Во всемъ современно-европейскомъ глубоко лежатъ двѣ черты, явно идущія изъ за прилавка: съ одной стороны лицемѣріе и скрытность, съ другой—выставка и étalage. Продать товаръ лицемъ, купить за полцѣны, выдать дрянь за дѣло, форму за сущность, умолчать какое нибудь условіе, воспользоваться буквальнымъ смысломъ, *казаться* вмѣсто того, чтобъ *быть*, вести себя *прилично*. вмѣсто того, чтобъ вести себя *хорошо*, хранить внѣшній Respectabilitæt, вмѣсто внутренняго достоинства.

Въ этомъ мірѣ все до такой степени декорація, что

самое грубое невѣжество получило видъ образованія. Кто изъ насъ не останавливался, краснѣя, за невѣденіе западнаго общества (я здѣсь не говорю объ ученыхъ, а о людяхъ, составляющихъ то, что называется обществомъ)? Образованія теоретическаго, серьезнаго быть не можетъ; оно требуетъ слишкомъ много времени, слишкомъ отвлекаетъ отъ *дѣла*. Такъ какъ все, лежащее внѣ торговыхъ оборотовъ и „эксплоатаціи“ своего общественнаго положенія, не *существенно* въ мѣщанскомъ обществѣ, то ихъ образованіе и должно быть ограничено. Оттого происходитъ та нелѣпость и тяжесть ума, которую мы видимъ въ мѣщанахъ всякій разъ, какъ имъ приходится съѣзжать съ битой и торной дороги. Вообще, хитрость и лицемѣріе далеко не такъ умны и дальновидны, какъ воображаютъ; ихъ діаметръ бѣденъ и плаванье мелко.

Англичане это знаютъ, и потому не оставляютъ битыя колеи и выносятъ не только тяжелыя, но, хуже того, смѣшныя неудобства своего готизма, боясь всякой перемѣны.

Французскіе мѣщане не были такъ осторожны, и со всѣмъ своимъ лукавствомъ и двоедушіемъ оборвались въ имперію.

Увѣренные въ побѣдѣ, они провозгласили основой новаго государственнаго порядка *всеобщую подачу голосовъ*. Это ариѳметическое знамя было имъ симпатично, истина опредѣлялась сложеніемъ и вычитаніемъ, ее можно было прикидывать на счетахъ и мѣтить булавками.

И что же они подвергнули суду *всѣхъ голосовъ*, при современномъ состояніи общества? Вопросъ о существованіи республики. Они хотѣли ее убить народомъ, сдѣлать изъ нея пустое слово, потому что они не лю-

били ее. Кто уважаетъ истину,—пойдетъ ли тотъ спрашивать мнѣніе встрѣчнаго, поперечнаго? Что, еслибъ Колумбъ или Коперникъ пустили Америку и движеніе земли на голоса?

Хитро было придумано, а въ послѣдствіяхъ добряки обочлись.

Щель, сдѣлавшаяся между партеромъ и актерами, прикрытая сначала линючимъ ковромъ Ламартиновскаго краснорѣчія, дѣлалась больше и больше; іюньская кровь ее размыла, и тутъ-то раздраженному народу поставили вопросъ о президентѣ. Отвѣтомъ на него вышелъ изъ щели, протирая заспанные глаза, Людовикъ Наполеонъ, забравшій все въ руки, т. е. и мѣщанъ, которые воображали по старой памяти, что онъ будетъ *царствовать*, а они *править*.

То, что вы видите на большой сценѣ государственныхъ событій, то микроскопически повторяется у каждаго очага. Мѣщанское растлѣніе пробралось во всѣ тайники семейной и частной жизни. Никогда католицизмъ, никогда рыцарство не отпечатлѣвались такъ глубоко, такъ многосторонно на людяхъ какъ буржуазія.

Дворянство обязывало. Разумѣется, такъ какъ его права были долею фантастическія, то и обязанности были фантастическія, но онѣ дѣлали извѣстную круговую поруку между равными. Католицизмъ обязывалъ съ своей стороны еще больше. Рыцари и вѣрующіе часто не исполняли своихъ обязанностей, но сознаніе, что они тѣмъ нарушали ими самими признанный общественный союзъ, не позволяло имъ ни быть свободными въ отступленіяхъ, ни возводить въ норму своего поведенія. У нихъ была своя праздничная одежда, своя официальная постановка, которыя не были ложью, а скорѣй ихъ идеаломъ.

Намъ теперь дѣла нѣтъ до содержанія этого идеала. Ихъ процесъ рѣшенъ и давно проигранъ. Мы хотимъ только указать, что мѣщанство, напротивъ, ни къ чему не обязываетъ, ни даже къ военной службѣ, если только есть охотники, т. е. обязываетъ, per fas et nefas, имѣть собственность. Его евангеліе коротко: „Наживайся, умножай свой доходъ, какъ песокъ морской, пользуйся и злоупотребляй своимъ денежнымъ и нравственнымъ капиталомъ, не раззоряясь, и ты сыто и почетно достигнешь долголѣтія, женишь своихъ дѣтей и оставишь по себѣ хорошую память.“

Отрицаніе міра рыцарскаго и католическаго было необходимо и сдѣлалось не мѣщанами, а просто свободными людьми, т. е. людьми, отрѣшившимися отъ всякихъ гуртовыхъ опредѣленій. Тутъ были рыцари, какъ Ульрихъ фонъ Гутенъ, и дворяне, какъ Аруетъ Вольтеръ, ученики часовщиковъ, какъ Руссо, полковые лекаря, какъ Шиллеръ, и купеческія дѣти, какъ Гёте. Мѣщанство воспользовалось ихъ работой и явилось освобожденнымъ не только отъ царей, рабства, но и отъ всѣхъ общественныхъ тягъ, кромѣ складчины для найма, охраняющаго ихъ правительства.

Изъ протестантизма они сдѣлали *свою* религію, религію, примирявшую совѣсть христіанина съ занятіемъ ростовщика, религію до того мѣщанскую, что народъ, лившій кровь за нее, ее оставилъ. Въ Англіи *чернь* всего менѣе ходитъ въ церковь.

Изъ революціи они хотѣли сдѣлать *свою* республику, но она ускользнула изъ подъ ихъ пальца, такъ какъ античная цивилизація ускользнула отъ варваровъ, т. е. безъ мѣста въ настоящемъ, но съ надеждой на Instauratіonem magnam.

Реформація и революція были сами до того испуганы

пустотою міра, въ который они входили, что они искали спасенія въ двухъ монашествахъ: въ холодномъ, скучномъ ханженствѣ пуританизма и въ сухомъ, натянутомъ цивизмѣ республиканскаго формализма. Квакерская и якобинская нетерпимость были основаны на страхѣ, что ихъ почва не тверда; они видѣли, что имъ надобны были сильныя средства, чтобы увѣрить однихъ, что это церковь, другихъ, что это свобода.

Такова общая атмосфера европейской жизни. Она тяжелѣе и невыносимѣе тамъ, гдѣ современное западное состояніе наибольше развито, тамъ, гдѣ оно вѣрнѣе своимъ началамъ, гдѣ оно богаче, *образованнѣе*, т. е. промышленнѣе. И вотъ отчего гдѣ нибудь въ Италіи или въ Испаніи не такъ невыносимо удушливо жить какъ въ Англіи и во Франціи... И вотъ отчего горная, бѣдная, сельская Швейцарія — единственный клочекъ Европы, въ который можно удалиться съ миромъ.

Эти отрывки, напечатанные въ IV кн. „Полярной Звѣзды," оканчивались слѣдующимъ посвященіемъ, писаннымъ до *пріѣзда Огарева въ Лондонъ и до смерти Грановскаго:*

..... Прими сей черепъ — онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.
А. Пушкинъ.

На этомъ пока и остановимся. Когда нибудь я напечатаю выпущенныя главы и напишу другія, безъ которыхъ разсказъ мой останется непонятнымъ, усѣченнымъ, можетъ ненужнымъ, во всякомъ случаѣ будетъ не тѣмъ, чѣмъ я хотѣлъ, но все это послѣ, гораздо послѣ...

Теперь разстанемтесь, и на прощанье одно слово, къ вамъ, друзья юности.

Когда все было схоронено, когда даже шумъ, долею вызванный мною, долею самъ накликавшійся, улегся около меня и люди разошлись по домамъ, я приподнялъ голову и посмотрѣлъ вокругъ: живаго, роднаго не было ничего, кромѣ дѣтей. Побродивши между

посторонних, еще присмотрѣвшись къ нимъ, я пересталъ въ нихъ искать *своихъ* и отучился—не отъ людей, а отъ близости съ ними.

Правда, подъ часъ кажется, что еще есть въ груди чувства, слова, которыхъ жаль не высказать, которыя сдѣлали бы много добра, по крайней мѣрѣ отрады слушающему, и становится жаль, зачѣмъ все это должно заглохнуть и пропасть въ душѣ, какъ взглядъ разсѣевается и пропадаетъ въ пустой дали... но и это скорѣе догорающее зарево, отраженіе уходящаго прошедшаго.

Къ нему-то я и обернулся. Я оставилъ чужой мнѣ міръ и воротился къ вамъ; и вотъ мы съ вами живемъ второй годъ, какъ бывало, видаемся каждый день, и ничего не перемѣнилось, никто не отошелъ, не состарѣлся, никто не умеръ—и мнѣ такъ дома съ вами и такъ ясно, что у меня нѣтъ другой почвы—кромѣ нашей, другаго призванія—кромѣ того, на которое я себя обрекалъ съ дѣтскихъ лѣтъ.

Разсказъ мой о быломъ, можетъ, скученъ, слабъ,—но вы, друзья, примите его радушно; этотъ трудъ помогъ мнѣ пережить страшную эпоху, онъ меня вывелъ изъ празднаго отчаянія, въ которомъ я погибалъ, онъ меня воротилъ къ вамъ. Съ нимъ я вхожу не *весело, но спокойно* (какъ сказалъ поэтъ, котораго я безмѣрно люблю) въ мою зиму:

Lieta no... ma sicura! говоритъ Леопарди о смерти въ своемъ Ruysch e le sni mommie.

Такъ, безъ вашей воли, безъ вашего вѣдома, вы выручили меня, *—примите же сей черепъ—онъ вамъ принадлежитъ по праву.*

Jsle of Wight, Ventnor, 1 Октября 1855.

ГЛАВА XXXIX.

Деньги и Полиція. — Императоръ Джемсъ Ротшильдъ и Банкиръ Николай Романовъ. — Полиція и Деньги.

Въ Декабрѣ 1849 года я узналъ, что довѣренность на залогъ моего имѣнья, посланная изъ Парижа и засвидѣтельствованная въ посольствѣ, уничтожена, и что вслѣдъ за тѣмъ на капиталъ моей матери наложено запрещеніе. Терять времени было нечего, я, какъ уже сказалъ въ прошлой главѣ, бросилъ тотчасъ Женеву и поѣхалъ къ моей матери.

Глупо или притворно было бы въ наше время денежнаго неустройства пренебрегать состояніемъ. Деньги — независимость, сила, оружіе. А оружіе никто не бросаетъ во время войны, хотя бы оно и было непріятельское, даже ржавое. Рабство нищеты страшно, я изучилъ его во всѣхъ видахъ, живши годы съ людьми, которые спаслись, въ чемъ были, отъ политическихъ кораблекрушеній. Поэтому я считалъ справедливымъ и необходимымъ принять всѣ мѣры, чтобъ вырвать что можно изъ медвѣжьихъ лапъ русскаго правительсства.

Я и то чуть не потерялъ всего. Когда я ѣхалъ изъ Россіи, у меня не было никакого опредѣленнаго плана, я хотѣлъ только остаться до нѣльзя за границей. Пришла революція 1848 года и увлекла меня въ свой круговоротъ, прежде чѣмъ я что нибудь сдѣлалъ, для спасенія моего состоянія. Добрые люди винили меня за то, что я замѣшался, очертя голову, въ политическія движенія и предоставилъ на волю божью будущность семьи — можетъ, оно и было не совсѣмъ осторожно; но еслибъ, живши въ Римѣ въ 1848 году, я сидѣлъ дома и придумывалъ средства, какъ спасти свое имѣнье въ то время, какъ вспрянувшая Италія кипѣла предъ моими окнами, тогда я, вѣроятно, не остался бы въ чужихъ краяхъ, а поѣхалъ бы въ Петербургъ, снова вступилъ бы на службу, могъ бы быть „вице-губернаторомъ,“ за „оберъ-прокурорскимъ столомъ,“ и говорилъ бы своему секретарю „ты,“ а своему министру „Ваше Высокопревосходительство“!

Столько воздержности и благоразумія у меня не было, и теперь я стократно благословляю это. Бѣднѣе было бы сердце и память, еслибъ я пропустилъ тѣ свѣтлыя мгновенія вѣры и восторженности! Чѣмъ было бы выкуплено для меня лишеніе ихъ? да и что для

меня, чѣмъ было бы выкуплено для *той*, сломленная жизнь которой была потомъ однимъ страданіемъ, окончившимся могилой? Какъ горько упрекала бы меня совѣсть, что я изъ предусмотрительности укралъ у нея чуть-ли не послѣднія минуты невозмутимаго счастія! А потомъ, вѣдь главное я все-же сдѣлалъ — спасъ почти все достояніе, за исключеніемъ костромскаго имѣнія.

Послѣ Іюньскихъ дней мое положеніе становилось опаснѣе; я познакомился съ Ротшильдомъ и предложилъ ему размѣнять мнѣ два билета Московской сохранной казны. Дѣла тогда, разумѣется, не шли, курсъ былъ прескверный; условія его были невыгодны, но я тотчасъ согласился и имѣлъ удовольствіе видѣть легкую улыбку сожалѣнія на губахъ Ротшильда — онъ меня принялъ за безсчетнаго prince russe, задолжавшаго въ Парижѣ, и потому сталъ называть monsieur le comte.

По первымъ билетамъ деньги немедленно были уплачены; по слѣдующимъ, на гораздо значительнѣйшую сумму, уплата хотя и была сдѣлана, но корреспондентъ Ротшильда извѣщалъ его, что на мой капиталъ наложено запрещеніе — по-счастію его не было больше.

Такимъ образомъ, я очутился въ Парижѣ съ большой суммой денегъ, средь самаго смутнаго времени, безъ опытности и знанія, что съ ними дѣлать. И между тѣмъ все уладилось довольно хорошо. Вообще, чѣмъ меньше страстности въ финансовыхъ дѣлахъ, безпокойствія и тревоги, тѣмъ они легче удаются. Состоянія рушатся такъ-же часто у жадныхъ стяжателей и финансовыхъ трусовъ, какъ у мотовъ.

По совѣту Ротшильда я купилъ себѣ американскихъ бумагъ, нѣсколько французскихъ и небольшой домъ на

улицѣ Амстердамъ, занимаемый Гаврской гостинницей.

Одинъ изъ первыхъ революціонныхъ шаговъ моихъ, развязавшихъ меня съ Россіей, погрузилъ меня въ почтенное сословіе консервативныхъ тунеядцевъ, познакомилъ съ банкирами и нотаріусами, пріучилъ заглядывать въ биржевой курсъ, словомъ, сдѣлалъ меня западнымъ rentier. Разрывъ современнаго человѣка со средой, въ которой онъ живетъ — вноситъ страшный сумбуръ въ частное поведеніе. Мы въ самой серединѣ двухъ, мѣшающихъ другъ другу, потоковъ; насъ бросаетъ, и будетъ еще долго бросать, то въ ту, то въ другую сторону, до тѣхъ поръ, пока тотъ или другой окончательно не сломитъ, и потокъ еще безпокойный и бурный, но уже текущій въ одну сторону, не облегчитъ пловца, т. е. не унесетъ его съ собой.

Счастливъ тотъ, кто до этого умѣетъ такъ лавировать, что, уступая волнамъ и качаясь, все-же плыветъ въ *свою* сторону!

При покупкѣ дома я имѣлъ случай поближе взглянуть въ дѣловой и буржуазный міръ Франціи. Бюрократическій формализмъ при совершеніи купчей не уступитъ нашему. Старикъ нотаріусъ прочелъ мнѣ нѣсколько тетрадей, актъ о прочтеніи ихъ, main-levée, потомъ настоящій актъ — изъ всего составилась цѣлая книга in-folio. Въ послѣдній торгъ нашъ о цѣнѣ и расходахъ хозяинъ дома сказалъ, что онъ сдѣлаетъ уступку и возьметъ на себя весьма значительные расходы по купчей, если я немедленно заплачу ему самому всю сумму; я не понялъ его, потому что съ самаго начала объявилъ, что покупаю на чистыя деньги. Нотаріусъ объяснилъ мнѣ, что деньги должны остаться у него не крайней мѣрѣ три мѣсяца, въ продолженіе которыхъ сдѣлается публикація и вызовутся всѣ кре-

диторы, имѣющіе какія нибудь права на домъ. Домъ былъ заложенъ въ 70,000, но онъ могъ быть еще заложенъ и въ другія руки. Черезъ три мѣсяца, по собраніи справокъ, выдается покупщику purge hypothécaire, а прежнему хозяину вручаются деньги.

Хозяинъ увѣрялъ, что у него нѣтъ другихъ долговъ. Нотаріусъ подтверждалъ это. „Честное слово, сказалъ я ему, и вашу руку — у васъ другихъ долговъ нѣтъ, которые касались бы дома?

— Охотно даю его.

— Въ такомъ случаѣ я согласенъ, и явлюсь сюда завтра съ чекомъ Ротшильда.

Когда я на другой день пріѣхалъ къ Ротшильду, его секретарь всплеснулъ руками: „они васъ надуютъ! какъ это возможно, мы остановимъ, если хотите, продажу. Это неслыханное дѣло, покупать у незнакомаго на такихъ условіяхъ.“ „Хотите, я пошлю съ вами кого-нибудь разсмотрѣть это дѣло?“ — спросилъ самъ баронъ Джемсъ.

Такую роль недоросля мнѣ не хотѣлось играть, я сказалъ, что далъ слово, и взялъ чекъ на всю сумму. Когда я пріѣхалъ къ нотаріусу, тамъ, сверхъ свидѣтелей, былъ еще кредиторъ, пріѣхавшій получить свои 70,000 фр. Купчую перечитали, мы подписались, нотаріусъ поздравилъ меня парижскимъ домохозяиномъ, — оставалось вручить чекъ.

— Какая досада, сказалъ хозяинъ, взявши его изъ моихъ рукъ, я забылъ васъ попросить привезти два чека, какъ я теперь отдѣлю 70,000?

— Нѣтъ ничего легче, съѣздите къ Ротшильду, вамъ дадутъ два, или, еще проще, съѣздите въ банкъ.

— Пожалуй, я съѣзжу, сказалъ кредиторъ; хозяинъ

поморщился и отвѣтилъ, что это его дѣло, что онъ поѣдетъ.

Кредиторъ нахмурился. Нотаріусъ добродушно предложилъ имъ ѣхать вмѣстѣ.

Едва удерживаясь отъ смѣха, я имъ сказалъ: „Вотъ ваша записка, отдайте мнѣ чекъ, я съѣзжу и размѣняю его.“

— Вы насъ безконечно обяжете, сказали они, вздохнувъ отъ радости; и я поѣхалъ.

Черезъ четыре мѣсяца purge hypothécaire была мнѣ прислана, и я выигралъ тысячъ десять франковъ за мое опрометчивое довѣріе.

Послѣ 13 Іюня 1849 года, префектъ полиціи, Ребильо, что-то донесъ на меня; вѣроятно вслѣдствіе его доноса и были взяты петербургскимъ правительствомъ странныя мѣры противъ моего имѣнья. Онѣ-то, какъ я сказалъ, заставили меня ѣхать съ моей матерью въ Парижъ.

Мы отправились черезъ Невшатель и Безансонъ. Путешествіе наше началось съ того, что въ Бернѣ я забылъ на почтовомъ дворѣ свою шинель; такъ какъ на мнѣ былъ теплый пальто и теплыя калоши, то я и не воротился за ней. До горъ все шло хорошо, но въ горахъ насъ встрѣтилъ снѣгъ по колѣно, градусовъ восемь мороза и проклятая швейцарская биза. Дилижансъ не могъ идти, пасажировъ разсажали по два, по три въ небольшія пошевни. Я не помню, чтобъ я когда-нибудь страдалъ столько окъ холода, какъ въ эту ночь. Ногамъ было просто больно, я зарылъ ихъ въ солому, потомъ почталіонъ далъ мнѣ какой-то воротникъ, но и это мало помогло. На третьей станціи я купилъ у крестьянки ея шаль франковъ за 15 и завернулся въ

нее; но это было уже на съѣздѣ и съ каждой милей становилось теплѣе.

Дорога эта великолѣпно-хороша, съ французской стороны; обширный амфитеатръ громадныхъ и совершенно не похожихъ другъ на друга очертаніями горъ провожаетъ до самаго Безансона; кое-гдѣ на скалахъ виднѣются остатки укрѣпленныхъ рыцарскихъ замковъ. Въ этой природѣ есть что-то могучее и суровое, твердое и угрюмое; на нее-то глядя, росъ и складывался крестьянскій мальчикъ, потомокъ стараго сельскаго рода— Пьеръ Жозефъ Прудонъ. И дѣйствительно, о немъ можно сказать только въ другомъ смыслѣ, сказанное поэтомъ о флорентинцахъ:

E tiene ancor del monte et del macigno!

Ротшильдъ согласился принять билетъ моей матери, но не хотѣлъ платить впередъ, ссылаясь на письмо Гассера. Опекунскій совѣтъ дѣйствительно отказалъ въ уплатѣ. Тогда Ротшильдъ велѣлъ Гассеру потребовать ауденціи у Несельроде и спросить его, въ чемъ дѣло. Несельроде отвѣчалъ, что хотя въ билетахъ никакого сомнѣнія нѣтъ и искъ Ротшильда справедливъ, но что государь велѣлъ остановить капиталъ по причинамъ политическимъ и секретнымъ.

Я помню удивленіе въ Ротшильдовомъ бюро при полученіи этого отвѣта. Глазъ невольно искалъ подъ такимъ актомъ тавро Алариха или печать Чингисъ-Хана. Такой шутки Ротшильдъ не ждалъ даже и отъ такого извѣстнаго деспотическихъ-дѣлъ-мастера, какъ Николай. „Для меня, сказалъ я ему, мало удивительнаго въ томъ, что Николай, въ наказаніе мнѣ, хочетъ стянуть деньги моей матери, или меня поймать ими на удочку; но я не могъ себѣ представить, чтобъ ваше имя имѣ-

ло такъ мало вѣса въ Россіи. Билеты ваши, а не моей матери; подписываясь на нихъ, она ихъ передала предъявителю (au porteur), но съ тѣхъ поръ, какъ вы росписались на нихъ, этотъ porteur — *вы*,*) и вамъ-то нагло отвѣчаютъ: „деньги ваши, но баринъ платить не велѣлъ.“

Рѣчь моя удалась. Ротшильдъ сталъ сердиться и, ходя по комнатѣ говорилъ: „Нѣтъ, я съ собой шутить не позволю, я сдѣлаю процесъ ломбарду, я потребую категорическаго отвѣта у министра финансовъ!“

Ну, подумалъ я, этого уже Вронченко не пойметь. Хорошо еще „конфиденціальнаго,“ а то „категорическаго.“

— Вотъ вамъ образчикъ, какъ самодержавіе, на которое такъ надѣется реакція, фамильярно и sans gêne распоряжается съ собственностью. Казацкій комунизмъ чуть-ли не опаснѣе Луи-Блановскаго.

— Я подумаю, сказалъ Ротшильдъ, что дѣлать. Такъ нельзя оставить этого.

Дня черезъ три послѣ этого разговора я встрѣтилъ Ротшильда на бульварѣ. „Кстати, сказалъ онъ мнѣ, останавливая меня, я вчера говорилъ о вашемъ дѣлѣ съ Киселевымъ**) Я вамъ долженъ сказать, вы меня извините, онъ очень невыгоднаго мнѣнія о васъ и врядъли сдѣлаетъ что-нибудь въ вашу пользу.“

— Вы съ нимъ часто видаетесь?

— Иногда, на вечерахъ.

*) Подпись эта, endossement, дѣлается для пересылки, чтобы не посылать анонимный билетъ, по которому всякій можетъ получить деньги.

**) Это не П. Д. Киселевъ — бывшій впослѣдствіи въ Парижѣ, очень порядочный человѣкъ и извѣстный министръ государственныхъ имуществъ, а другой, переведенный въ Римъ.

— Сдѣлайте одолженіе, скажите ему, что вы сегодня видѣлись со мной, и что я самого дурнаго мнѣнія о немъ, но что съ тѣмъ вмѣстѣ никакъ не думаю, чтобъ за это было справедливо обокрасть его мать.

Ротшильдъ расхохотался; онъ, кажется, съ этихъ поръ сталъ догадываться, что я не prince russe, и уже называлъ меня *барономъ;* но это, я думаю, онъ для того поднималъ меня, чтобъ сдѣлать достойнымъ разговаривать съ нимъ.

На другой день онъ прислалъ за мной; я тотчасъ отправился. Онъ подалъ мнѣ не подписанное письмо къ Гассеру и прибавилъ: „Вотъ нашъ проэктъ письма, садитесь, прочтите его внимательно, и скажите, довольны-ли вы имъ; если хотите что прибавить или измѣнить, мы сейчасъ сдѣлаемъ. А мнѣ позвольте продолжать мои занятія.“

Сначала я осмотрѣлся. Каждую минуту отворялась небольшая дверь и входилъ одинъ биржевой агентъ за другимъ, громко говоря цифру; Ротшильдъ, продолжая читать, бормоталъ, не подымая глазъ: „да,—нѣтъ,—хорошо,—пожалуй,—довольно,“ и цифра уходила. Въ комнатѣ были разные господа, рядовые капиталисты, члены народнаго собранія, два - три истощенныхъ туриста съ молодыми усами на старыхъ щекахъ, эти вѣчныя лица, пьющія на водахъ — вино, представляющіяся ко дворамъ, слабые и лимфатическіе отпрыски, которыми изсякаютъ аристократическіе роды и которые туда-же суются отъ карточной игры къ биржевой. Всѣ они говорили между собой въ полголоса. Царь Іудейскій сидѣлъ спокойно за своимъ столомъ, смотрѣлъ бумаги, писалъ что-то на нихъ, вѣрно все милліоны, или, по крайней мѣрѣ, сотни тысячъ.

— Ну что, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, довольны?

— Совершенно, отвѣчалъ я.

Письмо было превосходно, рѣзко, настойчиво, какъ слѣдуетъ—когда власть говоритъ съ властью. Онъ писалъ Гассеру, чтобъ тотъ немедленно требовалъ ауді-енціи у Несельроде и у министра финансовъ, чтобъ онъ имъ сказалъ, что Ротшильдъ знать не хочетъ, кому принадлежали билеты, что онъ ихъ купилъ и требуетъ уплаты, или яснаго, законнаго изложенія, почему уплата остановлена, что, въ случаѣ отказа, онъ подвергнетъ дѣло обсужденію юрисконсультовъ и совѣтуетъ очень подумать о послѣдствіяхъ отказа, особенно страннаго въ то время, когда русское правительство хлопочетъ заключить черезъ него новый заемъ. Ротшильдъ заключалъ тѣмъ, что, въ случаѣ дальнѣйшихъ проволочекъ, онъ долженъ будетъ дать гласность этому дѣлу черезъ журналы, для предупрежденія другихъ капиталистовъ. Письмо это онъ рекомендовалъ Гассеру показать Несельроду . . . . . .

. . . . . .

Насъ перервали... Шомбургъ просилъ меня зайти черезъ полчаса.

Когда черезъ полчаса я входилъ на лѣстницу зимняго дворца финансовъ въ Rue Lafitte, съ нея сходилъ соперникъ Николая. „Мнѣ Шомбургъ говорилъ, сказало Его Величество, милостиво улыбаясь и высочайше протягивая собственную августѣйшую руку свою, письмо подписано и послано. Вы увидите, какъ они повернутся, я имъ покажу, какъ со мной шутить.“

... Я хотѣлъ стать на колѣни и принести, сверхъ благодарности, вѣрноподданническую присягу, но ограничился тѣмъ, что сказалъ: „Если вы совершенно увѣ-

рены, велите мнѣ открыть кредитъ хоть на половину всей суммы."

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ государь императоръ, и прослѣдовалъ въ улицу Лафитъ.

Я откланялся его величеству и, пользуясь близостію, пошелъ въ Maison d'Or.

Черезъ мѣсяцъ или полтора, тугой на уплату, петербургскій 1-ой гильдіи купецъ, Николай Романовъ, устрашенный конкурсомъ и опубликованіенъ въ вѣдомостяхъ, уплатилъ по высочайшему повелѣнію Ротшильда, незаконно задержанныя деньги съ процентами и процентами на проценты, оправдываясь невѣденіемъ законовъ, которыхъ онъ дѣйствительно не могъ знать по своему общественному положенію.

Съ тѣхъ поръ мы были съ Ротшильдомъ въ наилучшихъ отношеніяхъ; онъ любилъ во мнѣ поле сраженія, на которомъ онъ побилъ Николая, я былъ для него нѣчто въ родѣ Маренго или Аустерлица, и онъ нѣсколько разъ разсказывалъ при мнѣ подробности дѣла, слегка улыбаясь, но великодушно щадя побитаго противника.

Въ продолженіе моего процеса я жилъ въ отель Мирабо, rue de la Paix. Хлопоты по этому дѣлу заняли около полугода. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, однимъ утромъ говорятъ мнѣ, что какой-то господинъ дожидается меня въ залѣ и хочетъ непремѣнно видѣть. Я вышелъ, въ залѣ стояла какая-то подхалюзая, чиновническая, старая фигура.

— Комисаръ полиціи тьюльерійскаго квартала, такой-то.

— Очень радъ.

— Позвольте мнѣ прочесть вамъ декретъ министра

внутреннихъ дѣлъ, сообщенный мнѣ префектомъ полиціи и касающійся васъ.

— Сдѣлайте одолженіе, вотъ стулъ.

— „Мы префектъ полиціи:*)

„Взявъ въ соображеніе 7 пунктъ закона, 13 и 21 Ноября и 3 Декабря 1849 года, дающій министру внутреннихъ дѣлъ право высылать (expulser) изъ Франціи всякаго иностранца, присутствіе котораго во Франціи можетъ возмутить порядокъ и быть опаснымъ общественному спокойствію, и основываясь на министерскомъ циркулярѣ 3 Января 1850 года,

„Рѣшаемъ, что слѣдуетъ:

„Называемый (le N-é., т. е. nommé, но это не значитъ „вышеупомянутый," потому что прежде обо мнѣ не говорится, это только безграмотная попытка, какъ можно грубѣе обозначить человѣка) Герценъ, Александръ, 40 лѣтъ (два года прибавили), русскій подданный, живущій тамъ-то, обязанъ оставить немедленно Парижъ, по объявленіи сего, и наискорѣйшемъ времени выѣхать изъ предѣловъ Франціи.

„Воспрещается ему впредь возвращаться, подъ опасеніемъ наказаній, положенныхъ 8 пунктомъ того-же закона (тюремное заключеніе отъ одного мѣсяца до шести и денежный штрафъ).

„Всѣ мѣры будутъ приняты для удостовѣренія въ исполненіи сихъ распоряженій.

„Сдѣлано (Fait) въ Парижѣ, 16 Апрѣля 1850.

„Префектъ полиціи

А. Карлье.

„Скрѣпилъ общій Секретарь префектуры

Клеменъ Рейръ.

*) Перевожу слово въ слово.

На боку: „Читалъ и одобрилъ 19 Апрѣля 1850 г.
Министръ внутреннихъ дѣлъ
Ж. Барошъ.

„Лѣто тысяча восемсотъ пятидесятаго, Апрѣля двадцать четвертаго.

„Мы, Емилій Буллей, комисаръ полиціи города Парижа и *въ особенности* тьюльерійскаго отдѣленія, во исполненіе приказаній господина префекта полиціи отъ 23 Апрѣля:

„Объявили сударю (sieur) Александру Герцену, говоря ему, какъ сказано въ оригиналѣ.“ Тутъ слѣдуетъ весь текстъ опять. Въ томъ родѣ, какъ дѣти говорятъ сказку о бѣломъ быкѣ, повторая всякій разъ съ прибавкой одной фразы: „Сказать-ли вамъ сказку о бѣломъ быкѣ?

Далѣе: „Мы пригласили поименнованнаго (le dit) Герцена явиться въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ въ префектуру, для полученія паспорта и для назначенія границы, черезъ которую онъ выѣдетъ изъ Франціи.

„А чтобъ сказанный сударь Герценъ не отозвался невѣденіемъ (n'en prétende cause d'ignorance — каковъ языкъ), мы ему оставили *эту* копію сказаннаго рѣшенія вначалѣ сего настоящаго нашего протокола объявленія. — Nous lui avons laissé cette copie tant du dit arrêté en tête de cette présente de notre procès - verbal de notification.

Гдѣ мои вятскіе товарищи по канцеляріи Тюфяева, гдѣ Ардашовъ, писавшій за присѣстъ по десяти листовъ, Вепрёвъ, Штинъ и мой пьяненькій столоначальникъ? Какъ сердце ихъ должно возрадоваться, что въ Парижѣ, послѣ Вольтера, послѣ Бомарше, послѣ Ж. Сандъ и Гюго, пишутъ такъ бумаги? Да и не одинъ Вепревъ и

Штинъ должны радоваться, а и земскій моего отца, Василій Епифановъ, который, изъ глубокихъ соображеній учтивости, писалъ своему помѣщику: „Повелѣніе ваше по сей настоящей прошедшей почтѣ получилъ и по оной-же имѣю честь доложить...“

Можно-ли оставить камень на камнѣ этого глупаго, пошлаго зданія des us et coutumes, годнаго только для слѣпой и выжившей изъ ума старухи, какъ Ѳемида.

Чтеніе не произвело ожидаемаго дѣйствія; парижанинъ думаетъ, что высылка изъ Парижа равняется изгнанію Адама изъ рая, да и то еще безъ Евы — мнѣ, напротивъ, было все равно, и жизнь парижская уже начинала надоѣдать.

— Когда долженъ я явиться въ префектуру? — спросилъ я, придавая себѣ любезный видъ, не смотря на злобу, разбиравшую меня.

— Я совѣтую завтра, часовъ въ десять утра.

— Съ удовольствіемъ.

— Какъ нынѣшній годъ весна рано начинается, замѣтилъ комисаръ города Парижа и въ особенности тюльерійскій.

— Чрезвычайно.

— Это старинный отель, здѣсь обѣдывалъ Мирабо, оттого онъ такъ и называется; вы вѣрно были имъ очень довольны?

— Оченѣ. Вообразите же, каково съ нимъ разстаться такъ круто!

— Это дѣйствительно непріятно... хозяйка умная и прекрасная женщина — Mlle Кузенъ — была большой пріятельницей знаменитой Le Normand.

— Представьте себѣ! какъ досадно, что я этого не зналъ, можетъ она унаслѣдовала у нея искуство гадать и могла бы мнѣ предсказать billet doux Карлье.

— Ха, ха... мое дѣло вы знаете, позвольте пожелать.

— Помилуйте, всякое бываетъ, честь имѣю вамъ кланяться.

На другой день я явился въ знаменитую, больше чѣмъ сама Ленорманъ, улицу Jerusalem. Сначала меня принялъ какой-то шпіонствующій юноша, съ бородкой, усиками и со всѣми пріемами недоношеннаго фельетониста и неудавшагося демократа; лице его, взглядъ носили печать того утонченнаго растлѣнія души, того завистливаго голода наслажденій, власти, пріобрѣтеній, которыя я очень хорошо научился читать на западныхъ лицахъ, и котораго вовсе нѣтъ у англичанъ. Должно быть онъ еще недавно поступилъ на свое мѣсто, онъ еще наслаждался имъ, и потому говорилъ нѣсколько свысока. Онъ объявилъ мнѣ, что я долженъ ѣхать черезъ три дни, и что безъ особенно важныхъ причинъ отсрочить нельзя. Его дерзкое лице, его произношеніе и мимика были таковы, что, не вступая съ нимъ въ дальнѣйшія разсужденія, я поклонился ему и потомъ спросилъ, надѣвъ сперва шляпу, когда можно видѣть префекта.

— Префектъ принимаетъ только тѣхъ, кто у него письменно проситъ аудіенціи.

— Позвольте мнѣ написать сейчасъ.

Онъ позвонилъ, вошелъ старикъ huissier, съ цѣпью на груди; сказавъ ему съ важнымъ видомъ, „бумаги и перо этому господину“, юноша кивнулъ мнѣ головой.

Huissier повелъ меня въ другую комнату. Тамъ я написалъ Карлье, что желаю его видѣть, чтобъ объяснить ему, почему мнѣ надобно отсрочить мой отъѣздъ.

Въ тотъ же день вечеромъ я получилъ изъ префектуры лаконическій отвѣтъ: „Г. Префектъ готовъ принять такого-то завтра, въ два часа“.

Тотъ же самый противный юноша встрѣтилъ меня и на другой день: у него была особая комната, изъ чего я и заключилъ, что онъ нѣчто въ родѣ начальника отдѣленія. Начавши такъ рано и съ такимъ успѣхомъ карьеру, онъ далеко уйдетъ, если богъ продлитъ его животъ.

На сей разъ онъ привелъ меня въ большой кабинетъ; тамъ, за огромнымъ столомъ, на большихъ покойныхъ креслахъ сидѣлъ толстый, высокій, румяный господинъ—изъ тѣхъ, которымъ всегда бываетъ жарко, съ бѣлыми, откормленными, но рыхлыми мясами, съ толстыми, но тщательно выхоленными руками, съ шейнымъ платкомъ, сведеннымъ на минимумъ, съ безцвѣтными глазами, съ жовіальнымъ выраженіемъ. которое обыкновенно принадлежитъ людямъ, совершенно потонувшимъ въ любви къ своему благосостоянію, и которые могутъ подняться холодно и безъ большихъ усилій до чрезвычайныхъ злодѣйствъ.

— Вы желали видѣть префекта, сказалъ онъ мнѣ, но онъ извиняется передъ вами, очень нужное дѣло заставило его выѣхать, — если я могу сдѣлать вамъ чѣмъ нибудь что нибудь пріятное, я ничего лучшаго не прошу. Вотъ кресло, не угодно-ли?

Все это высказалъ онъ плавно, очень учтиво, нѣсколько щуря глаза и улыбаясь мясными подушечками, которыми были украшены его скулы. Ну, этотъ давно служитъ, подумалъ я.

— Вы вѣрно знаете, зачѣмъ я пришелъ. Онъ сдѣлалъ головою то тихое движеніе, которое дѣлаетъ всякій, начиная плавать, и не отвѣчалъ ничего.

— Мнѣ объявленъ приказъ ѣхать черезъ три дня. Такъ какъ я знаю, что министръ у васъ имѣетъ право высылать, не говоря причины и не дѣлая слѣдствія, то

я и не стану ни спрашивать, почему меня высылаютъ, ни защищаться; но у меня есть сверхъ собственнаго дома...

— Гдѣ вашъ домъ?

— 14, Rue Amsterdam..... очень серьезныя дѣла въ Парижѣ, мнѣ трудно ихъ оставить съ разу.

— Позвольте узнать, какія у васъ дѣла, по дому или....?

— Дѣла мои у Ротшильда, мнѣ приходится получить тысячъ четыреста франковъ.

— Какъ-съ?

— Съ небольшимъ сто тысячъ roubles argent.

— Это значительнаа сумма!

— C'est une somme ronde.

— Сколько времени вамъ нужно для окончанія вашего дѣла, спросилъ онъ, глядя на меня еще кротче, такъ какъ глядятъ на выставленные въ окнахъ фазаны съ трюфлями.

— Отъ мѣсяца до шести недѣль.

— Это ужасно много.

— Процесъ мой въ Россіи. Чуть-ли не по его милости я и оставляю Францію.

— Какъ такъ?

— Съ недѣлю тому назадъ Ротшильдъ мнѣ говорилъ что Киселевъ дурно обо мнѣ отзывался. Вѣроятно петербургскому правительству хочется замять дѣло, чтобъ о немъ не говорили; чай посолъ попросилъ по дружбѣ выслать меня вонъ.

— D'abord — замѣтилъ, принимая важный и проникнутый сильнымъ убѣжденіемъ видъ, обиженный патріотъ префектуры,—Франція не позволитъ ни одному правительству мѣшаться въ ея внутреннія дѣла. Я удивляюсь, какъ вамъ могла придти такая мысль въ го-

лову. Потомъ, что можетъ быть естественнѣе какъ право, которое взяло себѣ правительство, старающееся всѣми силами возвратить порядокъ страждущему народу, удалять изъ страны, въ которой столько горючихъ веществъ, иностранцевъ, употребляющихъ во зло то гостепріимство, которое она имъ даетъ.

Я рѣшился его добивать деньгами. Это было такъ-же вѣрно, какъ въ спорѣ съ католикомъ употреблять тексты изъ евангелія, а потому, улыбнувшись, я возразилъ ему: „За гостепріимство Парижа я заплатилъ сто тысячъ франковъ, и потому считалъ себя почти сквитавшимся“.

Это удалось еще лучше, чѣмъ моя somme ronde. Онъ сконфузился и, сказавъ, послѣ небольшой паузы: „Что намъ дѣлать, мы въ необходимости“, взялъ со стола мой досье. Это былъ второй томъ романа, первую часть котораго я видѣлъ когда-то въ рукахъ Дуббельта. Поглаживая листы, какъ добрыхъ коней, своей пухлой рукой: „Видите-ли“, приговаривалъ онъ, „ваши связи, участіе въ неблагонамѣренныхъ журналахъ (почти слово въ слово то же, что мнѣ говорилъ Сахтынскій въ 1840), наконецъ, значительныя subventions, которыя вы давали самымъ вреднымъ предпріятіямъ, заставили насъ прибѣгнуть къ мѣрѣ очень непріятной, но необходимой. Мѣра эта удивлять васъ не можетъ. Вы даже въ своемъ отечествѣ навлекли на себя политическія гоненія. Одинакія причины ведутъ къ одинакимъ послѣдствіямъ.“

— Я увѣренъ, сказалъ я, что самъ императоръ Николай не подозрѣваетъ этой солидарности; не можете-же вы въ самомъ дѣлѣ находить хорошимъ его управленіе.

— Un bon citoyen уважаетъ законы страны, какіе-бы они ни были*)...

— Вѣроятно это по тому знаменитому правилу, что все-же лучше, чтобъ была дурная погода, чѣмъ чтобъ совсѣмъ погоды не было.

— Но, чтобъ вамъ доказать, что русское правительство совершенно внѣ игры, я вамъ обѣщаю выхлопотать у префекта отсрочку на одинъ мѣсяцъ. Вы вѣрно не найдете страннымъ, если мы справимся у Ротшильда о вашемъ дѣлѣ, тутъ не столько сомнѣніе...

— Да сдѣлайте одолженіе, отчего же не справиться, мы въ войнѣ, и еслибъ мнѣ было полезно употребить военную хитрость, чтобъ остаться, неужели вы думаете, что я не употребилъ бы ее? —

Но свѣтскій и милый alter ego префекта не остался въ долгу. „Люди, которые такъ говорятъ, никогда не говорятъ неправды“.

Черезъ мѣсяцъ дѣло еще не было окончено; къ намъ ѣздилъ старикъ докторъ Пальмье, который всякую недѣлю имѣлъ удовольствіе дѣлать въ префектурѣ инспекторскій смотръ интересному классу парижанокъ. Давая такое количество свидѣтельствъ прекрасному полу въ здоровьѣ, я думалъ, что онъ не откажется написать мнѣ свидѣтельство въ болѣзни. Пальмье, разумѣется, былъ знакомъ со всѣми въ префектурѣ; онъ обѣщалъ мнѣ лично передать Х. исторію моего недуга. Къ крайнему удивленію, Пальмье пріѣхалъ безъ удовлетворительнаго отвѣта. Черта эта потому драгоцѣнна, что въ ней есть какое-то братственное сходство между русской и французской бюрократіей. Х. не давалъ отвѣта и вилялъ, обидѣвшись, что я не явился *лично* из-

*) Въ послѣдствіи профессоръ Чичеринъ, проповѣдывалъ что-то подобное въ московскомъ университетѣ.

вѣстить его о томъ, что я боленъ, въ постелѣ, и не могу встать. Дѣлать было нечего, я отправился на другой день въ префектуру пышащій здоровьемъ.

Х. съ большимъ участіемъ спросилъ меня о моей болѣзни. Такъ какъ я не полюбопытствовалъ прочитать, что написалъ докторъ, то мнѣ и пришлось выдумать болѣзнь. По счастію, я вспомнилъ Сазонова, который, при обильной тучности и неистощимомъ апетитѣ, жаловался на аневризмъ, — я сказалъ Х., что у меня болѣзнь въ сердцѣ и что дорога можетъ мнѣ быть очень вредна.

Х. пожалѣлъ, совѣтовалъ беречься, потомъ отправился въ сосѣднюю комнату и черезъ минуту вышелъ, говоря: „Вы можете остаться еще мѣсяцъ. Префектъ поручилъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ сказать вамъ, что онъ надѣется и желаетъ, чтобъ ваше здоровье понравилось въ продолженіе этого времени; ему было бы очень непріятно, еслибъ это было не такъ, потому что въ третій разъ онъ отсрочить не можетъ.“

Я понялъ это и приготовился выѣхать изъ Парижа около 20 Іюня.

Имя Х. встрѣтилось мнѣ еще разъ черезъ годъ. Патріотъ этотъ и bon citoyen безшумно удалился изъ Франціи, забывши отдать отчетъ тысячамъ небогатыхъ и бѣдныхъ людей, вкладчиковъ въ какую-то калифорнскую лотерею, дѣйствовавшую подъ покровительствомъ префектуры! Когда добрый гражданинъ увидѣлъ, что, при всемъ уваженіи къ законамъ своей родины, онъ можетъ попасть на галеры за faux, тогда онъ предпочелъ имъ пароходъ и уѣхалъ въ Геную. Это была натура цѣльная, нетерявшаяся отъ неудачъ. Онъ воспользовался извѣстностью, пріобрѣтенною исторіей калифорнской лотереи, и тотчасъ предложилъ свои услуги обществу

акціонеровъ, составлявшемуся около того времени въ Туринѣ для постройки желѣзныхъ дорогъ; видя столь надежнаго человѣка, общество поспѣшило принять его услуги.

Послѣдніе два мѣсяца, проведенные въ Парижѣ, были невыносимы. Я былъ буквально gardé à vue, письма приходили нагло подпечатанныя и днемъ позже. Куда бы я ни шелъ, издали слѣдовала за мной какая нибудь гнусная фигура, передавая меня на углу глазомъ другому.

Не надобно забывать, что это было время пущаго полицейскаго бѣшенства. Тупые консерваторы и революціонеры алжирски-ламартиновскаго толка помогали плутамъ и пройдохамъ, окружавшимъ Наполеона, и ему самому въ приготовленіи сѣтей шпіонства и надзора, чтобъ, растянувши ихъ на всю Францію, въ данную минуту поймать и задушить по телеграфу, изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и Elysée, всѣ дѣятельныя силы страны. Наполеонъ ловко воспользовался противъ нихъ самихъ врученнымъ ему орудіемъ. Второе Декабря — возведеніе полиціи не степень государственной власти.

Никогда нигдѣ не было такой политической полиціи, ни въ Австріи, ни въ Россіи, какъ во Франціи со временъ Конвента. На это, сверхъ особеннаго *національнаго* влеченія къ полиціи, есть много причинъ. Кромѣ Англіи, гдѣ полиція не имѣетъ ничего общаго съ континентальнымъ шпіонствомъ, полиція вездѣ окружена враждебными элементами и слѣдственно оставлена на свои силы. Во Франціи, напротивъ, полиція самое народное учрежденіе; какое бы правительство ни захватило власть въ руки, *полиція у него готова*, часть народонаселенія будетъ ему помогать съ фанатизмомъ и

увлеченіемъ, который надобно умѣрять, а не усиливать, и помогать, притомъ, всѣми страшными средствами частныхъ людей, которыя для полиціи невозможны. Куда скрыться отъ лавочника, дворника, портнаго, прачки, мясника, сестринаго мужа, братниной жены, особенно въ Парижѣ, гдѣ живутъ не особнякомъ, какъ въ Лондонѣ, а въ какихъ-то полипникахъ или ульяхъ, съ общей лѣстницей, съ общимъ дворомъ и дворникомъ?

Кондорсе ускользаетъ отъ якобинской полиціи и счастливо пробирается до какой-то деревни близъ границы; усталый и измученный, онъ входитъ въ харчевню, садится передъ огнемъ, грѣетъ себѣ руки и проситъ кусокъ курицы. Трактирщица, добродушная старушка, большая патріотка, разсуждаетъ такъ: „Онъ въ пыли, стало пришелъ *издалека*, онъ спросилъ курицы, стало у него есть *деньги*, руки у него бѣлыя, стало онъ *аристократъ*“. Поставивъ курицу въ печь, она идетъ въ другой кабакъ, тамъ засѣдаютъ патріоты, какой нибудь гражданинъ—Муцій Сцевола ликвористъ и гражданинъ—Брутъ, Тимолеонъ—портной. Тѣмъ того и надобно, и черезъ десять минутъ одинъ изъ умнѣйшихъ дѣятелей французской революціи въ тюрьмѣ и выданъ полиціи—свободы, равенства и братства!

Наполеонъ, имѣвшій въ высшей степени полицейскій талантъ, сдѣлалъ изъ своихъ генераловъ лазутчиковъ и доносчиковъ; палачъ Ліона Фуше основалъ цѣлую теорію, систему, науку шпіонства—черезъ префектовъ, помимо префектовъ, черезъ развратныхъ женщинъ и безпорочныхъ лавочницъ, черезъ слугъ и кучеровъ, черезъ лекарей и парикмахеровъ. Наполеонъ палъ, но оружіе осталось, и не только оружіе, но и оруженосецъ; Фуше перешелъ къ Бурбонамъ, сила шпіонства ничего не потеряла, напротивъ, увеличилась монахами,

попами. При Людовикѣ Филиппѣ, при которомъ подкупъ и нажива сдѣлались одной изъ нравственныхъ силъ правительства—половина мѣщанства сдѣлалась его лазутчиками, полицейскимъ хоромъ, къ чему особенно способствовала ихъ служба сама по себѣ полицейская—въ національной гвардіи.

Во время Февральской республики образовались три или четыре дѣйствительно тайныя полиціи и нѣсколько явно-тайныхъ. Была полиція Ледрю-Роллена и полиція Косидьера, была полиція Мараста и полиція временнаго правительства, была полиція порядка и полиція безпорядка, полиція Бонапарта и орлеанская полиція. Всѣ подсматривали, слѣдили другъ за другомъ и доносили; положимъ, что доносы дѣлались съ убѣжденіемъ, съ наилучшими цѣлями, безденежно, но все же это были доносы... Эта погубная привычка, встрѣтившись съ одной стороны съ печальными неудачами, а съ другой съ болѣзненной, необузданной жаждой денегъ и наслажденій, растлила цѣлое поколѣніе.

Не надобно забывать и то нравственное равнодушіе, ту шаткость мнѣній, которыя остались осадкомъ отъ перемежающихся революцій и реставрацій. Люди привыкли считать сегодня то за геропзмъ и добродѣтель, за что завтра посылаютъ въ каторжную работу; лавровый вѣнокъ и клеймо палача мѣнялись нѣсколько разъ на одной и той же головѣ. Когда къ этому привыкли, нація шпіоновъ была готова.

Всѣ послѣднія открытія тайныхъ обществъ, заговоровъ, всѣ доносы на выходцевъ сдѣланы фальшивыми членами, подкупленными друзьями, людьми, *сближавшимися* съ цѣлью предательства.

Вездѣ бывали примѣры, что трусы, боясь тюрьмы и ссылки, губятъ друзей, открываютъ тайны—такъ слабо-

душный товарищъ погубилъ Конарскаго. Но ни у насъ, ни въ Австріи нѣтъ этого легіона молодыхъ людей, образованныхъ, говорящихъ *нашимъ* языкомъ, произносящихъ вдохновенныя рѣчи въ клубахъ, пишущихъ революціонныя статейки и служащихъ шпіонами.

Къ тому-же правительство Бонапарта превосходно поставлено, чтобъ пользоваться доносчиками всѣхъ партій. Оно представляетъ революцію и реакцію, войну и миръ, 89 годъ и католицизмъ, паденіе Бурбоновъ и 4½ %. Ему служитъ и Фалу-іезуитъ, и Бильо-соціалистъ, и Ла-Рошъ Жакеленъ—легитимистъ, и бездна людей, облагодѣтельствованныхъ Людовикомъ Филипомъ. Растлѣнное всѣхъ партій и оттѣнковъ и естественно стекаетъ и бродитъ въ тюльерійскомъ дворцѣ.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Между четвертой и пятой частью 1
Вступленіе 3
Записки одного молодаго человѣка 6
Лициній и Вильямъ Пенъ (Scenario драматическихъ опытовъ). 91
Капризы и раздумье 81
Статьи полемическія 131
Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести . . 176

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Парижъ—Италія—Парижъ

1847—1852

Предисловіе 211

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ГЛАВА XXXIV. Потерянный пасъ.—Кенигсбергъ.—Собственноручный носъ.—Пріѣхали.—И уѣзжаемъ 212
ГЛАВА XXXV. Англичанинъ въ мѣховой куртке. — Герцогъ де Ноаль. — Свобода и ея бюстъ въ Марселѣ. — Аббатъ Сибуръ и всемірная республика въ Авиньонѣ 219
ЗАПАДНЫЕ АРАБЕСКИ. (Тетрадь первая) 228
ГЛАВА XXXVI. La Tribune des Peuples. — Мицкевичъ и Рамонъ-де-ла-Сагра.—Хористы революціи 13 Іюня 1849.—Холера въ Парижѣ.—Отъѣздъ. 252
ГЛАВА XXXVII. Вавилонское столпотвореніе. — Нѣмецкіе Umwælzungsmaener'ы, Французскіе красные горцы, Итальянскіе fuorusciti въ Женевѣ.—Маццини, Гарибальди, Орсини.—Романская и Германская традиція.—Прогулка на „Князѣ Радецкомъ“ 279
ГЛАВА XXXVIII.—Швейцарія.—Джемсъ Фази и рефюжье. — Monte-Rosa. 324
ЗАПАДНЫЕ АРАБЕСКИ. (тетрадь вторая). 352
ГЛАВА XXXIX. Деньги и полиція. — Императоръ Джемсъ Ротшильдъ и банкиръ Николай Романовъ. — Полиція и деньги 372